Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. А. Викторович

Ф. М. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873–1874)

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2019

УДК 81.161.1.09.″18″
ББК 83.3(2=411.2)52
В436

Издается при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ)
в рамках научного проекта № 17-04-00619-ОГН
(«Редакционный архив газеты-журнала “Гражданин” (1872–1879 гг.)»).

Рецензенты:

О. И. Сыромятников, доктор филологических наук;
А. В. Матюшкин, кандидат филологических наук

Викторович, Владимир Александрович.

В436 Ф. М. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873–1874) / В. А. Викторович ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2019. — 426 с.

ISBN 978-5-8021-3635-5

В монографии исследуется деятельность Ф. М. Достоевского в качестве редактора еженедельника «Гражданин» 1873–1874 гг. Выясняется позиция издания по наиболее острым вопросам современности, замысел Достоевского (журналистика «нравственных идей») и мера его воплощения. Аргументированная атрибуция практически всех публикаций данного периода позволяет обозначить зоны ответственности как авторов, так и редактора этого «органа людей с независимым убеждением».

УДК 81.161.1.09.″18″
ББК 83.3(2=411.2)52

© В. А. Викторович, 2019
© Петрозаводский государственный университет, 2019

ISBN 978-5-8021-3635-5

Оглавление

Предисловие 4

Глава 1. «Гражданин» накануне 8

Глава 2. «Дневник писателя»
в контексте газеты-журнала 36

Глава 3. Народ 75

Глава 4. Общество 98

Глава 5. Церковь 122

Глава 6. Школа 160

Глава 7. Иностранные события 189

Глава 8. Замысел и воплощение 213

Указатель содержания газеты-журнала «Гражданин»
1 января 1873 г. — 22 апреля 1874 г.
(с атрибуцией анонимных и псевдонимных текстов) 232

Примечания 307

Предисловие

20 декабря 1872 г. Достоевский был официально утвержден редактором еженедельной газеты «Гражданин»[*]. 20 апреля 1874 г. он оставил этот пост.

Между этими датами — 16 месяцев. Или, по-иному отсчету, 67 номеров еженедельника по два печатных листа каждый[**] (с 1 января 1873 по 15 апреля 1874 г.), подписанных: «Редактор-издатель Ф. М. Достоевский»[***]. Этот период биографии писателя до сих пор остается одним из самых неясных, поскольку его деятельность в качестве редактора «Гражданина» мы представляем пока очень фрагментарно.

За десять лет до этого в статье о М. М. Достоевском, редакторе «Времени» и «Эпохи», Ф. М. Достоевский написал практически о собственном видении этой профессии: «Если редактор действительно занимается сам своим журналом, то дух, цель, направление издания — всё исходит от него. Он мало-помалу неприметно окружает себя постоянными, согласными в убеждениях сотрудниками. Он, часто неприметно для самих сотрудников, наводит их на мысль писать именно о том, что надо журналу. От редактора исходит единство и целость журнала» (20: 123). Можно не сомневаться, что в «Гражданине» Достоевский следовал именно такой тактике

---

[*] На титуле — «газета-журнал политический и литературный», хотя в объявлениях — просто «журнал». Комбинированный титул, придуманный основоположником «Гражданина» князем В. П. Мещерским, должен был, вероятно, указывать на срединное положение между ежедневной газетой и ежемесячным журналом, хотя еженедельники (кроме иллюстрированных и сатирических журнальчиков) обычно называли себя газетами. Заявленный тип издания сразу же был осмеян как «гермафродит» (см.: *Голос*. 1872. 8 и 9 января), однако Мещерский не отступился от него.

[**] Таков был заданный и обговоренный с типографией объем (32 страницы формата «Гражданина»), но некоторые номера были чуть меньше, некоторые чуть больше.

[***] На самом деле Достоевский был только редактором, а фактическим издателем был князь В. П. Мещерский.

и стратегии. Ближайший из его сотрудников Н. Н. Страхов засвидетельствовал: «Читатели, которые вздумают перечесть “Гражданин” за этот год, тотчас увидят, как много старания и труда положено было на журнал его редактором. Заботливость была величайшая»[*].

Что значили для Достоевского эти 16 месяцев и что было «положено» в 67 номеров «Гражданина»? Ответ на данный вопрос волновал, надо признать, не так много исследователей: тех, кто «вздумал перечесть», отпугивал объем сырого материала, к тому же не проясненного по части авторства (анонимно или под псевдонимами печаталась, согласно принятым обычаям, львиная доля всех публикаций). Однако эти немногие исследователи делали-таки свое дело[**]. Большой вклад

---

[*] Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 299.

[**] Назовем пока некоторые работы, определившие историю вопроса: *Оксман Ю. Г.* Ф. М. Достоевский в редакции «Гражданина» (По неизданным материалам) // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921. Одесса, 1921. С. 63–82; *Виноградов В. В.* Из анонимного фельетонного наследия Достоевского // Исследования по поэтике и стилистике. Л., 1972. С. 185–211; *<Ветловская В. Е., Буданова Н. Ф.>* Примечания // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 527–544; *Туниманов В. А.* Об анонимном фельетонном наследии Ф. М. Достоевского в годы редактирования «Гражданина» // *Русская литература*. 1981. № 2. С. 169–174; *Битюгова И. А.* Достоевский — редактор стихотворений в «Гражданине» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 6. Л., 1985. С. 241–251; *Викторович В. А.* Достоевский и В. П. Мещерский (К вопросу об отношениях писателя с охранительным лагерем) // *Русская литература*. 1988. № 1. С. 205–216; *он же.* Достоевский. Коллективное. «Гражданин» как творчество редактора // *Неизвестный Достоевский*. 2015. № 4. С. 11–27 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453710211.pdf и http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453710926.pdf; *Зохраб И.* Редакторская деятельность Ф. М. Достоевского в журнале «Гражданин» и религиозно-нравственный контекст «Братьев Карамазовых» (К истории создания романа) // *Русская литература*. 1996. № 3. С. 55–77; *она же.* Попытка установления вклада Достоевского в редактирование статей сотрудников газеты-журнала «Гражданин» с учетом цензуры того времени: постановка проблемы // Достоевский и журнализм. СПб., 2013. С. 143–169; *Матюшкин А. В.* Достоевский и «Гражданин»: презумпции понимания // Культура: соблазны понимания: материалы

в «прояснение» «Гражданина» внесли мои коллеги Айрини Зохраб (Новая Зеландия), Александр Отливанчик (Белоруссия) и группа петрозаводских ученых, возглавляемая Владимиром Захаровым. В творческом общении с ними складывался и этот труд, за что я им с удовольствием выражаю свою признательность.

В настоящее время, пожалуй, наступила пора систематизации наших представлений о многогранной общественной активности «Гражданина», направляемой гением Достоевского. Настоящая монография складывалась в течение сорокалетних разысканий автора, в том числе атрибутивных, однако и она пока является неполным вариантом таковой систематизации. Мы рассчитываем подойти к более полному варианту в обозримом будущем (хотя, разумеется, работа по «раскрытию» «Гражданина» должна быть продолжена, в том числе новыми исследователями). Пока же мы стремились уяснить, как конкретно и в какой мере от редактора Достоевского «исходит единство и целость» еженедельника «Гражданин» 1873–1874 гг.

научно-теоретического семинара 24–27 марта 1999 г.: в 2 ч. Ч. 2. Петрозаводск, 1999. С. 115–122; *Отливанчик А. В.* Достоевский в период редактирования «Гражданина»: даты и документы (К уточнению вопроса) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 394–421; *он же.* Редакторские вставки Достоевского в статьях, опубликованных в «Гражданине» (1873–1874 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. 2016. № 2. С. 31–44 [Электронный ресурс]. http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449620.pdf; *Ведерников В. В.* К. П. Победоносцев — публицист «Гражданина» // *Победоносцев К. П.* «Будь тверд и мужествен…»: статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В. В. Ведерникова. СПб., 2010. С. 5–53.

Условные сокращения

Гр. — «Гражданин».

Достоевский, Мещерский. Переписка. — Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский. Переписка (1872–1880) / подг. текста Е. Н. Вяль, В. С. Зинковой, примечания Т. В. Панюковой, В. А. Викторовича // *Неизвестный Достоевский*. 2017. № 1. С. 35–119 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1492780937.pdf и http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1492779062.pdf

Летопись. — Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. Т. 2: 1865–1874 / сост. И. А. Битюгова (1866–1870), В. А. Викторович (1873–1874), Е. И. Кийко (1872), Т. И. Орнатская (1865, 1871). СПб., 1994.

Отливанчик. Гонорарная роспись. — *Отливанчик А. В.* Гонорарная роспись «Гражданина» (1873. №№ 23–39) как источник атрибуции анонимных и псевдонимных публикаций // *Неизвестный Достоевский*. 2016. № 3. С. 14–69 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1479813399.pdf и http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1479813482.pdf

* * *

В тексте в круглых скобках с указанием номера тома и страницы даются ссылки на издание: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990.

Статьи «Гражданина» (1 января 1873 — 22 апреля 1874) доступны на сайте: http://philolog.petrsu.ru/fmdost/grajdanin.html

Глава 1. «Гражданин» накануне

Представитель древнего княжеского рода Владимир Петрович Мещерский (1839–1914) к началу 1870-х гг. приобрел некоторую известность в русской печати как публицист[*]. В позднейших мемуарах князь указывал, что осенью 1871 г. он «начал серьезно собираться издавать журнал “Гражданин”»[**]. Очевидно, произошло это значительно раньше. Сохранилось письмо Мещерского к лидеру славянофильствующего купечества Ф. В. Чижову от 16 февраля 1871 г., где князь излагает программу намечаемого издания (газета «русской» партии) и просит субсидию у московских купцов. «…Главная мысль газеты — твердая, ловкая и остроумная (безусловно) борьба с космополитизмом Петербурга <…>. Доказывать и постоянно доказывать, что Россия и Русские способны к самодеятельности…»[***]. В Москве Мещерский нашел горячее сочувствие у ветерана «русской партии» историка и публициста М. П. Погодина, который стал активным автором и пропагандистом «Гражданина». Действуя в том же патриотическом направлении, князь сумел заинтересовать в новом издании Ф. И. Тютчева и А. Н. Майкова. В письме к последнему от 27 апреля

---

[*] Из всех публикаций стоит выделить ценимые самим автором сатирические заметки, печатавшиеся в «Московских ведомостях» (1870) и в «Русском вестнике» (1871. № 4) за подписью «Русский гражданин». Очевидно, этот псевдоним князя и дал название будущему его изданию.

[**] *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. М., 2003. С. 371.

[***] РГБ. Ф. 332.40.18. Л. 1 об. Чижов тогда отказался помогать новому петербургскому изданию. В особенности он не согласился с двумя пунктами предложенной Мещерским программы: «Вы всё выгораживаете газету от правительственных преследований, — нам это как-то странно. Газета у нас была бы нашим органом, честным, искренним — какое нам дело искажать ее заботами о том, что нравится правительству <…>. Не вполне мы согласны с Вами и в отношении немцев. Мы, правда, не чувствуем к ним особого благорасположения, но давить их и теснить считаем так же не законным, как давить и теснить каждого» (РГБ. Ф. 332.10.46. Л. 1 об.–2). Мещерский вновь писал Чижову 13 ноября 1871 г., прося совета «нашему “Гражданину”» (РГБ. Ф. 332.40.18. Л. 3), что позволяет предположить, что какую-то поддержку Чижов все-таки оказал.

1871 г. мы находим первое упоминание «сред» Мещерского, на которых формировался костяк будущего журнала и в которых вскоре примет активное участие Ф. М. Достоевский (вернувшийся из-за границы в начале июля 1871 г.): «С прошлой среды пытаюсь устраивать у себя маленький кружок пишущих в единомыслии людей, с целью читать, слушать, беседовать и пить чай, а главное, с целью объединения нас всех, так чуждых друг другу, так блуждающих врознь, и так нуждающихся в взаимном общении…»[*].

Объединительная интенция Мещерского была направлена не только в сторону консервативного крыла. Он обращается за поддержкой к известному своими педагогическими инициативами Н. А. Корфу[**], невзирая на его либеральные наклонности, а также к ярчайшему публицисту и земскому деятелю А. И. Васильчикову[***]. Он зазывает ведущих писателей: Л. Н. Толстого[****], Н. С. Лескова, А. Н. Островского[*****], И. С. Тургенева. О последнем следует сказать особо.

---

[*] ИРЛИ. № 16868. Л. 1–1 об.

[**] См.: Барон Николай Александрович Корф в письмах к нему разных лиц. II // *Русская старина*. 1894. № 5. С. 129–130; письмо от 7 августа 1871 г. В начале 1872 г. Н. А. Корф, уехавший тогда в Швейцарию, присылает корреспонденции в «Гражданин» (№ 2, 7, 9), подписываясь криптонимом «А.» (см.: *А.* Женева // *Гр.* 1872. 10 января. № 2. С. 61–63; *А.* Швейцарская государственная реформа // *Гр.* 1872. 14 февраля. № 7. С. 236–239; *А.* Народное образование в Швейцарии // *Гр.* 1872. 28 февраля. № 9. С. 311–314).

[***] Письмо Мещерского к Васильчикову 1871 г.: РГИА. Ф. 651.1.616. Л. 1–4 об.

[****] Письмо Мещерского Толстому не сохранилось, но его смысл восстанавливается по ответному (очевидно, не отправленному) письму от 22 августа 1871 г., в котором писатель вежливо отказался от участия в «Гражданине» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 61. М., 1953. С. 257–258).

[*****] Есть серьезные основания полагать, что Мещерский делал попытки привлечь А. Н. Островского к своему изданию. Так, в письме к М. П. Погодину 17 февраля 1872 г. он приглашает его «присоединиться к нам, празднующим двадцатипятилетний юбилей А. Островского, единственного таланта нашей драматической литературы» (РГАЛИ. Ф. 373.1.235. Л. 1). Остроту этой инициативе придавало неприязненное отношение к драматургу бюрократических верхов: 8 февраля министр двора отклонил

В письме к Тургеневу от 14 (26) октября 1871 г. Мещерский так излагал программу будущего «Гражданина»: «В области политики изучать свое государство и общество, в области литературы воздвигать опрокинутые алтари искусства и серьезной критики, в приемах издания — не ругаться ни в каком виде и ни под каким предлогом, и, наконец, во всех областях — уважать всякое мнение и относиться к нему беспристрастно, вот основные начала задуманного и осуществленного мною издания, вокруг которого медленно начинают группироваться чистые и честные люди»*.

К письму было приложено объявление об издании «Гражданина», в котором утверждалось:

> «Мы сделаем всё возможное для того, чтобы издание наше обставлено было даровитыми и надежными силами, по всем входящим в его состав отделам. <…>
>
> 1) **Всякое серьезное мнение, всякие добросовестные исследования о вопросах общественной жизни найдут себе у нас место**; но за собою мы оставляем столько же свободы критики, сколько предоставляем свободы высказываться.
>
> 2) **Внутренняя наша жизнь, во всех ее слоях, будет главным предметом нашего внимания**. В нас самих, в зародыше нашей духовной жизни, лежит та сила, от развития которой зависит всё наше будущее. Стоя среди этой жизни, мы будем в состоянии видеть ее светлые и прекрасные стороны отчетливее и ярче; мы увидим также, что слабые ее стороны серьезнее и опаснее, чем мы вообще привыкли думать, и что говорить

ходатайство о назначении Островскому пенсии в связи с 25-летием его творческой деятельности. 21 февраля 1872 г. Мещерский печатает в «Гражданине» статью «Двадцатипятилетний юбилей А. Н. Островского и его “Дмитрий Самозванец” на петербургской сцене», где особо отмечает, что юбиляр пребывает «вне кружка, вне партии, вне модных идей» (*Гр.* 1872. 21 февраля. № 8. С. 274). 15 июня 1872 г. Мещерский настойчиво зазывает приехавшего в Петербург драматурга к себе на «скромный пир» в кругу «нескольких приятелей Ваших и моих», при этом называя себя «внуком Карамзина», «глубоко искренним ценителем Вашего таланта» и — «Гражданином» (Неизданные письма к А. Н. Островскому: из архива А. Н. Островского. М.; Л., 1932. С. 223).

* ИРЛИ. № 5759. Л. 1 об.

о них следует не с желчью, не с злобой, но с любовью и состраданием…

<…> **мы будем неизменно твердо презирать всё то, что похоже на заискиванье популярности** или поклонение тому, что в области литературной принято называть "модными идеями". Опираясь на историю цивилизации всего образованного мира и 10 столетий нашей исторической жизни, мы других авторитетов признавать не будем, ни в каких случаях и ни в каких вопросах»[*].

Объявление и письмо с патетической торжественностью соединяют стилистические неловкости («в зародыше нашей духовной жизни», «стоя среди этой жизни», «твердо презирать»), которые могли покоробить чуткое ухо Тургенева. Да и программные абстрактно-широковещательные заявления («опираясь на историю цивилизации всего образованного мира»), соединенные с наивным превознесением («чистые и честные люди»), вряд ли вызвали у адресата желаемое «доверие и расположение».

Что же касается политической ориентации будущего органа, бросается в глаза, что «внук Карамзина» рассчитывал на некую внепартийность Тургенева, что отдавало преданьем старинного либерализма в духе знаменитого деда автора, как и сама джентльменская установка планируемого издания «уважать всякое мнение и относиться к нему беспристрастно».

Ответ Тургенева на «моление» Мещерского неизвестен; скорее всего, он ничего не обещал. Однако уже первые номера еженедельника настроили его на воинственный лад. 11 (23) февраля 1872 г. он пишет П. В. Анненкову: «Но, помилуйте, что это за статья в "Гражданине" по поводу г-жи Шнейдер и "Герцогини Герольштейнской"?! Этот кн. Мещерский, ведь *это* — Магницкий redivivus[**]!»[***] Тургенева возмутила

---

[*] Программа эта, под названием «Объявление журнала Гражданин», предваряла первый номер «Гражданина» 1872 г.

[**] воскресший (*лат.*).

[***] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 11. 2-е изд., испр. и доп. М., 1999. С. 213

статья «У театра Буфф» (*Гр.* 1872. 31 января. № 5. С. 183–184; за подписью «М.»), в которой Мещерский заявлял, что опера-буфф Ж. Оффенбаха «Великая герцогиня Герольштейнская» (в России — под названием «Сабля моего отца»), шедшая с большим успехом во время гастролей в Петербурге французской певицы Шнейдер, «оскорбительна для всякого русского», поскольку смеющийся над всем и вся Оффенбах в данном случае потешался над Екатериной II и вообще над «патриотизмом и военной доблестью». Такая пьеса, утверждает некий сочувственно процитированный автором зритель, может за десять лет развратить всю Русь (точно так же на родине композитора, недавно еще столь популярного, правые круги обвинили его в глумлении над монархией, религией, армией, что, по мнению обвинителей, способствовало позорному поражению Франции в войне с Пруссией). В отличие от Щедрина, также высмеивавшего увлечение «Шнейдершей» («Дневник провинциала в Петербурге», «Благонамеренные речи»), сатира Мещерского была направлена на происходящее, как ему казалось, расшатывание «основ» и «краеугольных камней». Морализаторство князя подняла на смех русская пресса, но стоит услышать и независимый голос А. К. Толстого: «Его православию я не сочувствую, ниже русопетству, но разделяю вполне его взгляд на Оффенбаха и на акциз»[*]. Под «акцизом» подразумевалась винная торговля, поддерживающая государственный бюджет: «Гражданин» призывал незамедлительно остановить спаивание народа. Для Толстого, как и для Мещерского, безудержный оффенбаховский «канкан» (забава «нигилистов в белых перчатках», по выражению князя) и народное пьянство были симптомами морального разложения. В Пруссии и Англии, утверждал Мещерский в последующей статье, канканное увеселение — всего лишь «местная болезнь», вызывающая противодействие общества, а в России и во Франции соблазн распространяется всё дальше и глубже, не

[*] *Толстой А. К.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1964. С. 394.

вызывая сопротивления: «У нас, увы, мы еще не видали протестов общества во имя религии и нравственности…»[*].

С тех пор в своих письмах в Россию из Франции Тургенев не устает разоблачать новоявленного «Иеремию» (как прозвал Мещерского Всеволод Крестовский в ходовой эпиграмме)[**]. Так, 24 февраля (7 марта) 1872 г. он выговаривает А. А. Фету: «…республиканское заглавие нового петербургского журнала "*Гражданин*" соблазнило Вас, и Вы посвятили ему свои задушевные излияния, не подозревая того, что Ваша драгоценная влага попадает в простой… урыльник, каким несомненно должен быть признан вышереченный "Гражданин"»[***]. 2 (14) марта он внушает уже Я. П. Полонскому: «…Что же касается до "Гражданина" самого кн. Мещерского — то это, без сомнения, самый зловонный журналец из всех ныне на Руси выходящих. Он мне его посылает. Предсказываю ему (журналу, не Мещерскому) скорое околение — и не насильственной смертью»[****]. Писатель поторопился: издание умерло вместе с издателем через 42 года, сыграв весьма заметную роль в истории русской журналистики. Да и сам Тургенев спустя три года после своего пророчества просил своего корреспондента в России подписать его на «Гражданин» (правда, скрытно, на чужое имя): «Действительно — надо следить и за этим»[*****].

Тургенев объяснялся и с самим издателем. Об этом эпизоде мы узнаем из мартовского (1872) письма Б. М. Маркевича М. Н. Каткову: «Мещерский получил от Тургенева письмо, в котором сей ругает оного не за его безграмотность, а за

---

[*] <*Мещерский В. П.*> Ответ судьям нашей последней статьи // *Гр.* 1872. 14 февраля. № 7. С. 229.

[**] Из эпиграммы Вс. Крестовского: «Погибает вся Россия / В оффенбаховщине мерзкой. / Лишь один Иеремия / Остается — князь М<ещер>ский» (РНБ. Ф. 236.174. Л. 59. Ср. вариант: *Русский библиограф.* 1913. № 7. С. 85).

[***] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 11. М., 1999. С. 216.

[****] Там же. С. 222.

[*****] Письмо И. С. Тургенева А. В. Топорову от 5 (17) февраля 1875 г. // *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 14. М., 2003. С. 27.

“отсталость” его направления, с которым, мол, никакой порядочный человек помириться не в состоянии. “Санкт-Петерб<ургские> ведомости” — вот Европа, по мнению седовласого нигилиста нашего, а Азия — всё, что не “С<анкт>-П<етер>б<ургские> вед<омости>” и не “Вестник Европы”»[*].

Итак, «отсталость направления», «урыльник», «зловонный журналец», нетерпимый в порядочном обществе. И это об издании, которое через год возьмет под свое крыло (в качестве редактора) Ф. М. Достоевский!

* * *

Первые номера «Гражданина» 1872 г. возвестили читающей России о явлении органа просвещенного консерватизма, близкого, но не совпадающего с «секущим» направлением «Московских ведомостей» М. Н. Каткова. Кое в чем позиция Мещерского могла быть даже названа либеральной в первичном значении этого слова. Так, «Гражданин» с самого начала отстаивал фундаментальную ценность свободы слова и печати вопреки правительственному ужесточению цензурных правил. Более того, Мещерский предполагал сделать новый орган местом свободного обсуждения общественных проблем, и это когда Катков непреклонно выступал адептом исключительно однополярной журналистики: «Газета — дело очень хорошее; в ней всегда может быть сказано более или менее дельное слово. Но что она за арена для обсуждения вопросов? <…> Печать становится полезной силой в обсуждении общественных вопросов не иначе, как служа непосредственным отражением мнений и желаний самого общества или его законных представителей. Только примыкая к чему-либо, печать может нормально способствовать ходу важных дел, которыми занимается правительство в видах удовлетворения желаний и потребностей страны»[**]. Вопреки этой безальтернативной установке, «Гражданин» предоставлял место на своих страницах не согласным с ним, разумеется, тут же

[*] РГБ. Ф. 120.32. Л. 125 об.

[**] *Московские ведомости.* 1863. 14 сентября. С. 1.

вступая в полемику. Эта редакционная политика была поддержана затем во время редакторства Ф. М. Достоевского.

Так что же вызвало крайне односторонние суждения о «Гражданине» либерально мыслящего Тургенева? Дело в том, что он лишь разделил яростно-бескомпромиссную реакцию на появление нового органа в тогдашних российских СМИ. Самое большое возмущение собратьев по перу вызвала статья Мещерского «Вперед или назад». Всеобщий либеральный хор на разные лады пересмеивал одну лишь фразу гражданинской передовицы: «К реформам основным надо поставить точку…»[*]. Как позднее писал в своих мемуарах создатель «Гражданина»: «С этим словом <точка> всё для меня кончилось как будущность, и анафема надо мною произнесена была полная»[**]. Мещерский навеки обрел несмываемое клеймо «князь-точка». Следует признать, что ставшая знаменитой фраза была вырвана из контекста — сей прием полемики вечен, как сама полемика, а в рассматриваемый период был особенно в ходу у «прогрессивной» журналистики.

Если взглянуть на сам по себе текст вне предвзятых партийных установок, можно увидеть, что князь-публицист попытался ответить на «роковой вопрос» о реальных последствиях реформ, вставший перед русским обществом через десятилетие после их начала и вынесенный на обсуждение в самой первой публикации первого выпуска нового еженедельника: «…не слишком ли много мы ушли вперед, не надо ли идти назад…»[***]. Мещерский при этом осознавал опасность метания между крайностями. «Лихорадочно скачущие вперед создают упорно оттягивающих назад: и те и другие вне истины, вне России», поэтому его ответ: идти непременно вперед, но «тихо, стройно и в неразрывном, органическом общении правительства с народом»[****]. Этот-то классически консервативный тезис и вызвал обвал критики либеральной.

---

[*] *Мещерский В., кн.* Вперед или назад // *Гр.* 1872. 10 января. № 2. С. 42.

[**] *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. С. 378.

[***] <*Мещерский В. П.*> 1871-й год для России // *Гр.* 1872. 3 января. № 1. С. 2.

[****] *Мещерский В., кн.* Вперед или назад // *Гр.* 1872. 10 января. № 2. С. 42.

Поставим, наконец, «криминальную» фразу в ее контекст: «К реформам основным надо поставить точку, ибо нужна пауза, пауза для того, чтобы дать жизни сложиться, дать жизни создать душу и формы для народного образования, дать этому народному образованию вырасти<ть> людей, не колеблющихся и не сомневающихся, и дат<ь> этим людям создать из себя силы для общества и правительства!»[*]

Современный исследователь констатирует: «В сущности, Мещерский заявлял здесь о своей центристской позиции»[**]. Заметим, что «вне истины», по Мещерскому, находятся и те, кто «оттягивает назад» — а ведь именно в этом последнем он и был обвинен: вступали в силу законы фантомной полемики, дорисовывающей нужные элементы в построениях противника. Князь напрасно пытался затем объясниться: «Во имя интересов России духовной, мы говорим, например, о необходимости дать реформам выработаться органически, с тем чтобы нельзя было, пользуясь тем что они шатки, пойти назад, и было бы возможно идти вперед. Наши противники на это нам отвечают уверением что мы проповедуем восстановление крепостного права, зная очень хорошо что мы этого не проповедуем, и с своей стороны сознавая вполне что без органического привития реформ к духовной жизни народа, реформы эти прогресса в смысле прочного порядка вещей не создадут»[***].

---

[*] Там же.

[**] *Черникова Н. В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017. С. 170. Взвешенные и документально обоснованные суждения на этот счет в современной историографии перемежаются с огульными характеристиками наподобие следующей: «Консервативно настроенные лица, начиная верховной властью и заканчивая провинциальными помещиками, были одинаково заинтересованы в существовании этого реакционного печатного органа» (*Кайль А. В.* «Гражданин» князя В. П. Мещерского // *Известия Саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения*. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 8).

[***] *М<ещерский В. П.>* Две России // *Гр.* 1874. 7 января. № 1. С. 7. Цитаты здесь и далее приводятся с сохранением пунктуационных норм, принятых в «Гражданине» во время редакторства Ф. М. Достоевского.

Ничего особенно нового князь не сказал. Более того, сходные суждения мы найдем и в писаниях умеренных либералов-государственников типа Б. Н. Чичерина или К. Д. Кавелина и вместе с тем у некоторых более радикальных мыслителей. Таков пафос третьего из «завещательных» писем А. И. Герцена «К старому товарищу» (опубликованных за полтора года до выступления князя-консерватора, осенью 1870 г.): «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*»[*]. А вот совсем уже современник (и впоследствии неутомимый гонитель князя-гражданина) в том же 1872 г. пишет: «…мы <…> можем избежать многих ошибок, за которые Европа платилась и платится кровью и вековыми страданиями. Но festina lente![**]»[***]

Мещерский сформулировал в общем-то непреложное условие успешности любого реформирования, а последовавший затем остракизм был вызван конкретной ситуацией высказывания: «точка» была предложена, когда либеральное сообщество жило «запятой» или даже «двоеточием» и тем, что за ними должно было последовать: земская реформа вела к своему логическому завершению (что тогда называлось «увенчанием здания») — к формированию центрального органа народного самоуправления, то есть уже запахло конституционной реформой, а тут князь совсем не вовремя со своей «точкой». Впрочем, то не было случайной оплошностью, но вполне осознанным и ответственным поступком публициста. Еще недавно и сам князь мечтал о «чем-то вроде конституции»[****], но явно обнаружившееся к началу 1870-х гг. торможение

---

[*] *Герцен А. И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 20. Кн. 2. М., 1960. С. 590. Будет не лишним отметить, что высказывание Герцена было направлено против крайних радикалов левого толка. Не случайно небезызвестный С. Г. Нечаев требовал не печатать последние произведения Герцена как вредные для революционного движения (см.: Там же. С. 850).

[**] поспешай медленно! (*лат.*)

[***] *Михайловский Н. К.* Соч. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1906. С. 793.

[****] *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878 / публ., предисл. и коммент. Н. В. Черниковой. М.,

реформ привело его к пониманию роковых ошибок, сделанных сановными либералами с их бюрократическим снобизмом (критика «внерусской» бюрократии — важнейшая из тем «Гражданина», за что он не раз подвергался цензурным гонениям). В письме к наследнику 9 октября 1872 г. Мещерский говорит об открытии, изменившем его образ мыслей: «Теперь, что прошло с начала царствования Г<осударя> 17 лет, видишь ясно, что величайшая ошибка была сделана Правительством тем, что оно начало с главных реформ, а не поставило их в средину своего царствования. Начав с реформ, оно издержало на них всю свою энергию <…>: в средине царствования явились уже сомнение, недоверие, усталость, словом, все те элементы, которые препятствуют коренным реформам прочно и благополучно развиваться: земству не доверяют, суды стесняют, печать преследуют, так что не сегодня, так завтра Россия может очутиться с крестьянами, вновь закрепощенными за помещиками, в силу полицейского за ними надзора или вотчиной полиции, земства могут обанкротиться, и все снова прийдется сдать администрации казенной, суды могут быть заключены в цепи, словом, можно ожидать, что в конце царствования разрушится его начало!»[*]

В этих признаниях князя и заключена вся та программа «Гражданина», которая не могла быть столь открыто выражена публично, но которая довольно последовательно проявила себя в выступлениях еженедельника по крестьянскому вопросу, по проблемам земства, нового судопроизводства. Начиная издание, в заметке «К читателям» Мещерский просил «искать наше направление в цельности и совокупности всех статей нашего издания…»[**]. Увы, этот призыв остался неуслышанным.

2014. С. 445.

[*] Там же. С. 446.

[**] <*Мещерский В. П.*> К читателям // *Гр.* 1872. 3 января. № 1. С. 1. Редакционный и направляющий характер заметки указывает на принадлежность ее фактическому хозяину издания, автор отсылает читателей «к нашему объявлению» о подписке, написанному, как мы знаем,

Зато апелляции князя к «порядку» были истолкованы исключительно в полицейском смысле.

В короткой заметке без названия (в ответ на благожелательный отзыв о «Гражданине» петербургской немецкоязычной газеты «Nordische Presse»), напечатанной встык с заявлением о «точке», Мещерский объяснял само понятие гражданина как человека, «в силу свободы уважающего порядок», и потому «…быть гражданином русским значит быть бойцом за все те заветные основные начала Русского Государства, без которых оно не может быть ни Русским, ни сильным»*. Провозглашение своеобразного либерально-консервативного синкретизма (свобода = порядок) осталось втуне, зато пафос «сильного государства» подействовал на либеральных оппонентов, в их числе и на Тургенева, как безотказный раздражитель. Разбираться в нюансах никто не захотел. Не услышана была и вскоре последовавшая попытка князя-консерватора объясниться с либеральными оппонентами в статье «Что значит точка к основным реформам? Ответ газете “Киевлянин”». Здесь он пояснил, что подразумевалось под понятием «основные реформы»: крестьянская, земская, судебная, податная, военная, школьная. «Основные реформы <…>, — пишет Мещерский, — суть те, которые изменяют основы нашего общественного и государственного быта». И далее поясняет свою позицию, вызвавшую девятый вал газетной брани: «В порядке постепенности, после податной и военной реформ, следующая основная реформа может быть одна: центральное земство. Вот об этой-то реформе мы и говорили <…>, что к основным реформам надо поставить точку»**.

Основная мысль Мещерского заключалась в том, что мы «не созрели», а потому конституционная реформа стала бы

Мещерским. Очевидны и приметы его стиля, и принадлежность лозунга «довольно слов, мы хотим дела».

* *Гр.* 1872. 10 января. № 2. С. 43.

** *Кн. В. Мещерский.* Что значит точка к основным реформам? Ответ газете «Киевлянин» // *Гр.* 1872. 20 марта. № 12. С. 409.

для России настоящим бедствием. Выражение «не созрели» означало, что внук Карамзина не против конституции вообще, он против поспешности ее введения при внутренней неготовности, неразвитости того, что ныне называется гражданским обществом. Для гражданского общества нужны граждане (отсюда название журнала), и только при этом условии — соответствующие законодательные установления. Либеральное сообщество, напротив, полагало, что «учреждения» образуют «сознание» и потому следует поспешить с конституцией.

Очевидными были многие просчеты князя-публициста, недостаток тонкости, такта, стилистической опрятности, но и когда на шестнадцать месяцев редактором «Гражданина» (1873–1874) становится Ф. М. Достоевский и еженедельник значительно совершенствуется, это ничего не меняет в отношениях к нему либеральной публики.

Наличие временно́й дистанции позволяет заметить, что дело было даже не в том, хороша или плоха консервативная или либеральная идея как таковые, а в том, что подлинное развитие общественной мысли должно происходить через их **соревнование**. Когда же со-ревнование обращается в заушательскую свару не слышащих друг друга противников, это приводит лишь к пирровым победам хоть той, хоть другой стороны. Ф. И. Тютчев дал проницательную трактовку сложившейся ситуации в письме Мещерскому 3 марта 1872 г.: «Я с любопытством продолжаю изучать глубоко личное отношение нашей журналистики к вам. Все, как те, так и другие, хорошие и плохие, придерживаются одного и того же тона. В нем сквозит определенная досада, что ваша *позиция* дает вам возможность быть искренним и серьезным либералом без малейшей революционной закваски. Этого-то лучшие из ваших собратьев по печати вам не прощают…»[*].

[*] Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 524 (Сер. «Литературное наследство»; т. 97).

* * *

«Гражданин» уже в первый год существования на главный рубеж своих выступлений выдвинул вопрос о реанимации дворянства как нравственно-авторитетной общественной силы. Мещерский возводил здание консервативного проекта на фундаменте, освященном историей допетровской Руси: «Боярин русский был первый слуга царский, но в то же время он был первый слуга России, и нравственную силу свою брал из земства»[*]. По мнению Мещерского, правление Екатерины II, которая «мало знала Россию», привело к утрате дворянством своего влияния и авторитета. Современные реформы продолжили это дело разрушения и унижения «дворянского духа». Видимо, эту мысль Мещерского об опоре «лучших людей» допетровской Руси, боярства, на земство имел в виду Достоевский, отмечая в записной книжке 1876–1877 гг.: «Наша демократия так же древна, как и Россия, а у тех [у Европы] с 89-го года (мысль Мещерского)» (25: 229; запись не прокомментирована).

В шестидесятые и в самом начале семидесятых годов, приветствуя земскую реформу, Мещерский вносил существенную к ней поправку. «Земство русское без русского боярина и русский боярин без земства, — горячо убеждал Мещерский своих читателей, — не мыслимы»[**]. Откровенным защитником дворянских привилегий Мещерский станет позднее, а пока он и сам отвергал всякий намек на них. В его убеждениях был один нюанс, который не мог не вызвать сочувствие Достоевского. Чтобы быть реальной общественной силой, писал Мещерский, дворянство должно заботиться больше об обязанностях своих, чем о правах, и «задаваться приобретением не политической, но нравственной роли». «Ближе к своему историческому идеалу» дворянин, — утверждал он, — «делающий елку для крестьянских детей», чем

---

[*] *К<нязь> В. Мещерский.* Что такое русское дворянство? // *Гр.* 1872. 21 февраля. № 8. С. 267.

[**] Там же. С. 268.

дворянин, «занимающийся политическими вопросами»[*]. Консервативный утопизм Мещерского был с нарочитым филантропическим оттенком.

Князь-публицист с великим тщанием искал действительные факты русской жизни, которые бы подтверждали его правоту относительно роли дворянства, обращался с призывами к читателям сообщать положительные факты, но в ответ получал всё ту же фигуру долженствования, а не реальности[**]. Не находя реальных подтверждений своим надеждам, Мещерский тем горячее принимался обличать современное дворянство. Со страниц «Гражданина» звучала хлесткая критика космополитизма и эгоистической морали высшего света, петербургской высшей бюрократии — нигилистов «в белых перчатках»[***]. С этими последними расхождение было принципиальным.

В «Гражданине» 1872–1873 гг. Мещерский напечатал наиболее удачный из своих многочисленных романов «Один из наших Бисмарков» — ядовитую сатиру на высшую русскую бюрократию. Главный герой, самодовольный и недалекий губернатор граф Обезьянинов, — нечто вроде фон Лембке из «Бесов» (влияние Достоевского ощутимо в ряде эпизодов романа[****]). Современники угадывали в нем бывшего министра внутренних дел, а в данный период министра государственных имуществ П. А. Валуева[*****]. Достоевский, очевидно, отдавал

---

[*] Там же. С. 269.

[**] См., например: *Б—ъ*. Открытое письмо князю В. Мещерскому // *Гр.* 1872. 20 марта. № 12. С. 431–433.

[***] *Кн. В. Мещерский*. Мысли вслух // *Гр.* 1872. 23 октября. № 25. С. 226.

[****] Литературное влияние Достоевского, например, в изображении любви-ненависти, очевидно и в другом романе князя «Женщины» (в отдельном издании: Женщины из петербургского большого света. СПб., 1874), также печатавшемся в «Гражданине» при Достоевском-редакторе.

[*****] Первый набросок этого сатирического персонажа появился у Мещерского в повести «Россия под пером замечательного человека»: путешествующий по Руси сановник после «лорнетного» изучения «le moujik'a» приходит к убеждению, «что России в известном смысле нет: это ораторская фигура, к которой мы добровольно прибегаем в политике» (*Русский вестник*. 1871. № 4. С. 606). Это произведение вызвало сочувственный отклик Л. Н. Толстого (см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 61. С. 258). Относительно

должное смелости князя, когда в первом выпуске «Дневника писателя» (*Гр.* 1873. 1 января. № 1) иронизировал над тем, что теперь ему как редактору «Гражданина» придется отвечать за автора «Бисмарка» перед цензурным комитетом[*] (21: 6).

Серьезное направление обличительного пафоса «Гражданина» 1872 г. — вопрос о пьянстве как нравственном разложении, проникающем в народ[**]. Еженедельник протестовал против покрытия государственного финансового дефицита с помощью «питейного дохода». Достоевский, став редактором, продолжил тему, она стала при нем еще более значимой и острой.

Школа — еще одно ключевое слово «Гражданина» до прихода в него Достоевского. Мещерский прибегал к весьма энергическим выражениям: «Россия <…> может обойтись, в крайних случаях, без флота, без армии; но без идей вряд ли…»[***]. Чтобы «классицизм сверху» и «народная школа снизу» спасли нас, надо, чтоб они имели душу, сильнее формы[****]. И для

узнаваемости и «характеристичности» «карикатуры» Мещерского на «петербургских высших и средних чиновников» свидетельствовал и С. М. Сухотин (*Русский архив*. 1894. № 7. С. 436).

[*] К «Бисмарку» или к «Женщинам», очевидно, следует отнести зафиксированный мемуаристом отзыв Достоевского: «Так писать нельзя. <…> Теперь он пока в моде, потому и держится… Продержится еще лет пять, шесть, а там и забудут его… А жаль будет, потому что у этого был несомненный талант» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1990. С. 295; ср. запись в дневнике Вс. С. Соловьева от 2 января 1873 г.: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 424 (сер. «Литературное наследство»; т. 86)). Позднее отзывы Достоевского о романах Мещерского сделались более сдержанными и критичными (см.: 29_2: 49; 30_1: 43).

[**] См.: *Кн. В. Мещерский*. Наш народ // *Гр.* 1872. 14 февраля. № 7. С. 227–228; *Г. К. Градовский*. Питейный налог и пьянство // Там же. С. 229–231; *Кн. В. Мещерский*. Пьянство // *Гр.* 1872. 20 марта. № 12. С. 403–405; *Князь Вл. Мещерский*. Водка просвещает Россию // *Гр.* 1872. 18 сентября. № 20. С. 65.

[***] *Кн. В. Мещерский*. Мысли вслух // *Гр.* 1872. 23 октября. № 25. С. 227. В тогдашней дискуссии о реформе образования Достоевский также был сторонником «классицизма».

[****] Там же. С. 228.

Мещерского тогда вопрос упирался в «лучших людей», а не в формы организации, административные распоряжения и т. п.

Особую позицию среди охранительной печати занял «Гражданин» 1872 г. в отношении радикальной молодежи. Князь Мещерский призывал применять духовные рычаги, а не полицейские (отсюда постоянное внимание «Гражданина» к школе, к проблемам семейного воспитания): «Боже упаси от всего, что похоже на проявление силы против этого поколения»[*]. Возражая против каких бы то ни было административных мер в отношении студенческих кружков, ведущий публицист «Гражданина» писал: «…раз что есть кружки, есть мысль, есть ее движение <…> чем больше будет кружков дурных, тем дружнее будут кружки хорошие <…> Поощряйте общение, и нигилизм начнет исчезать…»[**]. В тогдашней трактовке «нигилизма» у Мещерского были моменты, сближающие его с Достоевским. Позднее, уже при редакторстве Достоевского, продолжая свои «Мысли вслух» и рассматривая в них «нигилизм» как «отсутствие здравых нравственных начал», как широкое общественное явление, Мещерский утверждал: «Все мы блуждаем и шатаемся <…>, а чтобы ничто нас не могло в этом процессе остановить — двух, трех несчастных отделяют от общества и называют нигилистами <…> нигилизм — это общая язва нашего общества, <…> нигилисты — это мы…»[***]. «Нигилизм» молодежи Мещерский объяснял также безвыходным материальным положением, в котором часто оказывались молодые разночинцы. Князь предлагал создать по всей России, особенно в университетских городах, пункты первой помощи нуждающимся молодым людям и даже брал на себя роль инициатора в этой филантропической затее.

---

[*] *Чтитель свободы <Мещерский В. П.>* Дух разрушения. Современные этюды // *Гр.* 1872. 13 марта. № 11. С. 373.

[**] *<Мещерский В. П.>* Петербургские письма // *Гр.* 1872. 27 марта. № 13. С. 450.

[***] *Кн. В. Мещерский.* Мысли вслух. Признаки времени // *Гр.* 1873. 11 сентября. № 19. С. 558.

* * *

Благодаря энергическим усилиям Мещерского ему удалось в первый же год издания «Гражданина» собрать весьма значительный коллектив сотрудников: К. П. Победоносцев, Н. Н. Страхов, Т. И. Филиппов, М. П. Погодин, М. О. Коялович, А. У. Порецкий, И. Ю. Некрасов, С. А. Николаевский. Здесь печатали свои стихи Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, А. Н. Майков, А. Н. Апухтин, Я. П. Полонский (позднее присоединился П. А. Вяземский), отдельные произведения дали А. Ф. Писемский, Н. С. Кохановская, Н. И. Успенский, Н. С. Лесков, И. Ф. Горбунов, Н. А. Корф, Л. Н. Трефолев, А. А. Фет, А. П. Милюков, Н. В. Казанцев, А. К. Завадский-Краснопольский… Достоевский шел в издание, не только осмеянное «прогрессивной общественностью», но и поддержанное значительными литературными силами, с надеждами продолжить объединение «лучших людей», не согласных с торжествующим «духом времени». Их мнение выразил К. П. Победоносцев, начавший печататься в «Гражданине» с № 22 от 2 октября 1872 г. (всегда анонимно, ввиду своего высокого государственного положения): «…приятно сознавать себя сотрудником органа, который, как выражаются французы, имеет le courage d'avoir son opinion[*]. А это большая важность в русской журналистике!»[**].

Еще один фактор, несомненно, сыграл свою роль в решении Достоевского вступить в союз с В. П. Мещерским.

По свидетельству Н. Н. Страхова, князь, «познакомившись с Федором Михайловичем, почувствовал к нему чрезвычайное расположение, охотно и искренно поддавался его влиянию»[***].

---

[*] мужество иметь свое мнение (*фр.*).

[**] *К. Р.* Письма из Лондона. I // *Гр.* 1872. 20 ноября. № 29. С. 385. Атрибутируется по содержанию (женское образование и значение молитвы) и стилю. Очень характерно для К. П. Победоносцева рассуждение об «охранительном значении» свободы слова с отсылкой к английским традициям и, в частности, к суждению на сей счет Д.-С. Милля.

[***] Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 299.

Это наблюдение может подтвердить следующий эпизод. В 9, 10 и 19 номерах «Гражданина» 1872 г. Мещерский выступил с резкими и бестактными статьями по женскому вопросу, остроумно высмеянными Щедриным[*]. Женское образование, утверждал Мещерский, «противоестественно», поскольку угрожает традиционным семейным устоям; женщины доктора, чиновники, адвокаты грозят заменить матерей, жен, сестер милосердия, сиделок. Статьи вызвали протестующее «Письмо русской женщины за женский вопрос» К. Соколовской, которое было напечатано в № 31 «Гражданина» 4 декабря 1872 г. (с. 448–449) вместе со статьей «"К делу!" Ответ русской женщине» (с. 449–453) за подписью Мещерского. Ответ этот разительно отличается от предыдущих выступлений князя выдержанным, миротворческим тоном. Автор отказывается здесь от своих прежних нападок на женское образование, допуская его в принципе. Столь резкая перемена тем более удивительна, что немного позднее князь вновь проявит себя противником женского образования[**]. Временную уступку можно объяснить, обратившись к письму А. Н. Майкова Н. Н. Страхову от 12 декабря 1872 г.: «…Мещерский назначил по вторникам обеды у себя для Федора Михайловича, Филиппова и меня <…> Цель — после обеда прослушать готовящуюся для следующего номера его статью и ругать ее до тех пор, пока он ее не выработает. Плодом этого всего можете считать его статью о женском вопросе в одном из последних номеров "Гражданина". Три раза он ее переделывал, и статья-то вышла недурна»[***]. Вне всякого сомнения, основная мысль статьи

---

[*] См.: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. Т. 10. М., 1970. С. 339; *Кн. В. Мещерский.* Наш женский вопрос // *Гр.* 1872. 28 февраля. № 9. С. 299–301; *Кн. В. Мещерский.* Наш женский вопрос. Статья вторая // *Гр.* 1872. 6 марта. № 10. С. 331–333; *Князь Вл. Мещерский.* Еще о женском вопросе. Ответ баронессе Корф // *Гр.* 1872. 11 сентября. № 19. С. 33–35.

[**] См., напр.: *Мещерский В. П.* Речи консерватора. Вып. 2. СПб., 1876. С. 107–113.

[***] Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 420 (сер. «Литературное наследство»; т. 86).

о высоком призвании женщины в общественной жизни России, выраженное в ней отношение к женскому образованию («Чем шире будет круг образования женщины, тем лучше, и если женщина захочет университетского образования, пускай будет женский университет»[*]) — всё это чуждо Мещерскому, но очень близко Достоевскому, которого в данном случае следует считать соавтором. Эти мотивы будут развиты в его публицистике и приведут затем к принципиальному расхождению с князем Мещерским[**].

Еще одна деталь, указывающая на невидимое конструктивное вмешательство Достоевского в полемику «Гражданина» 1872 г. по женскому вопросу. В девятнадцатом номере еженедельника в подтверждение своей мысли, что среди ученых женщин нет ни одной с сердцем, Мещерский обещает впоследствии сказать кое-что о Жорж Санд[***]. Обещание осталось невыполненным — нетрудно предположить, что не в меру размахавшегося публициста мог остановить в этом случае Достоевский с его неизменным почитанием Ж. Санд и именно «сердечности», духовной значительности этой «ясновидящей предчувственницы» «обновления человечества» (23: 30–37).

Таким образом, беря на себя редакторство «Гражданина», Достоевский имел основания надеяться, что он будет определять направление издания.

На посту редактора он сменил Г. К. Градовского, чьи разногласия с издателем (Градовский в это время начал свой дрейф в сторону либеральной журналистики) привели к невозможности сотрудничества. Мещерский познакомился со

---

[*] *Кн. В. Мещерский.* «К делу!» Ответ русской женщине // *Гр.* 1872. 4 декабря. № 31. С. 452.

[**] См. также: *Буданова Н. Ф.* Неизвестные статьи Достоевского по женскому вопросу (Опыт атрибуции) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л., 1976. С. 236–244; *Волгин И. Л.* Достоевский и русское общество («Дневник писателя» 1876–1877 годов в оценках современников) // *Русская литература*. 1976. № 3. С. 137–138.

[***] См.: *Князь Вл. Мещерский.* Еще о женском вопросе. Ответ баронессе Корф // *Гр.* 1872. 11 сентября. № 19. С. 34, 35.

своим первым редактором, очевидно, еще во времена сотрудничества с «Московскими ведомостями», где тот заведовал петербургским отделением редакции с апреля 1870 г. Впоследствии в своих мемуарах Градовский намекал на одно обстоятельство, с помощью которого Мещерский переманил его к себе: «Какое значение придавал князь Мещерский своему изданию, благодаря тогдашнему своему официальному положению, объяснять теперь неуместно. Обстоятельство это, однако, послужило главнейшим основанием моего согласия принять на себя редакцию…»[*]. Что имел в виду Градовский? Вряд ли под «официальным положением» князя подразумевалась служба его чиновником особых поручений при министре внутренних дел. Напротив, служебное положение собственника издания не спасло его от цензурных преследований. А в 1876 г. во время балканских событий, когда князь-публицист выступил в поддержку прославянских настроений и разошелся с осторожной и прозападной официальной внешней политикой, ему и вовсе предложено было оставить министерство. Имелось в виду другое — близость князя к наследнику престола, будущему Александру III: вот о чем Градовскому говорить было «неуместно».

Этот ближний круг цесаревича, идейным лидером которого выступал его учитель К. П. Победоносцев, был настроен оппозиционно: критиковалось заискивание правительства перед Европой, с позиций национальных интересов неприемлемыми представлялись и многие внутренние распоряжения. В обстоятельных письмах Мещерского к наследнику складывалась та политическая программа, с которой он подойдет к созданию «Гражданина»[**]. А спустя почти год издания

---

[*] *Градовский Г. К.* Автобиография Г. К. Градовского // Публицист-Гражданин: литературный сборник, посвященный памяти Григория Константиновича Градовского. Пг., 1916. С. 7. URL: http://books.e-heritage.ru/book/10071305

[**] См.: *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878 / публ., предисл. и коммент. Н. В. Черниковой. М., 2014.

в одном из писем, 13 ноября 1872 г., т. е. накануне прихода Достоевского в редакцию, Мещерский так излагал свое положение: «Задача “Гражд<анина>” кричать, что мы стоим на краю пропасти, то есть повторять громко то, что все порядочные люди говорят тихо и между собою. Всех ближе к пропасти стоите Вы, и само собою разумеется, чем громче будут крики: “берегись”, чем сильнее будут усилия Вас от пропасти отдалять, тем злее и решительнее будут действовать те, которые только того и хотят, чтобы Вы ближе и ближе подходили к пропасти»[*]. Мещерский зрел в корень: за преследованием «Гражданина» со стороны как «прогрессивной» печати, так и в особенности бюрократических верхов стояла борьба за влияние на цесаревича, в чьих руках было будущее России. Нелишне будет отметить и эсхатологический мотив письма Мещерского («мы стоим на краю пропасти»), возможно, идущий от Достоевского.

В поле притяжения Аничкова дворца (резиденции наследника) формировался скрытый до времени союз единомышленников, ими совместно вырабатывалась концепция будущего царствования. Думается, что это обстоятельство не в последнюю очередь привлекало автора «Бесов» к кружку Мещерского. Перспектива повлиять на образ мыслей будущего правителя России не могла не увлечь писателя и публициста. Очевидно, именно это положение «поэта у трона» обнадеживало Достоевского, когда он сообщал жене 26 июля 1873 г., что К. П. Победоносцев прочел недавно «Преступление и наказание» «по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, которого сопровождал в Англию», т. е. цесаревича. «Следственно, — торжественно заключал писатель, — дела еще не совсем очень плохи» (29_1: 284). Смысл торжества, как следует понимать, не в ожидании высочайших милостей, а более всего в том, что его идеи участвуют в формировании программы будущего монарха, и у России «дела еще не совсем очень плохи».

---

[*] Там же. С. 457.

И еще один эпизод, теперь уже личного характера, не мог не приблизить Достоевского к сфере «малого двора» и в то же время сделать благодарным должником Мещерского. Вернувшись из-за границы, он оказался под прессом заждавшихся кредиторов. С просьбой выручить займом «лучшего писателя нашего времени в России» «в самую тяжелую минуту» Мещерский обратился к наследнику, передав ему письмо Достоевского и заверив в непреувеличенности его «крика отчаяния» («я собирал справки обстоятельно и добросовестно, дабы иметь право Вам это письмо отдать»)[*]. Помощь была оказана своевременно, за что Достоевский 28 января 1872 г. лично благодарил наследника (см.: 29_1: 226), которого затем, как мы видели, называл «моим почитателем».

Эти и другие факты в свое время подвигли Л. П. Гроссмана к выводу о том, что Достоевский поставил свое перо на службу самодержавию[**]. С этой формулировкой можно было бы согласиться и сегодня, но с одним уточнением: писатель и публицист своим пером стремился влиять на высшую политику, если угодно, даже формировать ее.

* * *

Остается при этом выяснить еще одно немаловажное обстоятельство.

Из воспоминаний крупных государственных деятелей конца XIX столетия (С. Ю. Витте, А. А. Половцова, Е. М. Феоктистова) известно, что издатель «Гражданина» князь В. П. Мещерский получал крупные субсидии на издание своей газеты от Александра III и Николая II. Но так ли это было в 1873–1874 гг., когда редактором еженедельника был Ф. М. Достоевский? В ряде авторитетных изданий, освещавших этот вопрос, никаких временных ограничений не оговаривалось, так что можно было понять и так, будто «Гражданин» субсидировался правительством всегда, в том числе и при

[*] Там же. С. 419.

[**] См.: *Гроссман Л.* Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // *Литературное наследство*. Т. 15. М., 1934. С. 83–162.

Достоевском[*]. Специальными изысканиями на этот предмет занялся видный советский историк П. А. Зайончковский. В архиве он обнаружил недатированное письмо В. П. Мещерского к цесаревичу, будущему Александру III, с просьбой выдать 80 тысяч рублей на издание журнала. Исследователь сделал вывод: «Деньги, по-видимому, все же были даны, так как именно с 1872 г. начал издаваться "Гражданин"»[**]. Мнение это было нами в свое время опровергнуто[***], однако инерция оказалась сильнее. Так, известный американский исследователь ничуть не колеблясь ставит Достоевского в двусмысленное положение: «…писатель как истинный представитель своей профессии считал, что правительственные дотации компрометируют прессу, "Гражданин" же имел дурную славу получателя крупных сумм из фондов, отведенных государством для поддержки прогосударственной пропаганды»[****]. Оставляя это утверждение на совести ученого, заметим, что источниками ему явно послужили указанные нами обветшавшие издания. Другой, уже отечественный исследователь столь же безапелляционно утверждает сегодня: «Журнал Мещерского,

---

[*] См.: Русская периодическая печать (1702–1894). М., 1959. С. 547; Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1967. С. 820; *Некрасов Н. А* Полн. собр. соч. и писем. Т. 11. М., 1952. С. 281 (здесь прямо указывается, что «Гражданин» 1873 г. «субсидировался правительством», в последнем академическом издании Некрасова это указание исключено); Поэты «Искры»: в 2 т. Т. 2. Л., 1987. С. 434.

[**] *Зайончковский П. Л.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция). М., 1970. С. 75.

[***] *Викторович В. А.* Дополнения к комментарию. <…> «…"покровителей" мы не имеем» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. СПб., 1992. С. 161–163.

[****] *Тодд III Уильям М.* Достоевский как профессиональный писатель: профессия, занятия, этика // Новое литературное обозрение. 2002. № 58 [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2002/6/dostoevskij-kak-professionalnyj-pisatel-professiya-zanyatie-etika.html. Представление о неких «суммах из фондов, отведенных государством для поддержки прогосударственной пропаганды», отдает чрезмерной модернизацией и к тому же совершенно не учитывает конкретную ситуацию разлада «большого» и «малого» двора.

начавший выходить с 1872 г. и получивший название "Гражданин", ежегодно получал секретную субсидию от цесаревича. Эти деньги позволили ему довольно широко развернуться и привлечь к сотрудничеству виднейших литераторов: редактором "Гражданина" стал Ф. М. Достоевский…»[*].

Научные мифы чрезвычайно живучи, в данном же случае, увы, получает поддержку ложное представление об этической двойственности Достоевского. Между тем незадолго до редакторства в «Гражданине» в письме к М. Н. Каткову от 25 апреля 1866 г. писатель радовался известию, что «Московские ведомости» «всегда были независимым органом, безо всяких внушений и субсидий, а это слишком важно, что все узнали это наконец. Это пьедестал» (28_2: 153).

Готовившая к публикации письма Мещерского к цесаревичу Н. В. Черникова имела все основания выступить против сложившегося стереотипа: «В литературе распространено мнение о материальной поддержке "Гражданина" со стороны цесаревича. Однако письма Мещерского и дневник Александра Александровича полностью опровергают эту точку зрения»[**].

Цитируемое П. А. Зайончковским письмо заканчивалось просьбой: «…в случае Вашего согласия <…> *сожгите это письмо*» (с этой же просьбы оно и начинается)[***]. Письмо, как видим, сожжено не было, и это был первый знак, что Александр отказал «преданному другу». Больше того, наследник переслал это письмо своему наставнику и идейному руководителю К. П. Победоносцеву с просьбой «прочесть и никому о нем не говорить»: «…я решительно не берусь один решить это дело и поэтому прошу Вас откровенно высказать Ваше мнение»[****].

---

[*] *Дронов И. Е.* Император Александр III и его эпоха. 2-е изд. М., 2017. С. 189.

[**] *Черникова Н. В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. С. 130. Просьбы князя-издателя и ответные отказы наследника фигурируют в письмах Мещерского 28 и 31 декабря 1870 г., 21 и 24 марта 1873 г., см.: *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. С. 337–340, 465–471.

[***] Там же. С. 329, 324.

[****] К. П. Победоносцев и его корреспонденты М.; Пг., 1923. Т. 1, полутом второй. С. 1009–1010. Письмо без даты, но по бумаге может быть

Ответ Победоносцевым, видимо, был дан устно, в личной беседе, но его позиция в этом вопросе может быть реконструирована вполне однозначно. В указанном выше письме Мещерский писал наследнику, что еще два года назад у Победоносцева мысль о субсидии вызвала следующее опровержение: «…дело это опасно, ибо если узнают о том, что деньгами Вел<икого> Кн<язя> основан журнал, то Он может быть поставлен в весьма двусмысленное положение и сделаться или знаменем, или предметом нападков»[*]. Вряд ли за прошедшие два года Победоносцев изменил свое мнение. Зная это, наследник обращается к своему наставнику не столько за советом, сколько за поддержкой: видно, трудно было отказать «привязчивому» другу и единомышленнику. Дневники, которые вел в это время наследник, свидетельствуют, что с весны 1871 г. личные встречи с Мещерским (а они были весьма и весьма на дружеской ноге, с беседами за полночь) решительно прекратились[**]. Существует еще один документ, опровергающий миф о субсидии. Это письмо К. П. Победоносцева к наследнику от 1 апреля 1873 г.[***], т. е. когда редактором «Гражданина» был Достоевский и когда издатель его князь Мещерский «внезапно решил прекратить издание»[****]. Победоносцев пишет по этому

датировано началом 1870-х гг. (РГБ. Ф. 230.4405.5. Л. 13–14). По некоторым выражениям можно предположить, что речь идет о деньгах, например: «Мне очень неприятны подобные просьбы близко мне знакомых людей, потому что ставит это Вас всегда в фальшивое положение».

[*] *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. С. 326.

[**] См.: ГА РФ. Ф. 677.1.304.

[***] Датируется по упоминанию «рескрипта совету дома призрения», который был подписан цесаревичем 3 апреля 1873 г. (см.: *Правительственный вестник*. 1873. 24 апреля. № 96). Письмо имеет внизу пометку «Воскресенье веч<ер>», т. е. накануне, 1 апреля 1873 г. См.: *Летопись*. С. 367. Уточнение датировки: *Отливанчик А. В.* Достоевский в период редактирования «Гражданина»: даты и документы (К уточнению вопроса) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 410.

[****] Подробнее см.: *Викторович В. А.* К истории одного объявления в «Гражданине» 1873 г. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 7. Л., 1987. С. 197–200.

поводу наследнику: «Все это побуждает меня только радоваться, что ваше высочество уклонилось от какого бы то ни было участия в этом деле»[*].

По воспоминаниям самого Мещерского, 6 тысяч на издание «Гражданина» дал фабрикант из Иваново С. Н. Г.[**] (С. Н. Гарелин). Всего от жертвователей было получено 12 тысяч, подписка дала 10 тысяч, а 18 тысяч он занял с обязательством уплаты в течение 1873 г. в три срока (1 апреля, 1 июня и 1 сентября)[***]. Когда подошел первый срок уплаты, издателю нечем было расплатиться, и само существование «Гражданина», как уже говорилось, было поставлено под большое сомнение, доставившее Достоевскому как редактору весьма горькие переживания. Частные жертвователи, впрочем, нашлись (любопытно, что для встречи с ними князь ездил в Москву).

Еще в 1864 г. в ответ на темный намек «Современника» Достоевский записывает: «Вы не выставите ни одного факта про меня лично, про Федора Достоевского, чтоб я вилял из-за выгод, из-за почестей, из-за самолюбия» (20: 198). Начиная редактировать «Гражданин», Достоевский в статье «Нечто личное» вновь твердо обозначил свою позицию: «Может быть, я <…> надеялся выиграть где-нибудь en haut lieu[****]? Но когда и кто может сказать про меня, что я заигрывал или выигрывал в этом смысле в каком-нибудь lieu, то есть продавал свое перо» (21: 30). Когда же такие подозрения все-таки высказывались, Достоевский был решителен и безапелляционен: «… не хотели ли “С.-Петербургские ведомости” намекнуть на какое-нибудь “покровительство” или “внушение”, по которому мы находим подписчиков <…>? Уверяем (серьезно, не

---

[*] Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 22. Письмо здесь неверно датировано апрелем 1874 г.

[**] См.: *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. С. 374.

[***] *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. С. 466, 469.

[****] в высших сферах (*фр.*).

смеясь), что “покровителей” мы не имеем»[*]. Через два года в его тетрадке опять сердитая запись: «Направление! Мое направление то, за которое не дают чинов» (24: 78).

Темная слава полуофициального издания уже после ухода из него Достоевского долго следовала за «Гражданином», а в эпоху Александра III и затем Николая II, когда Мещерский действительно получал крупные субсидии от правительства на свое детище, эта слава упрочилась. Докатилась она и до наших дней, отбрасывая незаслуженную тень на Достоевского. Пора, наконец, поставить последнюю точку в этом деле: никаких «высших» субсидий и никакой даже полуофициальной поддержки «Гражданин» во время редакторства в нем Достоевского не получал.

В объявлении об издании «Гражданина» на 1873 г., опубликованном 28 октября 1872 г. в № 181 газеты «Голос», новый «еженедельный журнал» представлялся «органом русских людей, стоящих вне всякой партии»[**]. Объявление, очевидно, писалось В. П. Мещерским, отголосок его мы находим в записной тетради Достоевского: «Орган людей с независимым убеждением» (21: 258). Вторая формулировка (Достоевского) выглядит отредактированным вариантом первой (Мещерского), несколько претенциозной[***]. В развитие своей формулы Достоевский далее записывает: «Неужели независимость мысли, хотя бы и самая малая, так тяжела» (21: 258). С таким настроем автор «Бесов» шел в «Гражданин».

---

[*] Ответ на запрос «С.-Петербургских ведомостей» // *Гр.* 1873. 5 ноября. № 45. С. 1201. Об авторстве Достоевского см. примечание к данной статье в «Указателе содержания…».

[**] Анализ редакционных объявлений издания см.: *Захарова О. В.* Идеи Достоевского в развитии концепции еженедельника «Гражданин» (1873–1874) // Проблемы исторической поэтики. Вып. 12. Петрозаводск, 2014. С. 243–252.

[***] Что было иронически обыграно Н. К. Михайловским: «Когда стало известным, что г. Достоевский делается ответственным редактором “Гражданина”, “органа русских людей, стоящих вне всякой партии”, многие были этим обстоятельством заинтересованы» (Литературные и журнальные заметки. Февраль 1873 г. // *Отечественные записки.* 1873. № 2. Отд. II. С. 314).

Глава 2. «Дневник писателя» в контексте газеты-журнала

Структуру «Гражданина» 1873 г. формировали уже сложившиеся к концу прошедшего года рубрики с их постоянными ведущими: «Петербургское обозрение» В. П. Мещерского, «Московские заметки» (переименовано с № 36: «Из Москвы») И. Ю. Некрасова, «Областное обозрение» А. У. Порецкого, «Политическое обозрение» С. А. Николаевского[*] (с № 38 переименованное Достоевским под себя в «Иностранные события») и, наконец, «Ералаш» (наподобие «Смеси» в толстых журналах) того же В. П. Мещерского. Эта последняя рубрика прожила при Достоевском недолго (№ 2–3), вызвав себе на смену еще одно внутреннее обозрение «Из текущей жизни» (с № 17), а также сатирическую коллективную «Последнюю страничку» (с № 37)[**]. С самого начала редакторства Достоевского и по его инициативе в «Гражданине» возобновилась угасшая после апреля 1872 г. еще одна коллективная рубрика «Критика и библиография». Все указанные разделы заполнялись оригинальными материалами, за исключением «Областного обозрения» и «Из текущей жизни», в основном компилятивных, хотя Порецкий своими комментариями нередко делал их авторскими. Позднее (с № 37) редакция в лице ее секретаря В. Ф. Пуцыковича (по инициативе Мещерского) стала давать читателям дайджест наиболее интересных газетных публикаций под названием «Еженедельная хроника», она же «Хроника за неделю [две недели]»[***].

---

[*] Рубрика Николаевского раньше называлась «Политические письма» (см.: *Гр.* 1872. № 27, 29, 31, 33).

[**] Введенную также по инициативе редактора, подхваченной издателем (см: *Достоевский, Мещерский. Переписка.* С. 40).

[***] Затея довольно типичная для тогдашних повременных изданий, перепечатывавших друг у друга наиболее интересные сообщения. Общее информационное поле еще только формировалось: первое русское телеграфное агентство (РТА) было создано в 1866 г., а Международное телеграфное агентство — в 1872 г.

Главным же козырем «Гражданина» 1873 г. должен был стать, конечно, «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, который начал печататься с 1 января 1873 г., то есть с первого номера еженедельника, подписанного Достоевским как редактором. Вплоть до 5 марта 1873 г. вышедшие семь из десяти номеров «Гражданина» были как бы авторизованы и замотивированы «Дневником писателя»: «Вступление», «Старые люди», «Среда», «Нечто личное», «Влас», «Бобок», «Смятенный вид», «Полписьма "одного лица"». Хотя Достоевский никогда не ставил их на открытие номера*, они, своею идейной и художественной значимостью, образовывали смысловой стержень издания. Однако на третьем месяце энергия начального натиска стала постепенно угасать: рубрика появилась в первых четырех номерах в январе, по два раза в месяц в феврале — марте, по одному в апреле — июле, дважды в августе и напоследок — только 10 декабря**. Итого шестнадцать выпусков.

Писался «Дневник писателя» чаще всего непосредственно перед сдачей номера в типографию, сохранилось лишь небольшое количество набросков, фрагменты черновых автографов и наборных рукописей (в наилучшем состоянии — глава «Ряженый», от которой также дошел отрывок белового автографа), от некоторых выпусков не сохранилось вообще никаких рукописных материалов. Очевидно, самые первые выпуски «Дневника писателя» 1873 г. были написаны без большой спешки, более вдумчиво, но затем заданного темпа (раз в неделю или даже в две недели) Достоевский, на которого свалилась текущая редакторская работа, не выдержал.

Склонность к стремительной и вместе с тем концептуальной публицистике проявилась у Достоевского еще в 1847 г., когда

---

* То есть не предлагал их в качестве передовых статей на манер мастеров этого жанра И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, Н. П. Гилярова-Платонова. В этой роли в «Гражданине» чаще выступал В. П. Мещерский, выдвигая также на нее К. П. Победоносцева.

** Достоевский не прислушался к В. П. Мещерскому, 2 сентября 1873 г. усиленно просившему: «…с сентября надо было бы "Дневник" в каждом №ре!!» (*Достоевский, Мещерский. Переписка.* С. 40).

он принял участие в фельетонной рубрике «Санкт-Петербургских ведомостей». Наметившееся уже тогда глубокомысленное вникание в текущую реальность получило развитие в 60-е гг. в статьях для журналов «Время» и «Эпоха». Так, «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863) — это уже философская публицистика с выходом на первичные вопросы человеческого бытия. В 1864–1865 гг. писатель вынашивает планы единоличного журнала «Записная книга» или «газеты в 2 листа в неделю» (20: 181), возвращаясь к ним в 1867–1868 гг.*

Рождение «Дневника писателя» было подготовлено размышлениями Достоевского о кризисном состоянии современной России в период работы над «Бесами». Набрасывая послесловие к этому роману, оставшееся в черновиках и послужившее переходным звеном к последующей публицистике, Достоевский писал о нравственном климате в пореформенном обществе: «…вдруг хаос, люди без образа — убеждений нет, науки нет, никаких точек упоров <…> Всю эту кисельную массу охватил цинизм. <…> “Гражданин” обязан представить картину» (11: 308). Будучи своеобразным публицистическим продолжением «Бесов», «Дневник писателя» (Н. К. Михайловский даже назвал его комментарием к роману) должен был задавать направление и основной тон «Гражданину». Это несколько напоминает замысел издания, обсуждаемый героями «Бесов» Лизой и Шатовым: «…выбирать только то, что рисует эпоху <…> с мыслию, освещающею всё целое…» (10: 104).

* * *

Первое появление рубрики (*Гр.* 1873. 1 января. № 1) состояло из двух глав: «I. Вступление» и «II. Старые люди». За полушутливой и задиристой (басня о льве и свинье, обидная для

---

* См.: *Тихомиров Б. Н.* Неизвестный набросок Достоевского к неосуществленному замыслу («Статьи об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15. СПб., 2000. С. 334–339.

оппонентов «Гражданина») интродукцией* следовал набросок к двойному портрету А. И. Герцена и В. Г. Белинского немногими, но жесткими штрихами: Герцен — социалист из «логического течения идей», Белинский — «беззаветно восторженная» личность. В мемуарном описании двух основоположников русского социализма автор как бы ненароком вышел на источник нынешних и грядущих бед — отрицание современным человеком нравственной ответственности личности, полное у Белинского и непоследовательное у Герцена. Мягкая, но бескомпромиссная критика наиболее авторитетных фигур «отцов-основателей» задавала явно не расхожее направление еженедельника под началом нового редактора.

Очень скоро выступление Достоевского дополнил в «Гражданине» М. П. Погодин. Белинский, уточнил он, не всегда был таким, каким его застал Достоевский, убежденным атеистом. Погодин привел фрагменты из статей критика так называемого периода примирения с действительностью, когда тот с воодушевлением писал о высших ценностях христианства и утверждал, что «неверие <…> есть нравственная смерть»**. Припомнив давний упрек Ю. Ф. Самарина Белинскому в том, что он «был всегда под влиянием чужой мысли»***, Погодин дает суровую оценку самому типу личности: «Это был человек в высшей степени увлекавшийся, который говорил нынче одно, а завтра другое, подвергаясь влиянию того, о чем ему нынче и завтра слышать или что взять напрокат случалось, и вот, щеголяя в чужих платьях, как в своих, он был последовательно, без всяких задних мыслей, христианином, атеистом,

---

* Игровое начало показалось неуместным даже читателю, очень расположенному к автору: «…не следовало начинать с фарса…» (Из дневника Вс. С. Соловьева. 2 января 1873 г. // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 423 (сер. «Литературное наследство»; т. 86)).

** *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М., 1977. С. 101.

*** *Самарин Ю. Ф.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Литература и история. СПб., 2013. С. 128.

радикалом, социалистом, восточником, западником, нигилистом и всем чем угодно, смотря по погоде…»[*].

Скрыто враждебным в отношении выступления Достоевского был отклик А. Н. Пыпина в его статье о Белинском для журнала «Вестник Европы». Критик в прозрачном намеке отнес редактора «Гражданина» к «людям, которые некогда принадлежали одному делу с ним [Белинским], а потом, ставши защитниками обскурантизма, позволяли себе злоупотреблять его именем»[**]. Непосредственно к «Дневнику писателя» относилось следующее суждение: «Понятно, что старые школы, давно потерявшие всякую нравственную связь с новым движением, не могли и после увидеть исторического значения Белинского, и в их суждениях еще видны старые досады на него. Но вражда переходит и к новым школам, напр., к той школе, выродившейся из славянофильства, выражением которой служили и служат журналы “Время”, “Эпоха”, “Заря”, “Гражданин”. Еще недавно были здесь высказаны обличения “атеизма” и других неблаговидных свойств направления Белинского»[***]. С опровержением Пыпина в «Гражданине» выступил Н. Н. Страхов. Приведя процитированное утверждение (без последнего предложения, по понятным причинам), он заявил: «Мы утверждаем, что никакой вражды к Белинскому в смысле тупого умаления его исторического значения или осмеяния его лица и деятельности не было в названных журналах. Было простое *суждение*, искреннее и свободное, и только потому кажущееся враждебным для тех, кто хочет

---

[*] *Старый читатель журналов, М. Погодин.* К характеристике Белинского. (Справка с объяснением) // *Гр.* 1873. 26 февраля. № 9. С. 274.

[**] *Пыпин А.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. VIII. Белинский // *Вестник Европы.* 1873. № 5. С. 228.

[***] Там же. С. 226–227. Чуть выше Пыпин утверждал, в пику Достоевскому, что Белинский в социализме «вовсе не был, кажется, виноват» (с. 226).

не суждения, а безусловного поклонения»[*]. В доказательство Страхов приводит высказывания о Белинском Аполлона Григорьева во «Времени» и свое собственное в «Заре». «Точно так и в “Гражданине”, — продолжает критик, — мы не находим духа вражды, а видим лишь факты и суждения, которые враждебны только разве потому, что истина всегда враждебна преувеличению и умышленному умалчиванию»[**].

* * *

Следующий логический шаг в «Дневнике писателя» — глава III «Среда» (*Гр.* 1873. 8 января. № 2). Достоевский рассматривает «манию оправдания» в новых для России судах присяжных как доказательство того, что в общественном сознании выветривается понятие нравственной ответственности: «Кто виноват? Среда виновата. Итак, есть только подлое устройство среды, а преступлений нет вовсе» (21: 17). В противовес этому тлетворному поветрию Достоевский формулирует христианское представление о личной и общей ответственности, начала которого он находит в народном назывании преступников «несчастными». Вопрос о «среде» оказывался действительно ключевым для русского общества, знаком его исторического выбора. Социальной ломке писатель противополагал духовное устроительство: «…сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею. Ведь только этим одним и можно ее исправлять» (21: 15). Не удивительно, что, пойдя «против течения», редактор и автор «Гражданина» вызвал на себя и свое издание огонь как либерального, так и радикального лагеря. Ему инкриминировали «бросание грязью в новые суды», предательство идеалов, выраженных в «Записках из Мертвого дома»[***]. Защиту принципа социального детерминизма от

---

[*] *Страхов Н.* Заметки о текущей литературе. IX–XI // *Гр.* 1873. 14 мая. № 20. С. 597.

[**] Там же.

[***] *Голос.* 1873. 14 января. С. 1; *Новое время.* 1873. 21 января; *Дело.* 1873. № 1, 2.

Достоевского предпринял Н. В. Шелгунов[*]. В. П. Буренин и А. С. Суворин, утрируя сказанное Достоевским о преступниках («острогом и каторгой вы, может быть, половину спасли бы из них» — 21: 19), приписали ему выражение «каторга освежает и очищает человека»[**], которое стало притчей во языцех в последующих нападках на редактора «Гражданина». Сложившуюся вокруг него атмосферу выразил А. Н. Майков в письме Н. Н. Страхову 20 января 1873 г.: «…залаяла вся свора прогресса <…> как клевещут! <…> публика верит»[***]. Реакцию либеральной общественности на выступление Достоевского описал и его московский корреспондент: «Я живо помню ту московскую сенсацию, какую произвел “Гражданин” рассуждениями о том, почему русские присяжные более оправдывают подсудимых виновных; либералы нашли здесь тайный замысл против института присяжных! Признавай всё новое хорошим даже в проявлении и не смей рассуждать, — не такое ли это историческое правило, при котором, по выражению известного Кикина, “уму тесно было”?»[****]

Впрочем, в нападках на Достоевского определенную роль сыграл и журнальный контекст «Гражданина», в котором оказались упомянутые выпуски «Дневника писателя»[*****].

---

[*] См.: Заметки провинциального философа // *Неделя*. 1873. 4 февраля.

[**] *Санкт-Петербургские ведомости*. 1873. 20 января, 25 февраля.

[***] Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 428 (сер. «Литературное наследство»: т. 86).

[****] *Москвич* <*Некрасов И. Ю.*> Московские заметки // *Гр.* 1873. 26 июня. № 26. С. 725

[*****] Это обстоятельство стало предметом обсуждения у оппонентов, отмечавших, со своей точки зрения, отличие январского «Дневника писателя» 1876 г. от «Дневника писателя» в составе «Гражданина» 1873 г. Г. К. Градовский (бывший, напомню, предшественником Достоевского на посту редактора «Гражданина») писал, что автор нового «Дневника» «отряхнул от себя тот мусор грубого ханжества и шарлатанства, ту смесь шитой белыми нитками лести и угодничества с самым отъявленным невежеством <…>, которые сквозят в самых патетических местах журнала-газеты и которые бросали невыгодную тень на некоторые статьи

В недолговечном «Ералаше» укрывшийся за подписью «Оптимист» В. П. Мещерский поместил заметку под характерным заглавием «Сентиментальная фальшь в области уголовного суда» в том самом втором номере еженедельника, где была напечатана «Среда» Достоевского. Мещерский обратился к той же теме — к массовым оправдательным приговорам нового суда присяжных. Взяв одну из ситуаций, упомянутых у Достоевского («Читаешь — там оправдали жену, убившую мужа» — 21: 19), Мещерский следующим образом ее конкретизировал: «Причиною убийства было то, что жена терпела от мужа дурное обращение <…>. Чтó же забыл здесь суд? Он забыл, сколько кажется, что есть в мире вообще и в русском мире в особенности христианские воззрения на обязанности жены своего мужа…»*. В развитие темы Мещерский берет еще один эпизод из современной судебной хроники: «Девочка 13 лет была в услужении в одном семействе и исполняла обязанности няньки при ребенке. Жила она честно и счастливо. Вдруг в один прекрасный день ей эта жизнь не понравилась, и она убежала к матери. Мать ее вернула к прежнему месту. Вернувшись, девочка опять убежала и нанялась в другое место. Оттуда снова по желанию матери она была возвращена к прежним хозяевам. И что же? В этой девочке зарождается желание мести, и полная этим желаньем она в течение нескольких дней притворяется честною и послушною и, вкравшись вновь в доверие хозяев, пользуется им — для чего бы вы думали… мысль отказывается верить… для того, чтобы однажды вечером, когда родители ушли в гости и поручили ей ребенка для храненья, иглою проткнуть в нескольких местах головку малютки до мозга и этим его убить, как бы наслаждаясь этою

его прежнего “Дневника”» (*Голос*. 1876. 8 февраля). В тот же день и «Новое время» отметило, что новый «Дневник» не испорчен «сквернотями и пошлостями в духе и жанре “Гражданина” и кн. Мещерского». Увы, критика, очевидно недоброжелательная, всё же не была совсем беспочвенной.

* *Оптимист <Мещерский В. П.>* Сентиментальная фальшь в области уголовного суда // *Гр.* 1873. 8 января. № 2. С. 52.

медленною процедурою убийства и криками ребенка»[*]. Фельетонист «Нового времени», рассказавший эту историю, объяснил случившееся насилием над личностью няньки-убийцы, снимающим с нее ответственность. Мещерский «украсил» рассказ придуманными адскими подробностями («наслаждаясь медленною процедурою убийства и криками ребенка») и оспорил «либеральное» объяснение «Нового времени»: «…в этой логике и в этой морали *чего-то* недостает и это *что́-то* — есть христианская нравственность»[**]. Мы видим, как Мещерский движется в том же русле нравственного императива ответственной личности, что и Достоевский, но без всестороннего психологического разбора происшедшей драмы (где имело место ведь и насилие над нянькой), играя лишь на кошмарных подробностях преступления, что приводит к прямолинейному, незамысловатому морализаторству. Так, историю забитой няньки-убийцы (развернутую впоследствии в другую сторону в рассказе А. П. Чехова «Спать хочется») Мещерский трактует не выходя за пределы обывательски слепого гнева: «Для всякого человека такая девочка является существом, носящим в себе зачатки беспредельной в бесчеловечности преступницы; это одно из тех созданий, проклятых судьбой в день рождения, которые рождаются только для зла и ради которых, к несчастию, смертная казнь существует…»[***]. Трудно представить, чтобы Достоевский мог согласиться с таким безоглядным и несколько истеричным заклятием (Чехов, верно, был бы ему ближе), однако подпись редактора стоит на последней странице издания, и его собственные непростые (и многоголосные) суждения о «народной правде» в понимании преступления в том же номере теряют нечто существенное в соединении с их «уличной» транскрипцией. Мы с самого начала редакторства Достоевского, таким

[*] Там же.
[**] Там же. С. 53.
[***] Там же. С. 52.

образом, сталкиваемся с линией бóльшего или мéньшего искривления его исходных посылов «Гражданину».

Позднее, вернувшись к тому же эпизоду, Достоевский в «Двух заметках редактора» (*Гр.* 1873. 2 июля. № 27) несколько поправил положение, акцентировав внимание только на том, что, по его мнению, подпадало под однозначное осуждение: «Девочка воткнула булавку в голову другого ребенка, и вот они [журналисты] находят, что это хорошо, потому что либерально: она протестовала против деспотизма» (21: 157).

Более релевантный союз «редактор — сотрудник» мы находим в писаниях А. У. Порецкого. Так, в «Областном обозрении» он сообщает: «В Варшавской губернии муж продает жену за пятьдесят рублей, а в Симбирской губернии, где подобная продажа немыслима, муж надоевшую ему жену просто убивает и убивает не в порыве мгновенного раздражения, а неторопливо, как бы переступая с ноги на ногу и после долгих, тщательных приноровок, и, исполнив взлелеянный замысел весьма удачно, не радуется достигнутой цели, а начинает тосковать — такой тоскою, которую, право, не разогнал бы и оправдательный приговор присяжных, если бы таковой почему-либо последовал… Прочтите подробности совершения этого греха, рассказанные самим грешником (“Голос” № 175) и вы, может быть, поймете, что бывает такой душевный склад, при котором может чувствоваться потребность пострадать за содеянный грех, и вы, может быть, посмеетесь над теми, кто, не понимая такого душевного склада, тупо смеется над верою в такую потребность»[****]. Порецкий в данном случае чутко воспринял в «Дневнике писателя» его основополагающий посыл, — это открытая каждому спасительность покаяния, осмеянная оппонентами Достоевского «потребность пострадать за содеянный грех» как императив народного сознания.

В следующем уже обозрении Порецкий приходит и в прямое противоречие с однозначностью Мещерского, рассказывая еще одну историю семейного насилия, закончившуюся убийством мужа женою, также оправданной судом присяжных,

[****] *Гр.* 1873. 2 июля. № 27. С. 748.

поскольку несчастная «сделалась убийцею для спасенья себя и детей». Порецкий по этому поводу многозначительно замечает: «Кто не хочет коверкать и перевирать чужие мысли, тот, конечно, знает, что ни мы, ни кто другой не восставали и не будем восставать огулом против всех оправдательных приговоров…»[*]. Между тем «огульными» всё же были суждения Мещерского, не желавшего вникать в сложности того или другого судебного дела.

Поддержал и дополнил аргументы автора «Дневника писателя» московский обозреватель «Гражданина», рассказав об акции петербургских филантропок по спасению от изверга-отца девочки, судьбу которой Достоевский описал в статье «Среда»[**].

В обозрении «Из текущей жизни» (*Гр.* 1873. 15 октября. № 42) Порецкий обращается еще к одной грани проблемы, обозначенной в «Дневнике писателя». Обозреватель обсуждает три случая оправдательных приговоров присяжных и по поводу двух из них приходит к мысли о возможности со стороны власть и деньги имущих манипуляции присяжными заседателями, еще не осознавшими своей гражданской ответственности. Обращаясь к опыту страны рождения этого института, Достоевский писал: «Там присяжный понимает прежде всего, что в руках его знамя всей Англии, что он уже перестает быть частным лицом, а обязан изображать собою мнение страны. Способность быть гражданином — это и есть способность возносить себя до целого мнения страны» (21: 14).

Тему о суде присяжных, поднятую Достоевским и продолженную другими авторами «Гражданина», подытожила статья К. П. Победоносцева «Преобразование суда присяжных» (*Гр.* 1873. 17 декабря. № 51). Выдающийся правовед сыграл во многих случаях руководящую роль в самоопределении

---

[*] *<Порецкий А. У.>* Областное обозрение // *Гр.* 1873. 16 июля. № 29. С. 798.

[**] См.: *Москвич <Некрасов И. Ю.>* Московские заметки // *Гр.* 1873. 5 февраля. № 6. С. 167–169.

«Гражданина» эпохи Достоевского, которая была для России эпохой ломки и перестройки правового сознания. Так и в данном случае, обратившись к истории демократизации судебных институтов, он внес юридическую ясность в обсуждаемую проблему. Анализируя итальянский опыт, довольно схожий с российским, автор сообщает, что «не в одной Италии возбужден вопрос о преобразовании суда присяжных. Он уже поступил или вскоре поступит на очередь повсюду, где только введено было это учреждение, в горячую минуту, под влиянием преувеличенных об нем представлений или с политическими целями. Повсюду обнаруживаются на практике великие неудобства для правосудия, соединенные с действием суда присяжных. Они происходят оттого, что в основание учреждения положена мысль, оказывающаяся на практике неверною, — именно та мысль, будто бы вопросы о праве возможно, при судебном рассмотрении дела, с удобством отделить от вопросов о факте. Механическое разделение этих вопросов, с отдельным их обсуждением, возможно лишь в редких, исключительных случаях. С вопросами о факте, предоставленными отдельному обсуждению присяжных и клонящимися к определению *вины* подсудимого, почти всегда неразрывно связано соображение о праве, юридическое обсуждение. Вот почему присяжные, предоставленные в этом положении руководству личного только и внутреннего убежденья, принуждены бывают нередко или бродить во тьме, или впадать в ошибки и увлечения по таким предметам права и нравственности, по коим не должно быть колебания мысли, не должно быть зависимости от временного и случайного впечатления»[*] (тонкое наблюдение, ведущее нас к изображению суда присяжных в «Братьях Карамазовых»). По утверждению автора, суд присяжных справляется с указанными трудностями в одной только Англии (и то не всегда), где он родился из *обычаев*, складывавшихся века-

[*] *В. <Победоносцев К. П.>* Преобразование суда присяжных // *Гр.* 1873. 17 декабря. № 51. С. 1371.

ми. Тем самым «Гражданин» возвращался к мысли, в самом начале высказанной Достоевским в главе «Дневника писателя» «Среда»: «Да и самый суд-то присяжных они [англичане] сами себе выдумали, ни у кого не занимали, веками утвердили, из жизни вынесли, не в виде дара получили» (21: 14). Перенесенный же «в виде дара» механически на другую национальную почву, — продолжает эту мысль Победоносцев (хотя не исключено, что поначалу именно в разговорах с ним вышел на нее Достоевский), — институт присяжных в новой трансформации обнаруживает несоответствие изначальной своей природе, порождая на этой новой почве «склонность присяжных к произволу». Победоносцев приводит пример Германии, где формируется, в соответствии с другими традициями, и другой вариант демократизации судебного дела — институт «выборных заседателей», которые «должны будут участвовать при обсуждении вопросов о факте не отдельно от коронных судей, а совокупно с ними, в одном составе»[*].

* * *

Несомненно, предчувствуя и несколько опережая волну агрессивной критики, Достоевский посвящает главу «Нечто личное» (*Гр.* 1873. 15 января. № 3) старой клевете, будто он вывел Н. Г. Чернышевского в своей сатирической повести «Крокодил» (1865). Писатель воспользовался этим поводом еще и для того, чтобы обрисовать портрет еще одного, после Белинского и Герцена, «властителя дум», в нарочито спокойном, миротворческом тоне, подчеркивая, что его принципиальное несогласие с автором «Что делать?» не означает личной ненависти, как это случается сплошь и рядом в новой журналистике. «Можно очень уважать человека, расходясь с ним в мнениях радикально» (21: 29), — это суждение действительно находилось в резком противоречии с нравами современной прессы. Как и в первых двух главах «Дневника писателя», Достоевский устанавливал некий камертон, по

[*] Там же. С. 1372.

которому должен будет настраиваться стиль полемики в «Гражданине». Так, по поводу одного полемического ответа Мещерского, направленного против либерального издания, Достоевский заметил, что он «заносчив (хочет ссоры)», и советовал: «Вместо насмешливого тона не лучше ли спокойный, ясный? Я именно так думаю: больше будет достоинства» (29_1: 306).

Что же касается непосредственно Чернышевского, то постоянный читатель «Гражданина» мог припомнить, как недавно (*Гр.* 1872. 11 декабря. № 32. С. 513) князь Мещерский под псевдонимом «Оптимист» напечатал тоже «воспоминание» о вилюйском узнике — злую и пасквильную шутку. Выпад против Чернышевского, однако куда более сдержанный, Мещерский сделал и в 1873 г., при Достоевском-редакторе. Если Достоевский писал об «уме и таланте», отразившихся в романе «Что делать?» (21: 29–30), то Мещерский в четвертом «Письме вольнодумца» вновь отозвался с презрительной иронией о «евангелии прогрессистов», рассчитанном на весьма ограниченные умы, и рассказал поучительную историю «глупенького» помещика, под воздействием прожектерского романа разорившего себя в пользу кулаков-мироедов*.

* * *

Начало главы V «Дневника писателя» «Влас» (*Гр.* 1873. 22 января. № 4) — разбор сильных и слабых мест одноименного стихотворения Н. А. Некрасова, еще одного вдохновителя радикального направления. Достоевский в этой статье приступил к осмыслению противоречивого облика «истинного поэта нашего» (21: 32), а продолжил в IX главе «По поводу выставки». Вместе с тем глава «Влас» положила начало одной из ведущих тем «Гражданина» при Достоевском —

---

* См.: *О…..* <*Мещерский В. П.*>. Письма вольнодумца. IV // *Гр.* 1873. 23 июля. № 30. С. 824–827. Судя по всему, редактор всё же смягчил наиболее одиозные места. В письме к А. Г. Достоевской от 20 июля 1873 г. он сообщал: «Вчера всю ночь, не спавши, сидел за корректурой (стоящей сочинения) и сегодня и завтра буду» (29_1: 280).

этнологической. Еще в главе «Старые люди» писатель говорил о разрыве западнической интеллигенции «с родной землей и с ее идеалами» (21: 9) — теперь настало время обозначить эти «идеалы». Достоевский использует характерный для него ход: он как бы переписывает некрасовское стихотворение, неудовлетворительные с его точки зрения описания расхожих «грехов» Власа и его видение ада как «бабьи пустяки» (впоследствии Некрасов, учтя эту критику, исключил из стихотворения четверостишие о богомолках), он заменяет на «происшествие <…> истинное и уже по одной своей необыкновенности замечательное» (21: 33) — кощунство над святыней причастия*. Потрясенный своим преступлением, покаявшийся «Влас», а также его искуситель, «деревенский Мефистофель», по Достоевскому, — два народных типа, представляющие немалую «психологическую задачу»: «…и у того и у другого некоторое адское наслаждение собственной гибелью, захватывающая дыхание потребность нагнуться над пропастью и заглянуть в нее…» (21: 39). Эта «потребность отрицания» и даже «саморазрушения», а с другой стороны, «потребность страдания» (21: 35–36) и составляют, по Достоевскому, фундаментальную антиномию русского национального характера. Одолению духовного раскола поможет лишь укорененный в народе идеал, «сердечное знание Христа». Поэтому и на современные факты народного «пьянства, разбоя <…>, цинизма, нищеты, бесчестности, безбожия» писатель смотрит с высоты этих идеалов: «Очнется Влас и возьмется за дело Божие. <…> Себя и нас спасет…» (21: 41).

---

* О возможных фольклорных источниках этого эпизода см. комментарий А. В. Архиповой (21: 397–398), а также: *Отливанчик А. В.* Стрелец Семко и Влас Ф. М. Достоевского: к постановке вопроса о белорусском фольклорном источнике одноименного очерка // Достоевский: дополнения к комментарию / под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2005. С. 345–350. Наличие фольклорных источников не исключает, на наш взгляд, и возможности реального события (по лекалу предания), на чем настаивает сам автор: «Происшествие это истинное…» (21: 33).

Очерк вызвал новый подъем полемики. «И неужели же народ “желал” страдать? <…> неужели он не хотел расстаться с крепостным правом и его атрибутами?» — сформулировал наиболее типичное обвинение в адрес Достоевского анонимный фельетонист «Голоса» (1873. 25 января). Критик «Русского мира» (28 января) прибавлял, что спасения следует ждать не от невежественных Власов, а от «совокупности интеллигентных сил России». Принципиальное, хотя и в спокойной форме, возражение высказал Н. К. Михайловский: «страшной силе смирения» Власа в прочтении Достоевского он противопоставил мотивы протеста в некрасовской поэзии[*]. В ответ на «монашескую легенду» критик указал на фольклорное предание о «великом грешнике», искупившем свои грехи убийством разбойника. Возможно, эта полемика подсказала Н. А. Некрасову эпизод «О двух великих грешниках» в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Она имела и еще более далекие последствия. На выступление Достоевского часто ссылалась радикальная народническая, а потом марксистская, советская критика для доказательства «охранительства» писателя, «поэтизирующего смирение и страдание» или, по меньшей мере, «совпадения», «созвучности» его позиции с призывами реакционеров[**].

Расхождение, обозначившееся в споре вокруг «Власа», действительно было мировоззренческим, но выходящим за «ближние» рамки общественных проблем, оно заключалось в несовпадающих взглядах на человека и смысл его земного бытия. Мораль «прогрессизма» (и надвигавшейся на Россию революции) гедонистична: человек должен получить свою долю жизненных благ, поэтому в лучшем будущем не должно оставаться места страданиям. Христианство же, в контексте которого только и понятна позиция Достоевского, видит в страдании неизбежное и необходимое испытание, через

---

[*] *Н. М. <Михайловский Н. К.>* Литературные и журнальные заметки. Февраль 1873 г. // *Отечественные записки*. 1873. № 2. Отд. II. С. 336–337.

[**] *Твардовская В. А.* Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). М., 1990. С. 145–151.

которое проходит человек как свободное и морально ответственное творение Божие, совершенно избавить его от страданий значило бы избавить от свободы нравственного выбора, а следовательно, и от ответственности. Глава «Влас», таким образом, была органическим продолжением главы «Среда»: в них выражалась целостная христианская концепция автора. Парадокс заключался в том, что проводилась эта концепция не в «специальном» церковном органе, а в «мирском» общественно-политическом издании. Такое могла себе позволить разве что «мракобесная» «Домашняя беседа» (насмешки прогрессистов над ее «дуэтом» с «Гражданином» не были совсем уж беспочвенными), однако стиль был уже другой, свободный от сугубой церковности, одиозной для слуха современного секулярного читателя. Достоевский искал именно мирской и в данном случае даже газетно-фельетонный язык, способный вместить в себя основания христианского миропонимания. Этот труд формовки «своего» читателя в «Гражданине» разделяли вместе с ним такие авторы, как К. П. Победоносцев, А. У. Порецкий*, Т. И. Филиппов, М. П. Погодин, И. Ю. Некрасов.

* * *

Глава VI «Дневника писателя» «Бобок» (*Гр.* 1873. 5 февраля. № 6) — первое чисто художественное вкрапление в публицистический строй «Дневника писателя». Это, по жанру,

---

* Вот, к примеру, фельетонный пассаж на тему смирения в разговоре об ужасах двух веков (считая от Соборного уложения 1649 г.) крепостного права: «Многое накипало, пока дело еще не было “прошлым”; накипевшее по временам разражалось взрывами мести; но перешло дело в область “прошлого”, и накипевшее сгорело, как алмаз. Затеплил просветлевший люд неугасимую лампадку перед образом Александра Невского, и всё улеглось на дне души, да там и остыло. Осталась память, стало быть, остались и следы, но не те, что питают вековечную злобу и неудержимое порыванье — оскорблять за прошлое. “Но хорошо ли это телячье незлобие”? — спросят, вероятно, наши абреки. Уверять их, что хорошо — труд бесполезный; можно только сказать, что где же взять злобы, если ее нет?» (<*Порецкий А. У.*> Злоба и незлобие. (Из современного обозрения) // *Гр.* 1873. 29 октября. № 44. С. 1169). Абреки — читай: радикалы.

фантастический рассказ, продолжающий древнюю литературную традицию «разговора в царстве мертвых» и в том числе пушкинского «Гробовщика». Более чем вероятна и генетическая связь с пушкинским же стихотворением «Когда за городом, задумчив, я брожу», в котором саркастическое описание кладбища, где «гниют все мертвецы столицы», соотнесено с «торжественным покоем» деревенского погоста. Так же у Достоевского суета и разврат, продленные за грань земного бытия, оценены одной лишь репликой умершего «простолюдина»: «…воистину душа по мытарствам ходит!…» (21: 53). Гротескная картина нравственного разложения общества не была по достоинству оценена современниками, многими даже просто не понята: «мистический бред»[*]; «у автора <…> что-то неладно в верхнем этаже»[**]. Между тем картина инфернального разгула цинизма в контексте «Гражданина» вырастает на вполне себе реальной почве — точно так же, как безудерж замогильного веселья в самом рассказе вырастал из обыденного описания поминального пиршества:

---

[*] *Голос*. 1873. 15 марта.

[**] *Дело*. 1873. № 12. Журнальное обозрение. С. 102. Как откровение о метафизической пошлости «Бобок» был прочитан затем символистами, вызвав у А. Белого шок перед «совершеннейшим цинизмом», который он склонен был приписать самому Достоевскому, желавшему «сорвать всё святое» (О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг. М., 1990. С. 153–154). Напротив, как «прозрение» Достоевского о «заживо разлагающемся безбожном мире» (*Мочульский К.* Достоевский: Жизнь и творчество. Paris, 1980. С. 393) прочитан был этот рассказ религиозно-философской критикой. В литературоведческих исследованиях наиболее актуальным оказался жанрово-генетический аспект. М. М. Бахтин трактовал «Бобок» как «одну из величайших мениппей во всей мировой литературе» (*Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1971. С. 234–251), В. А. Туниманов раскрыл ряд памфлетно-полемических реалий, в том числе, отталкиваясь от названия-лейтмотива рассказа, обнаружил в нем ассоциации с нашумевшим романом П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» (см.: 21: 402–409; ср.: *Рак В. Д.* «Какой такой Бобок?» // *Нева*. 1992. № 9. С. 286–288), фольклорный план рассказа, ведущий к народным традициям ворожбы, был вскрыт В. П. Владимирцевым (см.: Поэтика «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского: этнографическое впечатление и авторская мысль. Иркутск, 1998. С. 47–59).

«Много заметил веселости и одушевления искреннего. Закусил и выпил» (21: 43). Сравним: за две недели до «Бобка» в «Петербургском обозрении» (*Гр.* 1873. 22 января. № 4) В. П. Мещерский описывал настроение столичной публики во время траура по великой княгине Елене Павловне (ее труженичеству во благо России «Гражданин» посвятил несколько публикаций). «Нынешний траур, — саркастически замечает обозреватель, — наложился на Петербург в ту минуту, когда он собирался предаваться самому полному и искреннему веселью»[*]. (Ср. в «Бобке»: «Ходил развлекаться, попал на похороны» — 21: 43). Имелась в виду масленица, но обозреватель ведет к более широкому выводу: «Вообще потребность в веселье есть отличительная черта нынешнего петербургского общества, и притом в веселье ночном»[**]. Далее следуют картины «напускного веселья» (ибо на самом-то деле «всех грызет какая-то скука, какое-то недовольство всем и всяким»), поражающие контрастом с внешней благопристойностью. Так, рассказывается о студенческом кружке самообразования, «превратившемся в кружок попоек и веселья»[***], или о благородном доме, где «пьянство, разврат и разгул под предлогом музыкальных и увеселительных вечеров начинают оживать около полуночи, а днем в этих же залах <…> происходят народные чтения»[****]. Более чем вероятно, что описанный здесь амбивалентный строй жизни петербургского общества послужил одним из толчков к созданию «Бобка». Мещерский был близок Достоевскому, когда подытоживал: «…фальшь, пошлость, вздор носятся по петербургскому воздуху», и потому столичному граду «кажется белым всё, что́ для России черно…»[*****].

---

[*] <*Мещерский В. П.*> Петербургское обозрение // *Гр.* 1873. 22 января. № 4. С. 91.

[**] Там же.

[***] Там же. С. 93.

[****] Там же. С. 92.

[*****] Там же. С. 93, 92.

* * *

Глава VII «Дневника писателя» — «Смятенный вид» (*Гр.* 1873. 19 февраля. № 8), — как и «Влас», начинается с литературно-критического суждения (о рассказе Н. С. Лескова «Запечатленный ангел»), которое затем перерастает в публицистическое исследование больной проблемы русского общества — положения и роли православной церкви. «Тревожные вопросы», навеянные рассказом, при всех «неловкостях» автора как художника и толкователя «характера нашего раскола», Достоевский подтверждает фактами из современной газетной хроники, в частности, усилением секты штундистов в среде русского простонародья. «Дневник писателя», таким образом, обобщал и конденсировал в себе одну из значительнейших тем «Гражданина» — судьбу церкви и пути ее реформирования. Достоевский вынужден констатировать падение авторитета духовенства, что осознавалось им как признак «роковой минуты», надвигающейся национальной катастрофы (см. далее главу «Церковь»).

* * *

Глава VIII «Дневника писателя» — «Полписьма “одного лица”» (*Гр.* 1873. 5 марта. № 10) — образец «ролевой» публицистики, памфлетное отражение нравов русской печати, также большая тема «Гражданина». Достоевский обыгрывает конкретные эпизоды полемики фельетониста «Санкт-Петербургских ведомостей» В. П. Буренина с автором «Отечественных записок» Н. К. Михайловским*, однако так перемешивает аллюзии, что самая памфлетность, потеряв индивидуальную адресность, носит всеобщий характер: в словесной войне без правил утрачено представление о правых и виноватых, очевидна лишь сервильность «наемной» журналистики. Совет Достоевского прост, но фундаментален: «Очнись

---

* См. комментарий Г. Я. Галаган: 21: 414–420, а также ее статью: «Одно лицо» и его «полписьма» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 3. Л., 1978. С. 159–165.

же и приобрети стыд. Приобретя стыд, приобретешь и уменье писать фельетоны…» (21: 64). По существу, эта полушутливая сентенция — основание принципиально иного типа журналистики, формируемого не в последнюю очередь самим Достоевским в своем еженедельнике.

Бесстыдство современной прессы — самый, может быть, едкий мотив «Гражданина». Он начинает звучать в первых же номерах, подписанных Достоевским, даже еще во «Вступлении» к «Дневнику писателя» (басня о льве и свинье — 21: 7–8). Последовавший затем сатирический этюд В. Ф. Пуцыковича (?) при очень вероятном участии Достоевского «Юбилей А. А. Краевского и его газеты “Голос”» (*Гр.* 1873. 8 января. № 2) — еще одна картинка сервильной журналистики, где слова «бескорыстная преданность делу» звучат как издевка. Этюд положил начало памфлетному сериалу «Гражданина»[*], название которому можно было бы подобрать из реплик в записной тетрадке редактора: «А у нас “Голос”», «Неужели независимость мысли <…> так тяжела», «Двуличная статья», «Каждый журнал у нас есть гнездо завистливых шипучек», «Вредное самодовольствие»… (21: 257, 258, 265, 266, 267).

К нравам современной журналистики Достоевский вернется во второй из «Двух заметок редактора» (*Гр.* 1873. 2 июля. № 27): «Это целая толпа пишущей братии, когда-то, от предков наследовавшая несколько либеральных мыслей, но в совершенной их наготе и наивности, безо всякого их развития и толку» (21: 157). В этом же ряду полемические реплики Достоевского 1873 г. «Нечто о журнальном соре» (3 сентября), «Столпы петербургского радикализма» (1 октября), «Сцена в редакции одной из столичных газет» (22 октября). Последняя как бы возвращает нас к упомянутому «Юбилею А. А. Краевского» и к ряду заметок о «Голосе» в сатирической «Последней страничке», это еще один эпизод из литературной борьбы,

[*] См. также более ранние сатирические миниатюры о Краевском и «Голосе»: *Оптимист* <*Мещерский В. П.*> Ералаш // *Гр.* 1872. № 32. 11 декабря. С. 512–513.

которую вел Достоевский с поверхностно-либеральной, неумной и амбициозной журналистикой. Его ирония, юмор — острое оружие в борьбе за чистоту литературных нравов. Придуманные Достоевским «псевдонимы» предельно прозрачны. Газета «Звук» — это петербургский «Голос», а «маститый редактор» — издатель и редактор «Голоса» А. А. Краевский. Узнаваемы и другие сотрудники «Голоса», тонко спародированные Достоевским. «Сцена в редакции…» разворачивает ситуацию, намеченную в главе «Полписьма "одного лица"» «Дневника писателя»: «….опытный житель обеих столиц знает <…>, что ты не более как нанятой борзописец у антрепренера-издателя; ты нанят и обязан его защищать. Он же (но никто другой) натравливает тебя на кого ему вздумается» (21: 63).

О границах гласности Достоевский серьезно задумался в самый разгар «эпохи гласности». Он долго и упорно, судя по объему подготовительных материалов в записной книжке 1860–1862 гг., выстраивал статью (так и не завершенную) о методах полемики, введенных в пореформенную русскую журналистику публицистами «Современника» Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым. Нововведение поразило и привлекло читающую публику: «Нам даже ваш тон, ваш неслыханный по безбоязненности и нарушению приличий слог казался значительным. Именно нам казалось, что вы нарочно хотите поставить себя выше известных приемов литературных <…>, чтоб именно показать тем, что вам истина дороже всего…» (20: 157). Но именно истина-то, что стремился тогда доказать Достоевский, и пострадала от «нарушения приличий». Он припоминает, с каким азартом Добролюбов (в статьях «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» и «От дождя да в воду») набросился на уважаемого русским обществом врача и педагога Н. И. Пирогова за проявленную им непоследовательность — оправдание телесных наказаний в учебных заведениях: «…несмотря на то, что такое тот человек, которого вы обвиняете, вы, подцепив одно его заблуждение, пустились

скакать перед ним <…>. Вам не было дела до заслуг, до того, что это деятель, вы освистали его» (20: 158).

Подобный метод «крайнего свиста» (20: 168) Достоевский увидел и в нашумевших «Полемических красотах» Н. Г. Чернышевского: «Но вы уж слишком размахались» (20: 155). Под это «слишком» попали люди достойные и сгоряча опозоренные («А ведь перед г<осподином>-то Буслаевым вы были неправы» — 20: 158). Дело даже не в этих частных случаях перехлестов, хотя они и значимы сами по себе, — Достоевский категорически не согласен с целым направлением, взятым тогда русской журналистикой, с ее оправданием «скандала» ради высокой цели. «Кулаками не лечут. Ведь вы не докажете, что если б не было скандала, не было бы и такого успеха. Этого же успеха можно было достигнуть и другими средствами» (20: 161). Побочный же эффект скандализирующей журналистики, по Достоевскому, намного превышает ее положительные результаты: «Свистать и свистать — ведь это сушь! Любви к делу мало! Гуманности мало» (20 161). Образец меры и даже «политического такта» для Достоевского один — «Христос-то вот не так поступал» (20: 156).

«Разнузданность» журналистских нравов, по Достоевскому, ведет только к одному результату: «Стукотня в литературе, последняя литературная грызня. Собаки грызутся, картина. Чужие забежали, десятки бросаются, покамест не облили водой» (20: 157).

Поспешное обличительство в нравах российской прессы Достоевский разоблачал еще в журналах «Время» и «Эпоха» и, приняв предложение редактировать «Гражданин», собирался вновь вернуться к злополучной теме. Об этом свидетельствует набросок планировавшегося «послесловия к роману “Бесы”»: «Взгляните на литературу, как она уверенно выражает свои цели, свой гнев, свою брань, свою торопливость. <…> Когда-нибудь мы выразим их торопливость, “Гражданин” обязан представить картину» (11: 308). Первый же номер редактируемого Достоевским еженедельника

завершило программное заявление под заголовком «Желание», уверенно атрибутируемое Достоевскому, где впервые, в сжатом виде, «представлена картина»: «Мы слишком хорошо знаем всё то, что́ у нас есть дурного, мы слишком хорошо умеем смеяться над всяким общественным деятелем; мы слишком строго умеем быть судьями и обличителями всякого, кто нам не по нраву. Чуть ли не все города нашего обширного отечества перебывали на страницах наших газетных летописей скандала, и чуть ли не со всеми этими городами мы только этими путями и роднимся»[*].

В «Дневнике писателя» в главе «Учителю» (*Гр.* 1873. 6 августа. № 32) Достоевский дает обобщенный психологический и ментальный ракурс: «На скандал всякий человек набрасывается, это уже свойство всякого человека, преимущественно в России…» (21: 115). Свою поправку внес В. П. Мещерский: «Эта жадность к новостям, и скандальным в особенности, присуща двум газетным мирам: парижскому и петербургскому. Может быть, очень лестно быть похожим на Париж, но дело в том, что это сознание наших газет, что без новостей ошеломляющих, так сказать, и бьющих в нос они пропадут, ибо уморят читателей своею скукою, не доказывает ли пустоту их внутреннего мировоззрения?»[**].

Наблюдения над отечественной прессой семидесятых годов заставили Достоевского в главе «Дневника писателя» «Полписьма “одного лица”» задать тему *внутренних*, нравственных пределов гласности: «Читая фельетоны <…>, невольно воображаю себе слишком уже долго продолжающуюся в литературе нашей какую-то бесконечную, пьяную, бестолковую масленицу» (21: 67).

Призыв к каким-то «правилам», ограничивающим «свободу», всегда принимался в штыки либеральной общественностью. Консервативная поправка Достоевского между тем означала, в конечном счете, *защиту личности* от диктата

---

[*] <*Достоевский Ф. М.*> Желание // *Гр.* 1873. 1 января. № 1. С. 28.

[**] Петербургское обозрение // *Гр.* 1873. 8 октября. № 41. С. 1094.

вседозволенности. Так, в заметке от редакции к корреспонденции о нижегородской ярмарке (*Гр.* 1873. 20 августа. № 34) с рассуждением, следует ли запрещать ярмарочные «вертепы», соблазнительные для неопытных юных душ, Достоевский признает неизбежность «стеснительных» мер: «А бритву у ребенка вырвать необходимо» (21: 284).

В набросках к последнему «Дневнику писателя» (1881) автор формулирует печальный итог многолетних наблюдений: «*Пресса*. Пресса, между прочим, обеспечивает слово всякому подлецу, умеющему на бумаге ругаться, такому, которому ни за что бы не дали говорить в порядочном обществе, напротив, разбили бы ему морду и вытолкали. А в печати приют: приходи, сколько хочешь ругайся, даже с почтением примут» (27: 47).

* * *

Глава IX «По поводу выставки» «Дневника писателя» (*Гр.* 1873. 26 марта. № 13) — проба Достоевского в жанре художественной критики. Речь в ней идет об открывшейся в Петербурге выставке произведений живописи и скульптуры, предназначенных для отправки в Вену на всемирную выставку. Статья эта ни в коей мере не обзор, в ней обсуждается лишь несколько наиболее значительных, с точки зрения автора, картин (он обходит красноречивым молчанием эффектную «Грешницу» Г. И. Семирадского, имевшую шумный успех): «Вид на Валааме» А. И. Куинджи, «Любители соловьиного пения» и «Псаломщики» В. Е. Маковского, «Охотники на привале» В. Г. Перова, «Бурлаки» И. Е. Репина, «Тайная вечеря» Н. Н. Ге. В каждом случае Достоевский пишет свою «маленькую картинку», литературный аналог живописного полотна, и по ходу описания формулирует проблемы общего значения: об особенностях новой русской художественной школы (передвижников), об эстетической природе искусства, не терпящей «мундирности» направления и требующей высшей правды, то есть способности видеть «идеальное» в «реальном». Достоевский развивает эстетические воззрения, выраженные

им еще в статье 1861 г. «Г-н —бов и вопрос об искусстве», на сей раз полемизируя с Н. К. Михайловским и солидаризируясь в ряде принципиальных моментов с В. В. Стасовым (см.: 21: 422–423, 428–430).

Замечательно, что «Грешница» Семирадского, обойденная красноречивым молчанием Достоевского, через три недели вызвала у Мещерского восхищение именно «высокохудожественным идеальным настроением», идущим «наперекор» нынешнему «какому-то реальному направлению»[*]. Понятно, что князь следовал в общетеоретическом плане за эстетическими посылами Достоевского, сильно их упрощая, и в применении их к конкретному произведению искусства и к самому пониманию «художественности» сработали эстетические привязанности не слишком-то утонченного вкуса.

Статья Достоевского о выставке, поставленная в контекст «Гражданина», позволяет увидеть и «обратную связь» автора со своим журналом. Почти за месяц до нее в «Московских заметках» (*Гр.* 1873. 19 февраля. № 8) И. Ю. Некрасов, рассказав о прошедшей в Московском университете защите докторской диссертации по древнерусской словесности (о редакциях «Домостроя»), поставил вопрос о сложившейся традиции унижения «русских бытовых идеалов» сравнительно с европейскими и о «самоновейших демократических поползновениях» отечественных авторитетов, на деле повторяющих давние западнические «фразы о *подлом* народе»[**], его неискоренимом варварстве. За поддержкой московский обозреватель обратился к современному русскому искусству. «…Редкие из русских писателей и русских художников, даже в современной народной жизни, не говоря уже о древнерусской, <…> умеют уловить во внешнем ее своеобразии *общечеловеческую* правду, которая между тем именно по своему своеобразию была бы особенно

---

[*] <*Мещерский В. П.*> Петербургское обозрение // *Гр.* 1873. 16 апреля. № 15–16. С. 463.

[**] <*Некрасов И. Ю.*> Московские заметки // *Гр.* 1873. 19 февраля. № 8. С. 223.

живо доступна русскому уму, русскому сердцу. Тем приятнее нам вспомнить единичные проблески авторского русского таланта (далее речь шла о премьере Второй симфонии П. И. Чайковского. — *В. В.*) <…> и вот русская песня, возведенная в перл художественного создания, обаятельно и обязательно влияет на русскую публику. Желаем всевозможных успехов, и качественных, и количественных, г. Чайковскому на таком плодотворном пути. Вспоминаем также картину В. Е. Маковского, которую нам недавно удалось видеть в его мастерской; теперь она должна быть на петербургской художественной выставке (продана москвичу г. Третьякову): перед вами бедная каморка с одним окном, в которое блеснуло зимнее солнце; в каморке три фигуры; две за чайным столом, на котором самовар и полштоф водки, представляют из себя толстого купчину средней руки, члена из пресловутого "темного царства", и кого-то вроде отрепанного сельского дьячка; у стола еще более отрепанный стоит отставной солдат, заложивши за спину руку, и в последней висит грязнейший бумажный носовой платок; в комнате вы видите клетки, западню (все детали картины выделаны прекрасно); и вот, вглядываясь в фигуры трех помянутых лиц, вы забываете всю бедность и, быть может, грязь их обстановки; солнце в окно будто смотрит приветливее, вся комнатка приняла живой, прелестный, симпатичный вид; вы видите, что эти три лица смолкли в восторге от пенья соловья, висящего в клетке над столом; это истинные художники — любители соловьев; автор картины сумел выразить *общечеловеческое* и могучее художественное самозабвение, в которое впали выставленные им лица, и сумел очаровать вас. Мы знаем, что эта картина стоила г. Маковскому около года обдумываний и работы. Больше же и больше пусть появляется истинно русских художников и писателей!»[*]

Приведенный отрывок из обозрения И. Ю. Некрасова представляется той канвой, по которой вскоре Достоевский сам напишет о картине Маковского. И тот, и другой начинают

[*] Там же. С. 223–234.

с размышления о ментальном различии России и Европы. Вместе с тем московский обозреватель «Гражданина» настаивает на «общечеловеческом» значении образов русского художника. А вот заключение Достоевского: «…в этих маленьких картинках, по-моему, есть даже любовь к человечеству, не только к русскому в особенности, но даже и вообще» (21: 71). Легко заметить, что Достоевский следует И. Ю. Некрасову и в самом приеме экфрасиса — вдумчивого разглядывания картины Маковского, схваченных в ней мельчайших подробностей проявления национального характера (Достоевский разовьет наблюдение предшественника о «могучем художественном самозабвении, в которое впали выставленные лица»). Даже реплику по адресу пресловутого «темного царства» Достоевский повторяет вслед за своим сотрудником. Перед нами весьма показательный пример, так сказать, коллективной лаборатории, в которой гениальный писатель получал содержательные импульсы от своих соратников по изданию.

* * *

Глава X «Ряженый» (*Гр.* 1873. 30 апреля. № 18) — ответ на полемические заметки Н. С. Лескова «О певческой ливрее: Письмо в редакцию» и «Холостые понятия о женатом монахе» (*Русский мир.* 1873. 4 и 23 апреля). Скрывшийся за псевдонимами «Псаломщик» и «Свящ. П. Касторский» (легко раскрытыми Достоевским), Лесков нашел существенные, на его взгляд, погрешности в отражении церковного быта в статье Достоевского «По поводу выставки» (описание картины В. Е. Маковского «Псаломщики») и в рассказе М. А. Сакса-Недолина «Дьячок» (*Гр.* 1873. 16 апреля. № 15–16). Претензии Лескова были небезосновательными, но имели частный и даже мелочный характер. Полемика с ними Достоевского, временами довольно язвительная и задевающая Лескова как писателя («вывесочная работа»), в целом вновь выходила на пространство общеэстетических закономерностей. «Задача искусства — не случайности быта, а общая их идея <…> неисследимые глубины духа и характера человеческого» (21: 82). Жесткая

полемика с Лесковым не «опровергла» художественную манеру последнего, но послужила эстетическому самоопределению Достоевского путем размежевания с художником иного склада[*]. Вместе с тем следует заметить, что на страницах «Гражданина» еще раньше появился очень тонкий и весьма доброжелательный разбор «Соборян» того же Лескова[**], да и в упоминавшейся главе «Смятенный вид» (19 февраля) Достоевский признавал, что история, возмутившая его, «отлично рассказана» (21: 56). Последовавшая затем полемика в главе «Ряженый» не дезавуировала прежних высоких оценок Лескова как художника в «Гражданине». Кроме указанного выше эстетического самоопределения это была еще и адекватная реакция на «ругательную статью». Давался наглядный образец журнальной полемики как жанра остроумной состязательности мнений в противовес «цинизму и дурному тону полемики» (21: 62) в современной прессе, на что журнал Достоевского указывал неоднократно. Но одно дело указывать, а другое — показать пример.

* * *

В главе XI «Мечты и грезы» (*Гр.* 1873. 21 мая. № 21) Достоевский поставил задачу определения приоритетов государства и общества, исходящих из истинных, вечных ценностей. Величие державы, основанное на близоруком «пьяном» бюджете, обманчиво (автор отталкивался от предшествовавшего обсуждения бюджетных проблем в «Гражданине»), т. к. неминуемая расплата — «народное пьянство и народный разврат, — стало быть, вся народная будущность» (21: 94).

---

[*] Этот эпизод предоставляет филологическому анализу замечательные возможности для постановки проблем индивидуального стиля, взаимодействия художественных и идеологических систем в русской литературе. См.: *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 538–555; *Туниманов В. А.* Ф. М. Достоевский и Н. С. Лесков в 1873 году: литературная дуэль // Ars philologiae. СПб., 1997. С. 172–189.

[**] <*Достоевский Ф. М.?*> Соборяне. Старгородская хроника. Н. Лескова (Стебницкого) // *Гр.* 1873. 22 января. № 4. С. 125–126.

Достоевский ставит вопрос о «правильных капиталах», получивший затем развитие в экономических статьях «Гражданина». Приоритетом общества должны стать не «деньги», но «люди», а выделка людей — долгий и трудный процесс, ключевую роль в котором играет школьный учитель. Достоевский предлагает включиться в дело народного просвещения всей русской интеллигенции без различия убеждений и взглядов: «…литераторы… социалисты… духовенство» (21: 95). (Мы проследим развитие в «Гражданине» данной тематики в главах «Народ» и «Школа»).

* * *

Глава XII «Дневника писателя» — «По поводу новой драмы» (*Гр.* 1873. 18 июня. № 25) — в значительной мере продолжение предыдущей. Картина народного пьянства и морального разложения пореформенной крестьянской общины, нарисованная в драме Д. Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра» (*Гр.* 1873. 4, 11, 18 июня. № 23–25), пересказана Достоевским в самых впечатляющих по своей безнадежности ситуациях. Анализ пьесы, лишь отчасти эстетический, в гораздо бóльшей степени является социально-психологическим комментарием к ней. Как и в случае с «Дьячком» М. А. Сакса-Недолина, пересказ и комментирование Достоевским пьесы Кишенского ведет к незаметным переакцентировкам и углублению психологических характеристик. Критик в некоторых случаях «дотягивает» оригинал (как это часто делает театр со слабой драматургией) и очевидно завышает его художественный статус. Мы вновь видим, как по канве чужого произведения Достоевский пишет свое, в данном случае в жанре пересказа, приближающегося к палимпсесту. Успех Достоевского в этом роде свидетельствует о некоторых особенностях его собственного дарования («гениальный читатель», по определению А. Л. Бема[*]) и в то же время характерен для него как редактора.

---

[*] См.: *Бем А. Л.* Достоевский — гениальный читатель // О Достоевском: сб. ст. Прага, 1929, 1933, 1936: в 3 т. / под ред. А. Л. Бема. Т. 1. М., 2007. С. 206–218.

Между тем враждебной ему критике Достоевский дал повод для издевок над редактором, «расхваливающим своего же сотрудника»[*]. На помощь автору «Дневника писателя» поспешил обозреватель «Гражданина» — он поднял брошенную перчатку и предложил взглянуть с исторической точки зрения на обычаи современной журналистики: «Редактор “Гражданина”, поместив у себя комедию “Пить до дна — не видать добра”, тут же высказал о ней свое мнение, указав на ее достоинства, не умолчав притом и о некоторых ее недостатках. Некий фельетонист нашел этот поступок неприличным и отнес его к числу литературных “курьезов”. Дело выходит точно курьезное: тот же нынешний редактор “Гражданина” некогда печатал свои произведения в “Отечественных записках”, и те же “Отеч. зап.” в то же время помещали у себя восторженные рецензии Белинского об этих произведениях. Тогда никому не казалось это литературным курьезом; человек говорит искренно, с увлечением, и никто не посмел бы не уважить этой искренности и этого увлечения честного критика, а малейший намек на *неприличие* его поступка нашли бы тогда сугубо неприличным и недостойным честного литератора. Теперь — не то; теперь журнал, допустивший на свои страницы какое-нибудь произведение, тем самым должен обречь себя на абсолютное молчание о нем: хвалить — неприлично, хулить — неестественно, потому что это значило бы себе противоречить. Правда, искренность, чистосердечное увлечение — всё это должно спрятаться и глаз не показывать»[**].

* * *

Глава XIII «Дневника писателя» — «Маленькие картинки» (*Гр.* 1873. 16 июля. № 29), — нарочито представленная автором как непритязательная фельетонная проза («самые пустые картинки»), в действительности соединяет в себе проблемное

---

[*] <*Ковнер А. Г.*> Литературные и общественные курьезы // *Голос*. 1873. 21 июня.

[**] <*Порецкий А. У.*> Из текущей жизни // *Гр.* 1873. 9 июля. № 28. С. 791.

эссе о «бесхарактерной» петербургской архитектуре с двумя этнологическими этюдами-наблюдениями (о сквернословии и об отношении простолюдинов к детям). Газеты (в частности, «Голос» от 31 июля) устроили вокруг этюда о «нелексиконном существительном» шумный скандал, так что автору пришлось объясняться в следующей XIV главе «Учителю» (*Гр.* 1873. 6 августа. № 32): «…мысль моя была доказать целомудренность народа русского» (21: 115).

Парадоксальность Достоевского не была понята его критиками*, что было достаточно типичной для него ситуацией. За простотой «маленьких картинок» (это жанровое определение родилось еще в главе «По поводу выставки» — 21: 71) скрывалось глубокое исследование «народной психеи». Этот жанр получит продолжение у Достоевского («Мужик Марей», «Столетняя», сцена выхода в народ Коли Красоткина — 14: 474–477).

Изучение национального характера, начатое в главах «Влас», «По поводу выставки», «По поводу новой драмы», «Маленькие картинки» Достоевский продолжил в главе XV «Нечто о вранье» (*Гр.* 1873. 27 августа. № 35). Особенность «русского лганья», по Достоевскому, в его всеобщем распространении, особенно «в классах интеллигентных»: «…у нас могут лгать даже совершенно честные люди» (21: 117). Предложенный автором парадокс объяснен двумя столь же парадоксальными причинами: 1) «В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический», 2) мы все лжем оттого, что «стыдимся самих себя» и жаждем казаться «*не глупее никого*» (21: 119–120). В доказательство писатель приводит «маленькие картинки» вагонных лгунов, способных победить самого Либиха в ученом споре о химии (анекдот созвучен грустно-язвительному рассказу В. М. Шукшина «Срезал» — лишнее доказательство точности наблюдения Достоевского в области национальной физиогномики).

---

* См.: *Петербургская газета.* 1873. 19 июля, 9 августа; *Санкт-Петербургские ведомости.* 4 августа; *Голос.* 14 августа.

Картину русских лгунов Достоевский писал уже после того, как на эту тему высказался А. У. Порецкий (под псевдонимом «Давнишний обыватель Петербурга») в статье «Современная хлестаковщина. Воспоминания старожила». Он начинает ее с утверждения, что существуют «такие особенности нашей общественной жизни, какие не существуют ни в какой другой стране и мешают тому, чтобы у нас сделались возможными многие явления, составляющие обыкновенную принадлежность других образованных обществ»[*]. Одна из таких особенностей — «отсутствие у нас преданий», элементарная историческая безграмотность, что позволяет процветать господам, способным «повещать какую угодно небывальщину и заслужить доверие», поскольку владеют «авторитетным тоном»[**] (ср. у Достоевского: «…говоруны выигрывают в своей осанке» — 21: 122). «Если же и поднимутся редкие голоса, фактически опровергающие бредни и выдумки, смело распространяемые рассказчиком, — продолжает Порецкий, — то он, хотя и изгнанный, наконец, из разных кружков, где его сначала слушали, по доверчивости, происходящей от неведения, все-таки долго еще будет держаться и проповедовать свои небылицы в каком-нибудь уголку, неизвестно почему продолжающем давать ему радушный приют, несмотря на то, что фантастичность его рассказов публично обличена бесконечное число раз»[***]. Достоевский варьирует это наблюдение: «Положительно можно сказать, что всякий говорун с несколько порядочными манерами (к порядочным манерам наша публика, увы, до сих пор еще чувствует предрассудочную слабость, несмотря на всё более и более разливающееся из фельетонов образование) может одержать верх и уверить слушателей своих в чем угодно, получить благодарность и уйти, глубоко уважая себя. Разумеется, при несомненном условии быть либеральным…» (21: 123).

---

[*] *Давнишний обыватель Петербурга <Порецкий А. У.>* Современная хлестаковщина. Воспоминания старожила // *Гр.* 1873. 15 января. № 3. С. 87.

[**] Там же.

[***] Там же.

Порецкий в своем эскизе современной хлестаковщины рассказывает о малодостоверных «воспоминаниях» В. П. Бурнашева, наводнивших периодические издания. Секрет их популярности, утверждает Порецкий, — их «тон полной самоуверенности в непогрешимости»*. Этот мотив находим и у Достоевского: «Вот это-то уважение к себе и сбивает меня с толку. <…> Вот эта-то известного рода бессовестность русского интеллигентного человека — решительный для меня феномен. <…> Она свидетельствует о таком равнодушии к суду над собой своей собственной совести, или, что то же самое, о таком необыкновенном собственном неуважении к себе, что придешь в отчаяние и потеряешь всякую надежду на что-нибудь самостоятельное и спасительное для нации, даже в будущем, от таких людей и такого общества» (21: 123–124). Зарисовка Порецкого, как видим, повела его редактора к таким обобщениям, до которых первый автор еще не додумывался. Идя следом за ним, Достоевский разглядел в русском лганье признаки застарелой болезни образованного сословия: «…двухсотлетние плевки на свое русское лицо раздвинули русскую совесть до <…> роковой безбрежности…» (21: 124).

* * *

Последняя XVI глава «Дневника писателя» — «Одна из современных фальшей» (*Гр.* 1873. 10 декабря. № 50) — возвращает читателя к началу «Дневника писателя», к обсуждению истоков современного политического радикализма. В письме М. П. Погодину 26 февраля 1873 г. Достоевский сообщал о плане «целого ряда статей», долженствующих доказать, что «социализм и христианство — антитезы» (29_1: 262). Восходя к черновым записям 1864 г. «Социализм и христианство» (факт, доказывающий непрерывность духовно-творческого процесса писателя и журналиста), эта тема волновала Достоевского, но долго не находила адекватного публицистического воплощения. В «Двух заметках редактора» (*Гр.* 1873.

* Там же. С. 88.

2 июля. № 27) Достоевский обещает: «…о социализме буду писать во второе полугодие моего редакторства» (21: 157). Пожалуй, лишь в обозрении «Иностранные события» 8 октября 1873 г., заявив о социализме как о «страстной вере», несущей «новые нравственные начала обществу» (21: 201), Достоевский близко подойдет к исполнению своего обещания. «Одна из современных фальшей», получается, — второе обращение к заявленному замыслу.

В конце 1873 г. писателя подтолкнула к выступлению заметка в анонимном «Обзоре событий» «Русского мира» (1873. 13 ноября), утверждавшая, что «фанатик вроде Нечаева мог найти себе прозелитов только среди праздной, недоразвитой и вовсе не учащейся молодежи». Этот типичный прием либеральной защиты молодого поколения вызвал возмущение Достоевского. Обращаясь к собственному опыту бывшего петрашевца и даже «нечаевца», он ищет истинное начало зла в воспитании «без почвы, вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу…» (21: 132). Социализм, изначально «розовый», то есть рожденный «великодушными» идеями равенства, братства и «будущего блаженства», немало способствовал такому воспитанию. Строительство обновленного мира социализм, становясь «политическим», предполагает вести на развалинах старого, разрушив в первую очередь его христианские основания. Поэтому даже честная, чистая молодежь оказывается способной на «чудовищное злодейство» вроде нечаевского — это «самая болезненная и грустная черта нашего теперешнего времени» (21: 131). Достоевский завершает «Дневник писателя» в «Гражданине» на профетической ноте: «туман фальшивых идей» и «миражей» (21: 136) способен помрачить целое поколение, будущее страны. Отсюда лежал прямой путь к самому «миражному» и в то же время «воспитательному» роману — к «Подростку».

Следует заметить, что статья Достоевского вступала в противоречие и с тем, что на ту же тему говорил в «Гражданине» В. П. Мещерский. За месяц до указанного выпуска

«Дневника писателя» в «Петербургском обозрении» сообщено было о «новых швейцарских прокламациях, найденных между учащеюся молодежью». Обозреватель прошелся насчет «*возмутительной подлости*» лукавых политиканов, совращающих «бедную нашу молодежь», пользуясь ее нелегким материальным положением. Дешевые квартиры для студентов, столовые, библиотеки и т. п., по мнению князя, позволят «истребить зло это в корне»[*]. Через неделю обозреватель вернулся к событию, сообщив об «арестованных в среде молодежи» (имелся в виду кружок Долгушина, послуживший прототипом кружка Дергачева в романе «Подросток»). Их преступление было представлено следующим образом: сбитые с толку юнцы, разносчики прокламаций, пытались «пропагандировать народу *великие начала* той революции, которые соблазнить могут только таких мошенников или совершенных дураков, каковы суть самые прокламаторы…»[**]. Собственно, с этими утверждениями и полемизировал автор «Русского мира», в указанной выше статье защищая «учащуюся молодежь» от княжеских наветов. Получается, таким образом, что автор «Дневника писателя» спорил не только с «Русским миром», но и с собственным сотрудником. Не «мошенники» и не «дураки» соблазняли русскую молодежь, но властители дум, сами неколебимо уверовавшие в *великие начала* социализма. Зря князь выделил эти слова ироническим курсивом: он явно недооценивал могущество и влиятельность сих начал, антихристианских по своей сути, как их и определял Достоевский, на себе испытавший действие «новой веры».

* * *

Осенью 1873 г. Достоевский переключился с «Дневника писателя» на внешнеполитическую рубрику «Иностранные

---

[*] <*Мещерский В. П.*> Петербургское обозрение // *Гр.* 1873. 5 ноября. № 45. С. 1198–1199.

[**] <*Мещерский В. П.*> Петербургское обозрение // *Гр.* 1873. 12 ноября. № 46. С. 1224.

события», что было вызвано как редакционной необходимостью, так и желанием самого писателя осмыслить современные европейские события. «Дневник писателя» в то время был сосредоточен целиком на российских проблемах, и выход за их пределы, очевидно, осознавался автором как нарушение границы рубрики. Лишь в 1876–1877 гг. европейские дела станут равноправной темой «Дневника писателя».

Возродясь в 1876 г. в виде самостоятельного издания, «Дневник писателя» сохранил не только название. В исследовательской литературе распространено воззрение на «Дневник писателя» 1873 г. как на недостаточно еще оформившееся жанровое образование (И. Л. Волгин, Т. В. Захарова, П. Е. Фокин), имевшее незначительное влияние на публику[*], особенно в сравнении с успехом и несомненной авторитетностью «Дневника писателя» начиная с 1876 г. Более точным представляется наблюдение, что «в 1876 году изменился тип издания, но не литературный жанр»[**], в основании своем сложившийся уже в 1873 г.

По утверждению Г. М. Фридлендера, «Дневник писателя» в «Гражданине» был вполне автономным «журналом в журнале» (см.: 21: 359). Это утверждение вызвало резонное возражение: «Дневник писателя» как газетная «авторская рубрика» не мог не быть «частью целого»[***]. Действительно, «Дневник писателя» 1873 г. вырастал из газетной эмпирики «Гражданина» и одновременно стремил ее к социальным, нравственным, философским обобщениям. Идеи редактора затем, в свою очередь, находили подтверждение и поддержку в материалах других

---

[*] По мнению одного из исследователей, непопулярности способствовал контекст: «Место и время для публикации еженедельных фельетонов выбраны были как нельзя более неподходящими» (*Туниманов В. А.* Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» // Достоевский — художник и мыслитель: сб. ст. М., 1972. С. 169).

[**] *Захаров В. Н.* Система жанров Достоевского. Л., 1985. С. 199.

[***] *Фокин П. Е.* К вопросу о генезисе «Дневника писателя» за 1876–1877 гг. (Историко-литературный аспект) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 13. СПб., 1996. С. 123.

авторов, особенно горячо «ассистировал» ему А. У. Порецкий. Впрочем, нередко бывало и так, что идеи Достоевского подвергались упрощению и выпрямлению, особенно в публикациях издателя В. П. Мещерского. Контекст «Дневника писателя» был, таким образом, довольно противоречивым.

Будучи частью «Гражданина», «Дневник писателя» вместе с тем обладал внутренним единством авторского стиля, развития сквозных тем (теория «среды» и нравственная ответственность личности, национальный характер, социализм и христианство, народ и интеллигенция, значение искусства), общего пафоса, соединяющего эсхатологизм мыслителя с конструктивностью журналиста. Далеко не все статьи, написанные для «Гражданина», Достоевский включал в свой «Дневник», хотя граница между ними в газетном контексте могла быть иногда довольно подвижной. Так, в последнем выпуске еженедельника в годовой росписи статей, составленной секретарем редакции В. Ф. Пуцыковичем под руководством самого редактора, под рубрикой «Дневник писателя» значатся «Две заметки редактора». В пользу единства и целостности «Дневника писателя» 1873 г. говорит и тот факт, что автор собирался издать все шестнадцать выпусков в виде отдельной книги (см. письмо владельца типографии Г. Ф. Пантелеева к А. Г. Достоевской 12 марта 1874 г. со сметой издания[*]).

Первоначальный и, очевидно, «рабочий» вариант названия рубрики «Дневник литератора» (21: 296) был отброшен Достоевским в пользу «Дневника писателя» как более точно выражающего жанровую доминанту: взамен обобщенно-цехового «литератора» выступал «писатель», художник, индивидуальность. Уже «Вступление» задавало тон, не вполне обычный для «чистой» публицистики. Даже сочувственно настроенному Вс. С. Соловьеву показалось, что Достоевскому «не следовало начинать с фарса, с Китая»[**]. Между тем воображаемая писателем китайская церемония вступления

---

[*] *Летопись*. С. 464.

[**] Из дневника Вс. С. Соловьева. 2 января 1873 г. // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 423 (сер. «Литературное наследство»; т. 86).

редактора в должность включала читателя в игру аукающихся и постоянно ускользающих аллюзий. В финальной «присказке кстати» Достоевский не случайно вспоминает книгу А. И. Герцена «С того берега», близкую ему своим диалогическим построением, свободой выбора, предоставляемой читателю.

Игровая стихия, разрушающая читательские стереотипы, с особенной художественной энергией выплеснулась в главе «Бобок», где рассказчик парадоксально совмещает в себе и авторские суждения о мире, и сам этот разлагающийся, «свихнувшийся» мир. Онтологический диалогизм «Дневника писателя», наиболее резко проявившийся в «Бобке» и в продолжающем его «Полписьме "одного лица"», в разной степени очевидности проступает и в других главах. Так, в «Среде» рядом с авторскими суждениями «слышится голос», «слышится другой голос», «язвительный голос» и т. д. Такое — художественно-публицистическое — построение «Дневника писателя» призвано ко всему прочему передать и авторское ощущение России: «Чувствуешь себя как в каком-то вихре; захватило вас и вертит, и вертит» (21: 22). Впрочем, к финалу монологическое начало «Дневника писателя» возрастает (автор был даже вынужден объяснять свои «Маленькие картинки»).

Жанровый синтетизм «Дневника писателя» проявляется также в установке автора на разглядывание, всматривание в окружающую действительность, в газетную хронику, в произведения искусства (стихотворение Некрасова, картины русских художников, рассказы Лескова и Недолина, пьеса Кишенского, образ Пирогова у Гоголя) с их последующим продлением, дополнением и развитием в воображении автора, способного фантазировать, — то есть *Писателя*. Осмысление текущей действительности, таким образом, происходит в «Дневнике писателя» двояким образом — глазами журналиста и художника. Данное обстоятельство накладывало особый отпечаток и на весь опосредующий контекст — газету-журнал «Гражданин».

Глава 3. Народ

Тема зависимости демократических преобразований от реальной почвы, на которую они попадают, не раз возникала на страницах «Гражданина». В сфере внимания еженедельника оказалось нововведение эпохи великих реформ — волостное, т. е. крестьянское самоуправление. Сама по себе прекрасна была идея законодателя дать выборным от сельского схода людям, в пределах оговоренной юрисдикции, такие полномочия, которые были бы ограничены только понятиями *народного обычая* и *справедливости.* Однако во что превратилась на практике прекрасная идея?

В главе «Среда» «Дневника писателя» (1873. 8 января. № 2) Достоевский заставляет задуматься над недавней историей, описанной «во всех газетах»: «Мужик забивает жену, увечит ее долгие годы, ругается над нею хуже, чем над собакой. В отчаянии решившись на самоубийство, идет она почти обезумевшая в свой деревенский суд. Там отпускают ее, промямлив ей равнодушно: "Живите согласнее". Да разве это жалость? Это какие-то тупые слова проснувшегося от запоя пьяницы, который едва различает, что вы стоите пред ним, глупо и беспредметно машет на вас рукой, чтобы вы не мешали, у которого еще не ворочается язык, чад и безумие в голове» (21: 20). Вскоре Достоевский печатает статью А. Екимова «Толки о волостных судах. Критическая их оценка» (*Гр.* 1873. 19 февраля. № 8. С. 232–238), где изъяны нового института сведены к трем пунктам: «1) *отсутствие гражданского развития в народе* — отсюда: поглощение отдельной личности в обществе и полное подчинение ее властям, стоящим во главе крестьянского самоуправления, что выражается во влиянии схода на выбор судей, влиянии старшины на судей и суд вообще; 2) *безграмотность* народа — отсюда незнание судьями круга своих обязанностей, степени власти — и полное подчинение писарю, как лицу грамотному и в глазах народа хорошо знакомому с законом; 3) *безнравственность* и *пьянство* взаимно друг друга порождающие — отсюда взяточничество (водкой и угощением),

пристрастие и несправедливость судей и т. д.». «…Источник всех этих недостатков, — полагает автор, — лежит вне суда; <…> источник их вся прошедшая жизнь — крепостное право и совместное с ним существование податного сословия — вот корень всякого зла, которое выплывает теперь только на чистую воду»[*].

Заданное редактором и продолженное корреспондентом «Гражданина» осмысление ментальных причин несостоятельности теперешнего крестьянского самоуправления было продолжено другими авторами. В обозрении «Из текущей жизни» (*Гр.* 1873. 4 июня. № 23. С. 670–671) В. П. Мещерский рассматривает эпизод наглой разнузданности волостного правления по отношению даже к священнику: похмелье от власти, доставшейся недавно еще забитым людям, порождает у них ощущение вседозволенности с отмеченным Достоевским по другому поводу «забвением всякой мерки» и «потребностью хватить через край» (21: 35). В том же номере начнется история о циничном беззаконии подкупленного водкой крестьянского схода — народная драма Д. Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра» (*Гр.* 1873. 4–18 июня. № 23–25). В главе «Дневника писателя» «По поводу новой драмы» (*Гр.* 1873. 18 июня. № 25) Достоевский вновь включился в обсуждение проблемы: «Эта сходка — это *всё*, что осталось твердого и краеугольного в народном русском строе, главная исконная связь его и главная будущая надежда его, — и вот и эта сходка уже носит в себе начало своего разложения, уже больна в своем внутреннем содержании! Вы видите, что уже во многом это лишь одна форма, но что внутренний дух ее, внутренняя вековая правда ее пошатнулись — пошатнулись вместе с зашатавшимися людьми» (21: 100). Власть на сельских сходах захватили горлопаны — подхватывал в своей «ролевой» публицистике В. П. Мещерский[**].

---

[*] *Александр Екимов.* Толки о волостных судах. Критическая их оценка // *Гр.* 1873. 19 февраля. № 8. С. 233.

[**] См.: <*Мещерский В. П.?*> Письма крестьянина. II // *Гр.* 1874. 25 февраля. № 8. С. 239–240.

Тему активно продолжил в своих обозрениях А. У. Порецкий. Он с удовольствием обнаруживает блестки коллективной народной мудрости и милосердия в решении сельского схода простить украденную «пудовку ржаной муки» отчаявшейся матери четверых голодных малышей[*]. Но уже вскоре обозреватель обращается к вопиющему факту равнодушия волостного суда к изощренным способам семейного насилия (муж вместе с приятелем «перепоясали женщину веревкой и, привязав ее к оглобле, начали шибко погонять лошадей»)[**]. Скорее всего, именно Достоевский обратил внимание обозревателя на это чудовищное проявление бесчеловечности в крестьянской среде, на что указывает запись в тетради редактора: «"Московские ведомости", 26 февраля 74, из Бахмута о жене-пристяжной» (16: 6). Обозреватель «Гражданина» в своем комментарии, что очевидно, выражает и точку зрения редактора (не исключена и редакторская вставка): подобные факты «в глазах волостного начальства не заключают в себе *ничего преступного* и могут быть свободно повторяемы каждым членом волости, лишь бы только не дошло до смертного случая. Значит, на все эти случаи в "волости" нет суда и расправы, нет защиты истязуемым. <…> А как вы думаете: сколько таких же точно, как эта пристяж-

---

[*] Заботы, взгляды и мечты. Из современного обозрения // *Гр.* 1874. 12 февраля. № 6. С. 169. Данный номер «Гражданина» вообще начинается передовой статьей В. П. Мещерского «Украл с голоду», где убедительно расставлены акценты непростой темы (как мы полагаем, не без участия редактора): «Для судей не может быть речи *о сделках с совестью*, которые, к сожалению, в делах о кражах всё чаще и чаще из речи защитника переходят в область суждения по совести суда присяжных. <…> Нет, суд милостивый и правый другое значит, чем многие у нас думают: суд милости, значит, суд, основанный на участии к каждому уголовному преступлению сердцем и умом так, как бы предстояло судить перед лицом Божиим, слушаясь только совести, совести и совести! И тот присяжный, кто слушается только совести, тот никогда не признает *крайности* в таком воровстве, где ее не было…» (*N.* <*Мещерский В. П.*> «Украл с голоду» // *Гр.* 1874. 12 февраля. № 6. С. 162).

[**] <*Порецкий А. У., Достоевский Ф. М.?*> Нелегкие вести. Из современного обозрения // *Гр.* 1874. 11 марта. № 10. С. 285.

ная-женщина и *так же точно* истязуемых, ждущих, не скажем "правого суда", но хоть какой-нибудь острастки над злодеями? Ну, сколько, как вы думаете, по всей-то Руси?»[*]

Выйдя из редакции, Достоевский ничуть не остыл по отношению к этому явлению[**], оно продолжало волновать его, поскольку несло в себе начала вырождения низовой демократии, что позднее назовут охлократией. 1 мая 1874 г., прочитав очередное газетное сообщение подобного рода, писатель заносит в свою рабочую тетрадь далеко идущие мысли: «О волостном писаре Пинской[***] губернии *Борисовского* уезда, высекшем бабу ("Розог!") (NB. Не смеют прикоснуться к подлым волостным судам, даже чтоб ограничить пьяный произвол. Свободы истинной, а не номинальной! К черту республику, если она деспотизм!)» (21: 272).

* * *

Реформа 19 февраля 1861 г. принесла не только освобождение от крепостной зависимости, она привела к социально-экономическому кризису, к которому крестьянская Россия была совершенно не готова. Исторически обветшавшие опоры крепостного порядка рухнули, а с ними вместе подломились устои нравственного строя, так называемые традиционные ценности, в защиту которых и выступал «Гражданин» с момента своего рождения (январь 1872), возможно, не всегда умело. Почвенничество самого Достоевского к началу семидесятых годов, т. е. за десятилетие «эпохи реформ», изжило мечтательный период великих надежд на скорые и бла-

---

[*] Там же.

[**] Образованная в 1871 г. комиссия под началом М. Н. Любощинского к лету 1873 г. представила свои предложения: сделать волостной суд всесословным, ввести образовательный ценз и несменяемость судей сроком на три года, надзор возложить на съезды мировых судей. В 1889 г. учреждение земских начальников свело на нет какую бы то ни было самостоятельность волостных судов.

[***] Так в подлиннике: РГАЛИ. Ф. 212.1.13. Л. 36. В действительности Борисовский уезд входил в состав Минской губернии, а Пинск никогда не был губернским центром.

гие перемены. Ему всё более становилось ясно (в отличие от многих современников), что история страны как история народа делала чрезвычайно опасный разворот. В «Бесах» писатель сосредоточился в основном на безурядице, воцаряющейся в русском обществе, хотя отчасти задел и волнуемое народное море. Достоевский как редактор «Гражданина» (1873–1874) и автор рубрики «Дневник писателя» регулярно выходит на тревожные факты.

«Нечто личное» («Дневник писателя» 15 января 1873 г.): «Экономическое и нравственное состояние народа по освобождении от крепостного ига — ужасно. Несомненные и в высшей степени тревожные факты о том свидетельствуют поминутно. Падение нравственности, дешевка, жиды-кабатчики, воровство и дневной разбой — всё это несомненные факты, и всё растет, растет» (21: 30).

«Влас» («Дневник писателя» 22 января 1873 г.): «Современный Влас быстро изменяется. Там внизу у него такое же кипение, как и сверху у нас, начиная с 19 февраля [1861]. Богатырь проснулся и расправляет члены; может, захочет кутнуть, махнуть через край. Говорят, уж закутил. Рассказывают и печатают ужасы: пьянство, разбой, пьяные дети, пьяные матери, цинизм, нищета, бесчестность, безбожие. Соображают иные, серьезные, но несколько торопливые люди, и соображают по фактам, что если продолжится такой “кутеж” еще хоть только на десять лет, то и представить нельзя последствий, хотя бы только с экономической точки зрения» (21: 41). Очевидно, что к этим «несколько торопливым людям» принадлежит самоироничный автор: через некоторое время он уже без иронии заговорит про оставшиеся до сокрушительного финала «десять, пятнадцать лет» (21: 94).

«Мечты и грезы» («Дневник писателя» 21 мая 1873 г.): «Народ закутил и запил — сначала с радости, а потом по привычке. <…> Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабак снесли; а в кабак приняли! Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?» (21: 94).

«По поводу новой драмы» («Дневник писателя» 18 июня 1873 г.): «…отзывается и всё чрезвычайное экономическое и нравственное потрясение после огромной реформы нынешнего царствования. Прежний мир, прежний порядок — очень худой, но всё же порядок — отошел безвозвратно. И странное дело: мрачные нравственные стороны прежнего порядка — эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажничество — не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились; тогда как из хороших нравственных сторон прежнего быта, которые всё же были, почти ничего не осталось. <…> Это поколение, поднявшееся уже после реформы. В первом детстве оно застало семью уже разлагающуюся и циническое, поголовное пьянство…» (21: 96–97, 98).

Посещают автора «Дневника писателя» в самом его начале мысли о «слабосердости» народа (21: 13) и мучительные сомнения, в которых «много соблазна»: «А что, если наш народ особенно наклонен к учению о среде, даже по существу своему, по своим, положим, хоть славянским наклонностям? Что, если именно он-то и есть наилучший материал в Европе для иных пропагаторов?» (21: 16–17)[*].

В третьем номере редактируемого им издания (15 января 1873 г. С. 67–70) Достоевский помещает статью В. А. Унтилова «Общество для противудействия чрезмерному распространению пьянства» с ужасающей статистикой, в том числе растущей смертности. Кроме того, как утверждает автор, «открытие всякого нового кабака есть открытие нового притона развращения, воровства и разорения и проч. Кабатчики конкурируют между собою не продажею питей, а деморализацией и развратом. В котором кабаке разврата более, тот кабак и выигрывает больше. Таким образом кабатчики наперерыв стараются перещеголять и перегнать друг друга заманчивостью и прелестью разврата. И такой разврат всё

[*] Сразу после «Гражданина» сомнения эти отразятся в черновиках к роману «Подросток», их выразит ОН (будущий Версилов): «Общество химически разлагается. — Ну нет, народ. — Народ тоже» (16: 16).

увеличивается, и нет ему удержу*. Люди несут в кабак не только свое добро, но и чужое, потому что там всё принимают. Вот и необходимое увеличение воровства, а за воровством и грабежа и т. д.»**.

Основываясь на этой публикации, Достоевский затем в «Дневнике писателя» также утверждает, что кабаки «окупаются» не одной виноторговлей, но и «народным развратом, воровством, укрывательством, ростовщичеством, разбоем, разрушением семейства…» (21: 94). (Кстати, характерная история с бронзовой рукой Ивана Сусанина взята Достоевским из той же корреспонденции). На криминальном сюжете построена и народная драма Д. Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра» (*Гр.* 1873. 4, 11, 18 июня. № 23–25), которую Достоевский сопроводил своей сочувственной статьей «По поводу новой драмы» (см.: 21: 96–105).

Еще одно соображение В. А. Унтилова получит продолжение у авторов «Гражданина». Поучительный пример, говорит он, подает современная европейская история: «Говорят — интернационалка, коммуна! и при этом вздрагивают от ужаса, от убийств, от пожаров, от злодеяний, но посмотрите поглубже в эту бездну... посмотрите еще поглубже и вы увидите, что на дне ее немалую роль играет французский кабак и пламя свеклосахарного алкоголя. И вот вам еще одно прибавление к новой истории Франции! Одильон-Барро, член Парижской Академии, принимая членов общества для противудействия пьянству, сказал, что среди тех негодяев, которые обагрили кровью и сожгли Париж, *господствующую роль* играло неумеренное употребление спирта и пьянство»***.

«Набатный» мотив развивают в «Гражданине» его ведущие авторы. «Что может спасти Россию от повального пьянства?» —

---

* О представляемых кабаком «удовольствиях и развлечениях, соответственных грубому вкусу простолюдина» см. также: <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 16 апреля. № 15–16. С. 489–494.

** *Н.* <*Унтилов В. А.*> Общество для противудействия чрезмерному распространению пьянства // *Гр.* 1873. 15 января. № 3. С. 69.

*** Там же. С. 70.

таково патетическое заглавие статьи В. П. Мещерского (*Гр.* 1873. № 20)*. «Вопрос этот приходит на ум ежедневно и ежечасно, и чем более над ним задумываешься, чем чаще его слышишь, тем непостижимее кажется тот, увы! несомненный факт, что никто в сущности серьезно не тревожится за будущность России. Мы как будто свыклись с мыслью, что повальное пьянство в нашем народе есть и должно быть нормальным явлением». А между тем, полагает автор, на наших глазах образуются «новые нравственные черты, изменяющие к худшему характер русского народа»: «народ наш грубеет, народ черствеет, народ делается злее и жестче; в народе видимо ослабевает уважение к семье, к власти и к церкви. Спрашивается: чего же еще нужно ждать, чтобы испугаться?» Мещерского страшно пугает (и, как мы теперь понимаем, небеспочвенно) возможное развитие событий: «…земство заявляет свое бессилие в борьбе с пьянством, мировые посредники тоже, помещики подавно, священники тоже, полиция точно так же. “Чтó же дальше?” — спрашиваем мы. Еще один шаг, и мужик, который теперь под пьяную руку и за ведро водки попирает законы семейные, имущественные и гражданские, осмеивает все свои учреждения — в конце концов все-таки государственные, ругается над церковью и верою (можно привести

* Куда более спокойное и прагматичное решение (замена крепких напитков на пиво) предлагалось в статье либерального журнала: *Тизенгаузен Н. А.* Повальное пьянство и меры против него // *Вестник Европы.* 1873. № 1. С. 382–406. На призыв «Гражданина» (в указанной статье Мещерского от 14 мая) объединить все наличные общественные силы на противодействие бедствию А. С. Суворин отреагировал едко-иронично: «Это очень почтенные, но и достаточно наивные строки, ибо такая “уния” мыслима только в пламенных мечтах юноши» (*Санкт-Петербургские ведомости.* 1873. 20 мая). Любопытно, что на следующий день (21 мая) «мечтательную» идею повторил Достоевский в статье с нарочитым заглавием «Мечты и грезы» (см.: 21: 95). По поводу уже этой статьи язвительно прошелся Л. К. Панютин: «…грезится наяву гибель русского народа не от чего другого, как именно от пьянства» (*Нил Адмирари.* Листок // *Голос.* 1873. 10 июня). Фельетонист в опровержение привел пословицу: «пьян да умен — два угодья в нем». Поддержала марку прогрессивно-сатирическая «Искра», где В. И. Богданов в статье «Мирской толк» (10 июня) иронизировал над Достоевским, «плачущим о народном разврате».

страшные факты для доказательства), повсюду, где может, водворяет кулачное право и хитрость обмана, и вместе с тем разоряет свой материальный быт с устрашающею быстротою, — такой мужик, говорим мы, самым естественным образом должен весьма скоро прийти к непризнаванию *никакого* авторитета, *никакого* права, *никакой* власти»[*].

Возлагая последние надежды на государство, «Гражданин» горячо приветствует обнародованные 13 июля 1873 г. новые узаконения относительно Питейного устава, в особенности прописанное в нем «введение того нового начала, в силу которого вопрос *о количестве* питейных заведений поставлен в прямую зависимость от *местной общей администрации*, а не акцизной…»[**]. В другой статье «Гражданина», как мы полагаем, самого редактора, прямо говорится, что решающее значение могут иметь усилия губернаторов[***]. Предлагал «Гражданин» также вернуться к дороговизне «откупной» водки. «А народное образование, а театры <…>, — вспоминает при этом издатель журнала про типичные “противоядия”, предлагаемые в тогдашней печати, да и в самом “Гражданине”, — разве это не в сто раз сильнее, как средства к противодействию пьянству? Опять же теоретически — это безусловно верно; но практически относясь к предмету, мы сомневаемся в том, чтобы *теперь* народное образование, в его младенческом возрасте и беспомощном состоянии, и театры, которых еще вовсе нет и зародыша, могли бы что-либо сделать существенного для уменьшения пьянства *в настоящее* время»[****].

---

[*] ******* <*Мещерский В. П.*> Что может спасти Россию от повального пьянства? // *Гр.* 1873. 14 мая. № 20. С. 580–581.

[**] ******* <*Мещерский В. П.?*> Утешительно или не утешительно? (По поводу изменений в Питейном уставе) // *Гр.* 1873. 20 августа. № 34. С. 918.

[***] См.: ******* <*Достоевский Ф. М.?*> По поводу одной корреспонденции // *Гр.* 1873. 4 июня. № 23. С. 651–652.

[****] ******* <*Мещерский В. П.?*> Утешительно или не утешительно? С. 921. Очевидно, имеются в виду как театры для народа, так и собственно народные театры с непрофессиональными актерами.

Параллель к этому суждению мы можем найти в заметке редактора к корреспонденции А. П. Шипова «С Нижегородской ярмарки» (1873. 20 августа. № 34. С. 936–937), выражавшей надежду на «грядущую образованность» с целью искоренения ярмарочного разврата и пьянства. «…Это всё равно как бы, например, — пишет Достоевский, — возложить все надежды искоренить пьянство в народе на школы и на народные театры (которых, заметьте, нет*)…» (21: 282). Административные меры не решат проблемы, но и ими нельзя пренебрегать. «А бритву у ребенка вырвать необходимо», — дважды повторяет редактор (21: 284). «Ребенок», как можно догадаться, — народ или значительная часть его, беспомощная перед силою искушенья.

Заметим, что Достоевский в качестве редактора и автора «Гражданина» питал определенные надежды на изменение государственной политики в этом жгучем вопросе (продолжая линию «Гражданина» 1872 г.). Так, уже в первом номере за 1873 г. он печатает статью о выполнении бюджета за прошедший год, в которой читаем: «Но печален в росписи тот факт, что главное увеличение дохода представляет налог с питей на целые 12 $^{1}/_{2}$ миллионов, и министр [финансов] при этом еще засвидетельствовал, что питейный доход возрастает постоянно и особенно усилился в последние два года»**. Сам Достоевский высказался на этот счет весьма жестко: «Чуть не половину теперешнего бюджета нашего оплачивает водка, то есть по-теперешнему народное пьянство и народный разврат, — стало быть, вся народная будущность. Мы, так

---

* Тем не менее на единичные факты «Гражданин» всё же указывал. И. Ю. Некрасов написал о солдатском спектакле в кремлевских казармах (*Москвич*. Московские заметки // *Гр.* 1873. 22 января. № 4. С. 93–96), правда, сетуя, что «у этого народа даже отнят в Москве народный театр» (С. 95). В этом же ряду корреспонденция Л. С. Личкова «Из Архангельска. Несколько слов о спектаклях в Холмогорском уезде (*Гр.* 1873. 16 апреля. № 15–16. С. 465–466). В «Хронике за две недели» (*Гр.* 1874. 25 февраля. № 8. С. 220–222) сообщалось об открытии солдатского театра в Херсоне, несколько напоминающего описание каторжного театра в «Записках из Мертвого дома».

** <*Победоносцев К. П.?*> 1872 год // *Гр.* 1873. 1 января. № 1. С. 2.

сказать, будущностью нашею платим за наш величавый бюджет великой европейской державы. Мы подсекаем дерево в самом корне, чтобы достать поскорее плод» (21: 94).

«Не будь этого пьянства, — мы в эти 15 лет прожили бы целую эпоху гигантского возрождения русского народа», — прибавляет от себя В. П. Мещерский[*]. Мешает, как он полагает, Петербург «с его финансовым воззрением на экономическую пользу кабака»[**].

«Уродливая» государственная политика, основанная на отношении к народу как к «податной единице», «только бы двойной оброк платили», как полагает Достоевский, была заложена «иными древними наследными властителями нашими» (21: 255), прежде всего Петром I. Цитируемая заметка из записной книжки редактора заканчивается многозначительным намеком: «Но мы прерываем, эта песня не споется теперь. Мы знаем, что это еще слишком ранняя песня» (21: 255). Понятно, что подобные суждения никак не могли быть высказаны в подцензурной печати: то была критика самой высшей власти. Однако намек на то, что «песня» еще «споется» в будущем, как представляется, обращен с надеждой в сторону наследника престола, будущего Александра III. Как уже говорилось, «Гражданин» был негласным выразителем его «партии». Сформулированное в записной книжке редактора так или иначе находило выражение в материалах еженедельника, недаром он так раздражал тогдашних правителей.

«Откуда нам почерпать цивилизующие силы, — писал другой обозреватель, А. У. Порецкий, — когда собственный-то народный быт наш устраивается к лучшему с великими трудами и в очень незначительных размерах?»[***]

---

[*] <*Мещерский В. П.*> Письма вольнодумца. II // *Гр.* 1873. 2 июля. № 27. С. 755.

[**] <*Мещерский В. П.*> Петербургское обозрение // *Гр.* 1873. 22 января. № 4. С. 92.

[***] <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 15 января. № 3. С. 59.

* * *

Материальный недостаток и бедность — на эти причины, порождающие пьянство, А. У. Порецкий в своих обзорах указывал неоднократно. Его поддерживали и другие авторы. «Не нужно быть социалистом — довольно быть честным человеком, чтобы сознать, что наш рабочий — тот же нищий»[*], — пишет о рабочих артелях В. И. Немирович-Данченко, наиболее радикально настроенный постоянный автор «Гражданина» (Достоевский, заметим, и ему дает слово!). «Да наконец, — продолжает он, — от постоянной работы возьмет и одурь. Ему нужно в единственно свободный день в неделю – воскресенье, поразвлечься. Газет он читать не может, потому что неграмотен. Дома отдыхать — тоска. Потому что дома — и холодно, и скучно, и неприглядно. Жена, которую он любит, может быть, не меньше нашего, — ходит в каких-то отрепьях, изголодавшиеся дети — мозолят глаза, куда же деться, где отдохнуть? Единственная тихая и мирная пристань, открывающая ему легкий доступ к себе, — кабак. Там и теплее и веселее. <…> Много ему нужно силы воли, чтобы при таких условиях остаться всю жизнь честным человеком! Таков рабочий на севере, таков он и везде. И никакими рацеями вы его не исправите, пока не устроите его быт на более человеческих основаниях. Тут нужна не проповедь — а дело! Совершите же его, если у вас хватит сил, самоотвержения и любви к ближнему. А до тех пор наш рабочий будет не гражданином — а подъяремным скотом и только»[**].

Причины экономического, так сказать, порядка «Гражданин» Достоевского не упускает в своем народоведении. Уже в первом номере за 1873 г. в обзоре прошлогоднего бюджета ставится вопрос: «Возрастает ли действительно благосостояние, усиливается ли способность народа — быть источником государственных доходов…»[***]. В связи с главным вопросом —

---

[*] *Д. <Немирович-Данченко В. И.>* Из дорожных заметок на севере // *Гр.* 1873. 29 января. № 5. С. 137.

[**] Там же. С. 138.

[***] *<Победоносцев К. П.?>* 1872 год // *Гр.* 1873. 1 января. № 1. С. 3.

о земле — приводятся цифры, характеризующие процесс выкупа крестьянами земельных наделов: «…с 1 января 1872 г. по 1 декабря прибыло 211 тысяч крестьян, владеющих по выкупу землею…»[*]. Цифра малоутешительная, свидетельствующая о неразрешимости этого коренного вопроса для большинства из многомиллионного русского крестьянства. «Гражданин» высказался по этому поводу с понятной осторожностью, но вполне определенно: «Таким образом, количество поземельной собственности в прошлом году возросло, и можно пожелать, чтобы необходимые для этого мероприятия правительства совершались с необходимою быстротою, еще большею полнотою и носили явные признаки строгой, стройной и последовательной системы внутренней политики»[**]. Отсутствие таковой политики становилось для редактора «Гражданина» всё более очевидным, он приходит к мысли о решающем значении для России проблемы **землевладения**[***]. В главе «Дневника писателя» «Мечты и грезы» (1873. 21 мая) он утверждает: «Настоящие, правильные капиталы возникают в стране не иначе как основываясь на всеобщем трудовом благосостоянии», а без того — «будут лишь общесолидарные нищие, заложившиеся и закабалившиеся всею общиной» (21: 95; выражение «общесолидарные нищие» Достоевский затем повторит: 21: 142). Материалов, подкрепляющих прогноз редактора, в «Гражданине» печаталось не так много, но были авторы, регулярно возвращавшиеся к теме народной скудости — это Н. В. Казанцев и в особенности А. У. Порецкий в своих обозрениях. Подводя некоторый итог в конце 1873 г., ввиду надвинувшейся катастрофы самарского голода («Гражданин» выделялся своей активностью в освещении беды, за что поплатился запрещением на розничную продажу), обозреватель еженедельника

---

[*] Там же.

[**] Там же.

[***] Солидаризируясь с позицией князя А. И. Васильчикова, выраженной им в серии статей в «Санкт-Петербургских ведомостях», а затем в книге «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах» (СПб., 1876).

констатировал: «*всё, что мы делаем, всё, что мы можем сделать — не более как капля в море*»[*] (курсив автора).

Так на какие же меры не паллиативного свойства намекает Порецкий? В своих обзорах он не раз формулировал их. Первая — это необходимость изменения такого положения, когда крестьянство и мещанство как два податных сословия несут исключительно на себе всё налоговое бремя. Уже в самом первом номере «Гражданина» 1873 г. в обзоре годового бюджета, к которому мы уже обращались, можно было прочитать: «…в наступившем трехлетии к сбору на государственные повинности, шедшему до сих пор исключительно с крестьян и мещан по душевой раскладке, в первый раз привлечены именно все сословия, в виде сбора с удобных земель. Теперь остается ожидать и желать лишь дальнейшего развития того же принципа»[**]. Автор «Гражданина» с надеждой прогнозировал «переход к всесословному несению податных тягостей»[***] и тем самым к облегчению участи миллионов земледельцев и ремесленников.

Продолжение темы в «Гражданине» — колоритные зарисовки из жизни податных сословий: *Н. Казанцев*. Наследство в полтораста рублей. Местная картинка (1873. № 3), *А. Г—в.* Хороша наша деревня. (Наброски охотника). Недоимка (1873. № 14), *С. Калугин*. Голодная изба (1874. № 13–14). «Гражданин» поддержал вывод А. А. Головачева в его книге «Десять лет реформ»: «Наши реформы как-то мало трогали наши крепостные замашки <…>. Весь наш бюджет проникнут началами крепостного права, по которым высшие классы обязаны

---

[*] <*Порецкий А. У.*> О скудости и богатстве. (Из областного обозрения) // *Гр.* 1873. 10 декабря. № 50. С. 1335.

[**] Развитие этого принципа автор «Гражданина» видел и в готовящемся переходе армии на всесословную воинскую повинность: «…эту тяготу скоро понесут с ними (податными сословиями. — *В. В.*) и другие сословия» (<*Победоносцев К. П.?*> 1872 год // *Гр.* 1873. 1 января. № 1. С. 4).

[***] Там же. Изменить пренебрежительное отношение к так называемому отхожему промыслу, возможно, спасительному для многих крестьян, призывал автор серии статей: *Р. Попов*. Кустарная промышленность в России и артельная организация народного труда // *Гр.* 1873. № 13, 14, 22.

личною службою (сделавшеюся привилегиею), а низшие уплатою податей и налогов, для доставления средств существования высшим классам. В нем нет и тени тех начал, на которых основаны бюджеты образованных стран, где каждый гражданин участвует в общих налогах соразмерно своему имуществу или доходу»[*].

На другое средство спасения крестьянства от обнищания А. У. Порецкий указывает при помощи следующей зарисовки: «В какой-то деревне, недалеко от гор. Кологрива, Костромской губернии, у одного крестьянина с половины прошлой зимы не стало ни корма для скота, ни хлеба для семьи. В крайности, мужик, за необходимую ссуду, закабалился на всё настоящее лето в работники и все деньги, которые следовало бы получить ему в конце лета, забрал вперед; но денег было так немного, что скоро все они ушли на прокорм семьи, и затем — опять голод. Пошел бедняк по богатым мужикам просить одолжить хлебцем; валялся в ногах, но никто не дал. В отчаянии попробовал он было воровать, но почему-то и это не удалось. И вот придумал он решительный выход из своего положения: пошел к себе в сарай и там повесился. Это случилось, кажется, около половины мая. Таким образом мы имеем факт самоубийства вследствие недостатка деревенского кредита»[**] (этот факт поначалу, в статье «Пожар в селе Измайлове», отметил Достоевский, а Порецкий подхватил высказанную тогда же идею редактора о необходимости «развития народных кредитных учреждений»[***]). В следующем обозрении Порецкий подробнее

---

[*] <*Пуцыкович В. Ф.*> Десять лет реформ. 1861–1871. А. А. Головачева // *Гр.* 1873. 22 января. № 4. С. 119. Заметим, что упоминавшийся А. И. Васильчиков, выступая в Комиссии для исследования положения сельского хозяйства и сельской производительности в России, настаивал на том, что «узел вопроса об улучшении сельского хозяйства заключается в податной реформе», но не был услышан. Деятельность этой комиссии, учрежденной при министерстве государственных имуществ и возглавленной министром П. А. Валуевым, справедливо критиковалась, а иногда даже высмеивалась в прозрачных намеках на страницах «Гражданина».

[**] <*Порецкий А. У.*> Из текущей жизни // *Гр.* 1873. 9 июля. № 28. С. 791–792.

[***] <*Достоевский Ф. М.*> Из текущей жизни. Пожар в селе Измайлове // *Гр.* 1873. 11 июня. № 24. С. 694–695; см. также: 21: 143.

развернет спасительное для мелких производителей предложение ссудо-сберегательных товариществ[*]. Это предложение, активно внедряемое тогда же известным нам А. И. Васильчиковым, «Гражданин» Достоевского горячо поддерживал как реальный выход из катастрофической ситуации обнищания крестьянства[**].

* * *

Ведущая тема «Гражданина» в период редакторства Достоевского может быть сведена к кратчайшей формуле, им самим выведенной в очерке «Влас»: «русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты» (21: 35). Причем Достоевский актуализирует эсхатологическую перспективу: «Мы переживаем самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую минуту, может быть, из всей истории русского народа» (21: 58).

В этой ситуации, писал в своих обзорах А. У. Порецкий, как на дрожжах вырастают различные секты так называемого духовного христианства: шалопуты (шелопуты), штундисты, духоборы… Об одной из них «Гражданин» сообщал: «…эта секта имеет заманчивую сторону в общих собраниях и в правилах нравственных. На собраниях у шалапутов читают евангелие на русском языке и другие священные книги, поют религиозные песни и беседуют народным языком о предметах веры, что, как замечают “Епархиальные Ведом<ости>”, обаятельно действует на душу простолюдина и невольно привязывает его к ереси. А с нравственной стороны шалопуты служат даже как бы упреком православным по своему кажущемуся воздержанию: не пьют водки, не едят мяса, воздерживаются

---

[*] См.: <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 16 июля. № 29. С. 795–798. См. также: <*Порецкий А. У.*> Оглядки. (Из современного обозрения) // *Гр.* 1874. 21 января. № 3. С. 76.

[**] См., напр.: *Н. Казанцев.* Заметка о ссудо-сберегательных товариществах Восточной России // *Гр.* 1873. 26 февраля. № 9. С. 269–272.

от брачных удовольствий»[*]. В быстром распространении в народе другой секты, штундистов, Достоевский видел схожие мотивы: «доброе поведение и добрые нравы», «воздержание от вина», а поверх того пастор — «не чиновник» в рясе[**] (21: 59–60; ср.: 21: 255). Во всем этом редактору «Гражданина» «слышится нечто пророческое» (21: 58). Уход в сектантство, как он понимает, показатель неблагополучия в обществе и в «казенной» церкви, а главное, зреющего в народе недовольства и возрастающей «духовной жажды»: «Что, если весь народ вдруг скажет себе, дойдя до краев своего безобразия и разглядев свою нищету: "Не хочу безобразия, не хочу пить вина, а хочу правды и страха Божьего, а главное правды, правды прежде всего"» (21: 59).

Изучение ситуации «на краю» приводит Достоевского в очерке «Влас» к профетическому заключению: «Очнется Влас и возьмется за дело Божие. Во всяком случае спасет себя сам, если бы и впрямь дошло до беды. Себя и нас спасет, ибо опять-таки — свет и спасение воссияют снизу…» (21: 41). Очень скоро Достоевскому, перед лицом либеральной критики, пришлось прикрывать свой профетизм напускной самоиронией. В статье «Мечты и грезы» находим лукавое самобичевание: «Другое дело точка национальная и, так сказать, немножко славянофильская; тут, известно, есть вера в какие-то внутренние самобытные силы народа, в какие-то начала народные, совершенно личные и оригинальные, нашему народу присущие, его спасающие и поддерживающие.

---

[*] <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 29 января. № 5. С. 129.

[**] В унисон с редактором обозреватель сообщает: «Священник Казанский в "Саратовских епарх<иальных> вед<омостях>" также указывает на это отсутствие в среде крестьян общественного неодобрения пьянства <…> священник хочет достигнуть, чтобы крестьяне со всякого, кто покажется на улице пьяным, брали, в пользу бедных, известный штраф. А мы, признаемся, ожидали другой еще меры от священника. Мы думали, что <…> служение священника вооружает его нравственными средствами для действования против пороков и заблуждений паствы» (<*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 15 января. № 3. С. 60).

Но с чтением статей г-на Пыпина* я отрезвился. Разумеется, я желаю и по-прежнему продолжаю желать изо всех моих сил, чтобы драгоценные, твердые и самостоятельные начала, присущие народу русскому, существовали действительно; но согласитесь тоже — что же это за такие начала, которых даже сам г-н Пыпин не видит, не слышит и не примечает…» (21: 91).

Большой вопрос: а очевидны ли были сии начала для соратников Достоевского по редактируемому им журналу? Однозначно положительный ответ можно дать, пожалуй, только по поводу А. У. Порецкого и, с некоторыми оговорками, московского корреспондента И. Ю. Некрасова. Они неутомимо отыскивали в сыпучем песке российской повседневности золотые блестки неумирающего народного духа. Так, замечательный образ народной святости рисует И. Ю. Некрасов в очерке многострадальной жизни бывшей крестьянки, а теперь монахини-филантропки М. (нам предстоит еще расшифровать ее имя). «Вот уже шестой год», говорит журналист, она отдает все свои душевные силы обитательницам «московского пересыльного замка», «приручила» их детей, находящихся вместе с несчастными матерями. М. «стала как “своя — родная”, в тюрьме»**, став наследницей святого доктора Гааза.

О таких вот «силах народа» говорил Достоевский, торжественно уверяя, что «свет и спасение», придет срок, «воссияют снизу», одолев всю современную смуту. Иной тон «делает музыку» в гражданинской публицистике В. П. Мещерского. Вот пример из статьи, которую мы уже цитировали: «Процесс искоренения пьянства в народе — вообще столь же трудный и длинный процесс, как был длинен процесс, вкоренявший эту

---

* Имеется в виду глава «Славянофильство» из «исторических очерков» *А. Н. Пыпина* «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов» (*Вестник Европы.* 1872. № 11, 12). Пыпин высмеивал точку зрения К. С. Аксакова на «русский быт старого времени» как на «осуществление нравственного идеала».

** *Москвич <Некрасов И. Ю.>* Московские заметки // *Гр.* 1873. 16 апреля. № 15–16. С. 464.

черту в нравы и быт нашего народа. Полагаем, что он даже почти невозможен»[*].

В этом контексте становится понятным, почему князь называет крестьянина «полудикой душой, *с инстинктами добра и зла*». Освобождение, утверждает он, не могло тому ничего дать, кроме «*права делать себе зло*»[**]. «Увы! — продолжает он вести читателя к своему выводу, — потребности творить добро душа крестьянина не могла иметь, ибо это-то и есть то *прекрасное* в жизни человека, которое дает *просвещение*». Вывод: «величайшая ошибка» 19 февраля та, что крестьянин остался без руководства со стороны «образованного лица». Идея «Власа», который «себя и нас спасет, ибо <…> свет и спасение воссияют снизу…» (21: 41), подвергнута ревизии. Мещерский прямо оспаривает следующую мысль автора «Дневника писателя»: «...надо желать, чтобы народ имел полную свободу сам выйти из грустного своего положения, безо всякой опеки и поворотов назад» (21: 31). Мещерский проводит мысль о необходимости «опеки» в XI–XIV «Письмах вольнодумца», где, например, по поводу земских учреждений высказывается более определенно и менее благодушно, чем он это делал ранее: они не удовлетворяют «потребности более строгого надзора над крестьянами вообще и их самоуправлением — в особенности». Рассуждения эти, показывающие глубину неверия князя в народные силы и его собственное движение в сторону идеи сильной власти (а именно к ней вскоре окончательно придет издатель «Гражданина»), не были напечатаны в еженедельнике Достоевского. Эти последние четыре «Письма вольнодумца» были напечатаны в «Гражданине» (1874, № 33–36) после ухода из него Достоевского, а затем вошли в книгу Мещерского «Речи консерватора» (вып. 2, СПб., 1876).

Зато горячую поддержку позиция Достоевского нашла на страницах внутренних обозрений А. У. Порецкого. В одном из них он пишет, что «пожелание блага» ближнему может

---

[*] ***<*Мещерский В. П.?*> Утешительно или не утешительно? (По поводу изменений в Питейном уставе) // *Гр.* 1873. 20 августа. № 34. С. 920.

[**] *О…..* <*Мещерский В. П.*> Письма вольнодумца. IV // *Гр.* 1873. 23 июля. № 30. С. 830.

вылиться в насильственное покровительство: «Сколько неусыпных забот и трудов употреблено было… ну, хоть бы на то, чтоб осчастливить благоустройством новгородских военно-поселян <…>. Труды и заботы не принесли счастья, но неужели целью трудившихся было — несчастье их ближних? Конечно нет! уж, значит, таковы были взгляды на положение и нужды ближних, таковы были понятия о способе дарования им благ, а, может быть, такова была и *степень*, такова была и *истинность* христианской любви…»[*] (в словах наиболее близкого Достоевскому сотрудника угадываются очертания будущей поэмы «Великий инквизитор»).

Однако был эпизод, объединивший всех авторов «Гражданина». Еженедельник очень пристально следил за начинавшимся трезвенным движением[**] (возрождавшим заглохшее было движение конца 1850-х гг.), вышедшим из глубин народной жизни как реакция на губительный позор всенародного пьянства. Это была именно инициатива снизу, которой так страстно желал редактор «Гражданина».

В одном из обозрений Порецкий подробнее остановился на фактах подобного рода: «…”Калужские губ<ернские> ведомости” напечатали приговор крестьян Земницкой волости Жиздринского уезда, в котором причиною бедности и разоренья крестьян прямо выставлено пьянство, а потому и постановлено: “на будущий 1874 г. по волости во всех селениях *питейных заведений не открывать*”. Что бы ни говорили остряки легкого нрава, а эти крестьянские приговоры, эти усилия народа уйти из-под растлевающего действия

---

[*] <*Порецкий А. У.*> Заботы, взгляды и мечты. (Из современного обозрения) // *Гр.* 1874. 12 февраля. № 6. С. 167.

[**] См.: <*Порецкий А. У.*> Из текущей жизни // *Гр.* 1873. 7 мая. № 19; *** <*Мещерский В. П.*> Что может спасти Россию от повального пьянства? // *Гр.* 1873. 14 мая. № 20 и др. Еженедельник Достоевского отмечал противодействие этому движению со стороны представителей власти, имеющих, очевидно, свой интерес и прикрывающихся тем, что «уменьшение питейных заведений служит подрывом государственных доходов» (*Учитель Михаил Орлов.* Кабацкое дело в селе Дурникине, Балашевского уезда // *Гр.* 1873. 4 июня. № 23. С. 662).

размножающихся “питейных заведений” стоят того, чтобы следить за ними и говорить о них долго и неустанно, пока успех усилий не сделается вполне несомненным. Как, например, не обратить внимания на то, что явление это началось не здесь где-нибудь, не на бойких местах, а вдали, в затишье, в таких губерниях, как Пензенская, чисто земледельческая, куда фабричность почти совсем не проникала и где, по последним сведениям, насчитывается уже 402 приговора об отречении от пьянства и кабаков, взамен которых, по словам местных “Губ<ернских> ведомостей”, уже начинают распространяться в селениях чайные лавочки, освобожденные, по распоряжению министра финансов, от налога. Таким, более сосредоточенным в себе углам не указ подмосковные села, которым, может быть, еще долго не сообщится идущее из глуши отрезвляющее движение»[*].

Эмоционально отреагировал редактор «Гражданина»: «… из Пензенской губернии всё пишут, что там число мирских приговоров о прекращении пьянства всё более и более увеличивается. Что за благодатная губерния!» (21: 144). Привлекли внимание Достоевского и сообщения о начинающемся переселенческом движении среди крестьянства, даже и зажиточного: «Омерзело, значит, прежнее житье с прежними кабаками. Хотя корреспонденты ни слова не говорят о кабаках, но мы почему-то убеждены, что мужички, возненавидевшие старое место, бегут в обетованный край отчасти и от кабаков. Мы убеждены, что, придя на новое место, они тотчас же миром дадут зарок: не пить вина. Неужто такое серьезное дело предприняли бы с тем, чтоб на новом месте тотчас опять пропиться? Подобные переселения — спасительнейшее и любезнейшее дело, вот что. Это обновление, новая жизнь, на иных нравственных основаниях. Всё это поднятое дело останется потом в легендах семейных, а добрые воспоминания крепят семью. Даже житье на старом месте очистится в воспоминаниях и многое из старого запомнится хорошо. А оставьте-ка их

[*] <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 16 июля. № 29. С. 797.

теперь на месте, хотя только на будущую зиму, ну через канцелярскую задержку какую-нибудь, запретите-ка им переселиться, и к зиме это будут сплошь воры и пьяницы, озлобленные разбойники...» (21: 144). В этих фактах, писал сам редактор, проявляются «сердечные порывы нашего народа», и прибавлял: «Признаемся, мы бы очень желали, чтоб мужичкам удалось и чтобы их не задержали» (Там же). Эти соображения Достоевский высказал в заметке «Пожар в селе Измайлове» (*Гр.* 1873. 11 июня. № 24). Через два месяца он публикует статью Н. Казанцева «Из восточной России (Еще несколько слов о переселении крестьян)» (*Гр.* 1873. 13 августа. № 33), сопроводив ее редакционным примечанием, где идея переселения всецело поддержана в качестве «толчка, даваемого <…> населениям к новым средствам для радикального изменения безвыходного их положения» (21: 282). Однако Достоевский при этом обнаруживает достоинства реального политика, ставя вопрос о неизбежных трудностях воплощения реформаторского (столыпинского до Столыпина) «проекта почина»: «…но другая сторона вопроса, то есть возможность переселения и капитал, необходимый для того (деньги на переезд, скот, земледельческие орудия и хотя бы какое-нибудь на первый раз помещение на новом месте), остается совсем незатронутою» (21: 282). Опасения на сей счет, увы, сбылись: этим «сердечным порывам нашего народа» не суждено было реализоваться в полной мере.

Вряд ли чаяния Достоевского, если брать их в исторической перспективе, следует считать утопическими.

Бросающееся в глаза противоречие между эсхатологией Достоевского в описании современной ситуации и его же сотериологией веры в народ приводило, как уже говорилось, к несогласию даже с ближайшими сотрудниками по «Гражданину». Так, московский обозреватель И. Ю. Некрасов сочувственно пересказывал речь П. А. Бессонова в заседании Общества любителей русской словесности, и, в частности, следующее утверждение: «…народ, оставленный лучшими

из своих людей, высшим своим сословием, лишь на одни свои силы, не в силах сам собою теперь хранить и развивать начало своей самостоятельной духовной и бытовой жизни; мы видим и слышим, что народ наш более и более пока дичает, грубеет; бессознательно утрачивая лучшие стороны своего древнерусского быта, он бессознательно более увлекается дурными сторонами жизни новой; строй его вековой жизни расшатывается…»[*].

Позиция редактора обнаружила себя в одном показательном эпизоде. Достоевский с большими надеждами принял в редакцию Е. А. Белова (см.: 29_1: 282), однако статья «Что читает народ?» вызвала критику редактора и вмешательство в текст[**], а затем и ответные возражения автора. Их диалог зафиксирован в записной книжке Достоевского: «*Белов* <…> сами же вы говорили, что в народе много нелепых слухов. <—> Да, но одно дело народ в разброде, другое в сборе. Целое влияет, общее. Целое свой разум имеет. Целое влияет само наоборот. Целое разум вызывает. Важны не частности, важен принцип» (27: 88).

В этой записи отразился полученный Достоевским в «Гражданине» опыт общения как с прямыми противниками его концепции народа («в сборе» / «в разброде»), так и с чуждающимися его парадоксов соратниками. Выковывалась та диалектика демософии, если можно так выразиться, что ляжет в основание дальнейшей публицистики Достоевского, уже за границами «Гражданина».

---

[*] *Москвич* <*Некрасов И. Ю.*> Из Москвы // *Гр.* 1874. 4 февраля. № 5. С. 137.

[**] Трудно сказать, что конкретно вызвало несогласие редактора. В опубликованном тексте разве только одно место можно признать обломком вычеркнутого: «…шаткие гипотезы, способные потрясти в неразвитом человеке веру, должны были бы дурно подействовать на народ и в нравственном отношении, уничтожив единственную опору нравственных начал — веру…» (*Евгений Белов*. Что читает народ? // *Гр.* 1873. 16 июля. № 29. С. 813).

Глава 4. Общество

Выдвинутая новой эпохой идея местного самоуправления реализовывалась в земской реформе и в новом городовом положении. И то и другое нововведение подверглись всестороннему обсуждению на страницах «Гражданина» Достоевского. Сомнений в полезности новых земских учреждений вполне хватало в тогдашней печати. В защиту их, а более всего за объективный, непредвзятый подход в «Гражданине» последовательно выступал А. У. Порецкий. Вырванные из контекста местной жизни количественные показатели, утверждал он, вряд ли дают основание для окончательной оценки: «В одном уезде до земства было 20 школ, при земстве осталось только 10: вывод — в деле народного образования земство ровно ничего не смыслит. Такими-то поспешными выводами, такими тощими ссылками на “практику опыта жизни”, как непроницаемою бронею, прикрывается недоверие к свободе и жизненности земского самоуправления, и затем уже само очевидное добро представляется только случайностью, — всякий же недостаток, промах или даже злоупотребление кажутся проявлением истинной природы учреждения в данных политических, исторических, экономических и вообще национальных условиях. Мы, впрочем, соблюдая справедливость, не перейдем меры в самой защите, ибо не годится и то защищать, что действительно плохо»[*]. Порецкий неутомимо собирал факты положительной деятельности земства в сфере образования и здравоохранения[**]. В частности, он горячо приветствовал решение шадринского уездного земского собрания (Пермская губерния) «обратить главное и преимущественное внимание на женское образование в уезде и постоянно увеличивать число женских школ, так как чем

---

[*] <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 5 марта. № 10. С. 290.

[**] См.: <*Порецкий А. У.*> Живущее и отжившее. (Из современного обозрения) // *Гр.* 1873. 10 сентября. № 37. С. 994–997.

образованнее и выше стоит женщина, тем лучше должны быть воспитаны ее дети»[*].

Самым основательным и аргументированным выступлением в защиту молодого института местного самоуправления стала статья «О деятельности нашего земства» (*Гр.* 1873. 12 марта. № 11. С. 341–347), как мы полагаем[**], принадлежащая перу выдающегося земского деятеля и публициста князя А. И. Васильчикова. В ней были намечены конкретные пути к преодолению сложившихся неблагоприятных для земства обстоятельств, особенно в сфере финансовой необеспеченности (необходимость налоговой реформы). Главным же достижением автор полагает происшедший сдвиг в сознании: «Земство, по-видимому, понимает, что в народном развитии и образовании заключается главная основа его будущего значения…»[***] (идея, как видно, объединявшая Достоевского с Васильчиковым). Кстати, на это же обстоятельство указывал и автор программной статьи, открывавшей первый номер «Гражданина» под редакцией Достоевского: «…для самого открытия народных школ и в прошлом году наиболее потрудилось земство»[****]. Горячо поддержал «Гражданин» и инициативу ряда земств в развитии местной статистики, т. е. в деле изучения России, о коем много хлопотал еженедельник[*****]. Благие начинания земцев, увы, нередко упирались в «соревнование» с ними местной администрации (о чем мы еще скажем). Так, к примеру, заглохла инициатива Серпуховской земской управы, открывшей училище при помещении для арестуемых по приговорам мировых судей[******].

---

[*] <*Порецкий А. У.*> Кое-что по части ученья. (Из современного обозрения) // *Гр.* 1874. 7 января. № 1. С. 15.

[**] См. комментарий к данной статье в «Указателе содержания…».

[***] *Н. Б.* <*Васильчиков А. И.?*> О деятельности нашего земства // *Гр.* 1873. 12 марта. № 11. С. 347.

[****] <*Победоносцев К. П.?*> 1872 год // *Гр.* 1873. 1 января. № 1. С. 7.

[*****] См.: Новое хорошее дело в земстве // *Гр.* 1873. 5 февраля. № 6. С. 178.

[******] См.: *Один из гласных.* Еще несколько слов обвинителям земства // *Гр.* 1873. 16 апреля. № 15–16. С. 467–468.

Также и негативные внутренние процессы в формировании местного самоуправления обращали на себя ничуть не меньшее внимание «Гражданина». Уже в самом начале своей деятельности новый редактор оказался в роли третейского судьи в одной из склок (раздор в касимовском земстве), нередко раздиравших земские учреждения, и принял мудрое решение дать возможность высказаться обеим сторонам, очистив эти высказывания от крайностей полемики и высказав пожелание земцам честной самокритики[*].

К концу 1873 г. накал критики в адрес земства усилился в «Гражданине» ввиду разразившегося в Самарской губернии страшного голода. В. П. Мещерский в статье «О голоде» с присущей ему аффектацией бросил фразу об «органическом пороке в нашем государственном хозяйстве», оказавшемся беспомощным перед лицом трехлетнего неурожая[**]. За эту публикацию «Гражданин» был наказан запретом на розничную продажу[***]. С министерства внутренних дел Мещерский затем снял обвинения, но критику земства еще больше заострил, поставив вопрос о бесконтрольном расходовании «громадной субсидии», на которой нажились «кулаки и скупщики, разоряющие народ»[****]. Выступления «Гражданина» вызвали горячую полемику в печати. На его стороне были «Московские ведомости» (31 октября, 10 ноября), а в спор с ними вступил «Голос» (21 ноября), защищавший «бесправное» земство; оправдательное объяснение самарских земцев напечатал «Русский мир», и Достоевский познакомил с ним своих

---

[*] См.: *Мансуров А.* Письмо о касимовском земстве // *Гр.* 1873. 11 февраля. № 7. С. 204–207; Еще о касимовском земстве // *Гр.* 1873. 5 марта. № 10. С. 318–320; Еще о касимовском земстве. Письма к редактору *Аркадия Алянчикова и А. Мансурова* // *Гр.* 1873. 21 мая. № 21. С. 623–626; *Ред.* <*Достоевский* Ф. М.> [Редакционные примечания к письмам А. Алянчикова и А. Мансурова] // Там же. С. 623, 626. См. также: 21: 280.

[**] *Св.-Сол—ский* <*Мещерский В. П.*> О голоде // *Гр.* 1873. 15 октября. № 42. С. 1112.

[***] См.: *Летопись*. С. 423–424, 435, 438.

[****] *Св. С—ский* <*Мещерский В. П.*> Что такое земство относительно ответственности? // *Гр.* 1873. 5 ноября. № 45. С. 1189–1190.

читателей[*]. «Русский мир» ответственность перекладывал на плечи губернских властей, увлекшихся препирательством с земскими учреждениями[**]. О. Ф. Миллер в статье, посланной в «Гражданин», перевел стрелки на равнодушие общества, богатеев и церкви; Достоевский отказался ее печатать (см.: 29_1: 311–312), и она была опубликована в другом издании[***]. Впрочем, о позиции общества «Гражданин» регулярно писал в петербургском, московском и областном обозрениях, отмечая бесчувственный формализм светских благотворительных затей и в то же время отзывчивость многих и многих русских людей. Информацией о сборе за розничную продажу (когда ее разрешили) в пользу голодающих «Гражданин» открывал каждый номер, начиная с 10 декабря 1873 г. до 7 января 1874 г., также с 10 декабря 1873 г. ввел рубрику «О голоде в Самарской губернии» (с 7 января по 18 марта 1874 г. под новым заглавием: «Пожертвования в пользу голодающих Самарской губернии»).

Спор о мере ответственности земства «Гражданин» завершил в свойственном ему стиле — разъяснением юридической стороны проблемы. Статья В. Ф. Пуцыковича «Подлежит ли земство по закону ответственности за непринятие мер против голода?» (*Гр.* 1873. 29 декабря. № 52) должна была ответить на вопрос, поставленный Мещерским: «…что такое земство? государственное или частное учреждение? юридическое лицо или не юридическое?»[****] На последний вопрос автор-юрист отвечает утвердительно, однако в «Положении о земских учреждениях» он не находит статьи об ответственности за бездействие, и это вопреки общему духу законодательства. Тем самым создается возможность казуистического толкования,

---

[*] См.: <*Пуцыкович В. Ф.*> Хроника за неделю // *Гр.* 1873. 26 ноября. № 48. С. 1274.

[**] См.: Земское дело в Самарской губернии // *Русский мир*. 1873. 31 декабря.

[***] См.: *Миллер Ор.* Отчего идет тихо сбор? // *Неделя*. 1874. 20 января. № 3. С. 94–98.

[****] *Св. С—ский* <*Мещерский В. П.*> Что такое земство относительно ответственности? // *Гр.* 1873. 5 ноября. № 45. С. 1190.

позволяющая земству уходить от ответственности. Вставал вопрос о совершенствовании законодательной базы новых органов местного самоуправления.

Не ограничиваясь юридическим компонентом, «Гражданин» всё чаще обращает внимание на невысокий авторитет земских учреждений и неопределенность их положения в русском обществе. В конце 1873 г. Мещерский нарисовал унылую картину заседания петербургского земского собрания, саботируемого самими его членами. Да и среди немногих собравшихся «иные точно отсутствуют, так резко и наглядно они проявляют себя *любителями* в каждом вопросе. Так и видно, что прямо с Невского Водоворота приехал господин поскорее потолковать о *земских российских делах*»[*]. Общие либеральные рацеи земцам кажутся важнее насущных местных проблем. Пустая болтовня и мелкое интриганство — такое грустное впечатление выносит автор цикла очерков «Хороша наша деревня» из заседаний провинциального земского собрания[**].

Возобладавшая к концу редакторства Достоевского негативная тенденция была наиболее решительно выражена В. П. Мещерским, отрекавшимся от своих прежних упований в статье «Земские письма». В присущей ему пафосной манере он нагнетает обстановку: «Из всех учреждений в России земству угрожает самое критическое положение. С одной стороны, оно столько же нужно, сколько нужен насущный хлеб, а с другой, земство *всем надоело. Что делать?* вот вопрос, с которым носятся теперь чуть ли не всякий государственный и даже чиновный мыслитель, всякий помещик, всякий гласный, всякий русский человек. Как заговоришь о земстве, вам отвечают: оставьте, надоело! а между тем не сегодня так завтра половина России может умереть с голоду только потому, что

---

[*] <*Мещерский В. П.*> Петербургское обозрение // *Гр.* 1873. 10 декабря. № 50. С. 1334. Под Невским Водоворотом, вероятно, имеется в виду Невский проспект.

[**] См.: *А. Г—в* <*Головачев А. А.?*> Хороша наша деревня. Наброски охотника. I. За народное образование. II. За народное здравие // *Гр.* 1873. 29 декабря. № 52. С. 1411–1414.

земство всем надоело»[*]. Обращаясь к истории вопроса, Мещерский опровергает собственные недавние статьи и книги и заявляет, что земская реформа была осуществлена «кое-как». Причину тому публицист видит в безразличии дворянства к земским делам: «По приблизительно верному расчету около $^{7}/_{10}$ в каждой губернии интеллигенции и крупнейших землевладельцев дворян отсутствует в земстве с самого первого дня его введения»[**]. Только «одворянивание» земства может спасти его, по убеждению Мещерского.

Идея князя о реанимировании роли дворянства как ведущей общественной силы прозвучала здесь в контексте других его выступлений в «Гражданине» с призывами к дворянам наконец-то проснуться и идти спасать себя и Россию. «…Всякий здравомыслящий русский, — писал он едва ли не в отчаянии, — сознает необходимость в настоящее время какого-либо передового, но в то же время нравственно спокойного, убежденного и тесно объединенного сословия, которое, независимо от правительства, могло бы стоять на высоте верного понимания задач и нужд внутренней жизни России, а с другой, всякий в то же время почему-то предчувствует, как далеко наше русское дворянство от этой исторической роли в настоящее именно время»[***].

Так, высочайшим рескриптом на имя министра народного просвещения от 23 декабря 1873 г. дворянству было предложено взять на себя заботу о школах. «Но затем что же дальше? Где признаки того, что это дворянство действительно соединилось и действительно озабочено вопросом о наилучшем устройстве народного образования? — вопрошает князь. — К сожалению, нигде никаких таких признаков еще не видать. <…> Минута для дворянства, русского, поместного,

---

[*] *Помещик* <*Мещерский В. П.*> Земские письма. I. Надоело! // *Гр.* 1874. 12 февраля. № 6. С. 183.

[**] Там же. С. 185.

[***] *М…* <*Мещерский В. П.*> Еще слово о дворянстве // *Гр.* 1874. 8 апреля. № 13–14. С. 377. (См. также: *** <*Мещерский В. П.*> О русском дворянстве перед военною реформою // *Гр.* 1873. 17 декабря. № 51. С. 1360–1361).

в родословные книги по губерниям вписанного, настала весьма важная. Теперь не в фразах и не в заверениях дело, а в деле. Оно должно или доказать, что оно *есть живое тело с умом и сердцем*, или доказать, что правы те, которые *его не признают*. Средины нет! И вот в этом-то, то есть в том, что средины нет, что нельзя отделываться заверениями и фразами, в этом-то и заключается важность настоящей минуты для русского дворянства. Оно, так сказать, прижато к стене. От него зависит его нравственное быть или не быть и от него зависит политическая будущность России»[*].

Насколько этот диагноз совпадает с убеждениями Достоевского, можно судить по его чуть более поздней записи: «Дворянство и его сохранение необходимо, ибо оно все-таки выражало своим установлением форму *живой связи* царя (знамени) с народом и заключало в себе все возможности дальнейших социальных развитий земли. Сохраняло дух связи, *дух*, в котором должна была пониматься *служилость*. Заменить его некем. Без лучших людей невозможно…» (21: 265). Размышления эти перешли в «послегражданинский» роман Достоевского «Подросток». В свое время Константина Леонтьева в статье «Достоевский о русском дворянстве» (1891) восхитили слова, сказанные в этом романе, о «законченных формах чести и долга, чего, кроме дворянства, нигде на Руси не только нет законченного, но даже нигде и не начато» (13: 453), но тот же Леонтьев заметил, что конкретные образы современных дворян, выписанные в указанном романе, ничуть не совпадают с означенными «формами».

Одно из концептуальных выступлений «Гражданина» — рецензия на книгу А. А. Головачева «Десять лет реформ». Рецензент солидаризировался с автором книги в том, что Крымская война обнаружила решающую роль «нравственных и умственных сил страны» и необходимость «полного переустройства государственного здания»[**]. Прошедшее десяти-

---

[*] Там же. С. 377–378.

[**] <*Пуцыкович В. Ф.*> **Десять лет реформ**. 1861–1871. А. А. Головачева. <…> С.-Петербург 1872 // *Гр.* 1873. 22 января. № 4. С. 18.

летие, по уверению Головачева, показало, что непобедимы оказались «приверженцы старого порядка»: «Интрига, кумовство и личный интерес по-прежнему стали царствовать в наших общественных собраниях. Каждая новая реформа всё менее и менее интересует общество. Теперь уже ни земские, ни судебные учреждения никого не интересуют»[*]. Автор «Гражданина», впрочем, видит в такой оценке «крайний пессимизм», который «не может быть особенно полезным»[**]. Его не устраивает и решение, предлагаемое Головачевым: «…начинать с общего и восходить к частностям»[***]. По мнению рецензента, такой путь возможен в странах с развитым гражданским обществом, где «сам народ, при помощи своих непосредственных представителей, заведывает своими судьбами <…> Что же касается до тех государств, в которых правительство идет впереди самого народа, заведывает его судьбами и правит всем государственным организмом (то есть, надо понимать, в России. — *В. В.*), то в таких государствах, по нашему убеждению, реформы могут быть успешно проводимы именно обратным вышеупомянутому путем, т. е. начиная с частностей и кончая общим»[****].

Пуцыкович, таким образом, солидаризировался с пресловутой «точкой» В. П. Мещерского, высказавшись за постепенность реформирования, шаг за шагом, начиная с малого, повседневного. Напомню, что так называемая «теория малых дел», выдвинутая в 1880-е гг. и предлагавшая русской интеллигенции идти в земские учреждения, работать учителями, врачами, была жестоко осмеяна передовыми «властителями дум», звавшими к коренной и насильственной ломке существующих порядков. Земское движение, захватившее в свою орбиту многих и многих честных тружеников, не смогло противостоять красноречивым ликвидаторам.

---

[*] Там же.
[**] Там же.
[***] Там же. С. 120.
[****] Там же.

Предпочтение, оказываемое «общему» перед «частным» (по терминологии Головачева — Пуцыковича), в земских собраниях выражалось в политических прениях, подменявших «черную работу» решения местных проблем, казавшихся слишком частными. Именно этой разлагающей земство ментальной установке «сразу всего капитала» (6: 27) противостоял «Гражданин» Достоевского. Очень скоро, в мартовском «Дневнике писателя» 1876 г. в главке «Обособление», автор вернется к этой трудноизлечимой болезни русского общества: «И заметьте всеобщую черту: всё дело у нас теперь в первом шаге, в практике, а все, все до единого, кричат и заботятся лишь о принципах <…>. В результате пусто: курица болтуна снесла» (22: 82–83).

Установка «Гражданина» Достоевского выражалась в разыскании в толще русской жизни тех «лучших людей», которые без лишнего шума делали свое дело, «реформируя» жизнь вокруг себя: врачи и учителя (в том числе земские), священнослужители, благотворители… Эта установка была сформулирована Достоевским в редакционной и программной заметке «Желание», замыкающей первый номер редактируемого им «Гражданина»: «…увы, мы слишком мало знаем о том, что у нас есть на Руси хорошего, и слишком мало выказываем сочувствия и поощрения всякому честному труженику. Сколько раз мы проходим мимо таких честных бойцов, даже не замечая их; сколько прекрасных гражданскою доблестью и общественною пользою богатых жизней уносит могила бесследно, без привета от этого общества, которому эти жизни были всецело и бескорыстно посвящены! <…> Исходя из мысли, что обнародование возможно бóльшего числа явлений из русской жизни, достойных общественной симпатии, и повестей о жизни таких людей, которые в темных углах России посвящали себя служению общества доблестно, но тайно, и со смертью коих в памяти нескольких людей остались воспоминания об этой доблести, — может приносить пользу нашему

обществу, мы искренно желали бы служить этой цели, и рады будем дать место всякому сообщению, ей удовлетворяющему»[*].

Очень скоро Достоевский в рубрике «Вести со всего мира» (*Гр.* 1873. 29 января. № 5) напечатал статью «Добрые вести из Кишиневской епархии». Преамбула этой статьи была приписана Достоевскому В. В. Виноградовым по ее смысловой связи с вышеупомянутой заметкой «Желание»[**]. Вот эта преамбула: «Посреди множества отвсюду приходящих и всюду с жадностью оглашаемых известий — почти исключительно о прискорбных или соблазнительных явлениях жизни общественной — как отрадно встречать хоть изредка известия о том, что там или тут просыпается сила, объявляется доброе намерение и зачинается добрая деятельность на истинную пользу народа. Мы поставляем себе за долг делиться всякий раз добрым впечатлением этого рода со своими читателями. Пусть иногда и будет заметно некоторое преувеличение в этих известиях: это не беда, если оно происходит от одушевления доброю мыслью и добрым намереньем, — лишь бы дело делалось во имя добра и правды»[***].

Сам Достоевский в «Гражданине» вновь и вновь обращался к глубоко продуманной им информационной стратегии, например, в обзоре «Иностранные события» 8 октября 1873 г.: «…миру в высшей степени необходимо иметь перед собою как можно более людей, которых можно уважать» (21: 199). В его «гражданинских» планах и набросках читаем: «Совсем некого уважать (вот язва теперешнего)…», — и, вместе с тем, — «Хорошим примером человек живет» (21: 252, 256).

---

[*] <*Достоевский Ф. М.*> Желание // *Гр.* 1873. 1 января. № 1. С. 28.

[**] См.: *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. С. 567; *Он же.* Из анонимного фельетонного наследия Достоевского // Исследования по поэтике и стилистике. С. 191.

[***] <*Достоевский Ф. М.?*> Вести со всего мира. Добрые вести из Кишиневской епархии. [Предисловие] // *Гр.* 1873. 29 января. № 5. С. 158. См. также: <*Достоевский Ф. М.*> Два слова о добром деле // *Гр.* 1874. 25 марта. № 12. С. 341.

Установку редактора усердно реализовывали обозреватели А. У. Порецкий[*] и И. Ю. Некрасов[**], к ним присоединялись другие авторы[***]. Всё решают люди — к этой простой максиме устремлен был «Гражданин» Достоевского. Отыскивая положительные примеры, еженедельник в то же время не уставал говорить и о нехватке «лучших людей» во всех сферах общественной жизни[****]. Ностальгическую ноту вносил в эту тему И. Ю. Некрасов, часто обращавшийся к примерам из русской истории: «Как укоризненны воспоминания о бескорыстных истинно русских тружениках должны быть в нашу пору, когда промышленный, какой-то ростовщический дух проникает во все сферы жизни… Правда, столь долго и незаконно попиравшиеся экономические интересы возымели наконец вес в последней; но в современной общественной погоне за ними редко-редко встретится личная энергическая забота о пользе общей; эта забота всего более направлена к удовлетворению личного же, безмерного и необузданного, своекорыстия. Тяжело это время шатания нравственных начал и забвения исторической всенародной пользы!»[*****].

---

[*] См.: <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. № 10, 15–16, 25; <*Порецкий А. У.*> Из текущей жизни // *Гр.* 1873. № 47; *Товарищи Цейдлера*: *А. Порецкий, А. Майков.* Петр Михайлович Цейдлер (Некролог) // *Гр.* 1873. № 9.

[**] См.: *Москвич* <*Некрасов И. Ю.*> Московские заметки // *Гр.* 1873. № 13, 15–16, 18; *Москвич* <*Некрасов И. Ю.*> Из Москвы // *Гр.* 1873. № 44, 48; 1874. № 12.

[***] См.: *Филиппов Т.* О гимназии княгини Оболенской // *Гр.* 1873. № 7; *Казанцев Н.* Безызвестные деятели. (Картинка первая) // *Гр.* 1873. № 12; <*Мещерский В. П.*> Знаменательный адрес крестьян сельскому врачу // *Гр.* 1873. № 46; *Сельский учитель* <*Мещерский В. П.*> Сельский учитель из живых // *Гр.* 1873. № 47; <*Соловьев Н. И.*> Севастопольские подвижницы // *Гр.* 1874. № 2 (там же — статья Достоевского «Кстати, о покойном Николае Ивановиче Соловьеве», которую также следует включить в серию о «лучших людях»).

[****] См.: *Святослав-Солынский* <*Мещерский В. П.*> Неизбежные размышления. II. Люди, где же люди? // *Гр.* 1873. 1 октября. № 40. С. 1080.

[*****] *Москвич* <*Некрасов И. Ю.*> Московские заметки // *Гр.* 1873. 12 марта. № 11. С. 333.

* * *

С надеждой было воспринято «Гражданином» еще одно преобразование — введение нового городового положения, расширявшего права городского самоуправления, теперь всесословного. В центре внимания закономерно оказалась Московская городская дума, еще с 1862 г. вводившая новые демократические формы управления городским хозяйством, ориентируясь на земские традиции допетровской Руси. Решающую роль в возрождении этих традиций сыграли славянофилы и близкие им представители московского дворянства и купечества (Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков, В. А. Черкасский, А. А. Щербатов, С. М. Третьяков). Московская дума собрала действительно лучших людей столицы, в гору наконец-то пошли многие отрасли городского хозяйства, при поддержке граждански ответственного купечества ей удалось сбалансировать уровень доходов и расходов в муниципальной казне, упрочить систему частной благотворительности. Поэтому далеко не случаен тот факт, что новый редактор «Гражданина» не пожалел отдать громадный объем газетной площади под статью «Очерк деятельности Московской думы от 1863 г. до настоящего времени» (*Гр.* 1873. № 5–9, 11), написанную с глубоким знанием городских проблем и путей их решения. Было продемонстрировано непростое наследство, передаваемое составу думы, избранному уже по новому городовому положению, и другим городам, еще только вступающим на эту стезю. В указанной статье весомо сказано было и о главной опасности, поджидающей реформу местного самоуправления: «…безучастие к общественному делу, равнодушие к интересам города — а, следовательно, и своим собственным — и непонимание своих обязанностей в отношении к обществу до сих пор еще составляют характеристические черты, отличающие большинство гг. гласных Московской думы, и замечательно, что в последнее время эти грустные явления стали

обнаруживаться еще чаще, еще явственнее, чем прежде»[*]. Такова, например, неравномерность в обложении налогами, которая «дает возможность широко разойтись личному произволу, разным проискам и интригам, и потому неудивительно, что в последнее время несправедливости в раскладках дошли до крайних пределов, <…> вина не в способе раскладки или размере налога, а в тех, кто применяет ложно этот способ, вина в нашем общем непонимании общественных обязанностей, которое проявляется одинаково и в высших, и в средних, и в низших слоях общества»[**]. И здесь, как и в других случаях, «Гражданин» возвышает личностный фактор.

Главным тормозом в деле формирования городского самоуправления автор статьи считает безразличие общества по отношению к слабым росткам демократии: кажется, что московскому «демосу» ни к чему «кратия». «Как бы там ни было — московское общество косо смотрело на думу, да и теперь еще, несмотря на радикальное преобразование ее и усилия первых двух городских голов, князя Щербатова и Черкасского, обновить думу — общество всё еще продолжает неблаговидно относиться к этому учреждению, и весьма часто еще приходится слышать в московских кружках толки о том, что служить в думе и неприлично, и гадко, что прежние порядки продолжаются до сих пор и т. п. При этом, естественно, спрашиваешь себя: каким образом наше общество может подавить в себе чувство самолюбия до того, чтоб унижать в собственных глазах учреждение, которому оно же вверило управление всем городом, каким образом может оно позволить себе отвлекать наших молодых людей, получивших университетское образование, от службы в думе? Не есть ли это крайнее непонимание интересов всего общества, непонимание самых необходимых условий успеха в ведении общественного дела?»[***]

---

[*] <*Шумахер Д. Д.?*> Очерк деятельности Московской думы [от] 1863 года до настоящего времени // *Гр.* 1873. 29 января. № 5. С. 144.

[**] То же // *Гр.* 1873. 11 февраля. № 7. С. 200.

[***] То же // *Гр.* 1873. 19 февраля. № 8. С. 239.

Здесь стоит еще раз вернуться к уже цитированной главке «Обособление» мартовского «Дневника писателя» 1876 г., где автор задается вопросом, почему «правительство наше, за всё время двадцатилетних реформ своих, не нашло у нас *всей* поддержки интеллигентных сил наших? Напротив, не ушла ли огромная часть молодых, свежих и драгоценных сил в какую-то странную сторону, в обособление с глумлением и угрозой, и именно опять-таки из-за того, чтоб вместо первых девяти шагов ступить прямо десятый…» (22: 83). Сопоставляя цитаты, разделенные тремя годами, можно видеть, как ментальную болезнь нации, стоящей на ложном пути, и ее роковое сопротивление лечению «сверху» Достоевский начинает глубоко исследовать в период редактирования «Гражданина», руководя этой коллективной лабораторией консервативной мысли. Что это так, доказывает запись в «гражданинской» тетради Достоевского: «Все реформы были сделаны прежними людьми, мимо помощи нашей молодежи, — она только свистела» (21: 253).

Неизбежен был и другой вопрос: адекватен ли вызовам времени помянутый «верх»? В связи с этим важно отметить, что городовое положение от 16 июня 1870 г. признало независимость городского самоуправления от правительственной опеки. На этой почве произошла трагикомическая «ляминская история», вызвавшая большой шум. Избранный 29 декабря 1872 г. городской голова, он же руководитель московской думы И. А. Лямин решил нанести визит новоприбывшему гражданскому губернатору П. П. Дурново, не застал его и оставил визитную карточку. Сие обстоятельство сильно огорчило нового градоначальника, поскольку подчиненные ему служащие (напомню, что Лямин таковым не был) в подобной ситуации были обязаны отметиться в соответствующей книге у швейцара. Губернатор еще более разгневался, когда городской голова наконец явился к нему, но не в мундире, а во фраке (что также не было нарушением правил, писанных только для государственных служащих). Голова получил нагоняй и, оскорбленный за себя и за представляемую им институцию, подал

в отставку. Разбирая нарастающий скандал, М. Н. Катков указал на ошибку Лямина: ему не следовало забегать вперед с изъявлениями излишнего почтения, поскольку он по новому городовому положению не находился в подчинении у правительственного чиновника[*]. «Гражданин», со своей стороны, сосредоточился на поведении губернатора, раздувшего конфликт на пустом месте: «…вдумываясь в этот факт, приходишь к вопросу: не имеет ли этот эпизод психического, весьма глубокого смысла и не есть ли он не что иное, как новое проявление весьма старой психической болезни в известной среде нашего общества?»[**] (то есть в сферах власти). Мещерский дал остроумный ответ на поставленный им же вопрос: «…иные [начальствующие] люди, прежде, чем приступать к деятельности, признают себя обязанными свидетельствовать о своей личной преданности правительству и для такого засвидетельствования поставляют себе в необходимость воображать тех или других представителей общества врагами правительства, и затем прежде всего начинают с этими мнимыми врагами правительства борьбу открытую или тайную»[***]. Журналист особо отметил, что прибывший в древнюю столицу ретивый градоначальник презрел неведомые ему «характер, предания, заветные чувства, нравственные начала московского общества»[****]. В том же номере в «Петербургском обозрении» Мещерский с удовлетворением отметил, что общественное мнение осудило чванливого губернатора — «доказательство, что мы действительно слегка подвинулись вперед в деле оценки общественных событий»[*****], понемногу исцеляясь от парализующего действия Табели о рангах.

---

[*] См.: <*Катков М. Н.*> Москва, 29-го января // *Московские ведомости*. 1873. № 26. См. также № 29, 36, 53.

[**] *Кн. В. Мещерский.* По поводу московского случая с городским головою // *Гр*. 1873. 5 февраля. № 6. С. 159.

[***] Там же.

[****] Там же. С. 160.

[*****] <*Мещерский В. П.*> Петербургское обозрение // *Гр*. 1873. 5 февраля. № 6. С. 160.

Мещерский, надо отдать ему должное, хорошо знал ту среду, о которой писал. Параллельно в романе «Один из наших Бисмарков», печатавшемся в «Гражданине»[*], он вывел хорошо узнаваемый сатирический образ самоупоенного правителя губернии. Что касается конкретно П. П. Дурново, то, дослужившись до генерал-губернатора Москвы, он продолжал, по выражению В. Ф. Джунковского, «страдать самодурством» и мелочным властолюбием (вернувшись из поездки по городу, он использовал техническое новшество, телефон, чтобы позвонить гражданскому губернатору: «…доложено ли ему из участков, по каким улицам он проехал»)[**]. Не удивительно, что он сыграл провальную роль в исторической драме 1905 г.

Авторитет власти «Гражданин» полагал одним из столпов, на которых держится всё общественное строение. Однако разрушителей его газета видела не только в революционерах. Не меньший, а даже еще и бóльший урон таковому авторитету могут нанести представители самой власти, — эту истину автор «Бесов», ставший редактором, пытался донести до современников. В интерпретации «Гражданином» «ляминской истории» нам видится участие редактора, к тому же редакционное единство проявилось и в дополняющих комментариях[***]. А. У. Порецкий, в частности, утверждал, что развитие местного самоуправления не только не ослабляет государственную власть (в чем как раз были убеждены «наши Бисмарки»), но, напротив, значительно укрепляет ее. Обозреватель «Гражданина» при этом указывал на высшую мудрость правителя: «…величайшая заслуга просвещенной административной политики в том состоит, чтобы заставить дорожить в законе

---

[*] В 1873 г. (1 января — 14 мая) публиковалась последняя, третья часть романа, где герой терпит крушение, столкнувшись с новыми порядками, ограничившими всевластие самодуров.

[**] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 20.

[***] См.: *Москвич <Некрасов И. Ю.>* Московские заметки // *Гр.* 1873. 5 февраля. № 6. С. 167–169.

именно его разрешениями, облегчениями и ограждениями, — а не выставлять всегда и везде на первый план его силу ограничительную»[*].

Для иллюстрации Порецкий выуживает из газетных хроник два случая. В первом губернские власти города Курска оскорбились решением думы вознаградить усердие на пожаре унтер-офицера местной полицейской команды. Думским самоуправцам вынесено было строгое порицание: «…ни дума, ни городской голова не имеют права <…> одобрять или порицать лиц, состоящих на государственной службе…»[**]. Почему же в таком случае, комически недоумевал обозреватель, не был призван к порядку другой городской голова, предложивший за борьбу с пожарной стихией присвоить начальнику губернии и войсковому генералу звание почетных граждан г. Павловска?

Нам представляется, что в продолжение разящей иронии[***] явилась заметка Достоевского «Стена на стену» (Из текущей жизни // *Гр.* 1873. 11 июня. № 24). Конфликт амбиций между разными ветвями власти, мировым съездом и рекрутским присутствием в Екатеринославле в газетах был назван невинно «пререканием», Достоевский же дает ему куда более емкое и язвительное определение: «соревнование о властях» (21: 145). Приведя еще пример подобного же «психологического» свойства, автор предлагает задуматься над ментальной подоплекой наблюдаемых «вывертов»: «Мы — русские, а потому знаем и должны знать, что такое значит в быту нашем это соревнование властей, и есть ли хоть один из нас, который бы не перенес чего-нибудь в этом роде даже сам на себе, в своей жизни, а не то чтобы был только свидетелем. Даже смотришь, а и сами мы, чуть не каждый из нас, хоть раз в жизни, а заявили-таки

---

[*] <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 2 апреля. № 14. С. 429.

[**] Там же.

[***] Не исключено, что в ней поучаствовал и сам редактор: это в его манере.

свою власть над другими в этом же самом смысле. <…> И к тому же тут мнительность. Вся Россия заражена в известном смысле страшною мнительностью, во всех сословиях и во всех занятиях и именно насчет власти. Каждый думает про себя: “А ну как подумают про меня, что у меня не так много власти?” Засим следует страх, а засим и превышение власти, и единственно чтоб доказать свою власть» (21: 146–147)[*].

Ядовитое для «нас, русских» умозаключение и, пожалуй, настоящее открытие в области, позднее получившей имя социальной психологии. Суждение о «термометре власти» Достоевского было настолько хлестким, что поставило в тупик В. П. Мещерского, далеко не чуждого сатиры на бюрократов. Князь-издатель выразил недоумение близкого ему кружка: «“Из текущей жизни” на всех нас (4 читате<ля>) произвело одно и то же впечатление: неясно, не знаешь, что именно хотелось сказать автору, и фактов слишком мало!»[**]

Фактов, говорящих о «мнительности насчет власти» (21: 146–147) в «Гражданине» было в действительности не так уж и мало, хотя еженедельник не был сатирическим и должен был соблюдать известную меру. Тем не менее издание время от времени позволяло себе довольно острые выступления. Среди них особое внимание общественности привлекли публикации о происшедшем в Рязанской губернии инциденте «пронской охоты». Началось с того, что Достоевский поместил в седьмом номере «Гражданина» 1873 г. письмо «из одной замосковной губернии» (как потом выяснилось, Рязанской), повествующее, как «начальник <…> края» вместе с компанией «из мировых

---

[*] Еще одно жестокое «соревнование властей», между городским головой и мещанским старостой г. Киржача живописалось в заметке: *Посторонний*. «Буря в стакане воды», или Кто «больше» — городская дума или же мещанское «общество»? Эпизод из жизни граждан города К….. // *Гр.* 1874. 18 марта. № 11. С. 336–337. В данном случае «соревнование» предопределено было сопротивлением мещанского «общества» и его старшины новому городовому положению, отнимавшему незаконно присвоенные привилегии.

[**] *Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 37.

судей, посредников, исправников» устроили охоту и, увлекшись, «наехали на большое стадо, принадлежавшее селу N; потоптав скотину, стали топтать и поля». Крестьяне поднялись на защиту своей жалкой собственности, и случилась потасовка, обидная для начальствующих персон. В удовлетворение обиды были арестованы четверо мужиков «за самоуправство и ослушание», а один из них, старик-пастух, был помещен в «холодный, узкий и смрадный чулан» и подвергся мукам голода. Старик не выдержал и вскоре умер. Наехавший товарищ прокурора, на беду охотников, тоже оказался «*охотником… докапываться*» и завел уголовное дело против чересчур усердного до начальства исправника. Анонимный автор письма выразил общее мнение местного общества, что законнику «несдобровать <…> за то, что не уважает местной власти»[*].

Получив данное письмо, Достоевский решает предать его гласности. Стоит заметить, что в той же ситуации оказавшийся редактор газеты «Современные известия» Н. П. Гиляров-Платонов (он получил информацию о пронской охоте даже «из трех рук»[**]), человек далеко не робкого десятка, всё же не рискнул печатать опасный материал и опубликовал его только после выступления «Гражданина»[***]. А вскоре газета, получив опровержения от рязанских чиновников, вынуждена была их напечатать[****]. То же самое должен был сделать и «Гражданин», однако с его стороны последовал ход довольно неожиданный и, как оказалось, беспроигрышный. В двенадцатом номере за подписью Мещерского появилась статья «Губернаторские обеды», в которой заметны остроумные вставки Достоевского. Дело в том, что рязанская знать, узнав о победном возвращении своего губернатора из Петербурга (у него были сильные

---

[*] Заметка // *Гр.* 1873. 11 февраля. № 7. С. 211.

[**] По его собственному признанию, см.: *<Гиляров-Платонов Н. П.>* Москва, 7 марта // *Современные известия.* 1873. 8 марта. № 65.

[***] См.: *Современные известия.* 1873. № 52.

[****] См.: *Современные известия.* 1873. 8 марта. № 65.

связи при дворе), устроила ему торжественный «обед *monster*», где прозвучала «восторженная радость всех сословий губернии», чудесно спасенной от презренных клеветников. Теперь же на сие пиршество торжествующей справедливости «ссылаются как на общественный факт»: «…обед с представителями всех сословий (даже крестьянского!!!), на котором его превосходительству наговорят кучу сладких и лестных вещей, в виде спичей, должен служить доказательством, в глазах высшего правительства и общества, непогрешимости губернатора и всеобщей к нему любви и уважения», и уж «если рязанскому губернатору дали такой восторженный обед от всего общества, то очевидно эпизод об охоте — выдумка и бессмыслица»[*]. «*Последняя лесть горше первой*» — восклицает автор «Гражданина» и не без ехидства предлагает пойти еще дальше (узнаваемый прием Достоевского!). Во-первых, теперь «мы будем в состоянии определять размеры административных способностей губернаторов по количеству даваемых им обедов и кадильного дыма, воскуриваемого на этих обедах преданными слугами их превосходительств!» А во-вторых, «в данном случае мы не понимаем, чем общественный развеселый обед в честь его превосходительства мог более доказать всеобщую к губернатору любовь, чем та веселая общественная охота, о которой мы рассказывали? И на охоте и на обеде было много именитых дворян, представителей интеллигенции, земства и дворянства; и на обеде и на охоте было много сказано любезных слов его превосходительству; наконец, и на обеде и на охоте было очень весело, оживленно и, пожалуй, тепло от тех чувств сердечной преданности его превосходительству рязанского населения, на которые указывается нам, как на доказательство высокого положения губернатора среди рязанского общества. В таком случае, не проще ли было бы именно сослаться на эту веселую охоту, чтобы доказать,

[*] *Кн. В. Мещерский.* Губернаторские обеды (Мысли по поводу обеда в честь рязанского губернатора) // *Гр.* 1873. 19 марта. № 12. С. 359.

как семейно и дружно живет рязанский губернатор между всеми сословиями ему подведомой губернии»[*].

К этому сарказму серьезный и как всегда веский комментарий присоединил К. П. Победоносцев. Известно, что обеды в честь начальства обычно делаются по подписке. «…Какое в этой вынужденной подписке выказывается извращение отношений подчиненных к власти»[**], — восклицал автор «Гражданина». В связи с этим, говорит он, обычно возникает и другое обстоятельство — раздражительная оппозиция. «На каждую из хвалебных речей, произносимых на обеде, является насмешливое или раздутое до пафоса опровержение. Разгорается вражда на мелком поле»[***], которую автор иронически сравнивает с «Батрахомиомахией» (древнегреческая пародийная поэма «Война мышей и лягушек»). Так, сообщает он, в редакцию «Гражданина» поступило письмо о том, что другая, «лучшая» часть рязанского общества открыла подписку в пользу семейства несчастного пастуха. Победоносцев резонно замечает по этому поводу: «Подписка направлена против администрации. Но как могла возникнуть подобная подписка? Она могла возникнуть только потому, что сама администрация вышла из спокойного положения, подобающего власти, допустив себя стать предметом неподобающей *аттестации* со стороны местного населения, в виде обеда…»[****]. Российской бюрократической элите далеко не всегда было понятно, что нравственное достоинство, авторитет власти — и есть источник ее прочности. Победоносцев, таким образом, выразил один из важнейших постулатов разумного консерватизма, которому был привержен и редактор «Гражданина».

Выступления «Гражданина» возымели свое действие. Уже через неделю после «заметки» Победоносцева еженедельник сообщил, что в Рязань прибыл сенатор К. К. Петерс, «командированный по Высочайшему повелению для обревизования

---

[*] Там же. С. 359–360.

[**] <*Победоносцев К. П.*> Заметка // *Гр.* 1873. 16 апреля. № 15–16. С. 466.

[***] Там же.

[****] Там же. С. 467.

Рязанской губернии — по поводу известного дела о рязанской облаве на зверей и отчасти на людей»[*]. А в декабре того же 1873 г. Н. А. Болдарев «согласно прошению» оставил пост рязанского губернатора и был формально причислен к министерству внутренних дел. Понятно, что чиновник в самом, что называется, расцвете (47 лет) и с большими связями[**] просто так не уходит. Впоследствии он вернулся на поприще конезаводства, где правил его папенька, но, не удержавшись и при лошадях, не искушенных в благодарственных обедах, в конце жизни остановился на богоугодных заведениях: дороговато обошелся ему сарказм Достоевского, соединившийся с весомостью Победоносцева!

Сарказм же получил в «Гражданине» продолжение. Приведем эпизод из сатирического раздела еженедельника: «В другом земском собрании (чуть ли не в саратовском). Идет речь о необходимости ревизии денежной части, коей заведует председатель управы. “Извольте, господа, — говорит председатель, — но да будет вам известно, что я смотрю на это предложение как на заявление личного к моей чести недоверия, а потому всякий, кто это предложение принимает, будет после иметь дело *лично со мной*!” Это “*лично со мной*” навело бледность, страх и ужас на лица многих из гласных. <…> Вместо ревизии приняли-де предложение об обеде г. председателю»[***].

А. У. Порецкий также часто обращался к подобного рода эпизодам в своих обозрениях и дал им емкое определение: *привычки*, — возможно, переосмыслив «в другую сторону» выражение из пушкинского «Бориса Годунова»: «Привычка — душа держав». В Одессе, рассказывает обозреватель «Гражданина», некий дворянин определился в околоточные надзиратели, обмундировался за свой счет, но вскоре был уволен со

---

[*] <*Мещерский В. П.?, Порецкий А. У.?, Пуцыкович В. Ф.?*> Из текущей жизни // *Гр.* 1873. 23 апреля. № 17. С. 526.

[**] Ср. в записной книжке Достоевского этого времени: «Неистощимый цинизм сверху (то есть от придворных, окружающих царя)» (21: 271).

[***] <*Мещерский В. П.?*> Последняя страничка // *Гр.* 1874. 11 марта. № 10. С. 307.

службы, так как во время дежурства в театре не узнал градоначальника и не отдал ему чести. Оказалось, что сам-то градоначальник не имел отношения к сей немилосердной строгости, а за его честь «по привычке» постоял ретивый полицмейстер или даже его помощник. К «хроническим привычкам» обозреватель отнес также хамоватое любоначалие председателя земского собрания в г. Осе Пермской губернии и самарского архиерея: оба по своей прихоти «прикрыли лавочку» выборных органов[*]. Через две недели Достоевский в обозрении «Иностранные события» (8 октября) воспользовался термином «привычки» уже по другому поводу (21: 200).

В качестве движущей силы самоуправления (и в том числе для искоренения вредных *привычек*) «Гражданин» настоятельно выдвигал разумную свободу печати. Уже в программной статье первого номера за 1873 г. говорилось, с неизбежной осторожностью, о насущной «потребности в расширении области общественного обсуждения»[**]. Ключевая позиция издания была заявлена затем неоднократно, например, в следующем категорическом императиве: «В разлад с гласностью идут лишь безответственность и самовластие; но самоуправление, ответствующее пред обществом, видит в печати орган общественного мнения, и даже самые недоразумения, проходящие в печать, делает безвредными чрез разъяснение и восстановление истины. Гласность и самоуправление имеют общее основание и одинаковую конечную цель»[***]. Это убеждение, безусловно, разделяли все ведущие авторы «Гражданина»: Мещерский, Победоносцев, Некрасов, не говоря уже о Достоевском (см. в записной тетради: «Полная свобода прессы необходима…» — 21: 266). В этом пункте разногласий у собравшихся вокруг журнала консерваторов не было! Что же

---

[*] <*Порецкий А. У.*> Привычки (Из современного обозрения) // *Гр.* 1873. 24 сентября. № 39. С. 1042–1043.

[**] <*Победоносцев К. П.?*> 1872 год // *Гр.* 1873. 1 января. № 1. С. 8.

[***] <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 2 апреля. № 14. С. 431.

касается до самого редактора, то его перу принадлежит в «Гражданине» один из самых острых сатирических демаршей издания — насмешливо развернутая «теория политического подозрения и дальновидности» исправника Кира Лукича Дубино-Палкина, согласно которой если власть утверждает, что голода нет, то его нет и в самом деле для всех послушных граждан[*].

«Гражданин» Достоевского совокупностью публикаций настаивал на том, что реформирование общества (и в нижних, и в верхних этажах) невозможно без оздоровления его нравственных корней.

[*] <*Достоевский Ф. М.?*> Последняя страничка. Из провинциальной жизни в городе Неблагодатном // *Гр.* 1874. 18 февраля. № 7. С. 215.

Глава 5. Церковь

Близкий к Достоевскому Н. Н. Страхов заметил в нем серьезную перемену, когда писатель летом 1871 г. вернулся из-за границы: «Он стал беспрестанно сводить разговор на религиозные темы»[*]. Еще раньше новый настрой выразился в письмах друзьям из-за границы. В письме А. Н. Майкову 9 (21) октября 1870 г. Достоевский так формулирует свое обновленное кредо: «Всё назначение России заключается в православии, в *свете с Востока*, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа» (29_1: 146).

На страницах «Гражданина» свое новое убеждение Достоевский впервые открыто высказал в VII главе «Дневника писателя» «Смятенный вид» (1873. 19 февраля. № 8): «Не в нем ли одном [православии] и правда и спасение народа русского, а в будущих веках и для всего человечества? <…> И может быть, главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот Божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!» (21: 59). Через две недели та же мысль, даже чуть усиленная, вклинится в «Петербургское обозрение»:

> «…наше православие есть главное и, может быть, даже единственное право на всемирное значение России; наша церковь есть спасение общества, а мы ведь ее вовсе почти не знаем и до последнего времени даже не хотели знать»[**].

«Петербургское обозрение» в «Гражданине» вел князь В. П. Мещерский, но сиятельный публицист был весьма далек

---

[*] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 496. Тот же мемуарист свидетельствует о разговорах десятилетней давности: «…мне не припоминается ни одного случая, когда бы Федор Михайлович прямо высказывал <…> религиозное настроение…» (Там же. С. 457).

[**] <*Мещерский В. П.*, *Достоевский Ф. М.*> Петербургское обозрение // *Гр.* 1873. 5 марта. № 10. С. 284.

от мессианских упований. Цитированная вставка в его статью, совершенно очевидно, была сделана редактором[*].

В лексиконе Достоевского слово *церковь*, изредка являвшееся прежде (герой-мечтатель повести «Хозяйка» 1847 г. пишет историю церкви), с начала 1870-х гг. приобретает новое значение и силу. С. И. Фудель не без основания полагает, что «первый [у Достоевского] образ Церкви дан в 1870 году в “Бесах”»[**]. «Основное мироощущение этого романа, — утверждает исследователь, — предчувствие последнего восстания безбожия на Христа и Его Церковь»[***]. Предчувствие посетило тогда не одного Достоевского. Фудель приводит замечательно пророческие слова архиепископа Херсонского Никанора (Бровковича), сказанные аккурат в 1871 г.: «Окружающее нас спокойствие мира только кажущееся… Бури по местам взрываются и теперь, предвещая всеобъемлющий вихрь. Жизнь есть движение и борьба. А к концу веков эта борьба, увеличиваясь все больше и больше, должна кончиться небывалым и невообразимым смятением, грозно сокрушительным восстанием духа мира сего на Церковь Божию. И не слышим ли мы, с томительным предчувствием сердца, пока глухих, но громовых раскатов надвигающейся грозы»[****].

---

[*] Перу Достоевского, как мы полагаем, принадлежат пять абзацев данного обозрения, повествующих об очередном заседании Общества любителей духовного просвещения. Об этих заседаниях в «Гражданине» подробно писали Ф. М. Достоевский и Т. И. Филиппов. Последний также не мог быть автором процитированных строк ввиду холодности ко всякому проявлению мессианизма.

[**] *Фудель С. И.* Наследство Достоевского. 3-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст. и коммент. Л. И. Сараскиной. М., 2016. С. 229. Еще раньше епископ Антоний (Храповицкий): «…Достоевский как прямой проповедник православия открывается себе и миру лишь в последнее десятилетие своей жизни…» (*Антоний (Храповицкий), епископ.* Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского // Властитель дум: Ф. М. Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века. СПб., 1997. С. 142).

[***] *Фудель С. И.* Там же. С. 192.

[****] Там же.

Внезапное (как может показаться) обращение Достоевского к проблеме исторической судьбы церкви не случайно, конечно, совпало по времени с теми процессами, которые тогда разворачивались в русском обществе.

В конце 1860-х гг. проведена была реформа духовного образования: новые уставы, новые штаты и новые учебные программы были введены в низших учебных заведениях (духовные училища), средних (семинарии) и высших (три духовные академии). Реформа была непоследовательна и противоречива: с одной стороны, вводились некоторые элементы самоуправления (выборность ректоров и преподавателей), а с другой, сокращались общеобразовательные предметы (естественные науки, история), а в специальных богословских классах семинарий упразднены были библейская история, герменевтика, полемическое богословие, т. е. науки, формировавшие творческое начало личности будущего священнослужителя. «Московские ведомости» (1874. 1 марта) писали, что в результате семинаристы «как бы дрессируются в ремесле богословия». Нерешенным оказался вопрос о финансировании духовных училищ, отданный целиком в ведение приходов: их ужасающее материальное положение признавалось даже в официальных отчетах Св. Синода, в целом приукрашивавших общую картину духовного образования.

Начиная с 1870 г., когда был образован особый Комитет для выработки проекта реформы церковного суда, этот вопрос особенно активно дебатировался в русской печати (роман «Братья Карамазовы» начинается как раз с обсуждения статьи Ивана Карамазова, опубликованной в ходе этой общественной дискуссии). Смысл предложенных Комитетом нововведений заключался в приближении суда духовного к суду гражданскому, в ослаблении традиционной судебной власти архиереев. Эти предложения вызвали протест иерархов. Их позицию хорошо объяснил позднейший историк: «молчаливо отвергалось само существование независимой церковной юрисдикции», реформа пошла «по прописям светского правосознания» вместо того, чтобы исходить «из начал живого канонического

самосознания Церкви»[*]. Говоря затем о реформе духовного образования, Флоровский вновь подчеркивал, что «у преобразователей не было живого чувства церковных нужд и потребностей»: «изучали не сам предмет, а западную литературу предмета», чтобы «догнать» европейское «просвещение»[**].

Эта поздняя исторически-объективная оценка церковных реформ царствования Александра II позволяет понять взвешенную критическую позицию, которую занял в этих непростых вопросах «Гражданин» под редакцией Ф. М. Достоевского. Уже во втором номере 1873 г. в «Московских заметках» И. Ю. Некрасова был поставлен кардинальный вопрос, достаточно ли у русской церкви общественно-нравственных сил[***]. Затем практически в каждом номере еженедельника поднимались проблемы церковной жизни. Так, А. У. Порецкий, кропотливо собирая факты, разбросанные по публикациям епархиальных ведомостей, указывал на страусиную политику Синода, в своих официальных отчетах скрывавшего реальное положение вещей[****], а Т. И. Филиппов без обиняков заявил о «крайнем расстройстве нашего церковного управления»[*****]. Достоевский писал и о «весьма неудовлетворительном состоянии науки даже в высших духовных заведениях» (21: 142).

Но самым, пожалуй, животрепещущим и остро дебатируемым вопросом был вопрос материального обеспечения духовенства и реформы приходов. «Гражданин» горячо поддержал позицию Д. Ф. Самарина[******] и «прихожан, отстаивавших

---

[*] *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. М., 2009. С. 435.

[**] Там же. С. 460, 461.

[***] См.: *Москвич* <*Некрасов И. Ю.*> Московские заметки // *Гр.* 1873. 8 января. № 2. С. 38.

[****] См.: <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 16 апреля. № 15–16. С. 489–494.

[*****] <*Филиппов Т. И.*> Петербургское общество любителей духовного просвещения // *Гр.* 1873. 2 июля. № 27. С. 767.

[******] См.: *Самарин Д. Ф.* Сокращение приходов и обеспечение духовенства. М., 1873. Первоначально опубликовано: *Современные известия.* 1873. № 90, 94, 96, 131.

свои приходские храмы», попавшие под сокращение. И. Ю. Некрасов, которого мы процитировали, указывал на «вопиющую несправедливость» чисто бюрократического подхода к проблеме и акцентировал главную мысль Д. Ф. Самарина: «Мерою сокращения приходов и причтов религиозная потребность народа приносится в жертву улучшению материального быта духовенства»[*].

Следует иметь в виду, что критика «Гражданина» была обоюдоострой, то есть направленной и в сторону государства, и в сторону самого духовенства. Так, далее говорилось, что «возможное улучшение этого быта само по себе еще не имеет никакой нравственной возрождающей силы для нашего духовенства». Публицист «Гражданина» решительно встал на сторону Д. Ф. Самарина, в духе лучших традиций славянофильства[**], противоставшего тогдашнему популизму: «…наконец появился *московский* частный голос, публично ставший вразрез с говором известной, *значительной* части духовенства и духовной журналистики, мечтающих и рассуждающих более о благах мира сего, а не о своих нравственных нуждах и интересах <…> при толках о материальной нищете части последнего [духовенства], говорите же громче о духовном убожестве и нравственной лени, о чиновничьем, нередко полицейском духе большинства другой его части, вовсе не убогой в материальном отношении…». Автор сетует, что ныне «редко-редко» услышишь в московских церквях «*живую* проповедь к народу»[***].

---

[*] *Москвич* <*Некрасов И. Ю.*> Московские заметки // *Гр.* 1873. 26 июня. № 26. С. 724.

[**] См. выступления И. С. Аксакова в газете «Москва» 22 и 23 августа, 3 сентября 1868 г. Также: *Новоселов М.* И. С. Аксаков и Ф. М. Достоевский о мерах материального обеспечения духовенства // *Мирный труд.* 1905. № 1.

[***] *Москвич* <*Некрасов И. Ю.*> Московские заметки // *Гр.* 1873. 26 июня. № 26. С. 724–725.

«Гражданин» Достоевского отдавал свои страницы и под выступления «значительной части духовенства», требующей казенного содержания[*], однако в собственных корреспонденциях еженедельника последовательно проводилась совершенно другая линия. Ее выражал также А. У. Порецкий в своих обозрениях. Так, указывая на быстрое распространение «в среде православного населения (Кавказской епархии. — *В. В.*) секты “шалапутов”», Порецкий задался вопросом: «Почему, позвольте спросить, секты у нас распространяются с такою легкостью? <…> ужели же пришлось бы нам согласиться, что всему причина — плохое материальное положение нашего духовенства, как некоторые думают»[**]. Выступая категорически против казенного содержания, дающего священнику некую «независимость» от прихода (таков был главный аргумент «государственников», ориентировавшихся на опыт западных церквей), Порецкий отстаивал путь более трудный, но освященный православными традициями — налаживание «нравственной связи» пастыря и паствы: «Не будет бедствовать без хлеба священник, действительно делающий с самопожертвованием свое дело; но вопрос только в том: где взять нашим священникам самоотвержение и мужественное исполнение своего долга, при всевозможных лишениях?»[***] Кажется, что обозреватель «Гражданина» попал в порочный круг, но он решительно разрывает его, перенося вопрос в иную плоскость — самого «существа церковной жизни», как бы умалчиваемого в бесконечных спорах о «материальном положении». «Это уже другой вопрос, который мы в свою очередь можем выразить в такой форме: какой строй церковных учреждений необходим для совершенно правильного развития церковной

---

[*] См., напр.: *Священник Мефодий Крячковский.* Из Херсонской епархии. По вопросу об обеспечении быта православного духовенства на счет приходов // *Гр.* 1874. 15 апреля. № 15. С. 428–431.

[**] *<Порецкий А. У.>* Областное обозрение // *Гр.* 1873. 29 января. № 5. С. 129.

[***] Там же. С. 132.

жизни, — для того то есть, чтобы она не останавливалась на одной форменной официальности?»[*]

Заметим, что А. У. Порецкий из всех сотрудников «Гражданина» был самым близким к Достоевскому, и мы имеем множество примеров прямого влияния на него редактора[**]. Приведенная выше «сущностная» постановка церковного вопроса — их общая с Достоевским позиция. В этом нас убеждает также одна из заметок в записной книжке редактора, по содержанию впрямую связанная с выступлением Порецкого[***]:

> «Многое случилось великими предначертаниями Петра, обратившего священника почти что в чиновника. <…>
>
> ШЕЛОПУТЫ
>
> Что, если он [народ] посмотрит наконец на священника единственно как на чиновника от правительства.
>
> Что, если это движение имеет именно мысль самоспасения от растления, тогда возможно, что охватит всю Россию. Шелопутинское может умереть и нейти, но другое может подобное явиться» (21: 255)[****].

---

[*] Там же.

[**] См.: *Викторович В. А.* Литератор-невидимка. Из цикла «Спутники Достоевского» // Лица: биографический альманах. № 4. М.; СПб., 1994. С. 72–94.

[***] Приводим запись в той последовательности, как она зафиксирована в черновой тетради Достоевского: в цитируемом издании она была перекомпонована.

[****] Сходный поворот мысли мы находим у современника Достоевского, мыслителя славянофильского толка, уже упоминавшегося Н. П. Гиляров-Платонова. В письме Т. И. Филиппову 20 октября 1872 г. он замечает: «Падение духовенства поразительно. Историческое воспитание принесло свои плоды. Если желали чиновников на место иерархов и пастырей, его получили и уже более ничего как чиновников. Желал бы вселенского собора именно потому, что на него нельзя явиться с теперешним устройством церкви» (РНБ. Ф. 847.496). За возвращение в русскую православную церковь института собора выступал в «Гражданине» и Достоевский. См.: *Викторович В. А.* Достоевский в Обществе любителей духовного просвещения // Достоевский и мировая культура: альманах. № 20. СПб.; М., 2004. С. 16, 30. Точки сближений и расхождений Гиляров-Платонова и Достоевского в свойственной им обоим «жизненно-практической»

Общее направление издания Достоевского было поддержано другим ведущим его публицистом — К. П. Победоносцевым, в цикле статей проанализировавшим опыт протестантских церквей в Европе («Церковь и государство», «Борьба государства с церковью в Германии», «Церковь и государство в Германии», «Церковные дела в Германии», «Русские листки из-за границы»). В частности, он порекомендовал «заботиться не столько об *улучшении быта,* сколько об *улучшении духа*, не столько о том, чтобы число церквей *не превышало потребности,* сколько о том, чтобы *потребность в церкви не оставалась без удовлетворения*»[*]. Эта реплика (о превышении потребности) метила прямо в правительственную политику, осуществляемую министром народного просвещения и обер-прокурором Святейшего Синода Д. А. Толстым. В церковном управлении явственно обнаружилась ориентация на конституцию протестантской церкви, где пастор поставлен в положение «не зависящее от народа в своем содержании»[**]. По этому поводу Победоносцев восклицал: «Избави нас Боже дождаться той поры, когда наши пастыри утвердятся в положении чиновников, поставленных над народом, и станут *князьями* посреди людей своих, в обстановке светского человека, в усложнении потребностей и желаний посреди народной скудости и простоты»[***].

«Фальшивое положение» лютеранских священников в Германии, утверждал он, происходит от того, что «они пошли к ней (светской власти. — *В. В.*) мимо народной своей паствы, на жалованье, и поставили себя, пастырей, в положение

экклесиологии намечены в статье: *Викторович В. А.* Перепутья русского консерватизма (Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. СПб., 2013. С. 58–70.

[*] *В.* <*Победоносцев К. П.*> Русские листки из-за границы. III. Вестминстерское аббатство // *Гр.* 1873. 6 августа. № 32. С. 873.

[**] Там же. С. 872.

[***] Там же. С. 873.

чиновников, надзирающих за благочинием веры в народе»[*]. Развивая свою мысль на русской почве, Победоносцев выступил со статьей «Приходские попечительства и новое положение о приходах»[**], до сих пор не известной исследователям.

Придя в «Гражданин» в качестве редактора, Достоевский (при содействии таких сотрудников, как А. У. Порецкий, Т. И. Филиппов, К. П. Победоносцев) организовал настоящее обсуждение не отдельных неполадок, а именно целокупного *устройства церкви*. Под таким углом зрения следует рассматривать и его собственные выступления, а среди них центральное — главу «Дневника писателя» «Смятенный вид» (*Гр.* 1873. 19 февраля. № 8). Вынесенные в заглавие слова архиерея из рассказа Н. С. Лескова «Запечатленный ангел», слова бессилия перед надругательством чиновника над древней иконой, у Достоевского обозначают общее церковное нестроение. Сам рассказ Лескова, проанализированный Достоевским под соответствующим углом зрения, служит поводом, чтобы расставить очень осторожно, но неуклонно значимые вехи для осмысления происходящего процесса утраты духовного авторитета современными пастырями.

Достоевский здесь не столько назидает, сколько *подсказывает* читателю. Так, утешительный пассаж насчет того, что «наши священники тоже, говорят, просыпаются», автор останавливает тревожным вопросом: «Поспеют ли только вовремя?» (21: 59).

А рассуждение, почему народ пошел за пастором-штундистом, «а не за православием», обрывает категорическим: «замешалась личность». В православии, твердо убежден Достоевский, «правда и спасение народа русского» (21: 59), таков, судя по всему, замысел Творца, но реализоваться он может только через усилия, личные и коллективные (соборные),

---

[*] *Z. Z. <Победоносцев К. П.>* Церковь и государство в Германии // *Гр.* 1873. 1 октября. № 40. С. 1065.

[**] См.: *П—в <Победоносцев К. П.>* Приходские попечительства и новое положение о приходах // *Гр.* 1874. 8 апреля. № 13–14. С. 391–393.

сыновей церкви. Без их «доброго поведения и добрых нравов» (21: 60) не сдвинется великое дело*.

За уклончивостью и некоторым «кружением» мотивов в главе «Смятенный вид» встает огромный вопрос, обращенный и к критикам, и к апологетам церкви: «Мы вообще наклонны обвинять наше духовенство в равнодушии к святому делу; но как же и быть ему при иных обстоятельствах? А между тем помощь духовенства народу никогда еще не была так настоятельно необходима. Мы переживаем самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую минуту, может быть, из всей истории русского народа» (21: 57–58).

---

* Не могу не упомянуть, что на эту интерпретацию его рассказа Лесков впоследствии откликнулся — редчайший случай в его публичном общении с Достоевским! — практически полным согласием. Я имею в виду статью «Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборческих и других сектах», опубликованную на страницах всё того же издания, правда, уже не редактируемого Ф. М. Достоевским (*Гр.* 1875. 20 апреля. № 15–16. С. 377–381). «Люди эти, — писал здесь Лесков об отпавших от церкви штундистах, — начали с того, что стали критически сравнивать свою православную нравственность с нравственностью людей, живущих “в колóнках” и соблазнились, что “там честнее”» (с. 378). Недвусмысленно высказался Лесков и по поводу чуть ли не всеобщего мнения, что авторитет священника поднимется, когда он будет поставлен «в состояние независимое от воли прихожан» (с. 378). В таком случае, уверен Лесков, он превратился бы в «чиновника духовного ведомства» (с. 379). И напротив, «завися от своего прихода, священник искал бы расположения прихожан и заботился бы об их доброй нравственности и теплоте к церкви и был бы “деятель достоин мзды своея” (1 Тимоф., 5, 18) <…> в этих хлопотах о жалованье есть большая ошибка, которая со временем когда-нибудь скажется нехорошими последствиями» (с. 379). При этом Лесков считал, что государство должно всё же взять на себя хлопоты о «воспитании детей» из духовного сословия и «призрении вдов, сирот и престарелых служителей церкви» (с. 379). Забавно, что это выступление Лескова в издании уже «перестроечного» времени (*Лесков Н.* Честное слово. М., 1988. С. 339) составителем и комментатором Л. А. Аннинским преподносится как «пример прямой борьбы с учением и духовно-практической деятельностью церкви».

* * *

Первым в «Гражданине» выступлением Достоевского-публициста на церковную тему была статья «Наши монастыри» (*Гр.* 1873. 22 января. № 4), защищавшая монастыри от «прогрессивных» предложений использовать народные средства с большей пользой. «Юстиция, народное образование <…>, конечно, важные вещи; но и умиление сердечное, религиозное чувство тоже очень важны, если еще сохраняются в обществе, и наверно стоят и юстиции и народного образования. Горе обществу, не имеющему религиозного умиления» (21: 138). Стоит отметить, что в последней своей записной книжке Достоевский вернется к волнующей его теме: «Возвышенность души измеряется отчасти и тем, насколько и перед чем она способна оказать уважение и благоговение (умиление)» (27: 58–59).

Между тем в пореформенной русской печати нередко раздувались скандалы, порочащие нравственный авторитет православной церкви. В статье, подводившей некоторый итог выступлениям «Гражданина», было сказано: «Мы, по мере сил и умения, старались отстаивать наше духовенство провинции от нападков и насмешек над ним прессы и общества и в то же время обращались с ним как с сословием, которое не учить нужно морали, а, напротив, ободрять, облагораживать уверением в его нравственной силе и в его нравственном достоинстве…»[*].

Первой в этом ряду была заметка «Бестактность иных провинциальных корреспондентов газет» (*Гр.* 1873. 15 января. № 3). Ей была предпослана следующая преамбула: «Грешный человек, каюсь, не могу, читая подчас провинциальные

---

[*] *R. Z. <Достоевский Ф. М., Мещерский В. П.>* «Гражданин» и провинциальное духовенство. Опыт спокойного ответа «Церковно-общественному вестнику» // *Гр.* 1874. 27 мая. № 20–21. С. 562; то же: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 11. М., 2004. С. 273–274. Об истории написания статьи и об участии в ней Достоевского см. наш комментарий там же, с. 752–754.

корреспонденции в наших газетах, не представлять себе иного корреспондента иначе как в образе того домашнего животного, которое так любит рыться в самых нечистых углах того двора, где имеет жительство, и хрюканьем своим как будто говорит: “эх, люди, люди, какие вы право св… не понимаете наслаждения с утра до вечера рыться в грязи!” Но из всех скандалезных и грязных корреспонденций из провинции возмущают всего более те, которые с особенным злорадством и наслаждением описывают какие-либо скандалы, относящиеся к нашим священникам. Неужели между нами так мало понимающих, насколько такая бестактность предосудительна и вредна для нашего без того уже ничего не уважающего общества и без того мало уважаемого духовенства! Всё дело в тоне и образе изложения. Можно рассказать факт так, чтобы уважение к сану священника не было оскорбляемо, можно и так изложить, чтобы ясно видно было, что скандал здесь только предлог, а цель — оскорбить именно *сан священника*. И вот этот-то последний тон всего чаще мы встречаем в рассказах о священниках»[*].

Печатавшийся после этих слов текст принадлежит о. Григорию Соловьеву, священнику из Владимирской губернии, а процитированная преамбула несет на себе следы полемического стиля Достоевского. Здесь и обращение к активному у писателя и публициста «свинскому» мотиву (ср. рассказанную во «Вступлении» к «Дневнику писателя» 1873 г., то есть две недели назад, басню о льве и свинье — 21: 7; ср. в последней записной книжке: «Портрет свиньи <…> И прочь его, этот портрет, надоел уж он нам довольно и прежде» — 27: 44), и характерные для Достоевского речевые фигуры усиления («всего более те, которые»), повторы («без того уже ничего не уважающего общества и без того мало уважаемого духовенства»), аккумулирующая концовка («И вот этот-то последний тон…»).

---

[*] <*Достоевский Ф. М.?, Соловьев Г.*> Бестактность иных провинциальных корреспондентов газет // *Гр.* 1873. 15 января. № 3. С. 82–83.

Есть все основания причесть данную преамбулу к редакторским вмешательствам Достоевского, столь значимым в «Гражданине». Особо отметим повторяющийся его, Достоевского, мотив, звучащий в словах: «…скандал здесь только предлог, а цель — оскорбить именно *сан священника*».

Установку на безусловное уважение священнического сана задавала и глава X «Дневника писателя» «Ряженый» (*Гр.* 1873. 30 апреля. № 18). Довольно резко отвечая оппоненту, скрывшемуся за псевдонимом «Свящ. П. Касторский» (им был Н. С. Лесков), Достоевский счел нужным сделать важную оговорку: «Если бы вы были в самом деле священником, я, несмотря на все ваши грубости, <…> все-таки ответил бы вам "с соблюдением", — не из личного к вам уважения, а из уважения к вашему высокому сану, к высокой идее, которая в нем заключается» (21: 87).

Особое место в разработке данной темы в «Гражданине» занимает статья «О любви к скандалу» (*Гр.* 1874. 4 февраля. № 5), уверенно атрибутируемая Достоевскому[*]. В ней затрагивается болезненный (и тогда, и теперь) вопрос отношения общества к церкви. Главный мотив статьи — горячий призыв сохранить в обществе почитание *сана* священника. Насколько неординарным было это выступление «Гражданина»[**], свидетельствует отклик на него, вскоре напечатанный в еженедельнике. Священник Брестского уезда Игнатий Пашкевич писал: «Несколько теплых и задушевных слов <…> в защиту духовного сана вызвали слезы благодарности во многих сельских священниках. Это еще небывалое явление в нашей литературе — защита сана, в который облечен русский сельский поп…»[***].

Статья «О любви к скандалу» — о недостойном поведении священника, порочащем его сан, и о скандале, развернувшемся по этому поводу в печати. В статье обнаруживается характерная для позднего Достоевского полемика с главным

---

[*] См. «Указатель содержания…».

[**] В поддержку его выступила только газета Н. П. Гилярова-Платонова «Современные известия» (1874. 9 февраля).

[***] *Брестского уезда священник Игнатий Пашкевич.* Письмо кстати // *Гр.* 1874. 25 февраля. № 8. С. 219.

«либералом» — В. Г. Белинским. Так, в знаменитом письме к Гоголю критик несколько наигранно удивлялся: «… неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? <…> это по натуре своей глубоко атеистический народ»[*]. Ср. в статье «О любви к скандалу»: «…видели ли вы, или встречали ли вы когда-нибудь мужика, подходящего к своему священнику, как к священнику, с словом осуждения, или с насмешкою в выражении, и забывающего, что этот несчастный, горемычный, сельский поп есть все-таки тот, который его соединяет, посредством таинства и молитв, с престолом Божиим? Нет, ручаюсь вам, что вы не видели и не увидите, если только мы, учители народа, не поставим себе задачею…»[**] и т. д. Сравним: начиная в «Гражданине» «Дневник писателя», Достоевский усиленно настаивал на том, что главная беда «образованного сословия» и его лучших выразителей, того же Белинского и Герцена, — «разрыв с народом». «Отделясь от народа, они естественно потеряли и Бога. <…> Они любили его [народ] отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, — каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ» (21: 9). Белинскому прежде всего «надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества» (21: 10).

В подготовительных материалах к одному из выпусков «Дневника писателя» 1873 г. эту мысль Достоевский намечает в «церковном» контексте, в связи с положением священнослужителей, отсылая к реплике Белинского («Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами <…> да диким невежеством»)[***], а также к их объективному изображению в романе Н. С. Лескова «Соборяне»: «О, отцы, стадо (горький упрек) — были и толстопузые. Есть

---

[*] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., 1982. С. 284.

[**] *N. <Достоевский Ф. М.>* О любви к скандалу // *Гр.* 1874. 4 февраля. № 5. С. 130.

[***] *Белинский В. Г.* Там же.

и смиренные. Прочтите “Соборян”. Тем не менее спасение в народе» (21: 298). В последнем выпуске «Дневника писателя» (январь 1881 г.) автор подытожил наблюдения над своими противниками из «наших интеллигентных людей»: «Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе церкви» (27: 18).

Статья «О любви к скандалу» рельефно выделяется на фоне не только шумной либеральной, но и консервативной журналистики, предпочитавшей умалчивать о скандальных происшествиях, позорных для церковнослужителей[*]. Автор «Гражданина» стремится не «замять» разговор, но перевести его в тональность, исключающую озлобление, тем паче злорадство. Более того, в статье выдвинуто пожелание, нигде более в русской журналистике не озвученное: всем «судиям» предложено проявить «беспредельную христианскую снисходительность»[**]. Сравним с тональностью статьи «Смятенный вид» Достоевского: «Да и нельзя же требовать от него [священника] энергии первых веков христианства, хотя бы и желалось того» (21: 57).

Предложение проявить снисходительность созвучно еще одной из установочных для «Гражданина» статей по данной теме — «История о. Нила» (1873. 11 июня. № 24), принадлежащей перу Достоевского. Скандальная судебная история женолюбивого и сребролюбивого монаха подана публицистом с остроумной иронией, исключающей, впрочем, всякое озлобление против упавшего в грязь «церковника» и «залюбивших» его поклонниц. «…Для окончательного заключения, — писал Достоевский, — заметим, что хотя о. Нила и провожали из залы суда свистки и насмешки, тем не менее

---

[*] Особую позицию («правда во что бы то ни стало») занимали среди консервативных изданий «Современные известия» Н. П. Гилярова-Платонова. Именно они инициировали гласное обсуждение дела игуменьи Митрофании. Впрочем, чувство такта порой изменяло редактору, когда он впадал в «праведный» гнев и пристрастие.

[**] *N.* <*Достоевский Ф. М.*> О любви к скандалу // *Гр.* 1874. 4 февраля. № 5. С. 130.

мы не сочувствуем такому, так сказать, отпеванию человека и распоряжению душой его» (21: 151)*. Автор «Гражданина», в отличие от тьмы бескомпромиссных обвинителей, азартных метателей камней, находит смягчающие обстоятельства: «А о. Нил, по нашему мнению, просто слишком еще молод и легкомыслен. <…> Пусть знает он, что не все ему свищут…» (21: 153). Человек ошибся в выборе жизненного поприща, но у него еще остается возможность исправить ошибку.

Проявленную Достоевским незлобивость в отношении о. Нила и оскандалившихся двух его поклонниц фельетонист «Биржевых ведомостей» (1873. 24 июня) А. П. Чебышев-Дмитриев мгновенно поднял на смех как «елейную снисходительность». Во всем, что касалось «церковников», либеральное обличительство не допускало ни малейшего снисхождения. «Подобные эпизоды, — сурово отчеканил по поводу о. Нила другой неумытный правдолюб, — нельзя считать редкими исключениями»**.

Достоевский иначе подошел к скандалезности эротико-уголовного происшествия в стенах Троице-Сергиевой лавры, смаковавшегося либеральной прессой. Не снимая ответственности с «отцов», презревших свое назначение, Достоевский предложил тогда не судить по ним вообще о церкви. В ней, как уверял писатель, «всегда есть та несомненная живая и честная струя, которая в данное время омоет всякую скверну и возродит идею еще чище и выше, чем она была в какие-нибудь жалкие, хотя бы и долгие, времена предшествовавшего легкомыслия. Одним словом, “ликвидацию веры” далеко не так легко сделать в мире и в обществе, как, может быть, воображают некоторые, несмотря даже ни на какие скандалы и компрометирующие видимости» (21: 153).

Точку зрения Достоевского в целом его творчестве очень хорошо передал один из поздних интерпретаторов. Поясняя

---

* Напрашивается параллель со знаменитой формулой «восстановления погибшего человека» (20: 28).

** *Голос*. 1873. 17 июня.

формулировку Достоевского «Церковь — весь народ…» (27: 57), русский богослов писал: «“Весь народ” означает, конечно, весь “святой народ”, то есть входящий действительно, хоть и непостижимо, в святыню Церкви — Тела Божия: и пасомые и пастыри, и миряне и епископы, — по своей устремленности к святыне Божией в покаянии и любви. Поэтому иерархические падения и в мысли, и в жизни не должны приводить нас в отчаяние, точно это падение Святой Церкви: первообраз этих иерархических падений появился уже на Тайной вечере, что, тем не менее, не уменьшило силы и святости этого основания Церкви. И современные нам грехопадения людей Церкви есть, как сказано, грех не Церкви, а против Церкви»[*].

Анализируемую в статье «О любви к скандалу» логику недоброжелательства к церкви мы находим в краткой формулировке в упоминавшейся уже статье Достоевского «Наши монастыри»: «Существуют искони некоторые приемы обличения, крайне парадоксальные, но чрезвычайно метко достигающие цели. Например: “это люди святые, стало быть, и должны жить свято, но так как мы видим обратное, то”… вывод ясен. И это чрезвычайно действует» (21: 138).

В фактах церковной «несвятости», как писал тогда Достоевский, заключается только половина правды, а «половина правды не только есть ложь, но даже и хуже лжи» (21: 139). Полная же правда, по Достоевскому, выглядит следующим образом: «Мы знаем, что грех, эгоизм и даже злодеяние являлись тотчас же даже в самых первых христианских обществах, еще при самом основании христианства. Указывая на это, мы вовсе не предлагаем склониться перед историческим фактом или, вернее, законом и успокоиться; это было бы омерзительно. Но если грех и мерзость были еще и при святом Феодосии и в первые времена христианства, то были зато и сам св. Феодосий, и мученики за Христа, и основатели христианства, и основатели всего современного христианского общества. А ведь в этом и всё. Кто знает, может, и в современных русских

[*] *Фудель С. И.* Наследство Достоевского. С. 251.

монастырях есть много чистых сердец людей, жаждущих умиления духовного, страждущих сердцем…» (21: 139).

В «Истории о. Нила» Достоевский повторяет принципиальную для него мысль: «…монастырь не пострадает даже и через такой случай [скандала], и, наверное, еще осталось в нем несколько строгих, смиренных и богобоязненных старцев, — а это и всё. Для подобных старцев и стоят монастыри…» (21: 152). Публицист обращается далее к истории Великой французской революции, когда «церкви обратили в магазины, веру христианскую ликвидировали», — но и тогда «остались истинные священники Божии», «они томились в тюрьмах, они с радостию всходили на эшафоты, умирали мучениками за Христа и честною кровью своею смыли позор, в который легкомысленно упали вера и ее служители в глазах народа в предшествовавшие столетия» (21: 152). «В деле веры», писал Достоевский, «чего хочешь, то и найдешь», то есть можно увидеть лишь «грех» и «скверну», а можно заметить смывающую ее «несомненную живую и честную струю», которая «всегда есть» (21: 153).

Точно так же и автор статьи «О любви к скандалу» с энергией и силой поворачивает читателя к не видимой и не замечаемой либеральной журналистикой другой стороне «полной правды»: «Мы бы должны были в этих мрачных <…> углах искать не скандалов, <…> а те добрые и прекрасные дела, которые в этих углах творятся теми же сельскими попами <…> при самых скудных средствах <…>. Таких дел творится много сельскими священниками в пользу ближнего, в пользу русского народа, но их не ведают, их и ведать не хотят»[*].

Следует отметить, что выраженная в этих словах горячая поддержка «лучших людей» церкви объединяет многие материалы, публиковавшиеся в «Гражданине» времен Достоевского: можно даже сказать, что новый редактор прямо *организовал* выявление положительных факторов русской жизни, в том числе церковной. Это прежде всего внутренние

[*] *N. <Достоевский Ф. М.>* О любви к скандалу // *Гр.* 1874. 4 февраля. № 5. С. 130.

обозрения, составлявшиеся А. У. Порецким, московские корреспонденции И. Ю. Некрасова, статьи К. П. Победоносцева.

* * *

28 марта 1873 г. Достоевский был избран действительным членом Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения[*] (далее — ОЛДП). Прения в этом обществе стали, судя по объему посвященных им публикаций, одной из главных тем «Гражданина» 1873–1874 гг.

ОЛДП возникло в Москве в 1863 г. при содействии митрополита Филарета (Дроздова). С его именем связывалось горькое воспоминание о провалившейся затее с Библейским обществом. Цель нового общества была с виду более скромной, но не менее существенной: распространение религиозных интересов и познаний за пределы церковной ограды, «чтоб оно соединяло в себе силы духовенства и лиц других званий, сочувствующих успехам православно-христианского просвещения»[**]. Это подразумевало организацию епархиальных библиотек, воскресных бесед, издательскую деятельность, выпуск еженедельника «Московские епархиальные ведомости» и ежемесячного журнала «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». По словам председателя Общества протоиерея И. Н. Рождественского (в речи на заседании 14 июня 1872 г.), его целью было также противодействие материалистическим, атеистическим идеям и расколу[***]. К 1872 г. в Обществе состояло 94 человека.

На новый уровень Общество вышло в том же 1872 г., когда по инициативе членов ОЛДП А. Ф. Гильфердинга (известного ученого-слависта) и И. Л. Янышева (ректора С.-Петербургской духовной академии), при поддержке Великого Князя Константина Николаевича был учрежден Петербургский отдел, ак-

---

[*] См.: *Московские епархиальные ведомости.* 1873. 11 ноября. С. 426.

[**] *М—н—ъ.* Деятельность московских обществ // *Гр.* 1872. 20 марта. № 12. С. 424. (Автор, судя по некоторым признакам, — М. П. Погодин, т. е. криптоним раскрывается как «Москвитянин».)

[***] См.: *Московские епархиальные ведомости.* 1872. 18 июня. С. 172.

тивно действовавший до марта 1879 г.[*] Обращает на себя внимание высокий статус и характер учредителя: Константин был председателем Государственного Совета и общепризнанным лидером реформаторского крыла русской бюрократии. В записке, поданной инициаторами нового отдела Общества в Синод, говорилось о необходимости создания в Петербурге общественного учреждения, «которое призывало бы духовных и мирян к совокупному обсуждению общих церковных вопросов…»[**]. Говоря иными словами, это была первая попытка диалога детей церкви, разделенных алтарем, и, что важно, впервые официально был разрешен свободный обмен мнениями по церковным вопросам, правда, лишь внутри Общества. Историк русского богословствования применил здесь параллель с известным событием начала XX в.: «Это были Религиозно-философские собрания своего времени»[***].

Что из себя представлял тогда Петербургский отдел ОЛДП? После избрания Достоевского и вместе с ним еще восьми человек, в нем насчитывалось 110 членов, из них 3 почетных, учредитель Великий Князь Константин Николаевич, председатель генерал Зиновьев, 6 членов Совета (по принципу паритета: трое духовных и трое мирян) и секретарь, адъютант Великого Князя А. А. Киреев. Даже беглый взгляд на список членов отдела говорит о значительном перевесе государственных чиновников крупного ранга. Если продолжить сравнение с религиозно-философскими собраниями начала XX в., то следовало бы отметить, что там уже тон задавала научно-творческая интеллигенция. В ОЛДП ее слой был сравнительно невелик. Это писатели (Достоевский, Майков, Тютчев, Данилевский, Кропотов, престарелый Бурачок и юный Вс. Соловьев), редакторы «Гражданина», «Церковно-Общественного

---

[*] См.: Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения, по случаю исполнившегося 25-летия его деятельности. 1863–1888. М., 1888. С. 44.

[**] *М—н—ъ.* Деятельность московских обществ // *Гр.* 1872. 20 марта. № 12. С. 425.

[***] *Флоровский Г.* Пути русского богословия. С. 529.

вестника», журнала «Христианское чтение», учёные-гуманитарии (Бычков, Будилович, Галахов, Коялович). Духовенство представляли десять богословов — преподавателей С.-Петербургской духовной академии, и десять священнослужителей. Так что состав Петербургского отдела ОЛДП, когда в него вступил Достоевский, был по преимуществу бюрократическо-военно-светским, что, в общем, отражало характер эпохи, когда церковные реформы вершились в основном государственными чиновниками.

В составе ОЛДП заметна прослойка из членов другой авторитетной организации — Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, продолжавшего деятельность ранних славянофилов по формированию общеславянского культурного пространства. Далеко не последнее место в деятельности комитета занимала поддержка православной церкви в славянских землях. Очевидно, не случайно, что именно в недрах славянского комитета родился проект околоцерковного общества, вскоре трансформировавшийся в инициативу создания петербургского отдела ОЛДП. Гильфердинг, инициировавший эту идею, был первым (с 1868 г.) председателем Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета. 21 января 1873 г. (т. е. за два месяца до вступления в ОЛДП) действительным членом Славянского комитета стал Ф. М. Достоевский, активно включившийся в работу первой, а затем и второй организации. В своих воспоминаниях жена писателя естественным образом соединила два этих общества и сделала примечательную запись: «Знакомства наши расширились…»[*]. Попутно отметим, что членский взнос в ОЛДП Достоевский платил через секретаря Славянского комитета[**]. В обоих обществах ему суждено было сыграть заметную роль.

---

[*] *Достоевская А. Г.* Воспоминания. 1846–1917. М., 2015. С. 308.

[**] См.: *Летопись.* С. 457.

Статус ОЛДП был запротоколирован на заседании 12 мая 1872 г.: «Общество наше не приписывает себе никакого официального положения в нашей Церкви; оно не что иное, как собрание православных христиан, добровольно предложивших Церкви свои услуги, в виде возможного разъяснения современных религиозных вопросов. Вопросы эти, конечно, могут быть разрешены окончательно только властию Церкви, и Общество наше не позволяет себе предрешать их; однако оно, казалось бы, могло уже и в настоящее время указать на некоторые принципы, которые могут быть приняты за основания сего решения»[*]. Осторожность понятная, ввиду деликатности обсуждаемых вопросов. Между тем в реальных координатах российской действительности вряд ли было возможно сохранять столь неопределенный статус общественно-церковной организации. Увы, когда вместе собирается столько сановных людей, дело не обходится без побочных мотивов, интриг и корыстных расчетов. Об этом свидетельствует, к примеру, письмо от июня 1873 г. П. Н. Страхова брату, Н. Н. Страхову, сотруднику «Гражданина», о печатавшихся там материалах из ОЛДП: «…я считаю долгом предупредить тебя и Федора Михайловича, что неприятно было <…> не находить недельного политического обозрения, а напротив, весьма много о духовном просвещении. Докажи Федору Михайловичу, что симония в сем обществе так искусно и многообразно действует, запутывая других и ссылая архиереев в Сибирь и Архангельск, что надуть его, Федора Михайловича, весьма может, как до тонкости не изучившего фактов церковной истории…»[**]. Очевидно, автор письма имел в виду тогдашнее сближение Достоевского с Т. И. Филипповым[***] (тот был одним из учредителей и Славянского комитета, и Петер-

---

[*] *Московские епархиальные ведомости*. 1872. 18 июня. С. 173.

[**] *Литературное наследство*. Т. 86. С. 434. О датировке письма см.: *Летопись*. С. 380.

[***] См.: *Отливанчик А. В.* Т. И. Филиппов — сотрудник журнала «Гражданин» в 1873–1874 гг. (по архивным материалам) // *Неизвестный*

бургского отдела ОЛДП, где после смерти Гильфердинга избран на его место в Совете) и определенный авторитет последнего в церковных кругах.

Именно с Филипповым был связан новый поворот в деятельности Общества. 18 января 1873 г., при значительном стечении членов отдела во главе с Великим Князем и приглашенных гостей (среди них Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков) Тертий Иванович прочел лекцию «О нуждах единоверия». С этого момента Общество решительно перешло к наболевшим внутренним проблемам русской православной церкви.

В чем была суть вопроса, вынесенного на обсуждение?

Так называемая единоверческая церковь была образована еще в самом начале XIX в. по инициативе митрополита Платона как переходное звено, дающее возможность раскольникам воссоединиться с православной церковью, сохраняя при этом важнейшие элементы старого обряда (служение по старым дониконовским книгам, двоеперстие, 8-конечный крест, сугубая аллилуя, хождение посолонь и т. д.). Однако дело шло медленно и трудно, сказывалась канонически-правовая неопределенность положения единоверческой церкви. Очевидная двусмысленность этого положения заключалась в том, что новое образование почитало себя частью русской православной церкви, но сохраняло при этом обряды, которые церковь запретила на поместном соборе 1667 г. Т. И. Филиппов, верный славянофильским (в частности, хомяковским) заветам*, в своем выступлении в ОЛДП предложил

Достоевский. 2017. № 3. С. 16–30 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1507898890.pdf

* О них с самого начала напомнил московский обозреватель «Гражданина» И. Ю. Некрасов: «Не надо забывать следующих метких слов, почему-то иным не нравящихся, но вполне верных высказанных Хомяковым в одной его публичной речи в 1860 году: “церковный обряд утверждается и определяется иерархиею, но не без содействия *всей церкви*, не без сочувствия и требования мирян: обряд есть в то же время обычай. Когда в России иерархия в XVII столетии заметила порчу обряда и приступила к его исправлению, она, с одной стороны, *несколько забыла про эти права свободы мирян*, а с другой, — забыла, что сама она участвовала в порче,

взглянуть в корень проблемы: клятвы Собора 1667 г. могут быть отменены лишь новым Собором, у Синода нет таких полномочий*. Раскол, как известно, не был подавлен полицейскими мерами, но его нельзя было одолеть и половинчатыми уступками, бюрократическими ухищрениями (а именно так трактовали единоверие, как «обманное», с обеих сторон — и твердые расколоучители, и строгие ревнители господствующей церкви).

Предлагаемое Филипповым средство вело к радикальным изменениям в церковной структуре, где созданное Петром синодальное чиновничье-аппаратное управление полностью вытеснило соборное. Уже полтора века Соборы не созывались вообще. Филиппов был не первый, кто предлагал восстановить эту исконную форму церковной жизни. Еще в середине 50-х гг. XIX в. этот вопрос поднимал А. Н. Муравьев, и его тогда поддержал митрополит Филарет**. С конца 60-х гг. идею Собора публично отстаивал Н. П. Гиляров-Платонов в своей газете «Современные известия»***. В письме Т. И. Филиппову 20 октября 1872 г. он рассматривает Собор как последнее средство остановить «падение духовенства»****. Эти призывания лучших людей церкви звучали с возрастающей силой вплоть до начала XX в. Антоний (Храповицкий) свидетельствует:

терпела ее, поощряла и благословляла. Она бесспорно была права в своих намерениях, по неправа в пути, который избрала. В дело исправления обычая она вступила *не убеждением*, *медленно* созидающим новый, лучший обычай, *а властью*, всегда враждебной обычаю и всегда оскорбительной для умственной свободы…" (Полн. собр. сочин. Т. I, 1861 г., стр. 715)» (Московские заметки // *Гр.* 1873. 8 января. № 2. С. 39).

* Предложение это было реализовано почти через сто лет: Поместный собор Русской православной церкви 1971 г. снял проклятие со старообрядцев.

** См.: *Папков А.* Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855–1870). СПб., 1902. С. 20.

*** См. его статьи: «О необходимости Собора для решения греко-болгарского церковного вопроса» (*Современные известия*. 1868. 25 ноября), «О необходимости церковного Собора» (Там же. 1871. 2 марта).

**** РНБ. Ф. 847.496.

«…через 25 лет о Соборе заговорили со всех сторон»[*]. Первый после двухвекового перерыва Поместный собор Русской православной церкви состоялся в 1917 г. — начался до Октябрьского переворота и оборвался после него, когда катастрофу государства и привязанной к нему церкви уже нельзя было остановить.

В 1873 г. еще было не поздно, но последние сроки уже подошли. В «Дневнике писателя» этого года Достоевский взывал: «…помощь духовенства народу никогда еще не была так настоятельно необходима. Мы переживаем самую смутную <…> самую переходную и самую роковую минуту, может быть, из всей истории русского народа» (21: 58). «Роковая минута» и была причиной, почему редактор «Гражданина» столь решительно «ввязался» в это дело и безоговорочно бросил на него свой публицистический дар.

После выступления Т. И. Филиппова против него, самоучки, не имевшего специального богословского образования, поднялась учено-богословская часть Общества: профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. Ф. Нильский, И. А. Чистович, И. В. Чельцов, председатель учебного комитета Св. Синода о. Иосиф Васильев. Прения продолжались весь 1873-й год и захватили половину 1874-го. Спор вышел за рамки Общества, то есть было нарушено ограничение, положенное Синодом, и первым установленную границу перешел «Гражданин» Достоевского: он, как его обвиняли затем, «вынес сор из избы», а затем его разнесли и другие издания. Академическую сторону поддержали газеты «Церковно-общественный вестник»[**], «Русский мир»[***], впоследствии «Голос»[****], журнал «Христианское чтение», за Филиппова горячо вступился «Гражданин» и, с одной ограничительной оговоркой

---

[*] Ф. М. Достоевский и православие. М., 2003. С. 114. См. подробнее: *Ореханов Г.*, иерей. На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002.

[**] 1874. № 9–10, 14–15, 28–29, 33, 41, 45, 47–48, 52–53, 68–70.

[***] 1874. 17–18 мая.

[****] 1874. 22 мая.

(по поводу формулы Филиппова «широкая свобода обряда»), — «Современные известия» Гилярова-Платонова[*]. Особую позицию заняли «Московские ведомости». М. Н. Катков защитил Филиппова от «инсинуаций», но по существу спора высказался в примирительном духе: «Истина окажется между ними не в споре, а в согласии. Противники г. Филиппова, укоряя его в потворстве раскольникам, сами напротив потворствуют расколу, ослабляя значение единоверия; а г. Филиппов, придавая соборной клятве преувеличенное значение, действует в смысле своих противников и идет еще далее их, отнимая у единоверия всякое значение и силу»[**]. В том же ключе, но более ехидно, насчет будто бы отвлеченно-теоретического характера спора, высказался Н. С. Лесков: «Что нам теперь до препирательств о расколе, когда у нас свои люди, мазанные одним с нами миром, что день — то всё более и более утрачивают всякую печать единения и бредут куда глядят глаза, точно не видят пред собою “пастыря доброго, душу свою полагающего за овцы” (Иоанн, X, 11)»[***].

Эта долгая и непростая дискуссия[****] весьма показательна для состояния богословской академической науки той поры.

---

[*] См. передовую статью, подводящую объективный итог споров: *Современные известия*. 1874. 29 января (под названием «О созвании церковного Собора» напечатана в сб.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Вопросы веры и церкви: в 2 т. Изд. К. П. Победоносцева. Т. 2. М., 1906. С. 2–7).

[**] *Московские ведомости.* 1874. 10 мая. Отметим попутно более позднее, также «двустороннее» мнение, но отвергающее предложение Филиппова как якобы противное природе церкви: *Розанов В. В.* Около церковных стен. М., 1995. С. 39–40.

[***] Дневник Меркула Праотцева // *Русский мир.* 1874. 21 марта. К схожему выводу пришел и представитель московского отделения ОЛДП: «…есть более серьезные вопросы» (*Виноградов И., священник*. Несколько слов по поводу печатных толков о «широкой свободе обряда» // *Московские епархиальные ведомости.* 1873. № 40, 41; очевидно, он же: *Свящ. И. В—дов.* В ответ Т. И. Филиппову // *Московские епархиальные ведомости.* 1874. № 19).

[****] Материалы ее печатались, кроме «Гражданина», в следующих изданиях: *Правительственный вестник.* 1873. 22, 24 апреля, 1 мая, 30 мая — 9 июня; *Московские епархиальные ведомости.* 1873. № 43–46; Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1873. Кн. VIII, IX.

С одной стороны, вопрос о воссоединении православной церкви был поставлен Филипповым и поддержавшим его «Гражданином» непривычно резко и не без полемического заострения. С другой, в выступлениях его противников имело место лавирование, брали верх чисто прагматические соображения, научная истина приносилась в жертву узко понятой апологетике. Так, представители академической науки исходили из примирительно-уклончивого довода, выдвинутого еще митрополитом Филаретом: клятвы положены не на старые обряды, а на мятежников, противящихся их отмене[*].

В конечном счете противники перешли на личности. 13 марта 1874 г. на очередном заседании произошел инцидент, чуть было не приведший к расколу Общества. Оппонент Т. И. Филиппова профессор Петербургской духовной академии И. Ф. Нильский утверждал, что Филиппов злоупотребил предоставленной Обществу свободой научного обсуждения церковных проблем и что его мнения порождают смуту в православной среде и радуют раскольников[**]. В ответ оскорбленный

Выступления оппонентов Филиппова И. В. Чельцова, И. Ф. Нильского, И. В. Васильева печатались также в журнале Санкт-Петербургской духовной академии «Христианское чтение» (1873. № 5, 6; 1874. № 1–3, 6–7). Кроме того, были и отдельные издания: Сборник протоколов Общества любителей духовного просвещения. Год первый. СПб., 1873; *то же:* Второй год. СПб., 1874; *Нильский И.* Речь по поводу рассуждений о нуждах единоверия, сказанная… 20 марта 1874 г. в заседании С.-Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения. СПб., 1874.

[*] См.: Синодального члена, высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита московского изъяснение о проклятии, положенном от Собора 1667 года // Прибавления к изданию творений Святых Отцев, в русском переводе. Ч. 14. М., 1855. С. 27. В указанной выше статье Н. П. Гиляров-Платонова было замечено, что «этим изъяснением изъясняется еще немного», т. к. «обряд “сам в себе” даже не существует».

[**] На самом деле реакция даже единоверцев на выступления Филиппова и их публикации в «Гражданине» не была однозначной. Ср. враждебное «Письмо единоверца по поводу рассуждений о нуждах единоверия» (*Христианское чтение.* 1874. № 1). Впоследствии сам Филиппов вспоминал, как разошлись в этом вопросе два самых авторитетных единоверца. Иеромонах Пафнутий (Овчинников) вначале «поверил быстро разнесшимся сплетням, заподозрил меня в неискренности и в желании такою

Филиппов заявил о своем намерении оставить Общество, чтобы «вывести его из затруднительного положения». Сообщавший об инциденте корреспондент добавлял: «Мы слышали, что многие из членов решились ходатайствовать перед Советом Общества о том, чтобы отклонить Т. И. Филиппова от выраженного им намерения, и есть надежда, что Совет подкрепит это заявление силою своего авторитета»[*]. В тот критический момент сыграл свою роль перевес «партии Константина»[**] — все обвинения личного характера были Советом дезавуированы, и Филиппов в Обществе остался.

Какова же была роль Достоевского как редактора «Гражданина» во всей этой истории?

Он познакомился с Т. И. Филипповым в 1872 г., и их сблизил общий интерес к расколу. 10 лет назад раскол, ославленный как «факт русской дури и невежества», Достоевский назвал тем не менее «самым крупным явлением русской жизни и самым лучшим залогом надежды на лучшее будущее в русской

постановкою вопроса кому-то угодить», но потом отбросил подозрения и присоединился к точке зрения Филиппова. Отец Павел Прусский, напротив, написал письмо Филиппову, в котором «за произведенное в Церкви смущение грозил евангельским судом» (*Филиппов Т.* Три замечательные старообрядца. СПб., 1899. С. 7, 8). Впрочем, позиция последнего в данном вопросе (близкая Филарету) была выражена в особой «записке» еще за три года до диспута в ОЛДП (Несколько слов по вопросу о клятвах Собора 1667 г.: подлежит ли он упразднению или только разъяснению? // *Современная летопись*. 1870. № 33).

[*] *Московские ведомости*. 1874. 2 апреля.

[**] Не случайно «Церковно-общественный вестник» (3 мая) сетовал на сочувствие Филиппову «немалого числа светских членов» Петербургского отдела ОЛДП. На это же обстоятельство намекал и «Голос» (см. упомянутый выше номер). В письме к М. П. Погодину от 20 апреля 1874 г. Филиппов сообщал: «Тревога, поднятая в Об<щест>ве люб<ителей> дух<овного> просв<ещения> моим выходом, покончилась моим туда возвращением, вследствие поданных о том двух адресов (один был от православных, другой от единоверцев)» (*Филиппов Т. И.* «“Гражданинъ” издается лицемъ больнымъ и неспокойнымъ…» Из писем М. П. Погодину 1873–1874 гг. / подготовка текста и примечания А. В. Отливанчика // *Неизвестный Достоевский*. 2017. № 3. С. 42 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1507899421.pdf).

жизни» (20: 21). За два года до встречи с Филипповым, работая над «Житием великого грешника», Достоевский наметил встречу главного героя с людьми истинной веры — то были Павел Прусский, Голубов, инок Парфений и, наконец, Тихон (29_1: 118). Заметим, что трое из четверых — бывшие раскольники, перешедшие в православие, среди них признанный лидер единоверчества о. Павел и его ученик Голубов, которого Достоевский назвал «одним из грядущих русских людей» (28_2: 328). Наконец, в 1873 г., начиная редакторскую работу в «Гражданине», Достоевский во втором номере печатает статью «Московские заметки» за подписью «Москвич» (автор — И. Ю. Некрасов). В ней, как представляется, есть редакторская вставка по поводу «казенно-благонамеренных воззрений на весь раскол как на стачку чуть не каких-то капризных идиотов и закоренелых злодеев»*. Отталкиваясь от этого застарелого предубеждения, автор «Гражданина» (скорее всего, сам редактор) восклицал: «…сколько душевной силы и сердечной глубины заключается иной раз в самых крайностях раскольничьего уклонения от живой истины православной церкви»**.

Судя по всему, Достоевский загорелся идеей преодоления раскола путем восстановления в церковной жизни принципа соборности, но в то же время этот последний представлялся ему и рычагом для преодоления тотального религиозного кризиса, поразившего общество (на что, собственно, и намекал Лесков-Праотцев). «Церковь в параличе с Петра Великого», — замечал Достоевский (27: 49), то есть с того самого момента, когда было реформировано церковное управление и была надолго прервана каноническая практика созыва Соборов, составлявшая живую силу церкви. К тому же у старообрядцев Достоевский находил то, что катастрофически теряли формально православные русские люди: чистоту и силу религиозного чувства.

---

* *Гр.* 1873. 8 января. № 2. С. 38.

** Там же.

Дискуссию в ОЛДП «Гражданин» поначалу освещал в спокойном информативном ключе, хотя уже в первой заметке (22 января 1873 г.) событию был придан масштаб не совсем обыкновенный: лекция Филиппова, уверял автор «Петербургского обозрения», «не может пройти не только для Общества духовного просвещения, но и для всего общества русского — бесследно»[*]. Вряд ли это было написано князем Мещерским, постоянным автором «Петербургского обозрения» (хотя остальной текст данного обозрения 22 января принадлежал ему): он остался вполне безразличным к развернувшейся дискуссии и даже (при его-то тяге к высшим сферам) не вступил в ОЛДП, — как можно предположить, из-за своей «константинофобии». Скорее всего, масштаб этот был задан редактором, Достоевским, хотя сама заметка в основе своей, скорее всего, была составлена Т. И. Филипповым, к тому времени ведущим сотрудником «Гражданина» по церковным вопросам.

Заметка о следующем заседании ОЛДП, состоявшемся 25 февраля, когда с возражениями Филиппову выступил профессор Нильский, была, в отличие от первой («мы слышали…»), написана от лица очевидца. Вряд ли автором был сам Филиппов: в заметке он критикуется за несдержанность и даже бестактность в репликах. Если не Филиппов, то кто же? Из других членов редакции «Гражданина» этим очевидцем мог быть либо К. П. Победоносцев, либо Достоевский. Победоносцев, будущий антипод Филиппова, тогда еще сочувствовал ему, разделяя с ним неприязнь к либеральной профессуре Санкт-Петербургской духовной академии. Заключение этой заметки выдает ее автора: задача ОЛДП формулируется им как «оживление церковного сознания в нашем обществе», — это еще мог написать Победоносцев, но вот далее: «Задача завидная, призвание возвышенное: наше православие есть главное и, может быть, даже единственное право на всемирное значение России…»[**].

---

[*] <*Мещерский В. П., Филиппов Т. И.?, Достоевский Ф. М.?*> Петербургское обозрение // *Гр.* 1873. 22 января. № 4. С. 92.

[**] <*Мещерский В. П., Достоевский Ф. М.*> Петербургское обозрение // *Гр.* 1873. 5 марта. № 10. С. 284.

Никогда Победоносцев не мог сказать такого; мессианизм был чужд ему. Здесь очевидна редакторская вставка.

И в дальнейшем Достоевский не удержался от прямого участия в полемике. Ему принадлежит последующая статья «Заседание Общества любителей духовного просвещения 28 марта», прозрачно подписанная «Ф. Д.» (2 апреля. № 14), и редакционный ответ на письмо Нильского в «Гражданин» (30 апреля. № 18) — обе статьи вошли в академическое 30-томное издание Достоевского (21: 139–142, 278–280). Правда, и в них нельзя не заметить участия Филиппова: по сложившейся практике, он в записках к Достоевскому предлагал некоторые заготовки, а тот, скорее всего, писал окончательный текст, внося идеи обобщающего характера.

С 21 мая по 2 июля 1873 г. в «Гражданине» печатается обширнейшая статья «Петербургское Общество любителей духовного просвещения» в защиту идей Филиппова и в основной своей части написанная самим же Филипповым. Есть серьезные основания предполагать и здесь участие Достоевского, и особенно, как всегда, в заключительной части статьи. На это указывают многие смысловые и стилевые приметы, есть и одно косвенное подтверждение. 22 июня, т. е. когда писалась заключительная часть статьи (опубликованная 26 июня и 2 июля), Достоевский сообщает жене: «Ходил вчера к Филиппову, по одному делу (литературному)…» (29_1: 270). Вряд ли редактор ходил к автору за готовым текстом — на это были рассыльные. Более чем вероятно, имелась в виду именно литературная (как указывает сам Достоевский) работа, и не редакторская, а, скорее, соавторская (лишь для нее необходимо было идти к автору домой). Намек на такого рода литературную работу мы находим чуть ранее (24 апреля 1873 г.) в письме Филиппова к Достоевскому, где он предлагал следующий метод творчества: «…напишем вместе оба внушения (речь шла об упомянутом выше редакционном ответе Нильскому. — *В. В.*): я ужасно люблю такого рода вещи вдвоем писать. Как-то дружнее дело идет; притом же друг дружку

всегда можно остеречь как от излишка, так и от вялости тона»[*]. Подобное соавторство в статьях «Гражданина» о дискуссии в ОЛДП, очевидно, имело место и далее, после описанного выше скандала. Интересно, что журналисты («Церковно-общественный вестник», «Голос»), описывая этот скандал, заметили, что в дискуссию на страницах «Гражданина» вмешалось некое третье лицо, добавившее полемического огня, энергии, литературного блеска. Нетрудно было догадаться, кто это лицо. Передавая в письме к Филиппову сложившееся в ОЛДП мнение, секретарь Общества А. А. Киреев не без раздражения указывал, что за всё случившееся «нравственную ответственность несет Дост<оевск>ий»[**].

Опуская дальнейшие перипетии полемики, продолжавшейся в 1874 г. вплоть до ухода Достоевского из редакции «Гражданина», обратим внимание лишь на концовку.

17 июня 1874 г. в «Гражданине» была напечатана итоговая статья «Разъяснение некоторых сторон вопроса о нуждах единоверия» (№ 24). Кто автор этой очень веской и с достоинством написанной статьи? В свое время элементы стиля Достоевского уловила в ней Г. Ф. Коган[***]. В академическом издании это предположение было отвергнуто на том основании, что вряд ли после своего ухода из «Гражданина» Достоевский стал бы писать статью, «требующую специальных познаний и далекую от его творческих интересов» (см.: 21: 461). Как следует из всего вышесказанного, этот последний довод можно теперь отвести. Достоевский, вторгнувшись в дискуссию по специальным вопросам (каковым был вопрос о единоверии), писал не как специалист[****], но с такой точки зрения (высшей), которая для специалиста оказывается часто недосягаемой.

---

[*] *Гроссман Л.* Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // *Литературное наследство.* Т. 15. С. 151.

[**] Там же. С. 152

[***] См.: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М., 1971. С. 330 (сер. «Литературное наследство»; т. 83).

[****] Ср. более позднюю ироническую заметку: «Ну кто из нас, например, силен в догматах. Даже и специалисты-то наши в этом случае не всегда

Другой контраргумент — что статья напечатана после ухода Достоевского из редакции. Однако имеется прецедент: именно после своего ухода Достоевский пишет, в соавторстве с В. П. Мещерским, статью «"Гражданин" и провинциальное духовенство» (*Гр.* 1874. 27 мая. № 20–21), атрибутированную нами*, — пишет для того, чтобы поставить точку в вязкой полемике с «Церковно-общественным вестником». Уходя, надо было расставить точки.

Сходная ситуация проявилась и в связи с интересующей нас статьей. Она явилась ответом на язвительный и коварный выпад «Голоса» (передовая статья 22 мая 1874 г.). Там утверждалось, что выступления Филиппова и поддержавшего его «Гражданина» скомпрометировали Петербургский отдел ОЛДП, а вместе с тем «подорвали всякое значение и силу единоверия». Совет Общества, писала либеральная газета, в этой истории показал, что «находится под сильным влиянием избранного кружка». Таким образом, весь спор сводился к кружковой междоусобице, к неким подразумеваемым корыстным целям Филиппова и «Гражданина».

На такие инсинуации, порочащие достоинство, в том числе и редактора «Гражданина», нельзя было не отвечать. И сделать это достаточно весомо мог только один человек. Сопоставим даты:

Статья в «Голосе» — 22 мая.

Достоевский выехал из Петербурга за границу — 7 июня.

Статья в «Гражданине» напечатана 17 июня.

Что стоит за этой задержкой с ответом? (В газетной полемике, как известно, следует реагировать молниеносно.) Скорее всего, личные обстоятельства автора. Именно 22 мая Достоевский выбыл в Старую Руссу и вернулся в Петербург только 5 июня, сразу же отправившись в редакцию «Гражданина»,

---

иногда компетентны. И потому предоставим специалистам» (24: 123).

* См.: *Достоевский Ф. М.* Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. / атрибуция и научный комментарий доктора филологических наук В. Викторовича // *Знамя*. 1996. № 11. С. 173–177.

а уже через день он оставляет столицу. Очевидно, в эти хлопотные дни, скорее всего, в Старой Руссе писалась данная статья, а сдана была в редакцию уже перед отъездом. Предположение о том, что ее мог написать некто (тот же Филиппов) **после** отъезда Достоевского, должно быть отвергнуто, и вот почему. В статье читаем: «В одном из **последних** нумеров газеты "Голос"…»[*]. Так не мог сказать человек, писавший ответ чуть не через месяц после враждебной публикации. Скорее всего, она писалась по горячим следам, а именно тогда, когда Достоевский еще был в России.

Важнейший аргумент в пользу авторства Достоевского — интонационный строй статьи. Уже начало ее («Читателям нашим известно, какой интерес мы придавали…») создает знакомый характерный настрой, продолженный далее в тонах нарочитой терпеливости и открытости: «Мы с самого начала высказали наше полное сочувствие г. Филиппову…», «Это мнение разделяли и мы», «Предполагают ли противники г. Филиппова… — Нет, противники г. Филиппова так не думают. Напротив, они же…», «…в действительности объясняются следующим образом…», «Но этого-то он и не сделал, именно потому…»[**] и т. д.

Есть характерные для Достоевского выражения и словечки: «ставили и ставят в упрек», «поставлением преграды», «…и то и другое рассмотрение **самым положительным образом подтвердили** его мысль», «Самое главное, основное положение г. Филиппова было **утверждено** для науки **незыблемым образом**», «и притом по этому самому», «являются в виде обвинений», «**хотя бы и** в раскольниках», «новое слово». А вот целая россыпь излюбленных напирающих «даже»: «даже интересы раскольников», «даже рассмотрена», «даже полицейским взглядом», «даже находит недостаточным», «даже приписано», «даже называть», «даже без Собора».

---

[*] Разъяснение некоторых сторон вопроса о нуждах единоверия // *Гр.* 1874. 17 июня. № 24. С. 642.

[**] Там же. С. 642–643.

Заметно обилие по-достоевски привязчивых повторов: «как же совместить с этим то, что г. Филиппов… как совместить с этим то, что он…», «что и у него… что и он…», «Г. Филиппов доказывал только… Г. Нильский должен был доказать противное, должен был доказать… Это он и старался сделать. Но сделать это, успеть в этом нельзя…», «так на это смотрел Собор; так требовала…», «их усердие к старому обряду происходило из их усердия к вере, из того…», «безо всякого внимания к чувствам… безо всякого внимания к возникавшему разделению…», «одного или двух случаев, именно случаев, случайных обстоятельств», «он кажется не считал себя вправе… он считал себя обязанным во всяком случае признать правильным… он также считал себя обязанным признать правильными», «отсюда его нежелание… отсюда его стремление… наконец, отсюда же и эти… аргументы», «они не призна́ют, да и мы не признаем ее. Да… и сам св. Синод не требует признания ее», «сопровождалось бы поставлением преграды для людей… должна не преграды ставить таким людям», «Он может вполне положиться на то… Он может положиться на слова Писания», «основания для своих превратных толков… Если эти основания послужат им для превратных толков, то и сами они превратные… то и толки, основанные на них, не будут превратными… что все вообще толки раскольников превратны?», «когда в споре… когда всевозможные данные… когда ошибки… когда обоюдные ошибки…», «По счастью, у нас нет догмата… и по счастью ее ошибки», «было тут какое-то новое слово… и это не было слово реформатора… а слово действительно православного мыслителя… Это новое, живое слово…»[*].

Отметим и такие характерные для Достоевского приемы полемики, как обнажение противоречий, догадка о ходе мыслей противника, предполагаемый, как бы теперь сказали, виртуальный, диалог («— Как! говорит г. Нильский г. Филиппову… — А для чего же? — Отвечали бы мы на месте г. Филиппова…»[**] и т. д.).

---

[*] Там же. С. 642–645.

[**] Там же. С. 644.

Общее впечатление такое, что Достоевский — сгоряча ли, намеренно ли, — но уж слишком даже не прячется, не скрывает своего «литературного лица».

Замечательна избранная автором точка обзора: статья написана не **изнутри** ученой полемики, а как бы **над** ней (таков тон и смысл и предшествующих реплик Достоевского, указанных выше). В многочисленных исторических подробностях, канонических нюансах, полемических частностях изнурительной «марафонской» дискуссии затерялся главный смысл первых выступлений Филиппова и «Гражданина» — именно его возвращает на свое место и акцентирует анонимный автор: «Только наша Церковь лишена этого великого источника божественного света и христианского мира…»* — то есть Собора.

Идея церкви овладевает Достоевским в 1870-е гг. Баталия в ОЛДП подтвердила его диагноз, поставленный исторической церкви («паралич»), но она же и обратила писателя к познанию ее непреходящего надмирного смысла, предзаданной природы ее «Божественного света». Такова непростая историческая диалектика церкви как плоти и создания Божия, творимого человеком в процессе обожения. Через два года в июльско-августовском «Дневнике писателя» 1876 г. к слову «православие» автор делает скобочное примечание: «…под которым я подразумеваю *идею*, не изменяя, однако же, ему вовсе…» (23: 58).

Повторяющийся мотив выступлений Достоевского — недовольство современным уровнем богословствования. Так, в выступлении профессора Чельцова он замечает «сбивчивость общих богословских понятий» (21: 142). Ему, неспециалисту, увиделось то, чего не замечали или же не хотели заметить специалисты, и что впоследствии сформулирует историк русского богословия о. Георгий Флоровский как «вопрос о духовном методе»: «Нужно было научиться богословствовать не из ученой традиции <…>, но из живого церковного опыта…»**.

---

* Там же. С. 645.

** *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 461–462.

Богословствование Достоевского, неспециалиста в богословии, значительно — именно в сущностных моментах — опережало современное ему академическое богословствование. Удаляясь впоследствии от прямой полемики с учеными-богословами, он создаст свою, особую форму художественно-публицистического богословствования. Работа в «Гражданине», дискуссия в ОЛДП, сотрудничество с Т. И. Филипповым — важная ступень в этом направлении.

* * *

Начатые в «Гражданине», а затем продолженные в «Дневнике писателя» 1876–1877 гг. размышления в конечном счете привели к «идее церкви», центральной в романе «Братья Карамазовы». Принципиальный выбор, сделанный Достоевским, тонко сформулировал С. Н. Булгаков: великий писатель «сознательно стоял и хотел стоять на почве положительной церковности, **расти в церкви и вместе с церковью**»[*]. Он же дал точное определение идеала церкви, к которому пришел Достоевский: «…соединение людей во Христе, подлинное исполнение идеалов свободы, равенства и братства, которые ищутся теперь объязычившимся обществом вне христианства»[**].

Действительно, именно об этом говорит в «Братьях Карамазовых» старец Зосима: «…вместо свободы впали в рабство, а вместо служения братолюбию и человеческому единению впали, напротив, в *отъединение* и уединение…» (14: 285). Истинно единящей силой, по глубочайшему убеждению Достоевского, обладает, в конечном итоге, только Церковь Христова. Пренебрежение ею ведет христианскую по своим корням цивилизацию к самоуничтожению, но к тому же результату ведет и искажение истинного смысла церкви «изнутри», со стороны ее служителей. В «Братьях Карамазовых» эта «война

---

[*] *Булгаков С. Н.* Тихие думы. М., 1996. С. 203 (выделено мною. — *В. В.*).

[**] Там же. Теоретическое развитие этой мысли о церковном идеале Достоевского см.: *Касаткина Т. А.* Органическая философия Достоевского: церковь и государство как идеалы общественной мысли // Su Fedor Dostoevskij: Visione filosofica e sguardo di scrittore. Napoli, 2012.

на два фронта» (как это в духе Достоевского!)* очевидна. В черновых заготовках к проповедям Зосимы читаем: «— Вопят духовные, что мало доходу. <…> Что теперь для народа священник? Святое лицо, когда он во храме или у Тайн. А дома у себя — он для народа стяжатель. Так нельзя жить. И веры не убережешь, пожалуй. Устанет народ веровать, воистину так. Что за слова Христовы без примера? <…> Правду ли говорят маловерные, что не от попов спасение, что вне храма спасение? Может, и правда. Страшно сие» (15: 253). Таких в точности слов Зосима в окончательном тексте прямо не говорит, но их страшный смысл так или иначе веет над последним романом Достоевского. Не так просто, по Достоевскому, «сотрясти веру», но и сбережение ее требует взаимных, *встречных* усилий общества и церкви.

* В письме к брату 19 ноября 1863 г.: «Две противоположные идеи и обеим по носу. Значит, правда» (28_2: 57).

Глава 6. Школа

«Молодежь без руководства бросается» (11: 308), — писал Достоевский в наброске послесловия к «Бесам». Эта тема вела его к «Подростку», но прежде он должен был пройти через опыт журналистского освоения проблемы. Так рядом с темой церкви как духовного руководства вставала тема образования.

В униженном положении, утверждал «Гражданин», оказался в России не только священник, но и учитель. В статье «Мечты и грезы» (*Гр.* 1873. 21 мая. № 21) редактор обозначил глобальную альтернативу, перед которой стоит Россия: «потрясение» или «просвещение». Выбор второго пути требовал вполне конкретных шагов: «По моему бедному суждению, на просвещение мы должны ежегодно затрачивать по крайней мере столько же, как и на войско, если хотим догнать хоть какую-нибудь из великих держав[*]. <…> Учитель — это штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается веками…» (21: 93).

* * *

2 января 1873 г. Всеволод Соловьев зафиксировал в дневнике: «…у него есть сюжет для повести <…> он передал его Мещерскому и тот умоляет его написать для “Гражданина”…»[**].

---

[*] Не могу не заметить, что Достоевский здесь следует суждениям автора, имя которого на наших страницах не случайно возникает неоднократно, — независимого ученого-публициста и общественного деятеля князя А. И. Васильчикова. В русском обществе, утверждал он в капитальном своем труде, живет «смутное и горькое сознание, что Россия, страна в 100 тысяч квад. миль и 70 мил. жителей, содержащая армию в 1 миллион и тратящая на нее 130 миллионов, великая держава, собирающая и покоряющая все окольные земли и племена, что Россия, говорим, слишком бедна, чтобы содержать народные школы, слишком груба, чтобы выучиться читать и писать» (*Васильчиков А. И.* О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: в 2 т. 3-е изд. Т. 1. СПб., 1872. С. 449).

[**] Достоевский в неизданной переписке современников // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 424 (серия «Литературное наследство»; т. 86).

8 января в объявлении о выходе второго номера еженедельника было указано: «В самом непродолжительном времени начнется печатание новой повести Ф. Достоевского на страницах “Гражданина”»[*]. Повесть, однако, так и не появилась на свет, и можно только догадываться о ее содержании.

Скорее всего, о ней идет речь в главе «Мечты и грезы» «Дневника писателя» (21 мая): «Моя мысль <…> в том, что даже самый мелкий сельский школьный учитель мог бы взять на себя весь почин, всю инициативу освобождения народа от варварской страсти к пьянству, если б только того захотел. На этот счет у меня есть даже сюжет одной повести, и, может быть, я рискну сообщить его читателю раньше повести…» (21: 96). Обещание осталось невыполненным, на что издатель «Гражданина» В. П. Мещерский дважды потом попенял редактору[**]. Между тем замыслы не исчезают бесследно, пока жив их автор: они включены в непрерывающийся поток творческого сознания, переходя, может быть, в другое качество, растворяясь в произведениях, дошедших до читателя.

Отзвуки ускользающей от нас повести об учителе стоит поискать в редактируемом им «Гражданине», где школьная тема реализовалась с большим разнообразием и интенсивностью. Почти в каждом номере еженедельника печатались корреспонденции не только из столиц, но и из провинции, дававшие картину непростого развития реформы образования.

Преимущественное внимание «Гражданин» уделял формированию сельских школ и становлению нового сельского учителя. Победные реляции о большом количестве открываемых школ вызывали скептическое отношение редакции. Приведем характерное рассуждение из статьи «Письма вольнодумца. III» (*Гр.* 1873. 9 июля. № 28), автором которой был князь В. П. Мещерский. Очевидно, отчаявшись увидеть на страницах «Гражданина» обещанную Достоевским повесть

---

[*] *Голос*. 1873. № 8; *Биржевые ведомости*. 1873. № 5.

[**] См.: *Летопись*. С. 387, 431.

об учителе, князь-издатель через полтора месяца сам и по-своему взялся развить мысль редактора.

«Наши земства, точно из страха прослыть отсталыми, хлопочут всё как бы побольше пооткрывать школ, а затем уже хлопочут об учителях, как о предмете второстепенном; для них как будто главное достичь наибольшей цифры учащихся и школ, и поставить эту цифру в напечатанный отчет. <…> дурная школа хуже для крестьянской среды, чем отсутствие школы, ибо забивает умы крестьянских мальчиков, не говоря уже о том вреде, который может приносить школа в руках какого-нибудь негодяя-учителя. <…> Главное препятствие к благодетельному влиянию школы на крестьянских детей заключается в неохоте самих крестьян, и пока эта неохота будет иметь свойства положительного нравственного начала, как теперь, трудно ожидать пользы от школ, сколько бы их ни открывалось. <…> Эти уродливые отношения крестьян-родителей к школе, в которой учатся их дети, влекут за собою, весьма понятно, еще более уродливые их отношения к школьному учителю. Трудно себе представить более жалкое положение: там, где крестьяне содержат школу на свой счет, там они смотрят на учителя как на нанятого ими мастера села, рабочего, который должен-де за полученные им деньги изготовлять ежегодно известное количество грамотных детей; затем: как он готовит, какие у него средства, какие отношения между им и детьми, способен ли он или неспособен, прилежен или небрежен, нравствен или негодяй, трезвый или пьяница — всё это до крестьян не касается. “Подавай нам за наши деньги обученных грамоте, — говорят они, — и больше ничего”. И затем, один-одинехонек посреди деревни, где все ему, от детей до стариков, чужие, где в течение 5 месяцев (полевых работ. — *В. В.*) школа пуста, где ни от кого ему не слыхать доброго слова, приветствия или сочувствия, или ободрения, где ему не с кем молвить слова в уровень его умственному развитию, и где никто и не помышляет о возможности подчиняться умственному влиянию учителя, — как часто этот несчастный сельский учитель самым естественным образом

приходит к печальной необходимости сделаться пьяницею, или крестьянским аблакатом со всеми приемами сутяги-крючка, или — что́ всего чаще бывает — бросить эту должность, чтобы взяться за любое место конторщика или писаря, обещающее ему более отрадное и менее унизительное положение. Легко понять, ка́к мало при таких условиях имеется хороших сельских учителей и как много дурных! <…> В сущности всё сводится к одному: нет учителей!»[*].

Таков был безотрадный диагноз «вольнодумца» Мещерского. Нарисованная им картина стоящих на пути сельского учителя трудностей, вероятно, во многом отвечала замыслу Достоевского. В той же главе «Дневника писателя» («Мечты и грезы»), где данный замысел излагался, мы находим схожий эпизод: «В том-то и дело, что тут важна личность, характер, важен деловой человек и такой, который действительно способен хотеть. На учительское место у нас большею частию приезжает теперь молодой человек, хотя бы даже и желающий сделать добро, но не знающий народа, мнительный и недоверчивый; после первых, иногда самых горячих и благородных усилий быстро утомляется, смотрит угрюмо, начинает считать свое место за нечто переходное к лучшему, а потом — или спивается окончательно, или за лишние десять рублей бросает всё и бежит куда угодно, даже даром бежит, даже в Америку…» (21: 95–96).

Близость Мещерского и Достоевского очевидна, но не менее значимо расхождение. Мещерский делает акцент на «объективных» обстоятельствах, представляя равнодушие крестьян к школе как всеобщее явление, смысл его выступлений сводится к апелляции в адрес дворянства, церкви и государства: только они, по его убеждению, могут сломить сложившуюся ситуацию. Иной акцент у Достоевского: «тут важна личность». Трудности трудностями, однако его мало интересуют те, кто спасовал: «Но оставим его в Америке; я буду продолжать мою

---

[*] *О…. <Мещерский В. П.>* Письма вольнодумца. III // *Гр.* 1873. 9 июля. № 28. С. 776–777.

мысль. Моя мысль <…> в том, что даже самый мелкий сельский школьный учитель мог бы взять на себя весь почин, всю инициативу…» (21: 95–96). Повесть Достоевского должна была открыть перед читателем внутренний, духовный резерв «мелкого учителя», делающий его реальной общественной силой, противостоящей деструктивным тенденциям. Мысль эта ведет нас к наброскам в записной книжке Достоевского, где выступает учитель, совершающий «простой, живой и великий подвиг» (9: 124; ср.: 16: 9–10)*.

Достоевский как редактор воплощал эту свою мысль, печатая в «Гражданине» корреспонденции, подтверждающие способность школьных учителей сопротивляться подавляющей их «среде». Так в № 23 (4 июня 1873 г.) было напечатано и прокомментировано письмо учителя из села Дурникина Саратовской губернии Михаила Орлова, убедившего сельский сход ограничить число кабаков и время продажи водки, но натолкнувшегося на противодействие (очевидно, небескорыстное) мирового посредника. «Гражданин» проследил за развитием этих событий (см. № 47 от 19 ноября 1873 г.).

«Светлых точек» на фоне «вялого, бесцветного характера школы» пока еще очень мало — сетовал московский корреспондент «Гражданина» (1873. 19 февраля. № 8). Тем более заметны были усилия, предпринимаемые еженедельником Достоевского, чтобы выявить и поддержать «светлые точки». Это делает, к примеру, Н. В. Казанцев в статье «Безызвестные деятели» (*Гр.* 1873. 19 марта. № 12), рассказавший о священнике о. Иоанне из села Новоспасское «глухой» Уфимской губернии, на церковные деньги и на свой счет содержащем приличную церковно-приходскую школу, о которой даже ближайшие соседи (где таковые школы хиреют и числятся только на бумаге) знают лишь понаслышке и вполне равнодушны к усилиям батюшки. В. П. Мещерский, в свою очередь, напечатал две

* Подробнее см.: *Викторович В. А.* Повесть Ф. М. Достоевского об учителе: реконструкция замысла // «Педагогія» Ф. М. Достоевского: сб. ст. Коломна, 2003. С. 119–149.

статьи (в № 46 и 47 за 1873 г.) под общим названием «Сельский учитель»: в одной была рассказана история семинариста, ставшего учителем «по случаю», а в другой — история бывшего «унтера» и затем учителя «по призванию», от Бога («возымел <…> ясную охоту учить: детей страсть как любил»). Любопытно, что в этой второй истории слышится явственный отзвук искомого нами замысла Достоевского, особенно в словах учителя-простеца: «…тут и родители иной раз сбираются, слушают тоже, и уж как услышат сынка рассказывающим, такая радость, что сейчас тут и угощение, и пряники, и чайку принесут, ну, словом, праздник. И ведь вот что. Представьте, вот эвтим-то манером мы кое-кого из родителей от кабака отбили, ей Богу, человек семь совсем перестали ходить по воскресеньям в кабак, а всё к нам идут, посмотреть, как, значит, у них парни сочиняют, а вон нонче на святках мы и комедию разыграть хотим!»[*]

* * *

Наиболее последовательным проводником идей редактора был его давний и преданный спутник А. У. Порецкий, взявший на себя обозрение провинциальной жизни. Его задачей было выуживать из громадного потока газетно-журнальной продукции наиболее характерные факты. Судьба российской школы была ведущей темой обозревателя.

Более чем кто-либо в «Гражданине», Порецкий обращал внимание на материальную нужду сельских учителей, часто влачивших жалкое существование[**] ввиду безразличия как государственной, так и земской власти, на чье попечение они были отданы. Вместе с тем обозреватель обращал внимание на факты частной благотворительности (например, в «Областном

---

[*] *Сельский учитель <Мещерский В. П.>* Сельский учитель из живых // *Гр.* 1873. 19 ноября. № 47. С. 1248.

[**] Ср. в «Братьях Карамазовых»: первая жена Федора Павловича сбежала от него «с одним погибавшим от нищеты семинаристом-учителем» (14: 9).

обозрении» в № 25 за 1873 г.) и дальновидной заботы некоторых земских управ.

Внимание Достоевского не могла не остановить изложенная Порецким речь П. А. Аксакова, председателя училищного совета Алексинского уезда Тульской губернии. Тот насчитал в уезде 21 школу на 186 кабаков: «…каждый житель, считая тут и младенцев, истрачивает в год на водку 4 р. 80 коп., а на школы — три копейки с небольшим»[*]. Неизбежное последствие: «…лучшие учителя бегут из народных школ, где для них нет ни сколько-нибудь достаточного жалованья, ни хотя бы сносного помещения»[**]. И тем не менее, что очень важно отметить в контексте наших разысканий о замысле Достоевского, Аксаков не опускает руки. Вот изложение его мнения в сочувственном пересказе Порецкого:

«В речи своей председатель алексинского училищного совета высказал, впрочем, твердую уверенность, что рано или поздно школа должна сокрушить кабак, потому что школа дает крестьянину возможность с большею пользою употребить свое время и открывает ему интерес более сильный, нежели одурение от спиртных напитков. И даже теперь уже школы, при небольшом своем числе, положили начало этой победоносной борьбе. Уже теперь крестьяне рассказывают, как малолетние дети, возвращаясь из школы, сообщают семье до тех пор почти неведомые ей религиозные истины, как вся семья слушает книгу, занесенную из школы десятилетним учеником или ученицею. Именно дети-ученики являются ходатаями в пользу распространения по деревням книг <…>. Г. Аксаков <…> бьет на то, что школа среди крестьян невидимо созидает известное общественное мнение — чрез каждого ребенка, прошедшего ученье, чрез каждую книгу, проникшую в семью»[***].

Нетрудно увидеть прямую связь этой публикации с замыслом повести Достоевского об учителе, формирующем

---

[*] <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 15 января. № 3. С. 59.

[**] Там же. С. 60.

[***] Там же. С. 60.

«среду». Скорее всего, данная заметка придала замыслу новый поворот — суть его можно было бы выразить словами одного из недавних героев писателя: «Не во времени дело, а в вас самом. Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» (6: 352).

Порецкий продолжил тему самым конкретным образом. В «Областном обозрении» (*Гр.* 1873. 5 марта. № 10) он поведал историю одного священника Полтавской губернии, который долгими, поначалу безуспешными просьбами сломил сопротивление крестьян (капля камень точит), и те завели наконец школу. А потом даже соревнование родителей началось за участие в школьных делах: вот «чего можно достигнуть убеждением и любовью»*, — резюмировал обозреватель.

Убеждение и любовь составляют силу учителя — такова настойчивая мысль Порецкого как автора «Гражданина», ставившего учителя в один ряд со священником. По поводу инициативы некоего о. Казанского, предлагавшего бороться с народным пьянством при помощи штрафов, обозреватель восклицал: «А мы, признаемся, ожидали другой еще меры от священника. Мы думали, что как школа внутри себя самой имеет известную силу для борьбы с народными недостатками чрез воспитание и грамотность, так и служение священника вооружает его нравственными средствами для действования против пороков и заблуждений паствы»**. В цитируемых словах ощутимо присутствие Достоевского — и не только в самой мысли (вновь ведущей нас к искомому замыслу), но и в стиле, в построении фразы («а мы, признаемся», «другой еще меры»). Не исключено редакторское вмешательство Достоевского, хотя и сам Порецкий, как нам уже приходилось писать, испытал на себе «проникающее» воздействие идей и стиля своего гениального спутника.

---

* <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 5 марта. № 10. С. 293.

** <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 15 января. № 3. С. 60.

* * *

Среди рукописного наследия Достоевского есть недатированный черновой набросок, озаглавленный «Дневник писателя. IV. NB. Сюжеты для романов». Редакция академического 30-томника напечатала его в составе подготовительных материалов к январскому выпуску «Дневника писателя» 1876 г. (22: 146–152). Между тем *все записи* на этом двойном листе большого формата **так или иначе связаны с публикациями в «Гражданине» 1873 г.** Наибольшая часть из них соотносится с публикациями в № 9 еженедельника от 26 февраля 1873 г. — со статьей «Из мира нашей педагогики», подписанной В. П. Мещерским, и с пространным некрологом «Петр Михайлович Цейдлер» за подписью: «Товарищи Цейдлера: А. Порецкий, А. Майков». Данные факты отмечены в комментариях академического издания Достоевского (22: 394–396, автор — А. В. Архипова). К ним следует добавить и не замеченное комментатором: запись на том же листе на полях «Но я лучше буду отрицать и протестовать. Этак я кажусь умнее. <…> О, если б дали им возможность высказаться! (Цензура). <…> Но, видно, нельзя. И благодаря тому долго, долго они будут слыть за гениев» (22: 149) — есть не что иное, как наброски к разоблачению испытанного приема либеральной журналистики, использованные в «Двух заметках редактора» (*Гр.* 1873. 2 июля. № 27): «Всего забавнее, что у них в подобных затруднительных случаях проглядывает уловка показать, что он что-то знает: “Вот только бы дали нам написать, дали б высказать; эва, что бы мы тогда насказали! А теперь вот поневоле зубоскалим! Но зато сколько мы знаем!.. И-и-и, сказать нельзя, сколько знаем!”» (21: 158).

Исходя из сказанного, черновой набросок «Сюжеты для романов» по его содержанию **следует датировать первой половиной** 1873 г., то есть тем временем, когда формировался замысел интересующей нас повести об учителе. Дополнительную аргументацию в пользу такой датировки дает анализ

данной рукописи[*] сравнительно с рукописями 1873 и 1876 гг. В точности на таких же двойных листах большого формата (267 х 212) набросаны заметки, озаглавленные Достоевским: «Дневник писателя. VIII. Полписьма “одного лица”»[**] (под тем же названием и номером глава напечатана: *Гр.* 1873. 5 марта. № 10).

Похожим образом пронумерован другой набросок (также на отдельном листке): «VI. Всему удивляться, конечно, глупо…»[***], являющийся черновым автографом главы XI «Дневника писателя» «Мечты и грезы» (*Гр.* 1873. 21 мая. № 21), той самой, куда включено описание повести об учителе. В черновом наброске «VI» речь идет о могуществе державы, достигаемом через развитие образования. Очевидна хронологическая и смысловая связь между набросками «IV» и «VI». Принадлежность второго из них (а значит, и первого) к 1873 г. не подлежит сомнению.

Обратим внимание на подзаголовок: «Сюжеты для романов». Мы полагаем, что в данном случае подразумеваются «сюжеты», которыми автор собирался поделиться с читателями «Гражданина» до написания самих романов (если таковое вообще имелось в виду). Это тот самый тип «лабораторных» заметок, оправдываемых жанром дневника именно писателя, с чем мы встретились в майском обещании повести об учителе («у меня есть даже сюжет одной повести, и, может быть, я рискну сообщить его читателю раньше повести…» — 21: 96).

Первые строки «Сюжетов для романов» отсылают нас к долго занимавшей Достоевского истории героя, хлопочущего о подкинутых детях: «Мне хотелось бы изобразить твердого и умиленного человека. <…> Чиновник. Подкидыши. Вот таких людей у нас нет, желательно, чтобы были» (22: 146). Далее — многократно явленный в «Гражданине» и осужденный

---

[*] ИРЛИ. № 29490.

[**] РГБ. Ф. 93.I.2.9/2.

[***] ИРЛИ. № 29489. В академическом издании (21: 312) римская цифра оказалась опущенной.

Достоевским типичный ход мысли: «Лучшие говорят: дай мне сначала права, обеспечь меня. <…> Я заеден средой» (22: 146).

Следует естественный для Достоевского переход к теме учителя:

> «Вот, например, все говорят о воспитании. Экзамены из педагогических предметов. Всякая система принимается, преподает<ся>, Фребель. Песталоцци.
>
> Я уверен, что детский сад дрянь, но у самого Фребеля это не дрянь. Живой самостоятельный дух нужен — и тот, который усвоил это самостоятельно и у того не дрянь» (22: 146; цитируем по рукописи, исправляя досадную ошибку).

Мысль автора ясна: дело не в педагогической системе, пусть самой замечательной, дело в самобытной личности — не в педагогике, а в педагогах.

Упоминание немецкого педагога Фребеля отсылает к спорам вокруг его идеи «детских садов», недавно появившихся и в России. 5 февраля 1873 г. в № 6 «Гражданина» Достоевский поместил анонимную рецензию на французскую книгу о Фребеле. Слабость фребелевских обществ в России автором «Гражданина» объяснялась недостатком «живой практики», перениманием «бездушной *внешности*».

Возвращаясь к наброскам под общим заглавием «Сюжеты для романов», заметим, что они сосредоточены вокруг двух тематических центров: формализм современной образовательной политики («За неимением педагогов поневоле действуют циркулярами…» — 22: 147) и, как противовес, построенная на «человеческом отношении» педагогия безвременно умершего П. М. Цейдлера (четырежды называет Достоевский его имя, допуская ошибку памяти — «Цербет»). В «Гражданине» № 9 от 26 февраля 1873 г. эти две темы были развернуты в упоминавшихся выше статьях «Из мира нашей педагогики» и «П. М. Цейдлер».

С первой из статей связана запись: «Анекдот из воспитания — но студент, онанизм. Он и не приготовлялся к педагогии, а педагоги-то исключили и не справились, а он справился»

(22: 146; цитируем по рукописи). В комментарии А. В. Архиповой справедливо указывается на эту связь: «В статье В. П. Мещерского “Из мира нашей педагогики” <…> рассказан случай, как 12-летний мальчик, исключенный из двух учебных заведений “под влиянием ясного сознания опасности порока <…>, овладевшего мальчиком, для 40 остальных его товарищей”, через год совершенно исправился, оставил свой порок и был готов поступить в гимназию. Это произошло благодаря тому, что с ним занимался двадцатилетний молодой человек, готовившийся в университет, живший в той семье, где мать мальчика служила кухаркой. Автор статьи прибавляет: ”Вероятно, этот юноша был в душе педагогом, и в тайнике ее скрывался тот чудный, великий дар всматриваться в душу, познать ее, полюбить, заставить себя полюбить, и затем воспитывать!”» (22: 395 — комментарий).

Комментатор трактует запись Достоевского как запоздалую, 1876 г., реакцию на статью Мещерского. Между тем далее в связи с описанным «анекдотом» Достоевский формулирует вопрос: «Правда ли, что у нас, если гимназист выключен, то не принимают нигде?» (22: 148). Подробное обсуждение этого вопроса есть в указанной статье, подписанной В. Мещерским, там же содержится и компетентный утвердительный ответ. Странно представить, что Достоевский **после** этой статьи вновь задается тем же вопросом. Не вернее ли будет предположить, что вопрос сформулирован **до** статьи (т. е. в 1873 г.) и по существу является ее планом, проектом?

Таким же редакторским проектом в заметках является и соотнесение описанного «анекдота» с деятельностью П. М. Цейдлера — что предопределило композицию и самой статьи «Из мира нашей педагогики», и всего этого девятого — «педагогического» номера «Гражданина».

Наша версия, основывающаяся на приведенных фактах и на изучении редакторской практики Достоевского, следующая: редактор «Гражданина», получив от Порецкого и Майкова некролог педагога-подвижника Цейдлера, решил сопроводить его редакционной статьей, выводящей к общим проблемам

современной школы (в результате чего некролог запоздал более чем на две недели, хотя написан был, как следует из его текста, в дни похорон и сразу же представлен в редакцию). Вероятнее всего, «анекдот из воспитания» — сюжет самого редактора, который он решился подарить Мещерскому и перед ним же поставил вопрос о существующей практике исключения из учебных заведений (он отчасти задевался и в статье о Цейдлере — о его усилиях смягчить жестокость официальных правил). Мещерский выяснил всё, как сказано в статье, «об этом страшном педагогическом вопросе»[*].

Внимательно читая статью Мещерского, мы видим в некоторых местах и другие следы редакторского участия.

Это столь свойственное Достоевскому видение психологического процесса как принципиально не завершенного в земном измерении и трудно предсказуемого: «Кто может сказать, что именно в ту минуту, когда приговаривается мальчик к исключению, после сделанного им проступка, не наступает в нем та критическая минута, которая может произвести нравственный переворот во всей его нравственной природе, и что вследствие этого неумолимое исполнение над ним приговора исключения может переворот этот направить к худшему, а кроткая снисходительность и уход за его нравственною личностью, наоборот, — к лучшему?»[**].

Это страсть в исповедании выношенной мысли, приложенной к педагогике: «Без этой любви и вне этой любви нет воспитания. Любовь эта проникает строгость, любовь эта обязывает к снисходительности; и сказать, где должен быть предел этой любви в воспитании, никто не может <…> Нет, жизнь таких людей как Цейдлер, посвященная на воспитание во имя любви к русскому юношеству и к русскому народу, не должна, кажется нам, быть безмолвною <…> Жизнь Цейдлера, оплакиваемая немногими, говорит нам: любите, любите

---

[*] *Кн. В. Мещерский*. Из мира нашей педагогики // *Гр.* 1873. 26 февраля. № 9. С. 253.

[**] Там же. С. 254.

бесконечно юношество; всё, что любовь к нему велит делать, — делайте, не бойтесь; всего, что́ этой любви противоречит, — не делайте и бойтесь это делать, ибо рано или поздно само общество потерпит вред тех педагогических опытов, где отсутствует любовь!»[*].

Как говаривал цитированный уже нами герой Достоевского: «Нет <…> тут не Миколка! <…> уж какой тут Миколка…» (6: 348), то бишь не князь Мещерский. Княжеский почерк виден скорее в «практическом» предложении создать «исправительные классы, куда мальчики, приговариваемые к исключению, переводились бы для особенно тщательного и любовью проникнутого за ними ухода…»[**].

Наброски «Сюжеты для романов» и статью «Из мира нашей педагогики» следует признать частью зреющего замысла «повести об учителе», о котором Достоевский заявит почти через три месяца. Главная «педагогическая» мысль, здесь уже намечаемая, кажется очень простой: «Как же быть? Вникать в каждую личность? <…> Мальчики добры, но циничны. <…> Ну, это некогда долго рассматривать, возиться с каждым мальчишкой» (22: 148).

Мысль проста, но далеко не очевидна и трудновыполнима в реальной школьной практике («некогда… возиться»). Достоевский же не педагог-теоретик, не методист, чтобы давать «профессиональные» советы. Он решается прибегнуть к средствам, имеющимся в его распоряжении, — к художественному проникновению в душу маленького человека.

> «Прошиб голову. Лев Толстой. Исключить.
>
> Вот другой случай: бежал. <…> Это великолепный сюжет для романа. Диккенс, Оливер Твист и Копперфильд. Маркизовы острова. Стокгольм.
>
> Я воображаю, как выбежал мальчик. Деревня. Тетка. Снаряжала. Жутко. Наша военная школа: репцы, репец. Робкий мальчик. К генералу или директору: Что прикажете?

---

[*] Там же. С. 255.

[**] Там же.

Предметы, классы в 50 минут.

Бежал. Искали, ходили, нашли где-то — представили. Исключить. Замок ломает. Как он явится в семью» (22: 148).

Как часто это бывает у Достоевского, замысел зреет от соприкосновения с чужим творчеством. Размышления о непредсказуемости детской психики питались, не в последнюю очередь, художественными открытиями Л. Н. Толстого. Имеется в виду глава «Затмение» из повести «Отрочество», где герой-отрок в состоянии «внутреннего волнения и отсутствия размышления» ударил учителя и за это должен понести наказание. В январском выпуске «Дневника писателя» 1877 г. Достоевский пересказывает этот «чрезвычайно серьезный психологический этюд над детской душой, удивительно написанный» (25: 32). Вполне вероятно, как предполагает А. В. Архипова (см.: 22: 396), сходный сюжет намечен был Достоевским еще раньше, в «Житии великого грешника», в планируемых эпизодах детства героя в пансионе Чермака: «…он в страшном припадке злости и гордости бросается в разгул. <…> Пробитая голова <…>, болен. Потом Чермак оставил его» (9: 130).

Близкий эпизод описан и в упоминавшейся статье «Из мира нашей педагогики»: «Недавно одного мальчика выгнали из одной гимназии за то, что он прошиб голову другому мальчику, и несмотря на то, что ушиб был не опасен, мальчик был все-таки исключен»[*]. Тот факт, что эпизод обдумывался Достоевским задолго до статьи в «Гражданине», лишний раз подтверждает высокую степень участия его в данной статье. Он мог «подарить» Мещерскому этот сюжет, как, впрочем, и следующий — о бегстве мальчика, «привезенного в гимназию из глуши провинции; он убегает из семинарии (так! — *В. В.*), томимый тоскою по дому; его возвращают и исключают. Мальчик остается в Петербурге один, без семьи, без друзей, без нравственной и материальной помощи»[**]. Мещерский ограничивается перечислением фактов, Достоевский же, как

[*] Там же. С. 254.

[**] Там же.

видно из черновых заметок, предполагал развернуть сюжет, ориентируясь во многом на заброшенных в жестокий мир подростков Диккенса.

К опыту Диккенса Достоевский прикладывает свой личный опыт «репца» (рябца) Инженерного училища, «законно» обижаемого новичка. Упоминание Маркизовых островов достраивает сюжет бегства; еще в «Бесах» об одном свихнувшемся юнце было сказано: «…он уплыл бы, может быть, на Маркизские острова, как тот ”кадет”, о котором упоминает <…> Герцен…» (10: 269; комментарий: 12: 178). Чуть позже, в главе «Одна из современных фальшей» «Дневника писателя» (*Гр.* 1873. 10 декабря. № 50), Достоевский вернется еще раз к герценовскому «кадету», и вновь в связи с участившимися бегствами гимназистов.

Кстати, эпизод бегства намечен был и в упоминавшейся повести Л. Н. Толстого. Там же Достоевского не мог не задеть за живое образ педагога (St.-Jérôme), лишенного любви к детям и находящего удовольствие в «наказании унижением». Этот тип антипедагога получил продолжение в образе Тушара в романе Достоевского «Подросток» — здесь становится понятно, на что способен такой господин, когда у него «развязаны руки» по отношению к ребенку. Еще одна психологическая коллизия, теперь уже не толстовская, но исключительно достоевская, намечена в подробности «К генералу или директору: Что прикажете?» От нее тянется нить также к «Подростку», к сценам «лакейства» Подростка перед хозяином пансиона Тушаром (13: 97–99). Антипедагогика образует у ребенка искривление позвоночника души.

В отличие от несколько снисходительного толстовского описания детских мучений Достоевский подошел к ним всерьез, как к трагедии унижаемой человеческой личности. Подобного же понимания писатель ожидал и от профессионалов-педагогов.

* * *

В наброске «Сюжеты для романов» останавливает внимание один полемический выпад: «Возьмем хоть Фребеля, порешили циркулярами. Циркулярами порешать легко. Педагогические съезды, курсы, средине легко. Ломай матерьял» (22: 148). В чей адрес здесь направлена ирония автора? Очевидно, имеется в виду не только и не столько официальная «педагогика». Фребелевские «детские сады» были общественной инициативой либерально настроенной педагогической интеллигенции (так называемые фребелевские общества, а с 1872 г. — и фребелевские курсы для подготовки работниц детских садов). Точно так же организовывались и съезды, курсы для народных учителей: в том же 1872 г. в Москве прошел 1-й Всероссийский учительский съезд (около 700 участников), а затем съезды и курсы проводились в провинциальных городах России. Консервативно настроенный «Гражданин» Достоевского писал о них с нескрываемой раздражительностью, ведь тон там задавала либеральная земская интеллигенция. Занятия вели «наследники» К. Д. Ушинского — В. И. Водовозов, Н. Ф. Бунаков, активно пропагандировался опыт Н. А. Корфа.

Здесь мы подходим к непростому вопросу, доселе не исследованному — об отношении Достоевского к современной ему «прогрессивной» педагогике. В педагогической мысли 1860–1870-х гг. и, главное, в массовом сознании педагогического сообщества возобладало либеральное направление: Н. А. Корф, В. И. Водовозов, Н. Ф. Бунаков, П. Ф. Каптерев… Что, собственно, и продемонстрировал первый в России съезд учителей 1872 г. Философским фундаментом «новой педагогии» стал позитивизм, так что и сама идея развития личности представлялась исключительно как развитие интеллекта, познавательных способностей ребенка. Отсюда триумф так называемого наглядного обучения, иронически воспринятого «Гражданином». В. В. Зеньковский назвал это направление «педагогическим натурализмом» в противовес «религиозно-педагогическому направлению» (между ними он выделял

промежуточный «педагогический идеализм» К. Д. Ушинского), которое не ограничивается развитием интеллекта, но стремится к целостному духовному формированию личности. Недалекость «натурализма», по Зеньковскому, определялась тем, «что тайна роста человека не может быть понята per se, что в нем и на нем сказывается постоянно действие наднатуральных сил добра и зла»[*]. Между тем популярный в России времен Достоевского немецкий педагог А. Дистервег настаивал на имманентном саморазвитии. В его «Руководстве…», ставшем катехизисом для русских учителей, безоговорочно утверждалось: «Исходи всегда из фактов! Пока не видишь фактов, ничего не говори»[**].

Русская школа второй половины XIX в., с одной стороны, испытала мощное секуляризующее воздействие либеральной педагогики, ставящей самоценность развития «на место незыблемых догм»[***], а с другой — подверглась неумелому реформированию со стороны государства.

Основной пафос так называемой «новой педагогики» — развивающее обучение — Достоевский не мог не разделять, но до известного предела[****]. Несомненно, близок был ему и исходный постулат педагогической антропологии К. Д. Ушинского: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях»[*****].

---

[*] *Зеньковский В. В.* Педагогика. М., 1996. С. 121, 150.

[**] *Дистервег А.* Руководство для немецких учителей. М., 1913. С. 203.

[***] *Вахтерев В. П.* Основы новой педагогики // Антология педагогической мысли России второй половины XIX — начала XX века. М., 1990. С. 522.

[****] В «Гражданине» наиболее активно выступал против «новых» педагогов И. Ю. Некрасов, чьи едкие заметки вызывали порой острую реакцию администрации и педагогической общественности. См.: <*Некрасов И. Ю.*> Последняя страничка. Из мира сельских школ во Владимирской губернии. — Другой факт из жизни сельской школы Владимирской губернии // *Гр.* 1873. 5 ноября. № 45. С. 1212–1213 (см. также примеч. к данным заметкам в «Указателе содержания…»); <*Некрасов И. Ю.*> Из Москвы // *Гр.* 1874. 11 марта. № 10. С. 286–289 (иронический рассказ о лекциях В. И. Водовозова).

[*****] *Ушинский К. Д.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. М.; Л., 1950. С. 23.

Вслед за Я.-А. Коменским Ушинский выстраивал педагогику как универсальную науку, изучающую весь спектр воспитывающих факторов, которые он делил на преднамеренные (школа, разного рода наставники) и непреднамеренные (природа, семья, общество, народ, религия). Последние оказывают наиболее сильное воздействие на формирование личности, но Ушинский склонялся к тому, чтобы воспитание «сделалось, сколь возможно, делом рациональным и сознательным»[*]. Ученики великого педагога еще более акцентировали рефлексию, рационалистическое начало (условно говоря, образование «головы», а не «сердца»), тем самым теряя зерна универсализма педагогической концепции Ушинского, придававшего, в частности, большое значение религиозному воспитанию.

Ученики Ушинского, ратуя за развивающее обучение, сделали ставку исключительно на естественнонаучный компонент образования. Сам Ушинский говорил о возможностях в этом аспекте как «гуманитарной» («классической»), так и «реальной» школы, хотя преимущество отдавал последней. В яростной борьбе «классиков» и «реалистов», имевшей несомненный политический подтекст, стирались нюансы и абсолютизировалась правота единственной точки зрения. Короче, то самое: «Ломай матерьял» (22: 148).

Некоторые нововведения либеральной педагогики были, несомненно, симпатичны редактору «Гражданина». Так, его проекту повести о сельском учителе, формирующем «среду» вокруг себя, была созвучна идея Н. А. Корфа о вовлечении родителей в педагогический процесс, в текущую жизнь школы. Эту идею воспитания родителей, окрестного населения Корф пытался реализовать в собственной педагогической деятельности еще до того, как об этом написал Достоевский. Однако в целом взгляды Корфа (в 1872 г. еще сотрудничавшего с «Гражданином») не устраивали редакцию, о чем свидетельствует рецензия на его книгу для чтения учащихся «Наш друг», написанная Е. А. Беловым (особенно сблизившимся

[*] Там же. С. 52.

тогда с Достоевским). Рецензия носила принципиальный характер: составитель книги обвинялся в «легкомысленном реализме»[*], рассчитывающем на исключительное значение естественнонаучных знаний для развития учеников. Рецензент заметил явное пренебрежение к «религиозному воспитанию, самому реальному вопросу в деле народного образования»[**]. В некоторых местах рецензии заметно редакторское вмешательство (особенно язвительный пассаж о «неудачной подделке под простонародную речь»[***], весьма узнаваемый в контексте известных высказываний Достоевского в 1860–1870-е гг. на эту тему).

Раздражение на современных шумных новаторов сохранилось у Достоевского и позднее. В декабрьском «Дневнике писателя» 1876 г., рассуждая о неясных, темных сторонах подростковой психологии, автор не удержался от резкого выпада: «…этот чрезвычайно интересный возраст вполне нуждается в особенном внимании столь занятых у нас педагогией педагогов…» (24: 59).

Чуть раньше, обсуждая щемящую тему детских самоубийств, автор «Дневника писателя» ставит свой, беспощадно-точный диагноз: «Наша молодежь так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл жизни. <…> А если бы и смогли и в силах еще были ей передать что-нибудь из правильных указаний в семье или в школе, то опять-таки и в семье и в школе (конечно, не без некоторых исключений) слишком уж стали к этому индифферентны за множеством иных, более практических и современно-интересных задач и целей» (24: 51).

«Главного-то шагу и не видят <…>, — возвращался Достоевский к той же мысли в публицистических набросках 1877 г. — Сущность в воспитании нравственного чувства» (27: 90).

---

[*] *Евгений Белов.* Критика и библиография. «Наш друг». Книга для чтения учащихся в школе и дома. Барона Н. А. Корфа // *Гр.* 1873. 30 июля. № 31. С. 863.

[**] Там же.

[***] Там же. С. 865.

* * *

Учитель из замышляемой Достоевским повести, несомненно, относился к «некоторым исключениям», для которых формирование христианских нравственных ценностей («высшего смысла жизни») было непременным условием воспитания *целостной* личности. Их тихие голоса трудно было расслышать рядом с форсированным вещанием «новых педагогов» («настоящие педагоги <…> безгласны»[*] — сказано было в упоминавшейся статье «Из мира нашей педагогики»). Замысел Достоевского, очевидно, должен был работать на педагогическую стратегию «Гражданина»: дать русским читателям возможность услышать эти тихие голоса, создать им, как бы сейчас сказали, информационную поддержку.

Такую задачу выполняла большая некрологическая статья ближайших соратников редактора А. Майкова и А. Порецкого «Петр Михайлович Цейдлер». На похоронах создателя Дома воспитания, а затем славной Поливановской школы учителей, замечают авторы, «не было <…> знаменитостей педагогического мира: покойный не любил разглагольствий о деле воспитания и образования, считая его делом не столько теории, сколько призвания…»[**].

В биографии Цейдлера авторы «Гражданина» отмечают факты, говорящие о том, что педагогика не была для него только профессией. Она была образом жизни: заботиться о детях и любить их для него было так же необходимо, как дышать. Волею судьбы по окончании университета Цейдлер семь лет служил чиновником, отдавая свободное время изучению психологии, анатомии и физиологии человека. В то же время «от ранней молодости», как отмечают Майков и Порецкий, он занимался частной педагогической благотворительностью — брал на воспитание «с улицы» «простых, безграмотных», иногда «падших» подростков, «к которым

---

[*] *Кн. В. Мещерский.* Из мира нашей педагогики // *Гр.* 1873. 26 февраля. № 9. С. 252–253.

[**] *Товарищи Цейдлера: А. Порецкий, А. Майков.* Петр Михайлович Цейдлер (Некролог) // *Гр.* 1873. 26 февраля. № 9. С. 258.

прилеплялся всею душою и которым старался, так сказать, передать свою душу»[*], — пока эта потребность не привела к перемене профессии. «Наконец в 1849 году открылось Цейдлеру давно втайне излюбленное им педагогическое поприще: Гр<игорий> Ив<анович> Фон-Дервиз <…> предложил ему место старшего надзирателя и преподавателя русского языка в гатчинском сиротском институте»[**]. Там-то, на протяжении десятилетия, развернулся в полную силу талант Цейдлера отдавать себя детям, в особенности несчастным «подкидышам» (в детстве, как рассказывают биографы, он и сам испытал на себе эту долю).

Очевидно, некоторые подробности жизни Цейдлера отразились в наброске Достоевского «Сюжеты для романов», где, как уже говорилось, имя Цейдлера возникает неоднократно. Мы имеем в виду прежде всего загадочную (а в упомянутом контексте вполне прозрачную) запись о «твердом и умиленном человеке» типа «генерала Гаса» (тоже великого частного благотворителя): «Чиновник. Подкидыши» (22: 146).

Удивление может вызвать одно хронологическое обстоятельство. Данный сюжет (забота героя о подкидышах), намечался Достоевским и раньше — например, в набросках 1870 г. к «Житию великого грешника» есть очень похожее соединение мотивов: «Кончает воспитательным домом у себя и Гасом становится» (9: 139). Одно из двух: или произошло случайное совпадение долго вынашиваемого замысла с реальной историей Цейдлера («Воспитательный дом у себя»), или эта история еще раньше, до 1873 г., была известна Достоевскому. Последнее более вероятно: редактор «Гражданина» был когда-то знаком с этим замечательным человеком, и именно в годы его «тайной» педагогической благотворительности. Впоследствии, 21 сентября 1859 г. М. М. Достоевский сообщал брату, что Майков и Цейдлер собираются навестить ссыльного писателя в Твери[***].

---

[*] Там же. С. 256.

[**] Там же.

[***] См.: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1935. С. 515, 560.

Не исключено, что Достоевский встречался с ним и позднее, в любом случае он имел возможность узнавать о старом знакомом через общих друзей — А. Н. Майкова и А. У. Порецкого.

И уж конечно ему было известно послание А. Н. Майкова «П. М. Цейдлеру», опубликованное в книге «Стихотворения Аполлона Майкова» (СПб., 1858, кн. 2), вошедшее затем в новое издание стихов поэта в 1872 г. и целиком перепечатанное в некрологе.

Приведем его и мы (в том виде, как оно процитировано в «Гражданине», с редакционным курсивом), поскольку, как представляется, это стихотворение сыграло значительную роль в формировании образа учителя в творческом замысле Достоевского. Интимная духовная связь, соединявшая Майкова с Достоевским, приблизила последнего к «тайне» личности «гасовского» масштаба*.

Вот он по гатчинскому саду
Идет с толпой учеников;
Вот он садится к водопаду
На мшистый камень, в тень дерев;
Вкруг дети жмутся молчаливо
К нему всё ближе. Очи их
Или потуплены стыдливо,
Иль слез полны, и сам он тих,
Но ликом светел. Он читает
В младых сердцах. Он их проник;
Один душой он понимает
Неуловимый их язык.

---

* Тема Ф. П. Гааза в творчестве писателя известна, но следует добавить, что подобного рода людей в России Достоевский не уставал отыскивать — см. нашу публикацию: *Викторович В. А.* Дополнения к реальному комментарию // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 13. СПб., 1996. С. 230–231. «Незаметность» такого рода людей парадоксально подтверждает сослуживец Цейдлера по Гатчинскому сиротскому институту, считавший, что Майков в своем послании идеализировал «заурядного школьного администратора» (*Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 175). Действительно, ни Гааз, ни Цейдлер не оставили после себя никакой «теории», но не это ценил Достоевский.

В сердцах, забитых от гоненья,
Ожесточенных в цвете лет,
Он вызвал слезы умиленья,
Он пролил в них надежды свет
И указуя в жизнь дорогу,
Он *человека идеал*
Пред ними долго, понемногу
И терпеливо раскрывал…
И вот открыл! — и ослепило
Его сиянье юный взгляд,
И дети с робостию милой
И с изумлением глядят.
И каждый сам в себя невольно
Ушел и плачет о себе.
И за прошедшее им больно —
И все готовятся к борьбе.
Ах, Цейдлер! в этом идеале
Ведь ты себя нарисовал;
Но только дети не узнали,
Да ты и сам того не знал![*]

Мы не исключаем, что стихотворение «участвовало» еще раньше в формировании замысла романа «Идиот»: беседа с детьми у водопада, чтение в детских сердцах и воздействие на них *собственным* светом воспитателя — весь этот «гатчинский» сюжет кажется сошедшим из майковского стихотворения прямо в «швейцарский» эпизод романа Достоевского.

В «гражданинской» статье о Цейдлере, как и в стихотворении Майкова (см. особенно редакционный курсив), подчеркивалось то качество, без которого не бывает истинного педагога, — *терпение* как жизненная энергия, дарованная человеку любящему: «…сами воспитанники очень долго не верили, чтоб действительно мог найтись человек, который серьезно и с любовью отнесся бы к судьбе их, и много нужно было Цейдлеру времени, чтобы заставить их поверить… С поступлением туда Цейдлера тотчас прекратились порки

[*] *Товарищи Цейдлера: А. Порецкий, А. Майков.* Петр Михайлович Цейдлер (Некролог) // *Гр.* 1873. 26 февраля. № 9. С. 256–257.

и отдачи в солдаты; мало-помалу поднялся нравственный строй юношества; учение пошло лучше; действуя на воспитанников и уроками, и частными беседами, в прогулках и за чтением, Цейдлер старался пробуждать в них потребность высшего образования…»[*]. Подобная трата душевных сил вызывала удивление коллег (среди них был, очевидно, и цитированный выше А. М. Скабичевский): «…большая часть сослуживцев П<етра> М<ихайловича> смотрела [на это] как на чудачество…»[**]. Достоевский в набросках «Сюжетов для романа» также акцентирует «странность» своего героя: «У нас считают жалование и стыдятся что-нибудь делать. Это чудак<?> <…>. Принялся серьезно и с призванием. <…> у них квартиры — расписаны часы, учение <?>. <…> Пожалуй, боится, что его засмеют. У нас это нельзя. Не так величественно» (22: 148).

Майков и Порецкий замечали, впрочем, что Цейдлер сам себе воспитал помощников и соратников: вокруг него еще в Гатчине образовалась группа единомышленников из бывших учеников, которые последовали за своим учителем в Дом воспитания, а затем и в Поливановскую земскую учительскую школу. Круг его помощников всё время расширялся, несмотря на то, что в указанных заведениях «жалованье учителям и воспитателям было гораздо ниже <…>, чем в учебных заведениях министерства народного просвещения…»[***]. Авторы некролога приводили слова самого Цейдлера: «“Приготовить народных учителей — дело нелегкое <…>. Учительство — не выучка. Учительство — апостолат <…>. А русский человек способен к этому апостолату”…»[****].

Эти слова, очевидно, особенно были дороги и близки Достоевскому, сближавшему роль учителя в обществе с ролью священника: и там, и там ключевым он считал вопрос о духовном авторитете. Образ Цейдлера и его учеников,

---

[*] Там же. С. 257.
[**] Там же.
[***] Там же.
[****] Там же. С. 258.

несомненно, был одним из важнейших слагаемых интересующего нас замысла повести об учителе.

Отмена порки, решительно проведенная Цейдлером еще в Гатчинском сиротском институте, вопреки сложившейся там традиции, заставляет вспомнить более ранний и также незавершенный замысел: статью Достоевского «Бов и Пирогов» (1861) о нашумевшем споре Н. А. Добролюбова с Н. И. Пироговым по поводу наказания розгами в школах. Пирогов вынужден был оставить в силе эту традицию под давлением самих же педагогов, которым казалось, что нельзя отказываться от такого сильнодействующего средства. Рассуждая о том, «чем заменить розги», и входя в положение Пирогова (практика, в отличие от Добролюбова-теоретика), Достоевский тогда сумел взглянуть в корень вопроса: «Когда сами педагоги исправятся, тогда и на мальчика будут действовать нравственно. Как исправиться? как это сделать? Да, как это сделать? Это похоже на то, что иному учителю, например, войти в класс нельзя: и смеются над ним и кидаются в него всякой всячиной. <…> как сделать, чтоб вас уважали?» (20: 162).

Возможно, что этот вопрос (особенно в его заключительной фазе) каким-то образом прозвучал бы и в повести 1873 г. об учителе. Цейдлер сумел разрешить его в практической плоскости. У его воспитанников не было к тому же отцов, на которых надеялся Добролюбов: они должны были, по замыслу публициста, воспротивиться методам педагогического насилия. Что касается сельского учителя из повести Достоевского, тот мог столкнуться с подобной традицией в самих же семьях учеников.

* * *

Опыт Цейдлера, пропагандируемый «Гражданином», глубинно резонировал общей образовательной стратегии Достоевского.

«Гражданин» в тогдашних спорах был на стороне классического образования. Его редактор заявлял: «В учебной реформе нынешнего царствования — чуть не вся наша будущность,

и мы знаем это» (21: 136). Сильные аргументы в пользу «классики» приводил московский обозреватель еженедельника (сам являвшийся педагогом). Против классических гимназий, писал он, «поднимается невежественная журнальная клика», которой однако «многие родители доверчиво внимают», а в результате образуется «антагонизм общественного большинства против классицизма»[*]. Характерно, что в этой ситуации «Гражданин» не встает однозначно на позицию М. Н. Каткова («Московских ведомостей»), но признает известную правоту его оппонента Н. П. Гилярова-Платонова, который с болью констатировал: «Громадное большинство общества не только не сочувствует классицизму, но напротив смотрит на него с положительным недружелюбием», так что при всей к нему симпатии очевидно, что «обстановка, в которой оно, классическое образование, утверждается, способна его ниспровергнуть»[**]. В сложившейся «обстановке» у правительства было два варианта проведения реформы: постепенное вживление «классики» и формирование благоприятного общественного климата либо жесткое административное внедрение силовым способом. Был избран второй путь, и с этим именно редактор «Гражданина» не мог согласиться. Позднее он назвал действия властей «насаждением образования» или, еще резче: «ввели дубиной» (27: 67, 45). В этом писатель оказался заодно с замечательным ученым, публицистом и земским деятелем князем А. И. Васильчиковым, который выступил против «самовластья» в деле образования, пророчески опасаясь, «чтобы за фанатизмом классицизма не последовала реакция реализма»[***] (что, собственно, и произошло).

Похожую историю «Гражданин» фиксировал в сфере начального народного образования, второй части проводимых реформ. Еженедельник внимательно следил за горячо разгоревшимся спором о способах обучения грамоте между

---

[*] *Москвич* <*Некрасов И. Ю.*> Московские заметки // *Гр.* 1873. 9 июля. № 28. С. 773.

[**] Москва. 2 июня // *Современные известия.* 1873. 3 июня.

[***] Письмо министру народного просвещения графу Толстому от князя А. Васильчикова. Berlin, 1875. С. 43.

«новаторами», сторонниками звукового метода, и «архаистами», придерживавшимися старого буквослагательного метода. Полемика обострилась, когда в нее вступил Л. Н. Толстой, усовершенствовавший «старое» (предложен был так называемый «слуховой способ»). «Гражданин» в лице А. У. Порецкого выступил против «тупой педагогической нетерпимости», сказавшейся в этих спорах: «Почему не допустить, наприм<ер>, что из двух одинаково способных мальчиков, одному дался бы легче и пришелся бы больше по душе звуковой метод, между тем жребий судил ему попасть под буквослагательный, а с другим мальчиком вышло совсем наоборот?»[*]. Как видим, и в этом вопросе руководимое Достоевским издание воспротивилось «циркулярности» современных педагогических нравов, на сей раз проявившейся в новаторском зуде по принципу: новое всегда хорошо, а старое всегда плохо.

Стоит отметить, что обозрению Порецкого в этом номере еженедельника предшествует рассказ С. Крапивиной «Сердечный метод», повествующий о житейской истории, в которой победу в воспитательном процессе одержал «сердечный метод» вникания в индивидуальные особенности воспитуемой личности. Перед нами характерный пример *творчества редактора*, когда компоновкой текстов достигается эффект резонанса: варьируется и тем самым усиливается некая общая идея, в данном случае защита естественной, соприродной педагогии, от всякого рода авторитарности, стремления «ломать материал». Еще через две недели в «Гражданине» будет напечатана обширная рецензия на публикацию «Русского вестника» «Общественное воспитание в Англии». Автор «Гражданина» обращает внимание на специфику знаменитой Гарройской школы близ Лондона, из стен которой вышли Байрон и Пальмерстон. «“Не меры, а люди” — таков принцип этой вековой школы», ответственность «перед всею Англиею» берет на себя воспитатель-директор, которого поддерживают родители, и никто со стороны не имеет права навязывать иной

[*] <*Порецкий А. У.*> Из текущей жизни // *Гр.* 1874. 18 февраля. № 7. С. 214.

устав[*]. Автор «Гражданина» переходит к наблюдениям над регламентированной со всех сторон русской школой и через сравнение с англичанами выявляет самый большой наш изъян: «Вся система английского воспитания есть ничто иное как дело *личностей*, а не учреждений; и у нас вы можете встретить такие *личности*: я видел в селе Иванове школу одного священника, где, могу вас уверить, сыновья мастеровых были физически и умственно развиты несравненно выше наших гимназистов; тогда как устав этой школы был крошечный, сравнительно с гимназическим. Дух наших школ — это дух наших чиновнических учреждений: не педагоги воспитывают, а чиновники, и из детей выходят не личности, а мумии чиновнические»[**].

В публикациях «Гражданина» на педагогические темы сказались в целом единство редакции по этим вопросам и в значительной степени руководящие идеи редактора, реализовавшего таким образом свой замысел повести об учителе — через совокупность газетных статей.

---

[*] *Павел Павлов* <*Вяземский П. П.*> Заметки досужего читателя // *Гр.* 1874. 4 марта. № 9. С. 272.

[**] Там же. С. 274.

Глава 7. Иностранные события

Осенью 1873 г. Достоевский, оставив «Дневник писателя» (он вернется к нему лишь в декабре, в последний уже раз), «впрягся» в новое «ярмо» — ведение еженедельной рубрики «Иностранные события». Тема кризиса европейской цивилизации появляется у него еще в начале шестидесятых годов, вылившись в язвительные и профетические «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863, журнал «Время»). Впоследствии, уже не туристом пожив в Европе, Достоевский вынашивает новый замысел, о котором сообщает Майкову из Женевы 16 (28) августа 1867 г.: «Много накопилось впечатлений. <…> материалу накопилось на целую статью об отношениях России к Европе…» (28_2: 205–206). Статья тогда так и не была написана*, однако оценка современных европейских событий проникла на страницы «Преступления и наказания», «Игрока», «Идиота», «Бесов». Один из собеседников Достоевского времени работы над романом «Преступление и наказание» был поражен «громадною эрудицией» его разъяснений «о Бисмарке, Наполеоне III, Франце-Иосифе и других вершителях судеб Европы»**. Обратим внимание на «личностный» аспект, занимавший писателя и запомнившийся мемуаристу.

В «Гражданине» по приходе в него Достоевского внешнеполитический отдел вел С. А. Николаевский. В первом номере журнала, подписанном новым редактором, «Политическое обозрение» было посвящено итогам 1872 года. Главнейшим из них обозреватель счел два третейских суда между США и Великобританией по военным и территориальным спорам (так называемые алабамский и сан-хуанский вопросы). С решением

---

* Приуготовительные материалы были недавно обнаружены, см.: *Тихомиров Б. Н.* Неизвестный набросок Достоевского к неосуществленному замыслу («Статьи об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15. СПб., 2000. С. 334–339.

** *Фон-Фохт Н.* К биографии Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 57.

независимых арбитров согласились обе стороны, что предотвратило эскалацию военных действий и способствовало становлению международного права. По этому поводу обозреватель припомнил проигравшего войну и свергнутого французского императора Наполеона III, который многократно призывал собрать конгресс для решения мирным путем спорных вопросов, однако сам решал их «только двумя способами: интригами и войной… Но эти самые способы, столь долго служившие ему, обратились под конец против него, и он пал жертвою их, как бы в очевидное исполнение тех вечных глаголов истины, из которых ни одна буква не была начертана вотще и не может пройти, не исполнившись»[*].

Смерть последнего французского монарха вызвала острую реакцию «Гражданина» — стихотворение Ф. И. Тютчева «Наполеон III»[**] и предшествующую ему статью В. П. Мещерского под тем же заглавием. Поэт в немногих словах выразил парадокс третьего Наполеона:

Но правды Божьей, неземной,
Неотразимый проповедник,
Ты миру доказал, ка́к шатко всё, в чем нет
Той правды внутренней! И доказал на деле…[***]

Этот парадокс по-своему, несколько отвлеченно интерпретировал В. П. Мещерский в том же номере «Гражданина» (очевидно, уже получив версию Тютчева и разрабатывая ее, в особенности акцентируя слово «внутренний»): «…в целом политическом строе империи Наполеона III не было того

---

[*] *С. Н. <Николаевский С. А.>* Политическое обозрение // *Гр.* 1873. 1 января. № 1. С. 8.

[**] См.: *Гр.* 1873. 8 января. № 2. С. 37.

[***] Там же. В списке, принадлежавшем И. С. Аксакову, несколько иначе читаются последние две строки: «Ты миру доказал на деле, / Как шатко всё, в чем этой правды нет» (*Тютчев Ф. И.* Полн. собр. стихотворений. 3-е изд. Л., 1987. С. 361 (Библиотека поэта. Большая серия)). Вероятно, в «Гражданин» поэт отдал первый вариант стихотворения, а затем его переработал.

внутреннего порядка, который происходит от подчинения известной ясно сознаваемой мысли. Наполеон III смутно думал, что всё держалось *какими-то* идеями, а сподвижники его знали, что идей никаких нет, а всё держится деньгами. <…> Наполеон III как император был именно тем, чем была его Франция: в нем недоставало внутреннего смысла всего того, что́ делалось и что́ делал он сам своим именем»[*].

Тему соотношения словесных заявлений политических деятелей и реальной политики поддержал в своих обозрениях С. А. Николаевский. Из речей президента США генерала Гранта, говорит обозреватель, следует, что «всё человечество должно признать над собой — для достижения <…> благ [цивилизации] — гегемонию Соединенных Штатов»[**], а между тем коррумпированность властей Нового Света достигла таких размеров, что, по словам одного европейского дипломата, «*весь конгресс купить можно*»[***]. Впрочем, и в могучей Пруссии, добавляет Николаевский, «размеры взяточничества и подкупов раскрыло недавно поднятое дело о концессиях железных дорог…»[****].

Образцом политического деятеля Николаевский считал французского президента Тьера с его идеей консервативной республики; публицист убеждал читателя, что объявленная монархистами «борьба против Тьера есть борьба против целой Франции…»[*****]. Симпатию к Тьеру и особенно к его европейскому авторитету разделял и Мещерский. Достоевский, напротив, называл республику Тьера «*отрицательной*» (21: 193), т. е. существующей лишь ввиду невменяемости других политических направлений, сам же Тьер представлялся ему

---

[*] *Кн. В. Мещерский*. Наполеон III // *Гр.* 1873. 8 января. № 2. С. 30.

[**] <*Николаевский С. А.*> Политическое обозрение // *Гр.* 1873. 5 марта. № 10. С. 289.

[***] Там же. С. 290.

[****] Там же.

[*****] Там же.

подчас либеральным краснобаем, смахивавшим на Степана Трофимовича Верховенского из «Бесов»[*].

Визит германского императора Вильгельма I в Россию «Гражданин» использовал, чтобы вернуться к вопросу о значении личности правителя. Мещерский написал апологию Вильгельму, которая напрашивалась на сравнение не только с зарубежными политиками: «…видеть монарха, который посреди самых обольстительных искушений власти и славы не изменяет *своему нравственному долгу* ни на йоту, — есть зрелище глубоко назидательное и высоко отрадное для всего человечества!»[**]. Высшее проявление этого достоинства Мещерский видит в способности Вильгельма подняться над своими симпатиями и антипатиями во имя интересов государства. «*Простить* таким деятелям и сотрудникам как Бисмарк и Молтке всё их величие и всю их популярность, сказать им: "*угождайте не мне, а отечеству*", — и всё это для того, чтобы после увидеть их даже выше себя во всем блеске бесконечной, никогда не виданной популярности, — для всего этого надо быть необыкновенною нравственною личностью и понимать чувство долга так, как не понимали его ни Людовики, ни Фридрихи, ни Наполеоны великие!»[***] Стоит отметить редакторскую композицию данного номера «Гражданина» от 16 апреля: после статьи о Вильгельме напечатана построенная уже на русском материале «Заметка» К. П. Победоносцева о «падении авторитета» власти, в данном случае губернаторской, по случаю утраты ею нравственного достоинства (см. подробнее в главе «Общество»). Позднее, говоря о политическом кризисе во Франции, Победоносцев укажет на его истоки: «Роковой день революции дал страшный урок монархам, урок, до сих пор не утративший всей своей силы: он показал,

---

[*] См., напр.: «Тьеру не дадут говорить (а он, наверно, уже приготовляет удивительную речь)» (21: 194).

[**] *К. В. М.* <*Мещерский В. П.*> Император Вильгельм // *Гр.* 1873. 16 апреля. № 15–16. С. 460.

[***] Там же. Кажется, в отношении Людовика XIV это обвинение не вполне справедливо.

как рушится власть, утратившая веру в свое призвание и вместе с верою утратившая свежесть сил и безграничную способность к обновлению. Он показал, что власть сама в себе разлагается с той минуты, как начинает отделять свою личность от *бремени правления*, сливая ее с одним *блеском правления*, и что вместе с тем начинает разлагаться народная вера во власть»[*]. В выступлениях подобного рода (продолженных затем иностранными обозрениями самого Достоевского) «Гражданин» самочинно брал на себя роль «учителя у трона».

Весною 1873 г. Николаевский печатает свое последнее «Политическое обозрение» (23 апреля), а рядом «Венские заметки» (16 и 23 апреля), где сообщает свои наблюдения над становлением буржуазной цивилизации, истребляющей «добрые нравы старины». Меркантильный дух времени и чересчур резкий, неподготовленный переход от «строго абсолютивной монархической державы» к «либерально-конституционной» сделали Австрию, по мнению консервативного публициста, легкой добычей денежного мешка, «царства Израиля»[**]. Одна власть уступила место другой, и за видимым прогрессом «демократии» и финансов публицист предлагает увидеть начало упадка нравственного. К этой теме вернется и внесет некоторые коррективы в своих обозрениях Достоевский на примере уже Италии, жители которой «смотрят теперь хотя и безмерно уменьшенным взглядом на судьбы свои, но зато позитивно и материально и, несмотря на прозаичность занятия, неуклонно хлопочут устроить свое будущее мещанское счастье под знаменем Италии, соединенной во единое конституционное королевство. Очень может быть, что они избрали благую часть. Тут всё зависит от народного гения и во сколько он сам ценит и сознает себя» (21: 192–193). Ход национальной истории объяснен здесь характером народной личности, какой она сло-

---

[*] *Z. Z.* <*Победоносцев К. П.*> Франция (Взгляд на теперешнее ее состояние) // *Гр.* 1873. 27 августа. № 35. С. 940.

[**] *С. Н.* <*Николаевский С. А.*> Венские заметки (из портфеля туриста). (Окончание.) V–X // *Гр.* 1873. 23 апреля. № 17. С. 511, 513.

жилась на момент данного события, что вносит существенные уточнения в само понятие «дух времени», которым оперирует Николаевский, да и «Гражданин» вообще.

* * *

С апреля до сентября 1873 г. внешнеполитический курс «Гражданина» определяет К. П. Победоносцев. Будучи известным законоведом и крупным государственным деятелем (член Государственного совета с 1872 г.), Победоносцев, вовлеченный в интенсивную публицистическую деятельность Мещерским и более всего Достоевским, публиковал свои статьи в «Гражданине» в строгой секретности, скрывшись за псевдонимами. Однако силу и энергию мысли, своеобычность литературного стиля скрыть невозможно. Статьи Победоносцева о современном положении дел в Германии, Англии, Франции, Испании вывели «Гражданин» на передовую общественной борьбы, поставив рядом с «Московскими ведомостями». Суждения Победоносцева, исполненные профетизма, но более осторожные и взвешенные, нежели у темпераментного М. Н. Каткова, редактора и публициста «Московских ведомостей» (чьи статьи Достоевский очень ценил), стремятся к осмыслению историософских и ментальных корней происходящих в мире событий.

Статьи Победоносцева в «Гражданине» Достоевского о европейских делах объединяет обеспокоенность происходящим в западной цивилизации процессом падения христианских ценностей. Он пишет серию статей о событиях так называемого Культуркампфа в Германии, когда столкнулись в непримиримой схватке набирающая обороты прусская государственная машина и стремящаяся к земному владычеству римско-католическая церковь. Имперские заботы Бисмарка были обоснованы эпохальной идеей объединения нации, однако великий политик перешел красную черту, за которой сегодняшнее могущество грозило обернуться завтрашним крушением. «Как бы ни была громадна власть государственная, — утверждал автор “Гражданина”, — она утверждается

не на ином чём, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого, на вере основанного, сознания»[*]. Бисмарк видел в католической церкви лишь политического противника (к чему она сама давала немалый повод) и пренебрег тем, что церковь по природе своей — «союз богоучрежденный», служащий «глубочайшей потребности души человеческой — потребности верования и единения в вере»[**]. Бисмарк, впрочем, исходил не только из политических интересов — в основании его концепции лежала захватившая западный мир идея разделения церкви и государства. Эта идея представляется Победоносцеву продолжением более широкого позитивистского представления «жизнь сама по себе, а вера сама по себе», что для него равносильно «решительному уничтожению бытия»[***].

Разделение, переходящее в борьбу государства и церкви, захватывало всё новые территории (кроме Германии «Гражданин» фиксирует нечто подобное в Австрии, Италии), и Победоносцев в своих прогнозах не знает компромисса: «Состояние, во всяком случае, ненормальное, которое должно привести или к действительному преобладанию церкви над преобладающим, по-видимому, государством, или к революции»[****]. Все последующие его статьи о развитии ситуации в Германии только обосновывали и усиливали изложенную в цитированной статье позицию. К ней безусловно присоединился и Достоевский, следующим образом рекомендуя читателям одну из статей указанного цикла: «…статья нашего сотрудника касается именно того главного, основного пункта, на котором в наше время как бы колеблется вся политическая будущность Европы. <…> Князь Бисмарк, конечно не вполне про то ведая,

---

[*] **<*Победоносцев К. П.*> Церковь и государство // *Гр.* 1873. 23 апреля. № 17. С. 498.

[**] Там же.

[***] Там же.

[****] ** <*Победоносцев К. П.*> Церковь и государство. III // *Гр.* 1873. 7 мая. № 19. С. 565.

как бы подает <…> руку свою *новым людям*, атеистам и социалистам» (21: 191–192). Прусское правительство, писал, в свою очередь, рекомендуемый Достоевским автор, своим попустительством «духу времени» вводит свой народ в «великий соблазн», которым, несомненно, воспользуются и «черная» (папская) и «красная Интернационалка»[*].

С 30 июля до 24 сентября 1873 г. Победоносцев публикует серию статей под общим названием «Русские листки из-за границы». В первой же статье он характеризует ситуацию, сложившуюся в Европе после Великой французской революции, как эпоху величайшего обмана: «…объявили нам, что 19-е столетие есть век просвещения и свободы во всем: многие простаки так и поверили, не умея различить равнодушия к вере от терпимости в веровании. И вот, доходит уже иной раз до того, что простому человеку — негде места найти с своею простою верой. А на горизонте виднеется туча, от которой страшно становится, потому что мы не видывали ее прежде. Это — фанатизм *безверия* и *отрицания*. Это — отрицание Бога, не простое, но соединенное с безумною *ненавистью* к Богу и ко всему, что в Бога верует. Дай Бог никому не дожить до той поры, когда фанатизм этого рода войдет в силу и получит власть — вязать и решить совесть человеческую»[**]. В своих «листках» Победоносцев между тем показывает, как медленно, но верно движется обезбоживание западного мира: от гражданского брака к таким же похоронам, от церкви народной к церкви сословной и безнадежно забюрократизированной. Подробно рассматривая роль протестантизма, публицист отдает должное его историческому «достоинству»: «Пуританский дух создал нынешнюю Британию. Протестантское начало привело Германию к силе, к дисциплине

---

[*] *Z. Z. <Победоносцев К. П.>* Борьба государства с церковью в Германии // *Гр.* 1873. 20 августа. № 34. С. 917.

[**] *В. <Победоносцев К. П.>* Русские листки из-за границы. I. Лионские гражданские похороны. II. В протестантских храмах // *Гр.* 1873. 30 июля. № 31. С. 849.

и к единству»[*]. Однако у побед есть «оборотная сторона»: «гордое поклонение своей правде», а отсюда «опасность впасть в лицемерие и фарисейскую гордость»[**]. Особенно внимательно автор присматривается к происходящему в Англии, где нововведенная «*свобода личного мнения о вере*» привела к распадению господствующей церкви на «разные толки и учения»[***], некоторые из которых Победоносцев колоритно описывает (ирвингиты, гласситы, методисты). В этом контексте естественным было появление пошедших еще дальше «последователей так называемой натуральной, философской религии» — деистов и унитариев[****], а затем, в крайней точке распада, — «религии *человечества*», то есть «*веры без Бога*»[*****]. Нельзя не отметить, что главный посыл «религии человечества» Достоевский вскоре воспроизведет с большой художественной силой в романе «Подросток» в футурологическом видении Версилова (см.: 13: 378–379), а затем в «Дневнике писателя» 1876 года, сославшись на «одного наблюдателя», — не названного по имени того же К. П. Победоносцева (22: 96–98).

Перспектива совершающегося на наших глазах гуманитарного «прогресса», говорит автор «Гражданина», весьма плачевна: «Наши реформаторы, воспитавшись сами в кругу тех представлений, понятий и ощущений, которые отрицают, не в состоянии представить себе ту страшную пустоту, которую окажет нравственный мир, когда эти понятия будут из него изгнаны»[******]. Пророчества Победоносцева не могли не

---

[*] *В. <Победоносцев К. П.>* Русские листки из-за границы. IV. К вопросу о воссоединении церквей // *Гр.* 1873. 13 августа. № 33. С. 896.

[**] Там же.

[***] *В. <Победоносцев К. П.>* Русские листки из-за границы. V. Противоречия в англиканской церкви // *Гр.* 1873. 20 августа. № 34. С. 923.

[****] *В. <Победоносцев К. П.>* Русские листки из-за границы. VI. Ирвингиты в Лондоне. VII. Деисты и унитарии в Лондоне // *Гр.* 1873. 27 августа. № 35. С. 951.

[*****] *В. <Победоносцев К. П.>* Русские листки из-за границы. IX. Новая вера и новые браки // *Гр.* 1873. 24 сентября. № 39. С. 1047.

[******] Там же. С. 1049.

отозваться в столь же нелегких думах Достоевского о судьбах современной цивилизации. Цивилисту Победоносцеву особенно страшно было предположить, что произойдет с обществом и государством, когда испарится в сознании людей представление о «живой душе, единой и бессмертной, следовательно, имеющей *безусловное бытие*»: «во что превратится законодательство наше, правительство наше и наша общественная жизнь?»[*]. Автор, впрочем, надеется, что эти «новые горизонты» отрицания безусловных фундаментальных ценностей «никогда не откроются для человечества»[**]. Его надежду питает уверенность, что русская православная церковь, несмотря на собственные нестроения, сохранит свое значение «всенародной церкви»[***] и устоит под натиском деструктивных веяний эпохи.

* * *

12 (24) мая 1873 г. во Франции произошел так называемый монархический переворот, сделавший президентом республики маршала Мак-Магона. Оценку этому событию в «Гражданине» поначалу дал В. П. Мещерский: она была довольно поверхностна и в своей позитивной программе сводилась ко всегдашнему сетованию князя о дефиците «людей дела» в консервативных партиях «порядка»[****].

Победоносцев в краткой, но внушительной статье «Франция (Взгляд на теперешнее ее состояние)» в свою очередь проанализировал последствия майского переворота. Главный урок постигшего Францию политического кризиса, утверждал Победоносцев, «учит, что первое и самое существенное благо для народа — прочность царствующей династии и соединенная с нею твердость законного правительства», на этом

---

[*] Там же.

[**] Там же.

[***] *В. <Победоносцев К. П.>* Русские листки из-за границы. III. Вестминстерское аббатство // *Гр.* 1873. 6 августа. № 32. С. 872.

[****] *<Мещерский В. П.>* Франция // *Гр.* 1873. 21 мая. № 21. С. 608, 603.

основном благе «держатся все прочие»[*]. Такова принципиальная для ученого и публициста-государственника идея, которую он последовательно проводит и в других своих выступлениях в «Гражданине». Когда утрачена «тайна законной власти», начинается без-властие, анархия, которая во Франции приняла форму нескончаемой «борьбы партий»[**]. При этом Победоносцев делает важное наблюдение, от которого затем будет отправляться Достоевский: «Замечательнее всего, что в этой политической игре, которую ведут между собою партии, хотя всё делается именем народа, до народа, в сущности, никому дела нет»[***].

Победоносцеву принадлежит еще одна руководящая статья, горячо поддержанная Достоевским в редакционном примечании, — о кризисе власти в республиканской Испании. Публицист высказывает основополагающую аксиому консерватизма, не обязательно привязанного к монархизму: «Конституционное правление, основанное на обсуждении и совещании, предполагает всегда (чего не признают доктринеры конституционности) установившуюся дисциплину мысли и порядка в обсуждении. Ничего похожего на такую дисциплину не бывало в Испании»[****]. Победоносцев произнес ключевое и для себя, и для «Гражданина» слово: *дисциплина*. Его вскоре подхватит Достоевский, заговорив в обозрении «Иностранные события» от 24 сентября 1873 г. о действиях испанского правительства Кастеляра: «…восстановлен военный закон, то есть смертная казнь за преступления против дисциплины, но всё это, надо полагать, пребывает более, так сказать, на бумаге; да и не так скоро восстановляется совершенно упавшая дисциплина» (21: 190).

---

[*] *Z. Z. <Победоносцев К. П.>* Франция (Взгляд на теперешнее ее состояние) // *Гр.* 1873. 27 августа. № 35. С. 940.

[**] Там же. С. 941.

[***] Там же.

[****] *Z. Z. <Победоносцев К. П.>* Испания // *Гр.* 1873. 10 сентября. № 37. С. 991.

О значении дисциплины в общественно-государственном устройстве «Гражданин» говорил неоднократно и в материалах о российской жизни. Дисциплина понималась как форма проявления внутренней *свободы* личности, так что консерватизм Достоевского и его соратников по журналу можно было бы назвать либеральным в том смысле, в каком соединил эти вроде бы несоединимые термины П. А. Вяземский, характеризуя политические воззрения Пушкина[*]. Особенно остро вопрос о соотношении личной свободы и дисциплины встал при обсуждении военной реформы. Вступая в полемику с оппонентами, Достоевский 11 марта 1874 г. печатает статью В. П. Мещерского «Нечто о дисциплине. Ответ либеральной газетке». Автор статьи подвел разговор к самому принципиальному пункту: что такое нравственное достоинство личности и противоречит ли ему безропотное подчинение строгой, в частности, армейской дисциплине. «Тут совсем не рабство, — утверждает автор, — совсем не подленькая личная угодливость человека, желающего что-нибудь выпросить, что-нибудь выиграть: тут лишь закон, лишь дисциплина, т. е. самопожертвование для общего дела. <…> от исполнения им этих обязанностей происходит благо для других, и он всё более и более перестает жить *для себя,* и всё более и более роднится с потребностью жить *для других*»[**]. Мы видим, как статьи о европейских событиях особым образом резонировали в «Гражданине» обсуждению внутрироссийских проблем.

В черновой тетради редактор сформулировал, по существу, стратегию издания: «Я не удивляюсь, что самые жгучие вопросы смахивают на испанские дела, об России как об Испании»

---

[*] «На политическом поприще, если оно открылось бы пред ним, он, без сомнения, был бы либеральным консерватором, а не разрушающим либералом» (*Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 80). Само понятие либерального консерватизма, актуального и ныне, иногда возводят к идеям Ф. Гизо (см., напр.: *Матвеев С. Р.* Либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М., 2015).

[**] *N.* <*Мещерский В. П.*> Нечто о дисциплине. Ответ либеральной газетке // *Гр.* 1874. 11 марта. № 10. С. 280.

(21: 256). Достоевский, вслед за Победоносцевым говоря об «испанских делах», когда высвобождение деструктивных сил и анемия власти привели к национальной катастрофе, думал и о России.

* * *

Задав направление внешнеполитическому курсу «Гражданина», Победоносцев не имел возможности систематически развивать его, то есть отдаться журналистике и вести еженедельную хронику стремительно растущего политического кризиса во Франции и Испании, необратимо разворачивающегося противостояния государства и церкви в Германии. Уже летом Достоевский почувствовал, что планка, поднятая Победоносцевым, может упасть. Он со страхом и трепетом пишет жене 26 июля 1873 г.: «…всю неделю буду писать политическую статью. Я дал слово Мещерскому; между тем никогда в жизни не писал политических статей. Газет надо перечесть десятками» (29_1: 284–285). Груз ответственности сказался, очевидно, в том, что редактор в тот момент так и не решился. Первая его статья в новой рубрике «Иностранные события»* появилась лишь 17 сентября.

Всего вплоть до 7 января 1874 г. Достоевский опубликовал двенадцать обозрений**. Получился дневник европейских событий, на глазах читателей превращающийся в аналитическое толкование современной злобы дня с точки зрения всемирной истории и судеб цивилизации. Рассматривание мелких деталей текущей политики приводит автора к глобальным обобщениям. Он называет себя «репортером настоящей минуты»,

---

* Переименование («Иностранные события» вместо прежнего «Политического обозрения») вело к бóльшей терминологической точности ввиду расширявшегося значения слова «политический».

** Серьезных исследований на эту тему немного: *Drouilly J.* Introduction // Dostoievski et l'Europe en 1873. Ottawa, 1969. P. 3–36; *Рабинович М. Б.* [Комментарий] // 21: 477–503; *Отливанчик А. В.* Иностранные события [обозрение Ф. М. Достоевского] // Достоевский: Сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб., 2008. С. 214–217.

но при этом «ставящим вопросы» ни больше ни меньше как «о жизни и смерти всего европейского человечества» (21: 236).

Первый выпуск обозрения (17 сентября 1873 г.) Достоевский почти целиком посвятил текущим событиям во Франции, которые «дошли до высшей точки своего напряжения» (21: 180). Победа монархического большинства над республиканским меньшинством в Национальном собрании представляется обозревателю «насильственным переворотом», не имеющим под собою реального основания в виде поддержки нации. Легитимистов разумный консерватор Достоевский называет «людьми, радикально и уже целый век (со времени вызревания Великой французской революции. — *В. В.*), например, не понимающими своего положения» (21: 181). Об этом свидетельствовала недальновидность победителей: «Началось тогда, как и всегда у легитимистов и клерикалов, с полного презрения к общественному мнению: притеснение печати, сборищ, преследования…» (21: 181). Выдвигаемый правыми силами на роль короля граф Шамбор* лишь в речах своих предан интересам нации, на самом же деле он только человек партии: «Но до Франции какое ему дело?» (21: 185). Беда стране, где власть существует ради власти (всплывает большая тема «Гражданина», подспудно развивающаяся и во внешних, и во внутренних обозрениях), — и вот уже Достоевский рисует картину мечтаемого претендентом возвращения во Францию как «возвращения благодетельного помещика в свою деревню» (21: 185). Достоевский позволяет себе еще одно едкое замечание, явно выходящее за рамки французских обстоятельств:

---

* Достоевский называет его Шамборским вслед за Победоносцевым и вопреки общепринятым правилам (что вызвало насмешки, см.: *W. <Вильде В. Г.?>* Литература и жизнь // *Голос*. 1873. 11 октября). Возможно, некоторая русификация имени претендента на французский престол отдаленно намекала на отечественные обстоятельства отношений власти и народа. В. Ф. Пуцыкович, когда Достоевский окончательно передал ему рубрику «Иностранные события» (с № 4 за 1874 г.), вернулся к более корректному «Шамбор». Да и сам Достоевский в «Дневнике писателя» 1876 г. говорит: «граф Шамбор» (22: 92).

«Нет ничего труднее, как *подобному* наследственному королю узнать свою нацию. Там, где приверженцы короля обращаются в партию, там такой король, с самого дня своего рождения до дня своей смерти, видит лишь людей своей партии, и хоть и слышит о людях иных партий, но наверно считает их только за поврежденных умом» (21: 183–184). Проглядывает в этих словах Достоевского «тайнопись» в пользу притесняемых людей «русской партии», группировавшихся тогда вокруг наследника престола и выдвигавших схожие претензии к существующей власти: незнание России и нежелание слышать инакомыслящих.

Не обойдены обозревателем и временные союзники легитимистов, чье политическое лицо обрисовано немногими, но выразительными штрихами: «…а затем явились уже совершенно обозленные и остервенившиеся бонапартисты» (21: 187). Впрочем, и проигравшая оппозиция выглядит на этой картинке не лучше: «Республиканцы всех оттенков тоже ждут сделать свой главный удар и заявить себя; не умеют, по обыкновению, но сильно ждут» (21: 187).

Между тем на первую позицию борьбы за власть уже выступил маршал Мак-Магон, и сарказм обозревателя прорывается в ехидном предположении: не потому ли его охотно награждают эпитетами «честный», «старый», «храбрый», «чтоб избежать слова “умный”» (21: 186). И «немного надо знания психологии» (вновь переходит обозреватель «на личность»), чтобы догадаться: «как бы ни был маршал Мак-Магон храбр и честен, тем не менее ничего нет противнее для него в настоящее мгновение, как эти эпитеты…» (21: 186). Достоевский, политик и психолог, точно предугадал: «храбрый и честный солдат» не удовольствуется отводимой ему второстепенной ролью и не устоит пред сладким бременем власти.

Показной патриотизм и скрытое за ним подлинное презрение к национальным интересам — таков нарисованный Достоевским портрет действующих во Франции парламентских партий и их лидеров. Сама по себе партийность оказывается лишь формой политического и иного своекорыстия. Власть

что монархическая, что республиканская потеряла доверие народа и ничуть не озабочена «мнением народным»*. Такова мысль, заявленная в первом выпуске «Иностранных событий» Достоевского и разрабатываемая в последующих. Занятая им позиция позволит обозревателю позднее (22 октября 1873 г.) вскрыть действительный смысл нашумевшего процесса над маршалом Базеном: он изменил отечеству «из-за интересов своей партии», но судят его теперь такие же «люди партии» (21: 213, 216) — иного в сфере большой политики, увы, не наблюдается.

Во втором обозрении (24 сентября 1873 г.) по поводу гражданской войны в Испании Достоевский высказывает еще одно капитальное предположение о тайных пружинах национальной катастрофы: «На юге Испании разбойничают коммунисты, на севере — клерикалы. Некоторые экономисты убеждены, что такая разнохарактерность мятежа произошла оттого, что на севере земля раздроблена между огромным количеством мелких собственников (оттого консерватизм, Дон Карлос). Юг же страны состоит почти весь из крупной земельной собственности, а народ почти совсем лишен земельного надела — оттого пролетариат, коммунизм, желание захватить собственность силой и поделить ее меж собою» (21: 191). Причины гибельного поворота событий Достоевский вновь ищет в положении народной массы, в данном случае в обеспеченности крестьянина землей. Проблема, заставляющая нас вернуться к записи редактора, что наши собственные «самые жгучие вопросы смахивают на испанские дела» (21: 256). Над Россией уже был занесен тот же самый меч: обезземеливание крестьянства, поскольку реформа не смогла решить главный вопрос — о справедливом землевладении (см. главу «Народ»).

В третьем выпуске «Иностранных событий» (1 октября 1873 г.) Достоевский не исключает для Франции воцарения

* «Пушкин: <…> Но знаешь ли чем сильны мы, Басманов? / Не войском, нет, не польскою помогой, / А мнением; да! мнением народным» (Пушкин А. С. «Борис Годунов», сцена «Ставка»).

графа Шамбора (он лично ему даже симпатичен неуступчивой верностью своим принципам, впоследствии писатель сравнит его с «величавым» и «смешным» Дон-Кихотом — 22: 92), но убежден, что таковое может случиться лишь «на несколько дней» (21: 194). Причина всё та же: неустранимый разлад с народом пусть даже личностно «хорошего» царя. По этой же причине обозреватель не видит никакой перспективы и для оппозиции, несмотря на «ловкость» «умного Гамбетты»: «Но республике все-таки нельзя существовать более, ибо от нее во Франции, кажется, все устали» (21: 194, 193). Достоевский берется сформулировать это «всеобщее» ожидание, т. е. настроение народа: «усталая Франция, жаждущая порядка во что бы ни стало» (21: 193).

Четвертый выпуск «Иностранных событий» (8 октября 1873 г.) был, пожалуй, кульминационным и прорывным. Убеждение Шамбора как претендента на французский престол, «что власть его есть законная власть», Достоевский называет «фантастическим» по очень простой, но неведомой легитимистам причине: «Не в том дело, что сам король будет уверен в законности своей власти, а в том, чтобы все французы тому поверили» (21: 199). В пример приводится недавний крах Наполеона III, причину коего Достоевский видит в том, что тот во имя искусственного упрочения своей власти «принужден был начинать множество деяний, клонившихся не к счастью Франции, а единственно лишь к упрочению дома Наполеонов» (21: 200), и, заключает обозреватель, потому так и не смогли поверить французы в устойчивость его власти. Следующий затем пассаж не мог не навеять ассоциации с русскими делами: «Король, видя веру в него своих подданных, не может же не верить им сам. Тогда, не подозревая ни заговоров, ни ухищрений против себя, он дал бы все свободы своим подданным — свободу прессы, сходок, внутреннего управления, свободу жизни…» (21: 200). Обозреватель перебирает знакомые уже нам струны, которые звучали негромко, но довольно настойчиво во «внутренних» публикациях «Гражданина». В то же время мы здесь уже видим, как

Достоевский движется к формуле последней своей записной тетради: «Я, как и Пушкин, слуга царю, потому что дети его, народ его не погнушаются слугой царевым. Еще больше буду слуга ему, когда он действительно поверит, что народ ему дети. Что-то очень уж долго не верит» (27: 86).

Ошибка легитимистов, по убеждению Достоевского, в том, что они не хотят замечать «вкоренившееся во Франции предубеждение против древней монархии», «столетнюю от нее отвычку»* и упрочившиеся за это время «совсем новые привычки», а среди них самое главное: «*черный* народ, даже совсем и забывший про древнюю монархию» (21: 200). Трон, даже и «окруженный послушными штыками», не устоит, уверен Достоевский, если власть не сможет предложить этому народу «новое слово, которое действительно имело бы силу вступить в бой с злым духом целого столетия несогласий, анархии и бесцельных французских революций» (21: 201). Достоевский здесь выходит на тему, начатую Победоносцевым, и идет гораздо дальше в своих предположениях: «злой дух» социальной революции, подкрепленный страстной «антихристианской верой», видится ему столь могучим, что победа его неотвратима. На стороне новой веры «люди самой высшей интеллигенции», но решит дело тот факт, что «веруют в нее тоже все “малые и сирые”, трудящиеся и обремененные, уставшие ожидать царства Христова; все отверженные от благ земных, все неимущие…» (21: 201).

Достоевский полагает, что именно «на французской почве суждено совершиться первым битвам грядущего страшного нового общества против старого порядка вещей», и не наивному Шамбору противостоять «грядущему антихристу»: «Тут и пророка Божия мало, не только графа Шамборского. И пророк избиен будет. Новый дух придет, новое общество *несомненно* восторжествует — как *единственное* несущее

* «Воротынский: <…> Народ отвык в нас видеть древню отрасль / Воинственных властителей своих» (Пушкин А. С. «Борис Годунов», сцена 1: «Кремлевские палаты»).

новую, положительную идею, как единственный предназначенный всей Европе исход. В этом не может быть никакого сомнения. Мир спасется уже после посещения его злым духом… А злой дух близко: наши дети, может быть, узрят его…» (21: 204). Потрясающие слова пророка, грянувшие как гром небесный со страниц газетного обозрения![*] Заметим при этом такую особенность профетизма Достоевского, как прогрессирующее расширение диапазона: «французская почва» — «вся Европа» — «мир». В отличие от Победоносцева, чьи злые предчувствия остановились перед церковной оградой русского православия, Достоевский не останавливается, хотя можно было бы припомнить символ его веры, восемь с половиной месяцев назад выраженный на страницах «Гражданина»: «Очнется Влас и возьмется за дело Божие», пусть даже «в последний момент» (21: 41). В захватившем его предвидении о «наших детях» писатель как будто опровергал самого себя; противоречие, как нам представляется, мнимое: Достоевский, как и Победоносцев (тогда), не терял надежды, и «последний момент» для очнувшихся власов можно истолковать в том же ключе, что «мир спасется уже после посещения его злым духом» (21: 204).

Через месяц в «Иностранных событиях» от 5 ноября 1873 г. Достоевский напишет о распространении по Европе «французского учения — коммунизма» и в этом контексте попутно и как бы невзначай вспомнит о России: ее, «чуть не с самого начала столетия, принято считать у европейских умников за грозный колосс на глиняных ногах (тогда как в сущности, если

---

[*] Эти прогнозы вызвали противоположные чувства читателей: крайнее недоумение одних и глубокое потрясение других. См.: *Тимофеева В. В.* (*Починковская О.*) Год работы с знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 180–181 (в комментариях неверно отнесено к другому выступлению «Гражданина». — Там же. С. 517); *Штакеншнейдер Е. А.* О Достоевском // Там же. С. 371. Фельетонисты же не преминули поиронизировать над «мистицизмом» Достоевского (см.: *Голос*. 1873. 11 октября; *Санкт-Петербургские ведомости*. 1873. 14 октября и 1874. 5 января) либо просто не поняли его («реверансы перед графом Шамбором» — *Дело*. 1873. № 12. Отд. II. С. 102).

у нас что особенно здорово и цело, то это именно основание, то есть народ, на котором испокон веку утверждалась и будет утверждаться Россия)» (21: 223).

Судя по всему, Достоевский не верил (не хотел верить) тогда, что первою и главною жертвою «злого духа» будет именно Россия. Для этого у него были основания (еще не иссякшая «вера народная» в православного царя-батюшку), впоследствии порушенные ходом истории, предопределенным не в последнюю очередь поведением ее творцов*. Разбор европейских событий как раз и позволял показать, при каких условиях катастрофа станет неминуемой. Разлад власти и народа, отсутствие у первой «нового слова», способного противостоять антихристианскому «злому духу», — всё это угрожало не только Европе (как оказалось, России еще в бóльшей степени). Обозрение иностранных событий давало Достоевскому возможность поставить русские события в контекст творящейся на глазах мировой истории и тем самым разглядеть как «начала», так и «концы».

«Начала» редактор-обозреватель предлагает, вслед за публикациями К. П. Победоносцева, увидеть в христианской закваске европейской цивилизации. Уходя от этих начал, предавая их во имя «новой веры» в обезбоженную социальную справедливость, цивилизация саморазрушается. Об этом своем убеждении Достоевский писал Страхову еще из Европы 18 (30) мая 1871 г.: «…на Западе Христа потеряли (по вине католицизма), и оттого Запад падает, единственно оттого. Идеал переменился, и — как это ясно!» (29_1: 214).

О религиозных корнях современных европейских событий Достоевский заговаривает, пока не акцентируя на них внимания, уже в первом выпуске «Иностранных событий» («Старая Франция <…> *жила* католическою идеею» — 21: 184). О «возможности возрождения католической идеи» (21: 190) бегло сказано во втором выпуске. В третьем выпуске (1 октя-

* Особенно во время первой русской революции, рокового пролога теперь уже необратимой катастрофы.

бря 1873 г.), как уже говорилось, в связи с параллельной публикацией Победоносцева Достоевский заявляет данную тему как «главный пункт», от которого зависит «будущность Европы»: «Тут не только борьба римского католичества и римской идеи всемирного владычества, которая умереть не хочет, не может и умрет разве с кончиною мира, — но, в зародыше, и борьба веры с атеизмом…» (21: 191–192). Развивая этот «пункт» в следующем и, как мы его определили, кульминационном обозрении от 8 октября 1873 г., Достоевский рядом с натиском «новой антихристианской веры» ставит и «*последнюю* попытку римского католичества» вернуть земную власть, но теперь уже не при помощи ослабевших или отвернувшихся «высших мира сего», как бывало, а через обращение к народу, к которому папа выйдет «пеш и бос, нищ и наг, с армией двадцати тысяч бойцов иезуитов, искусившихся в уловлении душ человеческих» (21: 201–202). Достоевский верно уловил движение католической церкви в сторону значительной демократизации, хотя она и не послужила возвращению земного владычества папы. В этом последнем прогноз писателя не оправдался.

Впрочем, и повсеместное поражение католической церкви в Европе ничуть не радует обозревателя, поскольку оно влечет за собою «религиозные смуты». В итоге же вновь надвигается вопрос о «жизни и смерти самой религии в Европе» (21: 243). Ставя его, Достоевский замечает, что религиозные корни современных событий пока еще сохраняют свою силу. Эти корни объясняют ему сокрытые причины недавней франко-прусской войны и нынешнее обострение отношений побежденной Франции и победившей Германии: сталкиваются и еще будут сталкиваться не одни государственные и национальные интересы, но две цивилизации, католическая и протестантская. На смену им идет отрицающая и ту и другую — третья, вполне безрелигиозная, рожденная в огне Великой французской революции. О ней Достоевский с наибольшей энергией высказался во второй кульминации рубрики — в обозрении от 17 декабря 1873 г.

Начала этой новой цивилизации, как их формулирует здесь Достоевский: «наука, государство и мечта о справедливости, основанной единственно на законах разума». Революционная Франция провозгласила «полнейшую независимость их от религии, а вместе с ней и от всяких преданий» (21: 234). Нести это взятое на себя «бремя» оказалось не по силам передовой нации, тем более что революция привела к новому, не менее грозному, чем раньше, расслоению ненавидящих друг друга бедных и богатых, одни из которых жаждут полного «обновления», а другие ограждают себя «деспотизмом и насилием». «…Страна, разъединенная нравственно» (21: 237), — таков диагноз Достоевского, заставлявший русского читателя задуматься о перспективах не одной бедной Франции. «…Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12:25).

В обозрении от 22 октября 1873 г. Достоевский констатировал: «Вот язва Франции: потеря общей идеи единения, полное ее отсутствие!» (21: 215). Этот мотив звучит в последующих обозрениях, повествующих о «возрастающем разъединении партий» (21: 227) даже внутри правящего правого блока. И только 17 декабря 1873 г. в какофонии национального распада писатель расслышал один обнадеживающий звук, почудившийся ему в слове «возмездие», которое «раздалось по всей Франции» как призыв «отомстить нахальному врагу за свое нравственное и военное унижение» (21: 237). «Нет, — восклицает по этому поводу обозреватель, — не так скоро иссякает, знать, в народах родник *непосредственной* жизни» (21: 238). К такого рода родникам Достоевский, как видим, относит некое сильное чувство, объединяющее нацию, в данном случае чувство собственного достоинства. Он убежден, что возрождение страны возможно лишь на путях нравственного, духовного единения вокруг какой-то общей цели, имеющей отношение не к сиюминутным эгоистическим интересам, а к высшему смыслу существования нации. Размышления о судьбе Франции вели при этом к более широким обобщениям типологического свойства. Через какие-нибудь три года

на волне «славянского» воодушевления в «Дневнике писателя» Достоевский вернется, уже на отечественном материале, к идее спасительного для нации единящего чувства.

Контекст «Иностранных событий» вербализует мысль Достоевского о России и ее месте в европейской истории. Это происходит в заключительном для автора выпуске от 7 января 1874 г. Европа, говорит здесь Достоевский, «никогда не верила <…> России», и сложилась парадоксальная ситуация. «Вся политическая жизнь России, в продолжение всего, может быть, девятнадцатого столетия, в сущности была лишь жертвою ее Европе чуть не всеми своими интересами. И что же в результате? Поверила ли хоть раз Европа политическому бескорыстию России и не заподозревала ли ее почти всегда в самых коварных намерениях против европейской цивилизации? Правда и то, что Россия до того уже бывала иногда бескорыстною, что и равнодушный наблюдатель мог бы не поверить, наконец, такой феноменальной ее любви к Европе и поневоле мог заподозрить в ее политике хитрость, скрытность и ложь, тем более наблюдатель заинтересованный, у которого у самого постоянно бывало рыльце в пушку!» (21: 242). В этих словах, в какой-то мере навеянных размышлениями над книгой Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», заключена и констатация исторического опыта, к которому Достоевский постоянно обращается в своих обозрениях, и в то же время значительный упрек в адрес внешней политики России.

«Загадки» (21: 247) европейских событий, которые разгадывает Достоевский в обозрениях «Иностранные события», так или иначе (не всегда прямо) соотносились с загадками, которые «Гражданин» под его редакцией пытался разгадать в современной российской действительности в ее возможном развитии. Такого рода переклички объяснимы тем, что у Достоевского речь в конечном итоге шла о происходящих в мире общих цивилизационных процессах. Многое из того, что рождалось тогда на газетных страницах, перейдет затем в европейские темы «Дневника писателя» 1876–1881 гг. Получилось

так, что редактор «Гражданина» еще дальше развернул в историософско-прогностическую плоскость то направление политической мысли, что было задано движением еженедельника от Тютчева до Победоносцева. Нигде так остро и откровенно не выразило себя ощущение неотвратимо надвигающейся смены эпох. Все последующие выступления писателя и публициста будут исходить из этого ощущения.

Глава 8. Замысел и воплощение

О своем решении редактировать «Гражданин» Достоевский пожалел очень скоро; уже через месяц работы в письме к С. А. Ивановой 31 января 1873 г. он признается: «…кляну себя за решимость, с которою внезапно взвалил на себя редакторство журнала» (29_1: 259); еще через месяц — М. П. Погодину: «…решительно думается мне иногда, что я сделал большое сумасбродство, взявшись за “Гражданин”» (29_1: 264). Несколько раз в письмах Достоевский сравнивает редакторство с каторгой.

Заметим одно совпадение: в тот же самый день, 31 января 1873 г., когда Достоевский каялся в своей внезапной решимости взяться за «Гражданин», он сделал запись в альбоме Ольги Александровны Козловой о «главной черте» своего характера: «…никак не могу распознать: оканчиваю ли я мою жизнь или только лишь ее начинаю», — и чуть выше: «всё чаще собираюсь *начать* мою жизнь» (27: 119).

Второе признание, альбомное, как бы продолжает и объясняет первое, эпистолярное. Решение взвалить на себя редакторство и было, по существу, решением начать новую жизнь. Разменяв шестой десяток, он поставил на карту свою будущность, свой талант (сомнения, что редакторство его «съест», иссушит мозги и ожесточит сердце, были далеко не беспочвенны).

«Гражданин» был для Достоевского вторым и последним опытом редакторства (позднейший «Дневник писателя» не в счет, ибо там он был не редактором, но единственным автором). Первый опыт — фактическое редактирование журнала «Эпоха» после смерти брата в 1864 г. — продолжался 8 месяцев (или — 9 номеров ежемесячного журнала). Опыт тот в конечном счете оказался неудачным, и Достоевский мог подозревать, что он не рожден быть редактором. И все же он рискнул. Риск был связан еще и с тем, какому изданию он давал свое имя. Выходивший всего лишь год (1872), «Гражданин» в глазах либеральной России (а именно она задавала тон) уже успел

занять в рейтинге самых ретроградных изданий местечко где-то рядом с рептильной «Домашней беседой» Аскоченского. Кстати, Аскоченский фамильярно приветствовал нового редактора, чем оказал ему поистине медвежью услугу. А. Г. Достоевская вспоминала: «…Федор Михайлович за время своего редакторства вынес много нравственных страданий, так как лица, не сочувствовавшие направлению “Гражданина” или не любившие самого князя Мещерского, переносили свое недружелюбие, а иногда и ненависть на Достоевского. У него появилось в литературе масса врагов, именно как против редактора такого консервативного органа, как “Гражданин”. Как это ни странно, но и в дальнейшем времени, и до и после смерти Федора Михайловича, многие не могли простить ему его редакторства “Гражданина”…»[*].

Сам Достоевский так описывал свое положение: «…мы стали выручкой для всех фельетонистов: не об чем писать — а, ну есть “Гражданин”, обругать его; к тому же либеральная тема!» (21: 156). 1873-й год можно было бы назвать годом гражданской казни Достоевского и как автора «Бесов», и как редактора «Гражданина»: одно сошлось с другим. На него обрушилась лавина насмешек, издевательств, грубой брани. Да, в жизни Достоевского были уже 1863 и 1864 гг. — споры с «нигилистами», переходящие на личность, но такого еще не было. Нового редактора «Гражданина» обвиняли в том, что он человек отсталый, ретроград, защитник крепостного права, воспеватель каторги, ренегат, доносчик, бездарь и, наконец, просто сумасшедший.

Достоевский, смеем думать, предвидел такой прием (что было нетрудно) и вполне сознательно пошел навстречу опасности, как говорится, с открытым забралом. Вступление в редакцию «Гражданина» — это был вызов господствующему в России общественному мнению. Дал знать себя бойцовский темперамент — это первое, а второе, и самое главное: Достоевский ощутил свое время как время решающего выбора для

[*] *Достоевская А. Г.* Воспоминания. 1846–1917. С. 306.

России. Автор «Бесов» почувствовал пророческим даром, что Россия уже двинулась, уже пошла — не туда. Знать это и молчать, спасая свою репутацию, было не в его силах.

Для понимания этого поступка Достоевского важно цитировавшееся уже письмо к М. П. Погодину от 26 февраля 1873 г.: «…многое надо сказать, для чего и к журналу примкнул. <…> Вот цель и мысль моя: социализм <…> проел почти всё поколение. Факты явные и грозные. <…> Надо бороться, ибо всё заражено. Моя идея в том, что социализм и христианство — антитезы. Это бы и хотелось мне провести в целом ряде статей…» (29_1: 262).

Указанная антитеза впервые была сформулирована Достоевским в записной тетради в сентябре 1864 г. в наброске «Социализм и христианство». Этот набросок — нечто вроде зерна, проросшего в дальнейших исканиях Достоевского. Здесь он впервые четко обозначил сущность переживаемой эпохи как эпохи «переходной», «болезненной». Прохождение человечества через обольщение социализмом с его идеалом «брюха» («все будут богаты») Достоевскому представлялось неизбежным на трудном пути к предуказанному идеалу Христа.

Последовавшие затем романы — «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» — все выросли из этого философского самоопределения. Завершавший эту своеобразную трилогию роман «Бесы» давал наиболее обобщенную картину уже разразившейся катастрофы. В эпилоге «Преступления и наказания» она еще только мерещится, в «Идиоте» о ней говорят и толкуют Апокалипсис, в «Бесах» показан Апокалипсис наступивший. В последних черновых записях к роману Достоевский на разные лады повторяет слово «беспорядок» (11: 307). Это слово, обозначающее нравственный хаос, на всё оставшееся писателю время станет ключевым. Напомню, что следующий роман, создававшийся уже после работы в «Гражданине», первоначально так и назывался: «Беспорядок». 26 августа 1874 г., через четыре месяца после завершения работы в «Гражданине», Достоевский планирует: «Вся идея романа — это провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок

везде и всюду, в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых потому же нет), в разложении семейного начала. <…> Нравственных идей не имеется…» (16: 80).

Эта запись — своеобразный итог, вынесенный из полуторагодовой работы в редакции «Гражданина», которая дала возможность погрузиться в российскую текущую историю: кто как не газетный редактор соприкасается с нею, еще не остывшею, неприбранною, во всем ее первобытном косноязычии. Собственно, к этому-то и стремился Достоевский после своей вынужденной четырехлетней эмиграции. И это далеко не последний мотив его внезапного решения стать редактором «Гражданина». Как будет сказано в последовавшем затем романе: «Но что делать, однако ж, писателю, не желающему писать лишь в одном историческом роде и одержимому тоской по текущему?» (13: 455).

В редакционной сутолоке Достоевский продолжает обдумывать новые художественные замыслы. Драматичное положение художника, впрягшегося в лямку редактора, обрисовано в письме М. П. Погодину от 26 февраля 1873 г.: «…роятся в голове и слагаются в сердце образы повестей и романов. Задумываю их, записываю, каждый день прибавляю новые черты к записанному плану и тут же вижу, что всё время мое занято журналом, что писать я уже не могу больше — и прихожу в раскаяние и в отчаяние» (29_1: 262).

Еще больше года продолжалось это состояние. Творческая энергия выплескивалась в «Дневнике писателя», в «Иностранных событиях», в анонимно-псевдонимных публикациях и в редакторских вставках в чужие статьи. Многое было оставлено на полпути: например, повесть об учителе, замысел которой мы попытались реконструировать. «Гражданин» можно, конечно, рассматривать как кладбище несостоявшихся «образов повестей и романов», но не правильнее ли будет взглянуть на него как на горнило, в котором выплавлялись будущие шедевры?

Такова, очевидно, была специфика его гения: художественная работа требовала предварительного погружения в текущую действительность, в литературную, идейную борьбу. Таков был алгоритм его творческой судьбы: между художественными «вершинами» пролегли публицистические «долины»: между «Бедными людьми» и «Неточкой Незвановой» — фельетоны в «Отечественных записках», между «Селом Степанчиковым» и «Преступлением и наказанием» — богатый журнальный опыт «Времени» и «Эпохи», между «Бесами» и «Подростком» — коллективная лаборатория «Гражданина», между «Подростком» и «Братьями Карамазовыми» — мозговой штурм «Дневника писателя». Публицистика выступала прологом к художественному творчеству.

Случай «Гражданина» дает возможность говорить и об ином предназначении публицистики в творчестве Достоевского: не пролога, а эпилога.

Обратим внимание на запись, печатаемую под заглавием «Послесловие к “Бесам”». На наш взгляд, в академическом издании Достоевского (т. 11) она неверно, нелогично помещена среди творческих материалов к роману — то есть искусственно изъята из записных книжек периода «Гражданина». Послесловие, очевидно, планировалось как статья для «Гражданина» (скорее всего, в составе «Дневника писателя»): оно должно было разъяснить позицию романиста постфактум, после выхода отдельного издания романа. Это текст из другого контекста, уже не романного, — из этого следует исходить в эдиционной практике и печатать его среди материалов к «Гражданину».

Процитируем эту запись, развивающую ключевое для Достоевского понятие нравственного беспорядка в современном обществе: «Преданья, дворянская литература, понятия, вдруг хаос, люди без образа — убеждений нет, науки нет, никаких точек упоров, уверяют в каких-то тайнах социализма. <…> Всю эту кисельную массу охватил цинизм. <…> Взгляните на литературу, как она уверенно выражает свои цели, свой гнев, свою брань, свою торопливость. <…> Когда-нибудь мы

выразим их торопливость, “Гражданин” обязан представить картину» (11: 308).

Последняя фраза — это уже скорее план для себя, приоткрывающий внутреннюю логику творчества Достоевского, органичный переход от романа к газете. Роман дал обобщенный образ катастрофы, общественного хаоса (связанного в основном с деятельностью «наших»). «Гражданин» же, по замыслу Достоевского, должен был представить по возможности полную картину этого хаоса во всех повседневных, будничных и далеко не «романических» подробностях. Газета становилась продолжением романа. Романом Достоевский не достучался, он оказался — судя по отзывам массмедиа — не услышанным. «Недостаточность» романа и толкнула его в объятия «Гражданина». Последнему отводилась роль зеркала, взглянув в которое, русское общество должно было ужаснуться. Так планировалось.

Не следует, впрочем, думать, что Достоевский-редактор целиком посвятил себя борьбе с политическим социализмом. Эта тема присутствовала в «Гражданине» скорее как развенчание теории «среды», как возвращение к христианской идее нравственной ответственности личности — всё это есть и в «Дневнике писателя» 1873 г., и в примыкающей к нему публицистике «Гражданина».

Есть и другое, что можно отнести к конкретной общественной позитивной программе журнала. Еще 18 (30) мая 1871 г., за полтора года до своего редакторства, Достоевский излагал Страхову свое видение новой русской журналистики: издания должны «специализироваться» (29_1: 217). Специализация «Гражданина» — это в первую очередь духовное, нравственное состояние современного русского общества.

Во внутренней политике «Гражданин» выделял три темы: реформированные общественные институты (суд, местное самоуправление), церковь, школа. Все эти три рычага, утверждал «Гражданин» Достоевского, не работают, как должно. «Беспорядок» проникает в те самые образования, которые должны ему противостоять. Спасение виделось в не утраченном еще

человеческом потенциале, в тех рычагах, которыми — сами по себе и в перечисленных институциях — являются *лучшие люди* русского народа, «не потерявшие Христа»[*].

Закономерен в этой связи вопрос: достучался ли «Гражданин» Достоевского до своих сограждан? Через три года после своего редакторства, собираясь отвечать либеральным оппонентам, Достоевский записал: «Чем я уронил себя. Я был год редактором “Гражданина” и, приняв журнал с 1000 подписчиков, через год оставил его с тремя тысячами. Вот уже признак, что не уронил себя в публике» (24: 106). Цифры, приведенные Достоевским, следовало бы немного уточнить. На конец 1872 г. «Гражданин» насчитывал 1600 подписчиков. 26 февраля 1873 г. Достоевский писал Погодину: «“Гражданин”

---

[*] Эта идея, задаваемая Достоевским как редактором, представляется утопической И. Зохраб. Проводя параллель между «идеальным образом отца Зосимы» и христианским «проектом» «Гражданина», исследователь утверждает: «It was a fiction that he hoped reality would eventually come to embody, as he intended it. In a similar way Dostoevsky would project through the pages of *The Citizen* his ideally inspired fictions relating to various aspects of Russian and European reality, while both self-fashioning and re-fashioning constructs of Russian identity. His perception of the ″flux of life″ in Russia and beyond went hand-in-hand with his need to refashion it according to his own mythical or Utopian ideal. And he wanted his ideal readers to share in his perceptions. Despite the foregoing observations, one must not to underrate in any way the emphasis on the publication of ″facts″ that *The Citizen* pursued editorially and prided itself on» (*Zohrab I.* The Contents of *The Citizen* during Dostoevsky's Editorship: Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions. Dostoevsky's Quest to Reconcile the ″Flux of Life″ with a Self-Fashioned Utopia. Part 1 // *Dostoevsky Journal*. 2004. No. 5. P. 71: «Это (образ Зосимы. — *В. В.*) была фикция, которую он надеялся воплотить в реальность. Подобным же образом Достоевский собирался проецировать на страницы “Гражданина” свои вдохновенные идеальные вымыслы, относящиеся к различным аспектам русской и европейской действительности, создавая и перестраивая по ним конструкции русской идентичности. Его восприятие «потока жизни» в России и за ее пределами шло рука об руку с необходимостью переделать его в соответствии с собственным мифическим или утопическим идеалом. И он хотел, чтобы его идеальные читатели пошли за ним. Несмотря на вышеизложенные замечания, ни в коем случае нельзя недооценивать тот акцент на публикацию “фактов”, который “Гражданин” проводил усилиями всей редакции и которым гордился»).

пошел недурно, но лишь относительно недурно. Подписчиков 1800…» — и выразил надежду, что эта цифра дойдет до 2500 (29_1: 263). Из книги В. Михневича «Петербург весь на ладони» (СПб., 1874) можно узнать, что на начало 1874 г. у «Гражданина» было уже 2800 подписчиков[*]. Для сравнения скажем, что после ухода Достоевского к концу 1874 г. эта цифра упала до 2250[**] и падала затем с каждым полугодием. Таким образом, с приходом Достоевского подписчиков прибавилось примерно на одну тысячу, а с его уходом — убавилось на полтысячи.

Правда, в том же февральском письме Погодину Достоевский добавлял, что розничная продажа увеличилась с его приходом в пять раз. Можно предположить, что произошло это за счет тех читателей, кто только присматривался к изданию, а впоследствии, очевидно, большинство из этих «осторожных» так и не стали подписчиками.

Для сравнения: самая большая подписка на начало 1874 г. по данным того же Михневича была у газет «Сын Отечества» (14 тысяч), «Голос» (12 тысяч), «Санкт-Петербургские ведомости» (10 тысяч), среди еженедельников — у иллюстрированной «Нивы» (12 тысяч), среди ежемесячных журналов — у «Отечественных записок» (8200). На этом фоне цифра 2800 «Гражданина» достаточно показательна. Меньше только у «Русского мира» и пресловутой «Домашней беседы» — по 1500, да у хиреющего пока «Нового времени» — 1100.

Относительное повышение тиража принесло всё же Достоевскому некоторое удовлетворение. Теперь он имел право заявить в ответ на замечание одного из корреспондентов о низкой популярности «Гражданина»: «Увы, мы в высшей степени сознаем, что ее потеряли! Мы дорожим лишь тем, что пользуемся некоторой симпатией нескольких толковых людей, которые в наше время всеобщего лакейства мысли решились сметь

Свое суждение иметь.

---

[*] Петербург весь на ладони / сост. В. Михневич. М., 2003. С. 396.

[**] *Старейший из сотрудников <Мещерский В. П.>* Нечто о нашем издании. Беседа с читателями // *Гр.* 1874. 21 октября. № 42. С. 1031.

А надежды наши лишь в том, что круг этих людей несомненно и заметно увеличивается» (21: 155–156).

В этом смысле свою миссию «Гражданин» Достоевского, очевидно, выполнил, хотя «круг этих людей» увеличивался недостаточно, чтобы как-то повлиять на ход исторических событий*. Выполнил он и творческую задачу, касавшуюся уже судьбы самого редактора и его будущего романа, выросшего на дрожжах «Гражданина». Как «Гражданин» был продолжением «Бесов», так «Подросток» стал органичным продолжением «Гражданина».

Жалуясь Погодину на изнурительную и малоперспективную литературную и политическую борьбу, в которую он был вовлечен как редактор еженедельной газеты, Достоевский всё же добавлял: «Тем не менее борьба вещь хорошая. Борьба настоящая есть материал для мира будущего» (29_1: 264). «Гражданин» стал творческой лабораторией и для Достоевского-публициста. Именно здесь зародился новаторский жанр «Дневника писателя».

К 1873 г. Достоевский имел немалый опыт публицистики: 1840-е гг. — «Петербургская летопись», 1860-е — статьи в журналах «Время» и «Эпоха». Уже там наметился своеобразный жанровый признак его публицистики — это принцип циклизации: поначалу на уровне фельетонной хроники, а затем — и на уровне систематического изложения символа веры. Задумывавшийся еще во время ссылки цикл статей о христианстве в литературе отчасти реализовался в «Ряде статей о русской литературе», и, наконец, упоминавшийся уже замысел цикла

---

* Мы полагаем, что Достоевский реально, не в одних художественных «мечтах», стремился к этому. Иную точку зрения, идущую от дихотомии идеала и действительности, см.: *Отливанчик А. В.* «Идеал ведь тоже действительность…». К вопросу о «дистанции», разделявшей Достоевского и мыслителей круга В. П. Мещерского // Достоевский и современность: материалы XXVI Международных Старорусских чтений 2011 года. Великий Новгород, 2012. С. 299–305. Лишенным диалектики представляется нам утверждение о «непричастности Достоевского к политике как практической деятельности» (Там же. С. 304).

«Социализм и христианство» отозвался в двух рубриках «Гражданина» — «Дневник писателя» и «Иностранные события».

С таким опытом и задачами Достоевский пришел в «Гражданин». Но возникает вопрос (напомним: «…многое надо сказать, для чего и к журналу примкнул»): чтобы нечто «сказать», совсем не обязательно было становиться редактором, взваливать на себя эту ношу. Решение Достоевского выглядит по меньшей мере нелогичным: быть редактором и писать статьи — большая разница. Кстати, в конце 1872 г. «Гражданин» объявил поначалу об авторском участии Достоевского в альманахе (30 октября) и в самом журнале (27 ноября), а затем только (25 декабря) — о редакторстве.

Достоевский как редактор «Гражданина» — не только организатор, как, например, Некрасов. Он не только дирижер этого оркестра, но одновременно — его первая скрипка («Дневник писателя», потом «Иностранные события»). Он задает тему, а другие участники журнала ее подхватывают, развивают. Первой скрипкой Достоевский выступал не только на страницах журнала, но и во внутриредакционной деятельности, раздавая руководящие указания Порецкому, Вс. Соловьеву, Белову, Пуцыковичу. Такой до некоторой степени коллективный тип творчества Достоевский уже апробировал в 1840-е и 1860-е гг. Будучи главой литературного кружка, он задавал темы и даже сюжеты, а разрабатывали их другие.

В «Гражданине» Достоевский задавал темы в основном молодым сотрудникам, но пытался и Мещерскому. Его влияние на молодого издателя и публициста поначалу было весьма значительным. Правда, впоследствии, в процессе черновой изнурительной редакционной работы, отношения издателя и редактора менялись не в лучшую сторону. Мелкие и крупные расхождения, иногда выражавшиеся во взаимных упреках, свидетельствовали о далеко не полном совпадении позиций. К тому же Мещерский, отказавшись от первоначальной роли послушного ученика великого учителя, и сам претендовал на положение первой скрипки или выдвигал вперед К. П. Победоносцева.

А. Г. Достоевская вспоминала о работе мужа в редакции «Гражданина»: «…уже осенью 1873 года он стал тяготиться своим редакторством и мечтать, как опять он засядет за свой любимый, чисто художественный труд»[*]. Дело было не только в «каторжной», как ее называл сам Достоевский, редакторской работе. Очень скоро выяснилось, что ему не удастся стать единовластным идейным хозяином издания. По договору Мещерский должен был взять на себя все хозяйственные и денежные хлопоты[**], на деле же он постоянно вмешивался в вопросы формирования номера, отбора материалов, то есть в дела, состоящие в компетенции редактора. «…у журнала очутилось двое хозяев <…>, — вспоминал метранпаж типографии М. А. Александров, — соглашение между ними достигалось с большим трудом <…>. Имеется, например, между прочим материалом, данная статья: один одобряет ее, другой

---

[*] *Достоевская А. Г.* Воспоминания. 1846–1917. С. 308. Ср. воспоминания Вс. С. Соловьева: «Он выдержал год своего редакторства и оказался крайне утомленным. Не то чтобы дела было много, но он очень медленно работал, и работа была не по нем. А главное, явилось убеждение, что из дела, на которое возлагались такие большие надежды, не может выйти ожидаемого результата. Наконец, он не мог разом работать две работы. Он все собирался писать новый роман и не находил времени, а между тем матерьялу накопилось достаточно, пора было высказаться в образах, в широкой картине. В начале 1874 года он стал мне все чаще и чаще жаловаться на свое положение и наконец объявил, что дотянет только до лета и летом освободится» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 210–211).

[**] Договор был, разумеется, негласным, т. к. официально Достоевский числился и редактором, и издателем. Поэтому, когда в марте 1873 г. возникла опасность закрытия журнала из-за финансовых трудностей (см.: *Викторович В. А.* К истории одного объявления в «Гражданине» 1873 г. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 7. Л., 1987. С. 197–200), Мещерский составил, очевидно, по просьбе Достоевского, расписку, заверенную его печатью, следующего содержания: «Я нижеподписавшийся статский советник князь Владимир Петрович Мещерский сим обязуюсь все расчеты с подписчиками журнала “Гражданин”, а также все расходы по изданию за 1873 год принять на себя, не доводя редактора оного Федора Михайловича Достоевского ни до каких по изданию сего журнала расходов» (РГБ. Ф. 93.II.6.77. Л. 30).

бракует!»[*]. 12 ноября 1873 г. Достоевский с раздражением жаловался М. П. Погодину: «Принимаясь за редакторство, год тому, воображал, что буду гораздо самостоятельнее. От этого лишаюсь энергии к делу» (29_1: 308).

Сравнение «Гражданина» 1873 г., редактируемого Достоевским, с «Гражданином» 1872 г., даже чисто внешнее, по оглавлению, показывает, что усилиями нового редактора газета перестала иметь вид единоличного «органа князя Мещерского», как ее нередко называли в русской печати. Так, совсем исчезла из оглавления рубрика «Передовые статьи князя В. П. Мещерского» (хотя князь и делал попытку возобновить эту традицию)[**], и вообще резко снизился удельный вес именных статей издателя, анонимно же им велся раздел «Петербургское обозрение», кроме того, князь взял себе несколько псевдонимов. Изменилась интонация, с которой газета разговаривала с читателем: она стала значительно сдержаннее. Очевидно, Достоевский пресекал нередкие, судя по 1872 г., бестактные выходки князя. Анна Григорьевна свидетельствовала, что Достоевский много сил отдавал исправлению статей, «неумело написанных, вроде статей самого издателя»[***]. Дело, конечно, было не в одной неумелости.

Вот, к примеру, «Письма вольнодумца» (*Гр.* 1873. № 25–28, 30–32, 35, 36) — одно из ударных публицистических выступлений Мещерского, где он затронул практически все вопросы,

---

[*] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 265–266. Прямым подтверждением этого свидетельства может служить одно из писем Достоевского-редактора М. А. Александрову (см.: 29_1: 303).

[**] 17 сентября 1873 г.: «Уведомляю Вас многоуважаемый Федор Михайлович, что сегодня же посылаю в типографию чрез Гладкова передовую статью для № от 24 сентября под названием: кто пьянее, *они* или *мы*? Начиная с этого №ра буду постоянно помещать *передовые статьи* на живые темы!» (*Достоевский*, *Мещерский*. *Переписка*. С. 40). Редактор тем не менее поместил указанную статью где-то в середине номера. Точно так же и последующие «передовые статьи на живые темы» Мещерского Достоевский далеко не всегда помещал на открытие номера (во всяком случае, до конца 1873 г.). При этом все они были подписаны псевдонимами.

[***] *Достоевская А. Г.* Воспоминания. 1846–1917. С. 306.

дебатируемые «Гражданином»: крестьянский, дворянский, о народном образовании, о радикальной молодежи, о семейном воспитании и, мимоходом, женский вопрос. Этот цикл статей по замыслу должен был, видимо, стать — по своей значимости в журнале — в один ряд с «Дневником писателя», уже угасавшим. Исходя из общей политической программы, Мещерский надеялся кое в чем развить и дополнить Достоевского. Так, отправив в набор вторую порцию «писем вольнодумца» (в № 27 от 2 июля), Мещерский посылает затем письмо Достоевскому, где слегка журит его за прежний выпуск «Дневника писателя» (21 мая), где, как уже говорилось, автор обещал рассказать «сюжет повести» о сельском учителе, но обещания не выполнил. «…Удивительно, — пишет Мещерский 24 июня, — как Вы никогда не исполняете задуманной Вами задачи!»[*]. Так и не дождавшись выступления Достоевского по этому вопросу, Мещерский сам обратился к нему в III «Письме вольнодумца». Всё должна разрешить личность учителя, а у нас пока «нет учителей»[**], пишет Мещерский, в этом исходном пункте солидаризируясь с тем, что уже было сказано Достоевским, хотя у того всё же говорилось о «нарождающемся нашем школьном учителе» (21: 95).

Редактируя эту статью, как бы развивающую его собственные положения, Достоевский мог убедиться, что князь играет при нем роль честнейшего Лебезятникова, непроизвольно выводящего «идею на улицу». Там, где у Достоевского сложность, противоречие, — у Мещерского простота и прямолинейность. Механика княжеской публицистики нехитрая: в школах, отвечающих его, князя Мещерского, представлениям, всё идеально, а в тех, где волю взяли «нигилисты», дети растут циничными безбожниками. Мысль Мещерского может двигаться только между крайностями: нравственность / безнравственность, любовь / отрицание, религия / безверие.

---

[*] *Достоевский*, *Мещерский*. *Переписка*. С. 37.

[**] *О….* <*Мещерский В. П.*> Письма вольнодумца. III // *Гр.* 1873. 9 июля. № 28. С. 777.

Расставляя эти «кубики», подкрепляя примерами (причем часто анекдотическими: вот, мол, в одной школе развивали «детей посредством естественных наук» при забвении Закона Божьего, а они потом и выкололи глаза на иконе Николая Чудотворца[*]), он сопровождает их патетическими обличениями либерализма, проникшего в школу. Мещерский не развивал — в данном случае он явно поправлял Достоевского, который в «Дневнике писателя» призывал к созданию широкого фронта в деле народного образования, не исключая пресловутых «нигилистов»: «…все наши передовые умы, наши литераторы, наши социалисты, наше духовенство <…> и нарождающийся наш школьный учитель» (21: 95). Как видим, Достоевский выстраивает широкий примирительный ряд. И отнюдь не самодовольным тупицей выглядит у Достоевского учитель из среды современной радикальной молодежи — автор видит его «желание сделать добро», «самые горячие и благородные усилия», хотя и при незнании народа (21: 95–96).

Расхождения во взглядах на молодежь зашли, видимо, так далеко, что, воспользовавшись отсутствием Мещерского, Достоевский либо сам составляет, либо сильно редактирует одно из «Писем вольнодумца» (в ответ на протест молодого читателя), где пытается поправить или хотя бы смягчить многие из высказываний князя[**].

«Письма вольнодумца» вступали в конфликт с «Дневником писателя» не только по вопросам о народном образовании и молодежи. Во II письме (№ 27, 2 июля), рассказав о том, что в разработке проекта крестьянской реформы 1861 г. участвовали люди, «не знающие деревни»[***], Мещерский тем самым, пока еще очень осторожно, сеет сомнение и в самой реформе. Как уже говорилось (в главе «Народ»), возражая по существу

---

[*] Там же. С. 775.

[**] См.: *Вольнодумец О. <Достоевский Ф. М.?>* Ответ на протест. Письмо к редактору // *Гр.* 1873. 13 августа. № 33. С. 896–898. См. также примечание к этой статье в «Указателе содержания…».

[***] *<Мещерский В. П.>* Письма вольнодумца. II // *Гр.* 1873. 2 июля. № 27. С. 753.

Достоевскому с его «Власом», Мещерский называет крестьянина «полудикой душой, *с инстинктами добра и зла*». Освобождение, утверждает он, не могло тому ничего дать, кроме «*права делать себе зло*» (письмо IV в № 30, 23 июля)[*]. «Увы! — продолжает он вести читателя к своему выводу, — потребности творить добро душа крестьянина не могла иметь, ибо это-то и есть то "*прекрасное*" в жизни человека, Божьего создания, которое дает *просвещение*». Вывод: «величайшая ошибка» 19 февраля та, что крестьянин остался без руководства со стороны «образованного лица»[**]. Идея «Власа», который «себя и нас спасет, ибо опять-таки — свет и спасение воссияют снизу…» (21: 41) — решительно ревизована Мещерским. Он прямо оспаривает следующую мысль автора «Дневника писателя»: «…надо желать, чтобы народ имел полную свободу сам выйти из грустного своего положения, безо всякой опеки и поворотов назад[***]. <…> Вот моя мысль. Именно — довольно вмешательств!..» (21: 31).

Слово «опека» появляется в 1873 г. и в лексиконе Мещерского, но, в отличие от Достоевского, в утвердительном значении: народу нужна опека. Достоевский не пропускал иногда статьи князя, в частности, написанные для «Последней странички», о чем свидетельствует его письмо М. А. Александрову от 4–6 октября 1873 г. (29_1: 306). Когда же Мещерский вновь

---

[*] Возникает вопрос, почему Достоевский в качестве редактора не поправил суждения, вступившие в противоречие с его собственными высказываниями. Объяснение находим в письме Мещерского от 24 июня 1873 г. (то есть за месяц до указанной публикации): «Пожалуйста, не выкидывайте ни одной строки из "Писем вольнодумца"…» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 40).

[**] *О….* <*Мещерский В. П.*> Письма вольнодумца. IV // *Гр.* 1873. 23 июля. № 30. С. 830.

[***] Эти слова автор «Дневника писателя» с энтузиазмом подхватывает вслед за не названным по имени собеседником, которого представляет следующим образом: «Это был голос человека в высшей степени беспристрастного и стоящего вне всяких литературных партий и "аллегорий"» (21: 30). Более чем вероятно, что прозорливым и беспристрастным собеседником Достоевского был К. П. Победоносцев.

попытался протащить полюбившуюся ему мысль о «надзоре», правда, теперь в другой области, — о надзоре над неблагонадежными студентами, Достоевский решительно воспротивился. Поначалу, видимо, Мещерский лишь смягчил спорное место и возразил редактору: «Полагаю, что Вы не того мнения, что студенты должны быть вне надзора; главное, чтобы надзор был открытый!»[*]. Однако Достоевский был непреклонен: «Но 7 строк о надзоре, или, как Вы выражаетесь, о *труде* надзора правительства, я выкинул радикально. У меня есть репутация литератора и сверх того — дети. *Губить себя* я не намерен». Достоевский прибавил далее, но зачеркнул: «Кроме того, Ваша мысль глубоко противна моим убеждениям и возмущает мое сердце» (29_1: 307). Зачеркнул, видимо для того, чтобы не усугублять разногласия, да и первого аргумента (насчет репутации) было для князя достаточно: он вынужден был смириться с решением редактора[**]. Осенью 1873 г. его отношения с Достоевским и так уже накалились до предела; он и сам не выдержал, написав редактору обвинительное письмо[***],

---

[*] *Достоевский*, *Мещерский*. *Переписка*. С. 47.

[**] Позднее, освободившись от влияния Достоевского, Мещерский разовьет мысль, «противную» тому, и предложит для удобства надзора расселять студентов «в *казенных общих помещениях*, при строгой педагогической и полицейской дисциплине» (*Кн. В. Мещерский*. По поводу уличного скандала 6-го декабря в С.-Петербурге // *Гр.* 1876. 13 декабря. № 46. С. 1099). Еще позднее для той же цели (удобство надзора) он предложит перевести университеты из столиц в маленькие города (см.: *Мещерский В.* В улику времени. СПб., 1879. С. 259–260).

[***] «Что же касается Вашей обидчивости <…>, то, милейший Федор Михайлович, если я никогда и ни разу ни по какому поводу не обижался, считаю себя вправе такой же миролюбивый нрав ожидать от Вас: советоваться по каждой безделице иногда некогда, иногда не для чего <…>. Год кончается — не Вы ли почти наверное говорили о Вашем романе, о Ваших повестях, о Ваших дневниках; не Вы ли в *дневниках* принимали на себя обязанности *написать о том-то и о том-то*, а между тем ни слова, ни полслова не написали. И если я не говорю, что всё это убивает журнал, то опять же считаю себя вправе, вынесши на плечах своих почти половину всего издания, то есть написавши по ½ листу на каждый №р — ожидать от Вас, что Вы такие любезности мне говорить не будете» (*Достоевский*, *Мещерский*. *Переписка*. С. 45–46). Напомним, что обычный

поставив их сотрудничество на грань разрыва. Однако, очевидно, прагматические соображения возобладали, и перемирие было заключено, правда, до очередного случая, когда Достоевский вмешался теперь уже в полемику Мещерского с Я. П. Полонским (*Гр.* 1874. № 4, 7, 9, 10, 13–14): «Милый, любезнейший и многоуважаемый князь, ради Бога, не считайте, что я беспрерывно желаю с Вами грызться и Вам противоречить по журналу. Возьмите лишь в соображение и могущее во мне образоваться настроение и мой личный взгляд…» (29_1: 314–315). Характерна была и оговорка «от редакции» в № 7, где Достоевский не согласился с фразой Мещерского «Наше молодое поколение это *ничто*, и ничего более!»: «Редакция не может похвалить способ выражения своей испуганной сотрудницы (Мещерский выступил под женским псевдонимом. — *В. В.*), тем более, что она вдается в некоторую односторонность. <…> Будь в этих обвинениях лишь одна десятая доля правды, то и тогда ужасно. А десятая доля правды, кажется, есть»[*]. Весьма примечателен оправдывающийся тон оговорки насчет «десятой доли правды» (всё же маловато для столь серьезных «обвинений» в адрес всего молодого поколения). Вскоре Достоевский, как мы полагаем, вновь принял решение написать «за Мещерского»[**].

В последние месяцы, недели, дни редакторства неприязнь Достоевского к своей работе возрастала в геометрической прогрессии, так что в самом уже конце Мещерскому приходилось даже успокаивать его: «…дело (о переходе редакции к В. Ф. Пуцыковичу. — *В. В.*) еще тянется <…> с моей стороны

объем одного номера «Гражданина» составлял 2 печатных листа или примерно 32 страницы формата еженедельника.

[*] *Ред. <Достоевский Ф. М.>* [Примечание к статье Веры N. <В. П. Мещерского> «Письма хорошенькой женщины. II. О молодом поколении»] // *Гр.* 1874. 18 февраля. № 7. С. 208. См. также: 21: 291.

[**] См.: *Вера N. <Достоевский Ф. М.?>* Ответ хорошенькой женщины старичку Олицу // *Гр.* 1874. 11 марта. № 10. С. 298–301. См. также примечание к этой статье в «Указателе содержания…».

приложены были все старания спасти Вас от этого №ра! Впрочем не о чем и беспокоиться: ибо №р выйдет прехладнокровный»[*].

Борьба за власть в редакции крайне раздражала Достоевского, к тому же остальные «оркестранты» часто фальшивили, и тогда приходилось их «переозвучивать». Достоевский, вступая в «Гражданин», очевидно, переоценил интегральные возможности соратников по журналу, и в первую очередь — главного из них.

Проект спутниковой публицистики оказался реализованным лишь частично[**], Достоевский как организатор консервативных сил не преодолел известного одиночества, но сам проект весьма характерен для творческой личности Достоевского с ее соборностью. Достоевскому необходимы были спутники (как Льву Толстому — адепты, а Тургеневу — поклонники). Позднее в «Дневнике писателя» такими спутниками реально становились сами читатели. Однако идея «соборной» журналистики не оставляла Достоевского, о чем свидетельствует составленная им черновая программа ежемесячного журнала на 1878 год, где «Дневник писателя» вновь предполагалось включить в состав большого коллективного издания (не менее семи печатных

---

[*] *Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 53.

[**] Вс. С. Соловьев, близко наблюдавший тогда Достоевского, впоследствии дал свою интерпретацию: «Он мечтал в первое время заставить общество слушать себя и своих единомышленников посредством редактируемого им журнала; но скоро убедился, что это крайне трудно, почти невозможно. Журнал начался слишком односторонне, и хотя к его редакции примыкало несколько умных и талантливых людей, но их было очень мало, и, имея другие обязанности, они не могли отдавать журналу все свои силы. Затем, у журнала были слишком небольшие материальные средства, случайные сотрудники были так плохи, что выбирать из них было почти нечего. Наконец, Достоевский не был вполне самостоятелен как редактор; но если бы он и оказался самостоятельным, полноправным хозяином и собственником журнала, то все же вряд ли бы этот журнал пошел. Достоевский был художник-романист, горячий и искренний публицист-мыслитель, но он всегда был непрактичным человеком, плохим администратором; он не годился в редакторы» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 209).

листов); так, вслед за ним планировался «дневник Порецкого, или отметки его какие-либо» (26: 175).

Свою историческую роль «Гражданин» Достоевского отыграл. В истории русской журналистики он предстает попыткой, не всегда последовательной, органического консерватизма, объявившего войну радикализму и «уличному» либерализму, поработившим образованное русское общество. Он предстает союзником «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, но при этом не порывающим с заветами славянофильской и почвеннической журналистики, в особенности в статьях А. У. Порецкого, Н. Н. Страхова, И. Ю. Некрасова, М. П. Погодина, Т. И. Филиппова. В плане осмысления социально-духовного кризиса уходящей от Христа современной цивилизации редактору «Гражданина» многое дало творческое содружество с К. П. Победоносцевым.

Не менее важно и то, что Достоевский на страницах еженедельника решил творческую задачу формирования жанра и формулирования фундаментальных идей новой русской публицистики («Дневник писателя»), а также стимулирования будущего романа, выросшего «из сора» газетной поденщины. Как «Гражданин» был продолжением «Бесов», так «Подросток» стал естественным продолжением «Гражданина». В публицистике проговаривалось то, что облекалось затем в плоть художественных образов.

Подступом к «Подростку» видятся нам заключительные слова последнего выпуска «Дневника писателя» (10 декабря 1873 г.): «Но пока еще кругом нас такой туман фальшивых идей, столько миражей и предрассудков окружает еще и нас и молодежь нашу, а вся общественная жизнь наша, жизнь отцов и матерей этой молодежи, принимает всё более и более такой странный вид, что поневоле приискиваешь иногда всевозможные средства, чтобы выйти из недоумения. Одно из таких средств — самим быть поменее бессердечными, не стыдиться хоть иногда, что вас кто-нибудь назовет гражданином, и… хоть иногда сказать правду, если б даже она была и недостаточно, по-вашему, либеральна» (21: 136).

Указатель содержания газеты-журнала «Гражданин» 1 января 1873 г. — 22 апреля 1874 г.

(с атрибуцией анонимных и псевдонимных текстов)[1]

1873

№ 1. 1 января

<*В. П. Мещерский*>[2]**. Радостныя извѣстія о выздоровленіи Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича** (с. 1–2).

<*К. П. Победоносцев?*>[3]**. 1872 годъ**[*] (с. 2–8).

С. Н. <*С. А. Николаевский*>[4]**. Политическое обозрѣніе** (с. 8–10).

<*Т. И. Филиппов?*>[5]**. О государственной росписи** (с. 10–13).

Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** I. Вступленіе. II. Старые люди (с. 14–17).

Кн. В. Мещерскій. **Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ.** Часть третья и послѣдняя. Глава I. Графъ Обезьяниновъ на духу (с. 17–21).

Б. <*А. Н. Апухтин*>[6]**. Ночь въ Монплезирѣ** [Стихотворение] (с. 21).

Библіографія

<*В. П. Мещерский*>[7]. Алексѣй Слободинъ. Семейная исторія. «Вѣстникъ Европы». 1872. Октябрь, ноябрь и декабрь (с. 21–23).

Исторія русской и всеобщей словесности. Библіографическіе матеріалы. Составилъ В. И. Межовъ (с. 23).

Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ, С. М. Соловьева. Москва. 1872 (с. 23).

---

[*] В содержании журнального выпуска заглавие статьи: «Внутреннее обозрѣніе за 1872 годъ».

<*А. У. Порецкий?*>[8]. Азбука графа Л. Н. Толстаго. С.-Петербургъ. 1872 (с. 23–24).

<*В. Ф. Пуцыкович*>[9]. Десять лѣтъ реформъ 1861–1871 г. А. А. Головачева. С.-Петербургъ 1872 г. (с. 24–25).

<*М. И. Владиславлев?*>[10]. Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. Историческое изслѣдованіе. Томъ первый. (Религіи Востока). Архим. Хрисанѳа. СПб. 1873 (с. 25).

<*М. И. Владиславлев*>[11]. Міръ какъ цѣлое. Черты изъ науки о природѣ. Сочиненіе Н. Страхова. СПб. 1872 (с. 25–27).

<*В. Ф. Пуцыкович?*>[12]. **Положеніе пенсіоннаго дѣла за границею и у насъ и предположенія обезпеченія пенсіями на началахъ взаимно-пожизненнаго страхованія** (с. 27–28).

<*Ф. М. Достоевский*>[13]**. Желаніе** (с. 28).

№ 2. 8 января

<*В. П. Мещерский*>[14]**. Отъ редакціи** [О неаккуратной почтовой рассылке журнала] (с. 29).

Кн. В. Мещерскій. **Наполеонъ III** (с. 29–31).

<*В. П. Мещерский*>[15]. **Петербургское обозрѣніе.** Елки. Знаменательныя елки. Ожиданія и слухи. Сочинители этихъ слуховъ. Неосуществленіе ихъ. Извѣстія достовѣрныя въ мірѣ политическомъ, литературномъ и театральномъ (с. 31–32).

Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** III. Среда (с. 32–36).

Ѳ. Тютчевъ. **Наполеонъ III** [Стихотворение] (с. 37).

Москвичъ <*И. Ю. Некрасов, Ф. М. Достоевский?*>[16]**. Московскія замѣтки** (с. 37–40).

Тотъ да не тотъ. <*В. П. Мещерский*>[17]. **Этюды петербургскаго большаго свѣта.** III. Отвѣтъ педагога и моралиста графинѣ Длинноруковой (с. 40–43).

Кохановская <*Н. С. Соханская*>**. Гласное слово на всю Москву и ея округу** (с. 43–47).

<*В. Ф. Пуцыкович?*>. **Положеніе пенсіоннаго дѣла за границею и у насъ и предположенія обезпеченія пенсіями на**

началахъ взаимно-пожизненнаго страхованія. (Продолженіе) (с. 47–48).

Оптимистъ <В. П. Мещерский, В. Ф. Пуцыкович?>[18]. **Ералашъ**

Извѣстія изъ всего міра. Что произвела смерть Наполеона III во Франціи. Интересная статистика. Часовой и наслѣдникъ престола. Убійства и убійства

Извѣстія изъ нашего міра. Происшествіе въ Иркутскѣ. Любопытный и отрадный крестьянскій приговоръ. Pas trop de zèle*. Атмосфера какъ причина пожара. Невѣроятное убійство. Сентиментальная фальшь въ области уголовнаго суда. Исчезнувшій убійца. Кто величайшій русскій писатель нашего времени? Юбилей А. А. Краевскаго и его газеты «Голосъ»[19]. Леченіе глазъ посредствомъ ослѣпленія (с. 49–54).

Библіографія

Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и исторіи Евгенія Маркова. С.-Петербургъ, 1873 (с. 54).

<В. Я. Ососов?>[20]. Изложеніе началъ народнаго хозяйства. И. Бабста. Томъ первый. Выпускъ первый. Москва. 1872 (с. 54–55).

<В. Ф. Пуцыкович>[21]. Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Изъ путешествій 1857–58 и 1869–70 годовъ Эдуарда Циммерманна. Москва. 1873 г. (с. 55–56).

<В. П. Мещерский>[22]. Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. Салтыкова. (Щедринъ). 1873. Куль хлѣба и его похожденія. С. Максимова. 1873 (с. 56).

№ 3. 15 января

<Ф. М. Достоевский>[23]. **Отъ редакціи** [О печатании текущих материалов] (с. 55**).

---

* Не переусердствуйте (*фр.*).

** Страницы № 3 «Гражданина» (с. 55–88) пронумерованы ошибочно — должно быть: с. 57–90. Сбой в нумерации страниц в годовом комплекте «Гражданина» 1873 г. устранен начиная с № 4.

Русскій <*В. П. Мещерский*>[24]. **Великая Княгиня Елена Павловна** (с. 55–57).
К. П. <*К. П. Победоносцев*>[25]. **9 января 1873 года** (с. 57–58).
<*А. У. Порецкий*>[26]. **Областное обозрѣніе.** Новый судъ въ губерніяхъ пермской и вологодской. — Не пора ли также въ балтійскій край и въ привислинскій и что для этого надобно? Wacht am Rhein* среди самарскихъ колонистовъ и русскій языкъ въ балтійскихъ школахъ и канцеляріяхъ. — Кабакъ или школа — кто одолѣетъ въ Алексинскомъ уѣздѣ и что значитъ работать съ малыми средствами? Единственное средство противъ пьянства, рекомендуемое саратовскимъ священникомъ. — Какого мнѣнія на этотъ счетъ лица духовныя въ Тамбовѣ и Казани. — Цензурой или штрафами возвысить церковную проповѣдь? (с. 58–61).
Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** IV. Нѣчто личное (с. 61–64).
Н. Казанцевъ. **Наслѣдство въ полтораста рублей.** Мѣстная картинка (с. 65–67).
Н. <*В. А. Унтилов*>[27]. **Общество для противудѣйствія чрезмѣрному распространенію пьянства** (с. 67–70).
Ред. <*Ф. М. Достоевский*>[28]. [Примечание к статье «Общество для противудействия чрезмерному распространению пьянства»] (с. 68).
<*В. Ф. Пуцыкович?*>. **Положеніе пенсіоннаго дѣла за границею и у насъ и предположенія обезпеченія пенсіями на началахъ взаимно-пожизненнаго страхованія.** (Продолженіе) (с. 70–72).
Кн. В. Мещерскій. **Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ.** Часть третья и послѣдняя. Глава II. Графъ Обезьяниновъ въ вагонѣ. Глава III. Первыя минуты въ Петербургѣ (с. 72–75).
Б. <*А. Н. Апухтин*>[29]. **Посвящается М. В.** [Стихотворение] (с. 75).
Пѣсня при гробѣ хлопа. (Изъ Витвицкаго) [Стихотворение] (с. 75).

---

* Стража на Рейне (*нем.*).

Евгеніевъ <В. Я. Ососов>[30]. **Экономическій фельетонъ** (с. 76–78).

<К. П. Победоносцев?>[31]. **Некрологъ 1872 г.** (с. 78–81).

Оптимистъ <В. П. Мещерский, Ф. М. Достоевский?>[32]. **Ералашъ.** Вѣсти со всего міра

За границею. Похороны Наполеона III. Критическое положеніе итальянскаго короля. Ужаснѣйшій пожаръ въ домѣ умалишенныхъ въ Америкѣ. Печать въ Турціи. Иностранцы чиновники въ Японіи. Полиція и народное образованіе въ Берлинѣ, Вѣнѣ и С.-Петербургѣ. Чехъ, поросенокъ и король Венгріи. «La femme de Claude»* — новая комедія Александра Дюма-сына

Извѣстія у насъ. Безтактность иныхъ провинціальныхъ корреспондентовъ газетъ[33]. Вопіющія слезы крестьянина. Турція какъ эдемъ. Адресъ женской гимназіи земству. Полезная иниціатива моршанской уѣздной управы. Женскій вопросъ у киргизовъ. Чайныя плантаціи на Кавказѣ. Самоуправства крестьянъ. Таинственный поджигатель въ исторіи нашихъ пожаровъ. Прогрессъ въ дѣлѣ мошенничества. Фактъ благотворительности изъ ряда вонъ. Красивое слово. Другое слово, но печальное. Политическое слово (с. 81–87).

Давнишній обыватель Петербурга <А. У. Порецкий?>[34]. **Современная хлестаковщина.** Воспоминанія старожила (с. 87–88).

№ 4. 22 января

<В. П. Мещерский, Т. И. Филиппов?, Ф. М. Достоевский?>[35]. **Петербургское обозрѣніе.** Трауръ Петербурга. Характеръ его веселья. Роскошь его нарядовъ и ея послѣдствія. Палаццо обращаемые въ трактиры. Орфеумъ и публичныя лекціи подъ одною крышею; кто сильнѣе кабакъ или народныя чтенія? Проповѣди. Чтеніе Т. И. Филиппова въ обществѣ любителей духовнаго

* «Жена Клода» (*фр.*).

просвѣщенія. Новый фазисъ греко болгарскаго вопроса у насъ. Военная реформа (с. 91–93).
Москвичъ <И. Ю. Некрасов>. **Московскія замѣтки** (с. 93–96).
Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** V. Власъ (с. 96–100).
М. Погодинъ. **Еще за Минина** (с. 101–105).
Нечаевскій процессъ. (Извлеченіе изъ «Правительственнаго Вѣстника») (с. 105–108).
Одинъ изъ будущихъ участниковъ пенсіонной кассы <В. Ф. Пуцыкович?>. **Положеніе пенсіоннаго дѣла за границею и у насъ и предположенія обезпеченія пенсіями на началахъ взаимно-пожизненнаго страхованія.** (Окончаніе) (с. 108–110).
В. Н. Д. <В. И. Немирович-Данченко>[36]. **Воскресные разсказы.** II. Любить — прощать. (Очеркъ) (с. 110–114).
Тотъ да не тотъ <В. П. Мещерский>[37]. **Этюды большаго петербургскаго свѣта. Этюдъ** IV. Куртизаны (les courtisans) большаго свѣта (с. 114–118).
Критика и библіографія

<*В. Ф. Пуцыкович*>[38]. Десять лѣтъ реформъ. 1861–1871. А. А. Головачева. С.-Петербургъ 1872 (с. 118–123).

<*К. П. Победоносцев?*>[39]. Систематическій сводъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ сената 1866–1871 г. Т. IV. Сост. Н. С. Таганцевымъ. Спб. 1872 г. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ… Сост. Н. С. Таганцевымъ. Спб. 1872 г. (с. 123–124).

<*Ф. М. Достоевский*>[40]. Наши монастыри. (Журналъ «Бесѣда» 1872 г.) (с. 124–125).

<*Ф. М. Достоевский?*>[41]. Соборяне. Старгородская хроника. Н. Лѣскова. (Стебницкаго). Москва. 1872 (с. 125–126).

[Объявление о скором выходе в свет романа «За скипетры и короны» Самарова] (с. 126).

№ 5. 29 января

<*Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский*>[42]. **Отъ редакціи** [Объявления о выходе романа Ф. М. Достоевского «Бесы», полного собрания стихотворений А. Н. Майкова, о подписке на

«Гражданин» и о скором выходе в свет романа «За скипетры и короны» Самарова] (с. 127–128).

<А. У. Порецкий>. **Областное обозрѣніе.** Новыя изданія для изученія Кавказа. — Секта шалапутовъ. — Штундисты въ Любоміркѣ. — Обезпеченіе духовенства въ связи съ развитіемъ сектъ. — Бугульминское духовенство правильно смотритъ на дѣло. — Домашнее богослуженіе, народный языкъ и общее пѣніе. — Мнѣніе пермскаго гласнаго о содержаніи духовенства на земскій сборъ. — Что однако изъ всего этого вытекаетъ? — Вопросъ, на который нѣтъ пока отвѣта (с. 129–132).

С. Н. <С. А. Николаевский>. **Политическое обозрѣніе** (с. 132–134).

Д. <В. И. Немирович-Данченко>[43]. **Изъ дорожныхъ замѣтокъ на сѣверѣ. М**аргаритинская ярмарка. — Зыряне и пустозерцы — въ тундрѣ. — Ярмарочные типы. — На тяжелой работѣ. — Въ залѣ военнаго суда. — Ночная поѣздка за городъ. — Русская пѣсня — гдѣ ты? — Старое доброе время (с. 135–140).

<В. Я. Ососов>[44]. **Обозрѣніе торговли Россіи по европейской границѣ за прошлый годъ (1872)** (с. 140–143).

<Д. Д. Шумахер?>[45]. **Очеркъ дѣятельности московской думы [отъ] 1863 года до настоящаго времени** (с. 143–145).

П. Козловъ. **Май** [Стихотворение] (с. 145–147).

М. Погодинъ. **Въ вагонѣ** (с. 147–148).

А. М. <А. Н. Майков>[46]. **Фотографическіе снимки съ картинъ Императорскаго Эрмитажа** (с. 148–152).

Вѣсти со всего міра

Пребываніе Великаго Князя Алексія Александровича въ Японіи

Раззоренье отъ медвѣдей въ Иркутской губ. Изъ газеты «Современность»

<В. П. Мещерский>[47]. Киргизскіе депутаты въ С.-Петербургѣ

<Т. И. Филиппов>[48]. По вопросу объ единовѣріи

<Е. К. Гижицкий>[49]. О русскихъ эмигрантахъ. Изъ «Московскихъ Вѣдомостей»

<*Е. И. Зарина? с предисловием Ф. М. Достоевского?*>[50]. Добрыя вѣсти изъ кишиневской эпархіи (с. 152–158).

№ 6. 5 февраля

Кн. В. Мещерскій. **По поводу московскаго случая съ городскимъ головою** (с. 159–160).

<*В. П. Мещерский, при возможном участии К. П. Победоносцева*>[51]. **Петербургское обозрѣніе** (с. 160–162).

Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** VI. Бобокъ. Записки одного лица (с. 162–166).

Москвичъ <*И. Ю. Некрасов*>. **Московскія замѣтки** (с. 167–169).

Евгеніевъ <*В. Я. Ососов*>[52]. **Обозрѣніе торговли Россіи по европейской границѣ за прошлый годъ (1872).** (Окончаніе) (с. 169–176).

<*Д. Д. Шумахер?*>. **Очеркъ дѣятельности московской думы отъ 1863 года до настоящаго времени.** (Продолженіе) (с. 176–178).

<*И. И. Гаврушкевич?*>[53]. **Новое хорошее дѣло въ земствѣ** (с. 178).

А. Фр. <*А. В. Фрейганг*>[54]. **Два слова о торговомъ флотѣ** (с. 178–180).

Критика и библіографія

Записки Андрея Тимоѳеевича Болотова. Томъ третій. Спб. 1873 (с. 180–182).

Исторія франкъ-масонства отъ возникновенія его до настоящаго времени. I. Т. Финделя. Т. I. С.-Петербургъ. 1872 (с. 182–183).

Курсъ гражданскаго права. Сочиненіе К. Побѣдоносцева. Первая часть. Вотчинныя права. Второе изданіе. С.-Петербургъ. 1873 (с. 183–184).

<*М. И. Владиславлев?*>[55]. Политика какъ наука. Сочиненіе А. Стронина. С.П.б. 1872 (с. 184–185).

<*А. У. Порецкий?*>[56]. L'Ecole Froebel. Histoire d'un jardin d'enfants. Octavie Masson[*]. Paris. 1872 (с. 185).

<*Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский*>[57]. **Отъ редакціи** [Объявления] (с. 186).

№ 7. 11 февраля

<*Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский*>[58]. **Отъ редакціи** [Объявления] (с. 187–189).

С. Н. <*С. А. Николаевский*>. **Политическое обозрѣніе** (с. 189–190).

А. Ѳ. Писемскій[**]. **Подкопы.** Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Дѣйствіе первое (с. 191–197).

<*Д. Д. Шумахер?*>. **Очеркъ дѣятельности московской думы отъ 1863 года до настоящаго времени.** (Продолженіе) (с. 197–201).

В. Н. Д. <*В. И. Немирович-Данченко*>. **На озерѣ.** (Легенда упраздненнаго скита). I–V (с. 201–204).

А. Мансуровъ. **Письмо о касимовскомъ земствѣ** (с. 204–207).

Одинъ изъ публики. <*Вл. С. Соловьев?*>[59]. **Диспутъ въ московской духовной академіи** (с. 207–209).

Т. Филипповъ. **О гимназіи княгини Оболенской** (с. 209–211).

Замѣтка (с. 211).

П. Чайковскій. **Бетховенъ и его время.** I–VII (с. 211–216).

Кн. В. Мещерскій. **Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ.** Часть третья и послѣдняя. Глава IV. Графъ Обезьяниновъ наталкивается на непредвидѣнныя обстоятельства (с. 216–218).

№ 8. 19 февраля

<*В. П. Мещерский*>. **Петербургское обозрѣніе** (с. 219–222).

Москвичъ <*И. Ю. Некрасов*>. **Московскія замѣтки** (с. 222–224).

Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** VII. «Смятенный видъ» (с. 224–226).

---

[*] Школа Фребеля. История детского сада. Октавия Массон (*фр.*).

[**] Фамилия автора указана в содержании журнального выпуска.

А. Ѳ. Писемскій[*]. **Подкопы.** Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Дѣйствіе второе (с. 227–232).
Александръ Екимовъ. **Толки о волостныхъ судахъ.** Критическая ихъ оцѣнка (с. 232–238).
<Д. Д. Шумахер?>. **Очеркъ дѣятельности московской думы отъ 1863 года до настоящаго времени.** (Продолженіе) (с. 238–243).
Т. Филипповъ. **Въ память А. Ѳ. Гильфердинга.** (Читано въ собраніи спб. Славянскаго Комитета 14 февраля 1873 г.) (с. 243–245).
П. Чайковскій. **Бетховенъ и его время.** VIII–XI (с. 245–249).
Объявленія (с. 250).

№ 9. 26 февраля

<Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский>[60]. **Отъ редакціи** [Объявления] (с. 251–252).
Кн. В. Мещерскій <при участии Ф. М. Достоевского>[61]. **Изъ міра нашей педагогики** (с. 252–255).
Товарищи Цейдлера: А. Порѣцкій, А. Майковъ. **Петръ Михайловичъ Цейдлеръ.** (Некрологь) (с. 256–258).
А. Писемскій[**]. **Подкопы.** Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Дѣйствіе третье (с. 259–265).
<Д. Д. Шумахер?>. **Очеркъ дѣятельности московской думы отъ 1863 года до настоящаго времени.** (Продолженіе) (с. 265–269).
Н. Казанцевъ. **Замѣтка о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ Восточной Россіи** (с. 269–272).
Старый читатель журналовъ, М. Погодинъ. **Къ характеристикѣ Бѣлинскаго.** (Справка съ объясненіемъ) (с. 272–275).
В. Н. Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **На озерѣ.** VI–IX (с. 275–277).

---

[*] Фамилия автора указана в содержании журнального выпуска.
[**] Фамилия автора указана в содержании журнального выпуска.

И. Генслеръ <при участии Ф. М. Достоевского>[62]. **Гаваньскія сцены.** (Жанръ). I. Стрѣлокъ. II. О томъ какъ гаваньцы строются (с. 277–282).
Объявленіе (с. 282).

№ 10. 5 марта

<В. П. Мещерский, Ф. М. Достоевский>[63]. **Петербургское обозрѣніе** (с. 283–285).
Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** VIII. Полписьма «одного лица» (с. 285–289).
<С. А. Николаевский>. **Политическое обозрѣніе** (с. 289–290).
<А. У. Порецкий>. **Областное обозрѣніе.** Пермскія дороги и почтовыя барыши; а все же пермское земство не совсѣмъ право. Не очень виноваты и гнѣдинскіе крестьяне, отказавшіеся имѣть учителя. Градъ, бури, язва, чума, холера, неурожай, голодъ — такова жизнь будинскаго прихода. Полторы копѣйки въ день дохода и 37,000 рублей сборовъ въ Курмышской волости. Сколько бѣдъ отъ безграмотности понесли рабочіе Смоленской губерніи и на лозово-севастопольской дорогѣ. Терпѣніе и убѣжденіе священника довели до процвѣтанія школу въ Полтавской губ.; — ложный взглядъ посредника разстроилъ школу въ Одесскомъ уѣздѣ: что изъ этого слѣдуетъ? Начала школьнаго дѣла, принятыя череповецкимъ земствомъ. Земля и школы, и достойный подражанія проектъ о надѣленіи землею школъ сѣверо-западнаго края (с. 290–294).
А. Писемскій. **Подкопы.** Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Дѣйствіе четвертое. Дѣйствіе пятое (с. 295–308).
М. Степановъ. **Плутократія.** Отдѣлъ I. О правильной системѣ государственнаго управленія. Отдѣлъ II. О послѣдствіяхъ неправильной системы государственнаго управленія (с. 308–318).
Еще о касимовскомъ земствѣ (с. 318–320).
И. Генслеръ. **Гаваньскія сцены.** III. Наводненіе (с. 320–322).

№ 11. 12 марта

<В. П. Мещерский>[64]. **Отъ редакціи** [Объявления] (с. 323–324).
Кн. В. Мещерскій. **Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ.** Часть III и послѣдняя. Глава V. Графъ Обезьяниновъ утѣшается въ скорбяхъ. Глава VI. Графъ Обезьяниновъ раздувается и рисуется (с. 324–328).
Е. З. <Е. И. Зарина?>[65]. **Лучи и тѣни.** №№ 1–16 [Стихотворение] (с. 328–330).
В. Н. Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **На озерѣ.** X–XII (с. 330–332).
Москвичъ <И. Ю. Некрасов>. **Московскія замѣтки** (с. 332–334).
Даніель <Д. Д. Шумахер?>. **Очеркъ дѣятельности московской думы отъ 1863 года до настоящаго времени.** (Окончаніе) (с. 335–341).
Н. Б. <А. И. Васильчиков?>[66]. **О дѣятельности нашего земства.** I (с. 341–347).
М. Погодинъ. **Къ вопросу о славянофилахъ** (с. 347–352).
Евгеніевъ <В. Я. Ососов>[67]. **Экономическій фельетонъ.** (Обозрѣніе января и февраля) (с. 352–356).
П. Чайковскій. **Бетховенъ и его время.** XII–XIV (с. 356–358).
Опечатка (с. 358).
Объявленіе (с. 358).

№ 12. 19 марта

Кн. В. Мещерскій. **Губернаторскіе обѣды.** (Мысли по поводу обѣда въ честь рязанскаго губернатора) (с. 359–360).
Изъ «Русскаго Инвалида»* (с. 360–362).
***** О постройкѣ церковныхъ зданій въ прибалтійскихъ губерніяхъ на счетъ правительства** (с. 362–363).
А. Шиповъ. **О банковой реформѣ и объ устраненіи давленій плутократіи** (с. 363–368).

---

* Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

Евгеній Саліасъ. **Сполохъ и майданъ.** (Отрывокъ изъ романа времени Пугачевщины). XV–XX* (с. 369–378).
Архимандритъ Григорій Палама. **Еще о болгарскомъ вопросѣ** (с. 378–381).
Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье «Еще о болгарском вопросе»] (с. 378).
Н. Казанцевъ. **Безъизвѣстные дѣятели.** (Картинка первая) (с. 381–383).
Дорогобужскій туристъ. **Письмо изъ Вѣны** (с. 383–384).
А. Шкляревскій. **Наканунѣ защиты преступника.** (Изъ записокъ присяжнаго повѣреннаго) (с. 384–386).
П. Чайковскій. **Бетховенъ и его время.** XV–XVII (с. 386–389).
С. Корвинъ-Круковской. **Письмо къ редактору** (с. 389–390).
<А. У. Порецкий>. **Областное обозрѣніе.** Кредитъ, какъ достояніе народа и орудіе правительственной политики. Кому не нуженъ и кому нуженъ такой кредитъ? Ежегодныя нужды сельско-хозяйственнаго оборота Херсонской губерніи: 17 милліоновъ въ годъ для краткосрочныхъ ссудъ можетъ дать только правительство. Кто избавитъ саратовскихъ крестьянъ отъ прасоловъ и барышниковъ? Отношеніе правительства и частныхъ капиталистовъ къ вопросу о русскомъ землевладѣніи въ западномъ краѣ. Товарищество пріобрѣтателей колоній. Общество взаимнаго поземельнаго кредита, — наконецъ кіевскій и виленскій земельные банки. Ликованіе «Виленскаго Вѣстника» съ одной стороны и безотрадные факты «Кіевлянина», «Московскихъ Вѣдомостей» и «Голоса» съ другой стороны (с. 390–394).
Объявленіе (с. 394).

№ 13. 26 марта

<В. П. Мещерский>. **Петербургское обозрѣніе** (с. 395–397).
Архимандритъ Григорій Палама. **Еще о болгарскомъ вопросѣ.** (Продолженіе). (с. 397–400).
Москвичъ <И. Ю. Некрасов>. **Московскія замѣтки** (с. 400–403).

* В публикации главка XX ошибочно пронумерована как XVII.

Л. Ю. Кохнова. **Отвѣтъ женщины на призывъ «Гражданина»: «Къ дѣлу!».** I–II (с. 403–411).
Ред. <Ф. М. Достоевский>. **Отъ редакціи** [Предисловие к статье Л. Ю. Кохновой «Ответ женщины на призыв “Гражданина”: “К делу!”»] (с. 403).
В. Н. Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **Воскресные разсказы.** III. Изъ окна въ окно. (Дневникъ выздоравливающей дѣвушки) (с. 411–415).
М. Погодинъ. **Къ вопросу о славянофилахъ.** (Окончаніе) (с. 415–420).
Р. Поповъ. **Кустарная промышленность въ Россіи и артельная организація народнаго труда.** I (с. 420–423).
Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** IX. По поводу выставки (с. 423–426).

№ 14. 2 апреля

<А. У. Порецкий>. **Областное обозрѣніе.** Новое положеніе городовъ и старыя преданія, воззрѣнія и привычки нѣкоторыхъ администраторовъ. Вопросы, которые можно бы совсѣмъ не возбуждать. Благопріятный взглядъ правительства на ходатайства городскихъ управленій. Разъясненіе сената о самостоятельномъ правѣ ихъ разрѣшать городскія общественныя постройки. Отчего бы стѣснять городскихъ представителей въ правѣ заявлять публичную признательность? Различныя на этотъ счетъ воззрѣнія въ Курскѣ и въ Воронежѣ. Можно-ли смотрѣть съ одной типографски-хозяйственной стороны на печатаніе въ губернскихъ вѣдомостяхъ приговоровъ думъ? Общественное самоуправленіе и гласность: — положеніе гласнаго — корреспондента въ херсонской думѣ (с. 427–431).
С. Н. <С. А. Николаевский>. **Политическое обозрѣніе** (с. 431–433).
Ѳ. Д. <Ф. М. Достоевский при участии Т. И. Филиппова>[68]. **Засѣданіе общества любителей духовнаго просвѣщенія 28 марта** (с. 433–434).

А. Г—въ <А. А. Головачев?>[69]. **Хороша наша деревня.** (Наброски охотника). Недоимка. I–III (с. 435–441).
Л. Ю. Кохнова. **Отвѣтъ женщины на призывъ «Гражданина»: «Къ дѣлу!».** (Окончаніе). III (с. 441–444).
Архимандритъ Григорій Палама. **Еще о болгарскомъ вопросѣ.** (Окончаніе) (с. 444–449).
Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье «Еще о болгарском вопросе»] (с. 448).
И. Печеневъ <И. И. Богданов>[70]. **Въ вокзалѣ.** I–III (с. 449–451).
Р. Поповъ. **Кустарная промышленность въ Россіи и артельная организація народнаго труда.** II (с. 451–456).
А. <А. Н. Майков>[71]. **Нѣсколько словъ по поводу выставки проектовъ памятника Пушкину** (с. 456–458).
Объявленіе (с. 458).

№ 15–16[72]. 16 апреля

К. В. М. <В. П. Мещерский>[73]. **Императоръ Вильгельмъ** (с. 459–460).
<В. П. Мещерский>. **Петербургское обозрѣніе.** Зима вмѣсто весны. Обманутыя надежды на пасху. Пріѣздъ германскаго императора. Программа празднествъ. Чѣмъ кончились толки о военныхъ дѣлахъ. Хивинскіе отряды. Событія внутренней политики. Центральный банкъ. Проектъ новаго закона о печати. Дѣтскія книги какъ утѣшеніе въ скорбяхъ печати. Отрадное явленіе въ области искусствъ. Картина «Грѣшница» Семирадскаго (с. 460–463).
Москвичъ <И. Ю. Некрасов>. **Московскія замѣтки** (с. 463–465).
<Л. С. Личков>[74]. **Изъ Архангельска.** Нѣсколько словъ о спектакляхъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ (с. 465–466).
<К. П. Победоносцев>[75]. **Замѣтка** (с. 466–467).
В. Н. Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **Съ сербскаго.** I. На коня. II. Славянскій праздникъ. III. Пѣсня [Стихотворения] (с. 467).
Одинъ изъ гласныхъ. **Еще нѣсколько словъ обвинителямъ земства** (с. 467–468).

Н. Казанцевъ. **Изъ Самарской губерніи.** Наши общественныя бѣдствія и средства отъ нихъ избавиться (с. 468–470).
Н. Страховъ. **Замѣтки о текущей литературѣ.** I–III (с. 470–474).
В. Н. Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **Невѣдомыя пустыни. Новая Земля.** I. Вступленіе. II. Видъ Новой Земли. III. Положеніе острова. IV. Берега Новой Земли (с. 474–479).
С. Н. <С. А. Николаевский>[76]. **Вѣнскія замѣтки.** (Изъ портфеля туриста). I–IV (с. 479–483).
Недолинъ <М. А. Сакс>[77]. **Дьячокъ.** Разсказъ въ пріятельскомъ кругу (с. 483–488).
<А. У. Порецкий>. **Областное обозрѣніе.** Отчеты и дѣйствительность. Дорогіе вѣнчики, дорогія свѣчи — къ чему это ведетъ? Елисаветградскіе священники противъ общежитій и не за духовныя училища. Спасительное дѣйствіе цензуры во владимірской епархіи. Духовенство въ борьбѣ съ народными недугами. Какъ пьянствуютъ краковцы и къ чему это привело шабцевъ. Гдѣ сила кабака и современная проповѣдь готова ли на борьбу съ нимъ? Вѣрныя замѣчанія курской газеты о нашей проповѣди. Школами духовенству заниматься некогда. Церковно-приходскія школы Балтскаго уѣзда. Не процвѣтаетъ въ школахъ кавказской епархіи даже преподаваніе Закона Божія. Лучше плата отъ земства, нежели налогъ на незнающихъ молитвъ. Школы въ церквахъ вятской епархіи и мнѣніе духовной печати по этому предмету. Церковныя библіотеки слѣдуетъ открыть народу. Сельская библіотека Е. А. Тимашевой въ Оренбургскомъ уѣздѣ. Заключительная параллель изъ отчетовъ 1869, 1870 и 1871 гг. въ связи съ прискорбными вопросами г. Троицкаго (с. 489–494).

№ 17. 23 апреля

<В. П. Мещерский>[78]. **Пребываніе Императора Вильгельма въ С.-Петербургѣ** (с. 495–498).
****** *<К. П. Победоносцев>*[79]. **Церковь и Государство.** I (с. 498–499).

Кн. В. Мещерскій. **Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ.** Часть III и послѣдняя. Глава VII. Ces dames et ces messieurs. Глава VIII. Графъ Обезьяниновъ ростетъ (с. 499–504).
А. Шиповъ. **Объ устраненіи давленій плутократіи.** Статья II (с. 505–507).
С. Н. <С. А. Николаевский>. **Вѣнскія замѣтки.** (Изъ портфеля туриста). (Окончаніе). V–X (с. 507–513).
***** Отношенія Императора Николая Павловича къ Севастополю.** (Изъ газеты «Русскій Инвалидъ») (с. 513–518).
Ignoto <Н. Н. Страхов>[80]. **Еще о выставкѣ моделей на памятникъ Пушкину** (с. 518–523).
Критика и библіографія

<*Н. Н. Страхов*>[81]. А. С. Пушкинъ. — Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній — П. В. Анненкова. С.-Петербургъ 1873 г. (с. 523–524).

<*Н. Н. Страхов*>[82]. Природа. Популярный естественно-историческій сборникъ. Книга I. Москва, 1873 (с. 524–525).

С. Н. <С. А. Николаевский>. **Политическое обозрѣніе** (с. 525–526).
<В. П. Мещерский?, А. У. Порецкий?, В. Ф. Пуцыкович?>[83]. **Изъ текущей жизни** (с. 526–529).
<Ф. М. Достоевский>. **Отъ редакціи** [О получении письма проф. Нильского и печатании его в следующем номере] (с. 529).
Объявленія (с. 530).

№ 18. 30 апреля

<В. П. Мещерский>. **Петербургское обозрѣніе.** Весна. Отъѣздъ Императора. Тосты. Итогъ впечатлѣніямъ за послѣдніе дни. Безтактность корреспондента «Times». Военныя впечатлѣнія пруссаковъ. Куда дѣли русскую оперу? Подписка на ремесленное училище. Слухи политическіе (с. 531–533).
Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** [X]. Ряженый (с. 533–538).
****** *<К. П. Победоносцев>.* **Церковь и Государство.** II (с. 539–540).
<В. Ф. Пуцыкович?>[84]. **Опекунская реформа** (с. 540–543).

А. Шиповъ. **Объ устраненіи давленій плутократіи.** Статья II. (Окончаніе) (с. 543–546).
Н. Страховъ. **Замѣтки о текущей литературѣ.** IV–VI (с. 546–548).
Москвичъ <И. Ю. Некрасов>. **Московскія замѣтки** (с. 548–551).
<В. П. Мещерский?, А. У. Порецкий?, В. Ф. Пуцыкович?>[85]. **Изъ текущей жизни** (с. 551–553).
<Ф. М. Достоевский, Т. И. Филиппов>[86]. **Отъ редакціи** [Публикация письма И. Ф. Нильского с ответом редакции] (с. 553–554).
Опечатки (с. 554).

№ 19. 7 мая

<Ф. М. Достоевский>. **Отъ редакціи** [По поводу слухов о прекращении журнала][87] (с. 555–556).
Кн. В. Мещерскій. **Мысли вслухъ.** Признаки времени. Почему грустно живется. Нѣчто о романѣ. Надгробная эпитафія «Моск. Вѣд.» — Размышленія газеты «Голосъ» по поводу этой эпитафіи (с. 556–559).
<В. П. Мещерский>[88]. **Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ.** Часть III и послѣдняя. Глава IX. Мѣсто, мѣсто, графъ Обезьяниновъ идетъ! (с. 559–562).
Л. П—ва <Л. Папкова>[89]. **Изъ Гейне** [Стихотворения] (с. 562).
****** *<К. П. Победоносцев>.* **Церковь и Государство.** III (с. 563–565).
В. Н. Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **Невѣдомыя пустыни. Новая Земля.** (Продолженіе). V. Строеніе Новой Земли, ея температура, флора и фауна. VI. Что даетъ Новая Земля промышленнику (с. 565–569).
<А. В. Фрейганг?>[90]. **Общество поданія помощи при кораблекрушеніяхъ** (с. 569–572).
Н. Страховъ. **Замѣтки о текущей литературѣ.** VII–VIII (с. 572–574).
<В. П. Мещерский?, А. У. Порецкий?, В. Ф. Пуцыкович?, Ф. М. Достоевский?>[91]. **Изъ текущей жизни**

Новые реформаторскіе подвиги микадо въ Японіи

Чѣмъ озабоченъ турецкій султанъ
Казни въ Китаѣ
Ужасныя преступленія
Сцена у мироваго судьи
Знаменательная могильная надпись
Крестьяне борются съ кабаками
Утопленники въ грязи
Доброе дѣло одного священника (с. 574–578).

№ 20. 14 мая

<В. П. Мещерский, Ф. М. Достоевский>[92]. **Отъ редакціи** [Объявления] (с. 579–580).
******* *<В. П. Мещерский>*[93]. **Что можетъ спасти Россію отъ повальнаго пьянства?** (с. 580–581).
<В. П. Мещерский>. **Петербургское обозрѣніе.** Шахъ Персіи. Значеніе его поѣздки. Его видъ. Его личность. Его слова. Его свита. Подробности о его пребываніи въ Петербургѣ. Пріемъ. Театръ гала. Парадъ. Юбилей юнкерской школы. Лѣтній сезонъ. Слухи изъ политической жизни (с. 581–585).
<В. Ф. Пуцыкович?>[94]. **Полицейская реформа** (с. 585–586).
Москвичъ <И. Ю. Некрасов>. **Московскія замѣтки**[95] (с. 587–588).
Максъ Шлезингеръ. *<Перевод Н. Н. Страхова>*[96]. **Отчетъ о вѣнской выставкѣ.** I. Капризы климата. — Что можно замѣтить между Пассау и Вѣною. — Скопленіе кладей назначенныхъ для выставки. — Причины его. — Въ чемъ ошиблась коммиссія выставки. — Критика вѣнскихъ жителей. — Декоративное погребеніе. — Много внѣшняго блеска и запахъ гнили. — Стачка дрожекъ. — Ея причины и бѣдствіе просьбъ на водку. — Дружественное предостереженіе. — Трагическая и комическая стороны стачки (с. 589–591).
<В. П. Мещерский>. **Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ.** Часть III и послѣдняя. (Окончаніе). Глава X. Съ высоты (с. 591–594).
Н. Страховъ. **Замѣтки о текущей литературѣ.** IX–XI (с. 594–597).

<В. П. Мещерский?, А. У. Порецкий?, В. Ф. Пуцыкович?, И. Ю. Некрасов?>[97]. **Изъ текущей жизни**

Пріѣздъ Персидскаго Шаха въ Россію и пребываніе его въ Москвѣ. («Моск. Вѣд.» № 113)

Къ вопросу о спасеніи южныхъ губерній отъ засухи

О чайной торговлѣ

Погоня за денежной наживой

Дѣла англійскихъ и американскихъ журналовъ

Размышленія надъ однимъ изъ приказовъ московскаго оберъ-полиціймейстера (с. 597–602).

№ 21. 21 мая

<В. П. Мещерский>[98]. **Франція** (с. 603–606).

Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** XI. Мечты и грёзы. 1 (с. 606–608).

<Т. И. Филиппов>[99]. **Петербургское общество любителей духовнаго просвѣщенія** (с. 608–610).

В. Н. Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **Странникъ** [Стихотворение] (с. 610).

Либералъ <В. П. Мещерский>[100]. **Нѣчто о дѣтяхъ. Размышленія по поводу дѣтской литературы** (с. 611–615).

<Макс Шлезингер. Перевод Н. Н. Страхова>. **Отчетъ о вѣнской выставкѣ.** II. Празднество открытія выставки (с. 615–618).

В. Пуцыковичъ. **Наша слѣдственная часть** (с. 618–620).

Н. Страховъ. **Замѣтки о текущей литературѣ.** XII–XIII (с. 620–623).

Аркадій Алянчиковъ, А. Мансуровъ. **Еще о касимовскомъ земствѣ.** Письма къ редактору (с. 623–626).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Редакционные примечания к письмам А. Алянчикова и А. Мансурова] (с. 623, 626).

Объявленія [О выходе полного собрания стихотворений А. Н. Майкова и романа Ф. М. Достоевского «Бесы»] (с. 626).

№ 22. 28 мая

******* *<В. П. Мещерский>*[101]. **Наши студентки** (с. 627–629).
Изъ газ<еты> «Правительственный Вѣстникъ» (с. 629–630).
<В. П. Мещерский>[102]. **Петербургское обозрѣніе** (с. 630–632).
<Т. И. Филиппов>. **Петербургское общество любителей духовнаго просвѣщенія.** (Продолженіе) (с. 632–634).
Москвичъ <И. Ю. Некрасов>. **Московскія замѣтки** (с. 635–637).
<Макс Шлезингер. Перевод Н. Н. Страхова>. **Отчетъ о вѣнской выставкѣ.** III. Мое сужденіе о торжествѣ открытія оправдалось. Вѣна собирается каяться въ оффиціальной безтактности. Дружескія указанія, какъ это можно было-бы сдѣлать. Ротшильдъ и Гохштрассе въ Кёльнѣ. Дороговизна всего. Доброжелательная проповѣдь. Ненаучное изображеніе ротонды и трансептовъ. IV. Какъ всего удобнѣе осматривать выставку? Спеціалистъ и непосвященный. — Исканіе системы. Парижъ и Вѣна. Точка зрѣнія Австріи. Чего нужно ждать отъ этой выставки. — Иностранные принцы. — Общая роскошь (с. 637–642).
Л. П—ва <Л. Папкова>[103]. **Мгновеніе** [Стихотворение] (с. 642).
П. Висковатовъ. **«Ты моя радость, моя ты звѣзда!..»**[104] [Стихотворение] (с. 642).
Н. Страховъ. **Замѣтки о текущей литературѣ.** XIV–XV (с. 642–644).
Р. Поповъ. **Кустарная промышленность въ Россіи и артельная организація народнаго труда.** (Продолженіе). III (с. 644–647).
Іеромонахъ Герасимъ. **Кое-что по поводу выходокъ одного спеціалиста** (с. 647–649).
Полезное къ свѣдѣнію. Новый способъ сбыта плохихъ книгъ. *Изъ газ<еты> «Современность»* (с. 650).
Отъ редакціи [Объявление о подписке на «Гражданин»] (с. 650).

№ 23. 4 июня

******* *<Ф. М. Достоевский?>*[105]. **По поводу одной корреспонденціи** (с. 651–652).

<*Т. И. Филиппов*>. **Петербургское общество любителей духовнаго просвѣщенія.** (Продолженіе) (с. 652–656).
<*В. Ф. Пуцыкович*>[106]. **Хивинскій походъ** (с. 656–658).
В. Н. Д. <*В. И. Немирович-Данченко*>. **Кандіотъ — турку** [Стихотворение] (с. 658).
<*Макс Шлезингер. Перевод Н. Н. Страхова*>. **Отчетъ о вѣнской выставкѣ.** V. Двоякія жалобы: a) на дороговизну въ съѣстныхъ павильонахъ выставки; начавшіяся мѣры противъ ея господства; b) на то, о чемъ трудно разсказыватъ. Свѣтлая точка Вѣны: Пратеръ позднимъ вечеромъ. Дурныя стороны Вѣны: Биржа. Всеобщая любезность. Обѣды на выставкѣ. «Прекрасная Елена» Оффенбаха. «Вильгельмъ Телль» и «Марія Стюартъ» Шиллера. Постыдное дѣло и раскаяніе. Прегрѣшеніе противъ зданія выставки (с. 659–661).
Учитель Михаилъ Орловъ. **Кабацкое дѣло въ селѣ Дурникинѣ, Балашевскаго уѣзда** (с. 661–663).
Д. Кишенскій. **Пить до дна — не видать добра.** Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ изъ народнаго быта (фабричнаго). Дѣйствіе первое (с. 663–669).
<*В. П. Мещерский*>[107]. **Изъ текущей жизни**

Кое-что о духовенствѣ нашемъ
Странная и невообразимая судьба обихода церковнаго пѣнія
Подвигъ белебеевскаго чиновника
Три случая самоубійствъ
Спускъ перваго черноморскаго броненосца-поповки «Новгородъ» и открытіе памятника адмиралу Грейгу въ Николаевѣ (с. 669–674).

Объявленіе [О выходе полного собрания стихотворений А. Н. Майкова] (с. 674).

№ 24. 11 июня

<*В. Ф. Пуцыкович, Ф. М. Достоевский?*>[108]. **Хивинскій походъ.** Занятіе нашими войсками Кунграда и бѣгство его жителей. — Соединеніе мангышалакскаго отряда съ оренбург-

скимъ. — Взятіе отрядами съ боя Ходжейли. — Битва при взятіи Мангыта и судьба его. — Переправа туркестанскаго отряда черезъ Аму-Дарью. — Затрудненія при движеніи аральской флотиліи. — Еще о трудностяхъ похода. — Два слова объ англійской печати и отношеніи ея къ общечеловѣческому дѣлу (с. 675–677).

<В. Ф. Пуцыкович>[109]. **Проектъ адвокатской реформы** (с. 677–678).

<Т. И. Филиппов>[110]. **Петербургское общество любителей духовнаго просвѣщенія.** (Продолженіе) (с. 678–682).

В. Н. Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **Мгновенія.** 1. Пережитая ночь [Стихотворение] (с. 682).

Л. П—ва <Л. Папкова>[111]. **«Когда ты лжешь — не трать искусства…»** [Стихотворение] (с. 682).

Д. Кишенскій. **Пить до дна — не видать добра.** Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ изъ народнаго быта (фабричнаго). Дѣйствіе 2-е (с. 683–687).

<Макс Шлезингер. Перевод Н. Н. Страхова>. **Отчетъ о вѣнской выставкѣ.** VI. Швейцарское отдѣленіе. — Чѣмъ оно отличается отъ другихъ. — Препятствія для развитія швейцарской промышленности и ихъ преодолѣніе. — Два только товара неохотно вывозимые Швейцаріею. — Питательныя средства, травяные соки, сигары. — Деревянныя издѣлія. — Графическія искусства и образовательныя средства. — Металлическія издѣлія. — Часы и вѣтви промышленности съ ними связанныя. VII. Странствіе съ запада на востокъ. — Наивный предлагатель вопросовъ. — Изученіе людей. — Метода работы въ Австріи и заключенія, которыя изъ нея можно вынести. — Положеніе вѣнскихъ народныхъ классовъ. — Англійскіе предметы на выставкѣ и ихъ относительныя преимущества. — Индія. — Философскія ученія востока въ примѣненіи къ выставкѣ. — Общія черты французской выставки. — Чѣмъ она выгодно отличается отъ другихъ. — Торжественный обѣдъ англійской выставочной коммиссіи. — Дурная погода (с. 687–693).

<Ф. М. Достоевский>[112]. **Изъ текущей жизни**

Пожаръ въ селѣ Измайловѣ

Стѣна на стѣну

Исторія о. Нила (с. 694–698).

№ 25. 18 июня

<*Ф. М. Достоевский?*>[113]. **Отъ редакціи** [О подписке на второе полугодие] (с. 699).

<*А. У. Порецкий*>. **Областное обозрѣніе.** Непонятное дѣло о раздачѣ хлѣба. — Старшина Селищевъ. — Кабаки, пожары и крестьянскіе приговоры. — «Чистосердечное признаніе», поясненное примѣрами. — Миссіонерка образованія (с. 700–702).

Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** XII. (По поводу новой драмы) (с. 702–706).

В. Н. Д. <*В. И. Немирович-Данченко*>. **Мгновенія**. 2. Въ горахъ. 3. Желаніе [Стихотворения] (с. 706).

Д. Кишенскій. **Пить до дна — не видать добра.** Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ изъ народнаго быта (фабричнаго). Дѣйствія третье, четвертое и пятое (с. 707–716).

О….. <В. П. Мещерский>[114]. **Письма вольнодумца.** Что значитъ «*вольнодумецъ*». — О чемъ буду писать. — Какъ буду писать. — Начинаю съ Москвы. — Горе мнѣ что попалъ въ нее лѣтомъ. — Ужасы Москвы. — Что такое молодое поколѣніе московскаго купечества. — Не вѣрьте прославленію купчиковъ-меценатовъ (с. 716–718).

<*Т. И. Филиппов*>. **Петербургское общество любителей духовнаго просвѣщенія.** (Продолженіе) (с. 718–722).

<*В. Ф. Пуцыкович*>[115]. **Хивинскій походъ.** Слухи о взятіи Хивы. Переправа туркестанскаго отряда на лѣвый берегъ Аму-Дарьи. Взятіе имъ крѣпости Хазаръ-аспа. Извѣстія о предполагаемомъ дальнѣйшемъ движеніи соединенныхъ отрядовъ оренбургскаго и кавказскаго. Успѣшность военныхъ дѣйствій нашихъ отрядовъ. Слухи о состояніи возвратившагося красноводскаго отряда. По поводу *прежнихъ* и *будущихъ* трудностей похода **(с. 722).**

№ 26. 26 июня

<*Ф. М. Достоевский?*>[116]. **Отъ редакціи** [О подписке на второе полугодие] (с. 723).

Москвичъ <И. Ю. Некрасов>. **Московскія замѣтки** (с. 724–727).
<Макс Шлезингер. Перевод Н. Н. Страхова>. **Отчетъ о вѣнской выставкѣ.** VIII. Продолженіе прогулки по среднему корпусу. — Итальянскіе мраморы и мажолика. — Голландія и произведенія ея остъ-индскихъ колоній. — Средоточіе нѣмецкой выставки. — Берлинскій и мейссенскій фарфоръ. — Нѣчто вообще о гончарныхъ товарахъ. — Нѣчто объ открытіи фарфоровой земли въ Саксоніи, Франціи и другихъ мѣстахъ. — Мажолика и фаянсъ. — Остановка у ротонды. — Что она есть и чѣмъ могла бы быть (с. 727–729).
<В. П. Мещерский>. **Письма вольнодумца.** (Продолженіе). Что творится въ думѣ. Безголовой думѣ лучше чѣмъ думѣ съ головой. Кое-что о ней. Кое-что новаго о Ляминской исторіи. Газеты и кто ихъ читаетъ. Шато-де-Флёръ для финала (с. 729–732).
<Т. И. Филиппов>. **Петербургское общество любителей духовнаго просвѣщенія.** (Продолженіе) (с. 732–737).

Критика и библіографія

Евгеній Бѣловъ. «Нашимъ дѣтямъ» (научно-литературный сборникъ), изданіе А. Н. Якоби (с. 737–740).

Н. Страховъ. Отвѣтъ на рецензію[117] (с. 740–744).

<В. Ф. Пуцыкович, Ф. М. Достоевский?>[118]. **Хивинскій походъ.** Взятіе Хивы и состояніе нашихъ войскъ. — Явка съ повинною хана съ его министерствомъ. — Важность совершившагося факта. — Безпристрастный отзывъ «врага Россіи» о трудностяхъ похода. — Еще о возвратившемся красноводскомъ отрядѣ и о трудностяхъ похода. — Мужество и выносливость русскаго солдата. — Ликованіе печати по поводу взятія Хивы (с. 744–745).
<В. П. Мещерский>[119]. Объявленіе [О «Земской книге» В. П. Мещерского] (с. 746).

№ 27. 2 июля

<Ф. М. Достоевский?>[120]. **Отъ редакціи** [О подписке на второе полугодие] (с. 747).
<А. У. Порецкий>[121]. **Областное обозрѣніе.** Наша «область». — Сѣверъ и его судьба. — Бѣломорскій торговый флотъ. — Обяза-

тельное обученіе. — Образцы для подражанія. — Сила живаго слова (с. 748–750).

******* *<К. П. Победоносцев>*[122]. **Изъ Лондона** (с. 750–752).

<Ф. М. Достоевский>. [Заметка к статье «Из Лондона»] (с. 750).

<В. П. Мещерский>. **Письма вольнодумца.** II. Деревня. — Что значитъ это слово. — Внѣшняя и внутренняя сторона деревни. — Отличительная черта нынѣшней деревни. — Что способствуетъ увеличенію дурнаго въ деревнѣ. — Люди ничего не знающіе о деревнѣ и ихъ проекты. — Улучшилось или ухудшилось положеніе крестьянина вообще? — Постепенность ухудшенія въ крестьянскомъ бытѣ. — Наблюденія мои въ 1863, 1867 и 1873 годахъ. — Церковь, волостное правленіе и кабакъ. — Взаимныя ихъ отношенія. — Не будь кабака, чѣмъ бы могъ быть русскій человѣкъ. — Доказательства и факты (с. 752–755).

<Макс Шлезингер. Перевод Н. Н. Страхова>. **Отчетъ о вѣнской выставкѣ.** IX. Прогулка по окрестностямъ главнаго зданія. — Новѣйшая новость. — Благожелательное предостереженіе. — Сбавка всѣхъ цѣнъ. — Причины ея. — Общественныя радости. — Съѣстныя и культурныя заведенія. — Разсѣянные павильоны. — Нѣмцы, славяне и мадьяры. — Павильоны герцога Августа Кобургскаго и князя Шварценберга. X. Продолженіе странствія на востокъ. — Австрія. — Ея зажигательныя спички и почему подъ ними колеблется почва. — Ея стеклянная и кожаная промышленность. — Другія ея произведенія. — Робкія замѣчанія о новомодномъ убранствѣ нашихъ комнатъ. — Виды австрійской промышленности. — Венгрія и ея выставка. — Русская область. — Выгодное помѣщеніе денегъ. XI. Грецiя. — Классическія поползновенія. — Венера Милосская. — Продукты греческой почвы. — Ботаническіе предметы. — Востокъ. — Турція, Египетъ, Тунисъ, Марокко. — Ихъ общій характеръ и чѣмъ они отличаются отъ Индіи и Персіи. — Китай и Японія. — Ихъ основной тонъ. — Музыка Штрауса. — Читальная зала. — Разстройство духа вѣнцевъ (с. 755–760).

В. Н. Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **Мгновенія.** 4. На челнокѣ. 5. Великая книга [Стихотворения] (с. 760).

Л. П—ва <Л. Папкова>[123]. **Вопросы**[124] [Стихотворение] (с. 760).
Л. **Замѣтка о высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ.** Письмо къ редактору (с. 761–762).
Ред. <Ф. М. Достоевский>. **Двѣ замѣтки редактора** (с. 762–764).
<Т. И. Филиппов>. **Петербургское общество любителей духовнаго просвѣщенія.** (Окончаніе) (с. 764–768).
<В. Ф. Пуцыкович>[125]. **Проектъ духовно-судебной реформы** (с. 768–769).
<В. П. Мещерский>. Объявленіе [О «Земской книге» В. П. Мещерского] (с. 770).

№ 28. 9 июля

Москвичъ <И. Ю. Некрасов>[126]. **Московскія замѣтки** (с. 771–774).
О…. <В. П. Мещерский>. **Письма вольнодумца.** III. Гдѣ лучше: въ селеніи гдѣ есть школа, но мертвая, или тамъ гдѣ нѣтъ школы? — Исторія моего разочарованія насчетъ сельской школы вообще. — Оффиціальная школа, либеральная школа. И та и другая вредны. — Нѣсколько примѣровъ. — Что они доказываютъ. — Двѣ школы въ одномъ селѣ. — Учитель либералъ и учитель по призванію. — Что думаютъ крестьяне о школѣ? — Къ чему все сводится? — Что дѣлать? (с. 774–778).
К. <И. К. Кулаков>[127]. **Лотерейный билетъ.** I–V (с. 778–783).
<Макс Шлезингер. Перевод Н. Н. Страхова>. **Отчетъ о вѣнской выставкѣ.** XII. Нѣчто изъ третьяго пояса, который лежитъ между главнымъ зданіемъ и галлереею машинъ. — Домъ англійской коммисіи. — Салоны для принца Валлійскаго и для печати. — Билльярдъ новаго устройства. — Домы работниковъ. — Земледѣльческія орудія. — Замѣчаніе о плугахъ и молотильныхъ машинахъ. — Неряшливость третьяго пояса. — Большая лоскутная лавка Германіи. — Павильоны для нѣмецкаго горнаго и плавильнаго дѣла. — Эссенъ и Бохумъ (с. 783–786).

Критика и библіографія

Евгеній Бѣловъ. Туманъ въ исторіи и политикѣ (по поводу статьи г. Спасовича, «Вѣстникъ Европы», апрѣль

1873 года. Разборъ «Опыта Соціологіи» Стронина) (с. 786–790).

<*А. У. Порецкий*>[128]. **Изъ текущей жизни** (с. 790–792).

<*В. Ф. Пуцыкович, Ф. М. Достоевский?*>[129]. **Хивинскій походъ.** Подробности о явкѣ хана съ повинною и первыя благодѣтельныя послѣдствія взятія Хивы. — Какъ велась война съ хивинцами. — Что слѣдуетъ дѣлать съ Хивою? — Поведеніе нашей печати по этому вопросу. — Что говоритъ иностранная печать объ этомъ вопросѣ и какое значеніе слѣдуетъ придавать толкамъ этой печати (с. 792–793).

<*В. П. Мещерский*>. Объявленіе [О «Земской книге» В. П. Мещерского] (с. 794).

№ 29. 16 июля

<*А. У. Порецкий*>[130]. **Областное обозрѣніе.** Бѣдность и пути выхода изъ нея. — Черта безучастія къ тому, что «не для насъ». — Заливной околотокъ. — Еще крестьянскіе приговоры и участіе земствъ. — «Ни одного даже фельдшера!» — Мысли священника о земской медицинѣ. — Замѣчательная преступница (с. 795–798).

—хъ <*П. А. Шторх*>[131]. **О государственномъ долгѣ.** I (с. 799–802).

Ред. <*Ф. М. Достоевский*>. [Примечание к статье «О государственном долге»] (с. 799).

К—овъ <*И. К. Кулаков*>. **Лотерейный билетъ.** VI–VIII (с. 802–806).

Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** XIII. Маленькія картинки (с. 806–809).

Критика и библіографія

Н. Страховъ. О происхожденіи видовъ, сочиненіе *Чарльса Дарвина.* Перевелъ съ англійскаго *С. А. Рачинскій.* Изданіе третье, исправленное. Москва, 1873. Zum Streit über den Darwinismus *Von K. E. von-Baer.* (aus der «Augsburger Allgemeinen Zeitung»). Dorpat. 1873. (*Къ спору о дарвинизмѣ.* К. Э. Бэра [изъ «Всеобщей Аугсбургской Газеты»]. Дерптъ. 1873) (с. 809–812).

Евгеній Бѣловъ. Что читаетъ народъ? (с. 812–815).
<В. Ф. Пуцыкович?, Ф. М. Достоевский?>[132]. **Хивинскій походъ.** Движеніе оренбургско-мангышлакскаго отряда къ Хивѣ. — Дѣла съ непріятелемъ 26 и 27 мая. — Общее наступленіе войскъ генерала Веревкина къ Хивѣ. — Канонада со стороны города. — Бой съ непріятелемъ и заложеніе батарей у самыхъ стѣнъ Хивы. — Бѣгство хана и явка посланнаго къ генералу Веревкину для переговора о сдачѣ города. — Дѣйствія 29 мая: пробитіе бреши въ воротахъ и стѣнахъ города и вступленіе въ него. — Появленіе подъ стѣнами (съ другой стороны) города туркестанскаго отряда. Встрѣча генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана высшими сановниками хивинскаго ханства съ заявленіемъ покорности и съ извѣстіемъ объ избраніи новаго Хана. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій и торжественное вступленіе русскихъ войскъ въ столицу ханства. — Явка 2 іюня въ лагерь хивинскаго хана съ заявленіемъ покорности Государю Императору. — Возстановленіе хана на престолѣ. — Состояніе нашихъ войскъ (с. 815–818).
<Ф. М. Достоевский>. **Отъ редакціи** [О публикации в следующем номере сведений о помолвке великой княжны Марии Александровны с принцем Эдинбургским] (с. 818).

№ 30. 23 июля

<В. Ф. Пуцыкович>[133]. **По поводу помолвки Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны съ Его Королевскимъ Высочествомъ Принцемъ Альфредомъ Великобританскимъ** (с. 819–821).
<П. А.> Шторхъ. **О государственномъ долгѣ.** II (с. 821–824).
О….. <В. П. Мещерский, отредактировано Ф. М. Достоевским>[134]. **Письма вольнодумца.** IV. Разсказъ о томъ какъ и почему мужички назвали одного барина *глупенькимъ*. V. Второй образчикъ нигилиста въ деревнѣ. — Монологъ и діалоги. — Гражданскія похороны. — Финалъ. — Что такое крестьянинъ? — Контрасты. — Человѣкъ о двухъ головахъ. — Опытъ объясненія этого феномена. — Крестьянинъ-работникъ, крестьянинъ-человѣкъ. — Прекрасное и ужасное. — Ночная бабочка и свѣча

какъ образъ объясняющій свободу нашего крестьянина. — Характеристика двухъ личностей крестьянина фактами. — Чѣмъ пока все держится? (с. 824–831).

В. Н. Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **Мгновенія.** 6. Родина (съ сербскаго) [Стихотворение] (с. 831).

К—овъ <И. К. Кулаков>. **Лотерейный билетъ.** IX–XVIII (с. 832–836).

Критика и библіографія

Евгеній Бѣловъ. Двадцати-семи недѣльное общее образованіе. Юнкерскія училища, историческое обозрѣніе ихъ развитія и дѣятельности. Генералъ-маіора Бобровскаго (с. 836–839).

<*А. У. Порецкий*>[135]. **Изъ текущей жизни** (с. 839–842).

<*Ф. М. Достоевский*>[136]. **Некрологъ** [Ф. И. Тютчев] (с. 842).

Объявленіе (с. 842).

№ 31. 30 июля

<*А. У. Порецкий*>. **Областное обозрѣніе.** Нѣчто о фабричныхъ и ихъ хозяевахъ. — Воззваніе о помощи вязниковскимъ погорѣльцамъ. — Мѣстное происхожденіе пожаровъ. — Открытіе, сдѣланное «Сар<атовскимъ> Спр<авочнымъ> Листкомъ». — Штундизмъ и мѣры противъ него (с. 843–846).

Кн. В. Мещерскій, <Ф. М. Достоевский>[137]. **Свѣжей памяти Ѳ. И. Тютчева** (с. 846–848).

В. <К. П. Победоносцев>[138]. **Русскіе листки изъ-за границы.** I. Ліонскія гражданскія похороны. II. Въ протестантскихъ храмахъ (с. 848–849).

О….. <В. П. Мещерский>. **Письма вольнодумца.** VI. Странный сонъ про съѣденнаго предсѣдателя управы. — Что значитъ сей сонъ? — На какія мысли онъ наводитъ. — Баба на четвереньках. — Мысли ею вызванныя. — Практическая дрянь. — Переходъ отъ практической дряни къ русскимъ добрымъ помѣщикамъ. — Гдѣ они? — Ихъ нѣтъ. — Людоѣдъ или русскій помѣщикъ — одно и тоже. Петръ I, Екатерина II и Петербургъ. — Ошибка Екатерины II. — Полная удача петровскихъ видовъ на Петербургъ. — Ему

везетъ удивительно. — Факты это доказывающіе. — Священникъ съѣдаетъ діакона. — Финалъ. Мысли объ конституціи. — Не дай Богъ! (с. 849–853).
<П. А.> Шторхъ. **О государственномъ долгѣ.** III (с. 853–857).
Изъ монастырскихъ <Н. Д. Богатинов>[139]. **Къ вопросу о монастыряхъ** (с. 857–861).
Ив. Пришвицынъ. **Олонецкіе земскіе цивилизаторы и положеніе цивилизуемыхъ** (с. 861–863).
Критика и библіографія

Евгеній Бѣловъ. «Нашъ другъ». Книга для чтенія учащихся въ школѣ и дома. Барона Н. А. Корфа (с. 863–866).

<В. П. Мещерский>[140]. Поправки въ № 30 (с. 866).
Объявленіе (с. 866).

№ 32. 6 августа

В. Пелешевскій. **Наши желѣзнодорожныя язвы и ихъ значеніе относительно приплаты правительственныхъ гарантій** (с. 867–870).
В. <К. П. Победоносцев>[141]. **Русскіе листки изъ-за границы.** III. Вестминстерское аббатство (с. 870–873).
О….. <В. П. Мещерский>. **Письма вольнодумца.** VII. Отрывки изъ деревенскаго дневника. — Мой ужасъ когда я его прочелъ. — Петербуржецъ какъ идеалъ счастливаго человѣка. — Что иногда онъ себѣ воображаетъ. — Практическій взглядъ на это воображаемое. — Расчетъ судебныхъ слѣдователей и миров<ыхъ> судей по уѣздамъ. — Довольно ли ихъ или не хватаетъ? — Иллюзіи. — Шитое и крытое въ крестьянской жизни. — Стеньки Разины и К°. — Преступленія. — Пожаръ *какъ свѣжее зрѣлище* (с. 873–877).
Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** XIV. Учителю (с. 877–879).
<П. А.> Шторхъ. **О государственномъ долгѣ.** IV (с. 879–882).
П. Б. <П. Ф. Бунаков>[142]. **Экономическія замѣтки.** I (с. 882–884).
Критика и библіографія

Н. Страховъ. Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit. Bd. XIII. Geschichte der deutchen Philosophie,

v. Dr. Eduard *Zeller*. München, 1873. (Исторія наукъ въ Германіи. Новое время. Томъ XIII. Исторія нѣмецкой философіи, Эдуарда *Целлера*. Мюнхенъ, 1873) (с. 884–886).

В—ръ П—чъ <В. Ф. Пуцыкович>[143]. Письма изъ Америки. М. Бутина. С.-Петербургъ. 1872. Письма объ Америкѣ и русскихъ переселенцахъ. Николая Славинскаго. С.-Петербургъ. 1873 (с. 886–888).

<*А. У. Порецкий*>[144]. **Изъ текущей жизни** (с. 888–890).

№ 33. 13 августа

<*А. У. Порецкий*>[145]. **Нѣчто о племенномъ порокѣ. (Изъ областнаго обозрѣнія)** (с. 891–893).

В. <К. П. Победоносцев>[146]. **Русскіе листки изъ-за границы.** IV. Къ вопросу о возсоединеніи церквей (с. 893–896).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье «Русские листки из-за границы»] (с. 893).

Вольнодумецъ О. <Ф. М. Достоевский?>[147]. **Отвѣтъ на протестъ.** Письмо къ редактору (с. 896–898).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье «Ответ на протест»] (с. 897).

В. Н.-Д. <В. И. Немирович-Данченко>[148]. **Капуцинъ.** (Съ итальянскаго). [Стихотворение] (с. 898–900).

П. Шторхъ. **О государственномъ долгѣ.** V (с. 900–904).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье «О государственном долге. V»] (с. 900).

Критика и библіографія

Н. Страховъ. Geschichte der deutschen Philosophie, v. E. *Zeller*. 1873 (Исторія нѣмецкой философіи, Э. *Целлера*. 1873). (Окончаніе) (с. 904–906).

Евгеній Бѣловъ. Замѣтки по поводу одного отвѣта на всѣ вопросы. (Авг<устовскій> «Вѣстн<икъ> Европы») (с. 906).

Евгеній Бѣловъ. Ученое скоморошество. (Міросозерцаніе, мысль, трудъ и женщина въ исторіи русскаго общества съ XVIII вѣка до сороковыхъ годовъ XIX и съ сороковыхъ

годовъ до настоящаго времени; А. Щапова. «Отечественныя Записки» за февраль, мартъ и іюль 1873 года) (с. 906–911).

Н. Казанцевъ. **Изъ восточной Россіи.** (Еще нѣсколько словъ о переселеніи крестьянъ) (с. 912–913).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье «Из восточной России…»] (с. 912).

В—ръ П—чъ <В. Ф. Пуцыкович, Ф. М. Достоевский?>[149]. **Вѣсти о Хивѣ.** Первые благотворные плоды завоеванія Хивы. — Услуги, оказанныя русскимъ оружіемъ Персіи и отзывы иностр. печати объ уничтоженіи рабства. — Слухи о междоусобіи въ ханствѣ и о спокойствіи тамъ. — Слухи объ условіяхъ мирнаго договора съ Хивою. — Извѣстіе о времени возвращенія побѣдителей въ отечество и о посѣщеніи насъ дружественнымъ нынѣ хивинскимъ ханомъ. — Новыя свѣденія о Хивѣ. — Условія для «быстраго» умиротворенія и процвѣтанія ханства, предлагаемыя «С. П.-б. Вѣд.» и замѣчательныя мечтанія этой газеты. — Еще одинъ туркменскій рабъ изъ русскихъ. — Чего не слѣдуетъ забывать хивинскимъ оптимистамъ? (с. 913–914).

№ 34. 20 августа

Z. Z. <К. П. Победоносцев>[150]. **Борьба государства съ церковью въ Германіи** (с. 915–918).

******* *<В. П. Мещерский>*[151]. **Утѣшительно или не утѣшительно?** (По поводу измѣненій въ Питейномъ Уставѣ) (с. 918–921).

В. <К. П. Победоносцев>[152]. **Русскіе листки изъ-за границы.** V. Противорѣчія въ англиканской церкви (с. 921–923).

Д. Кишенскій. **Паденіе.** Драма въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ. Прологъ (с. 924–932).

<В. Ф. Пуцыкович>[153]. **Реформа духовно-судебной части.** I (с. 932–934).

<А. У. Порецкий>[154]. **Изъ текущей жизни** (с. 934–936).

<А. П. Шипов>[155]. **Съ Нижегородской ярмарки.** (Изъ письма въ «Гражданинъ») (с. 936–937).

<*Ф. М. Достоевский*>[156]. **Замѣтка отъ редакціи** [К статье «С Нижегородской ярмарки…»] (с. 937–938).
<*В. Ф. Пуцыкович*>. **Вѣсти изъ Хивы** (с. 938).

№ 35. 27 августа

<*В.Ф. Пуцыкович?*>[157]. **Отъ редакціи** (с. 939).
Z. Z. <*К. П. Победоносцев*>[158]. **Франція.** (Взглядъ на теперешнее ея состояніе) (с. 939–942).
<*А. У. Порецкий*>[159]. **Областное обозрѣніе.** Бѣдствующій Югъ и Югъ торжествующій. — Нѣчто о школьномъ дѣлѣ. — Ходъ уже извѣстнаго явленія (с. 942–945).
А. Шиповъ. **Объ устраненіи давленій плутократіи.** Статья третья (с. 945–949).
В. <*К. П. Победоносцев*>[160]. **Русскіе листки изъ-за границы.** VI. Ирвингиты въ Лондонѣ. VII. Деисты и унитаріи въ Лондонѣ (с. 949–951).
О….. <В. П. Мещерский>. **Письма вольнодумца.** VIII. Мои наивныя заблужденія насчетъ нервной системы у крестьянина. — Нервы и нервныя болѣзни у крестьянина. — Явленія послѣднихъ 10 лѣтъ. — Женскія нервныя болѣзни. — Попытка разубѣдить петербуржца въ его заблужденіи насчетъ психической жизни крестьянина. — Два разсказа изъ крестьянскаго быта. — Къ какимъ мыслямъ эти разсказы приводятъ. — Опять по поводу школъ. — *Ваши* школы и *наши* требованія. — Различіе между ними (с. 951–955).
Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** XV. Нѣчто о враньѣ (с. 955–958).
Критика и библіографія

******* <*К. П. Победоносцев*>[161]. Свобода, равенство и братство. Liberty, equality, fraternity, by James Fitzjames Stephen. Lond. 1873. Das Princip des Sittlichen, von J. H. Kirchmann. Berlin. 1873. I. Свобода (с. 958–962).

Архитекторъ-академикъ Генрихъ Шель. Письмо къ редактору (с. 962).

№ 36. 3 сентября

<*В. Ф. Пуцыкович?*>[162]. **Отъ редакціи** (с. 963).

<*В. Ф. Пуцыкович*>[163]. **Реформа духовно-судебной части.** II (с. 963–966).

Москвичъ <*И. Ю. Некрасов*>[164]. **Изъ Москвы.** Гигіеническое положеніе большинства московскихъ дачъ. — Строки изъ стариннаго сочиненія о садоводствѣ. — Путешествіе по нѣкоторымъ окрестностямъ Москвы. — Выселки. — Мудрый китайскій стихъ. — Либеральный журналъ въ роли мнительной купчихи. — Замѣтки о Петровской академіи. — Талызинскіе и Андреевскіе вечера. — Эстетическій кунштюкъ. — Эльдорадо. — Размышленіе о московскіхъ индійцахъ, прозванныхъ фараоновымъ племенемъ. — Нѣмецкій клубъ и прочіе пріюты. — Кунцово. — Останкино. — Сокольники и Богородское. — Еще нѣсколько штриховъ и заключеніе (с. 966–970).

О.… <*В. П. Мещерский*>. **Письма вольнодумца.** IX. Еще объясненіе по поводу нигилиста (см. IV письмо). — Бесѣда о народномъ здравіи. — Какъ смотрятъ на этотъ вопросъ въ Петербургѣ и какъ смотритъ на него земство. — Тождество обоихъ взглядовъ. — Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ. — Можно ли раздѣлять народное образованіе отъ народной гигіены. — Мой проектъ. — Сравненіе моихъ цифръ съ существующими. — Выгоды моего проекта и преимущества его (с. 970–974).

В. <*К. П. Победоносцев*>[165]. **Русскіе листки изъ-за границы.** VIII. Воровской ужинъ (с. 974–976).

Критика и библіографія

******* <*К. П. Победоносцев*>. Свобода, равенство и братство. Liberty, equality, fraternity, by James Fitzjames Stephen. Lond. 1873. Das Princip des Sittlichen, von J. H. Kirchmann. Berlin. 1873. II. Равенство (с. 976–979).

Н. Страховъ. Нѣчто о характерѣ нашего времени. (Нѣсколько словъ по поводу одной журнальной статьи) (с. 979–981).

<*А. У. Порецкий*>[166]. **Изъ текущей жизни** (с. 981–984).

Изъ постороннихъ <*В. Ф. Пуцыкович, Ф. М. Достоевский?*>[167]. **Ночлежный пріютъ въ Петербургѣ** (с. 984–985).
<*Ф. М. Достоевский*>[168]. **Нѣчто о журнальномъ сорѣ** (с. 985).
<*В. Ф. Пуцыкович, Ф. М. Достоевский?*>[169]. **Хивинское возстаніе** (с. 985–986).

№ 37. 10 сентября

<*В. Ф. Пуцыкович?*>[170]. **Отъ редакціи** (с. 987).
<*В. Ф. Пуцыкович?, Ф. М. Достоевский?*>[171]. **Еженедѣльная хроника** (с. 987–988).
<*В. Ф. Пуцыкович?*>[172]. **Иностранная хроника** (с. 988).
<*В. Ф. Пуцыкович*>[173]. **Реформа въ брачныхъ дѣлахъ** (с. 988–991).
Z. Z. <*К. П. Победоносцев*>[174]. **Испанія** (с. 991–994).
Ред. <*Ф. М. Достоевский*>**.** [Примечание к статье «Испания»] (с. 991).
<*А. У. Порецкий*>[175]. **Живущее и отжившее. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 994–997).
С. Крапивина <*С. М. Лобода*>[176]. **Заработалась!** (Разсказъ) (с. 997–1002).
Inn. <*И. М. Болдаков*>[177]. **Изъ Германіи. Замѣтки объ университетскихъ занятіяхъ въ Германіи.** Куно-Фишеръ (Лекціи о Кантѣ, о «Фаустѣ»). Трейчке. («Исторія политическихъ ученій», «Исторія французской революціи»). Ноль (очеркъ историческаго развитія музыкальной драмы, музыка будущаго, Вагнеръ и Бисмаркъ, Вагнеръ и принципы «истинной демократіи»). Вундтъ, Блюнчли и проч. Спеціализація въ наукѣ. Національнизмъ въ наукѣ. Общій выводъ (с. 1002–1006).
<*Н. Н. Страхов*>[178]. **Отъ редакціи** (с. 1006–1007).
А. П. <*А. У. Порецкий*>[179]. **Лютые звѣри и малыя дѣти** (с. 1007).
Критика и библіографія

******* <*К. П. Победоносцев*>. Свобода, равенство и братство. Liberty, equality, fraternity, by James Fitzjames Stephen. Lond. 1873. Das Princip des Sittlichen, von J. H. Kirchmann. Berlin. 1873. III Братство (с. 1007–1010).

<*А. Наумов*>[180]. Докладъ Высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи (с. 1010–1012).

Послѣдняя страничка

<*В. П. Мещерский*>[181]. [Анекдоты и сценки]

<*Ф. М. Достоевский?*>[182]. Г. Краевскій сынъ, пользуясь отъѣздомъ г. Краевскаго-отца… — Вообразите себѣ также… — Удачное выраженіе

<*В. П. Мещерский*>[183]. [Анекдоты и сценки] (с. 1012–1014).

Опечатка (с. 1014).

Объявленія (с. 1014).

№ 38. 17 сентября

Д. <*Ф. М. Достоевский*>[184]. **Иностранныя событія** (с. 1015–1018).

<*В. П. Мещерский*>. **Петербургское обозреніе.** Наше извиненіе. — Попытка оправдаться. — Удивленіе читателя когда онъ узнаетъ *съ чего* мы начинаемъ. — Почему мы придаемъ такую важность концертамъ Арбана. — Петербургъ облагораживается, Москва опошливается. — Сумасшествіе квартирныхъ цѣнъ. — Банкроты гостинницъ. — Кредитъ на яства и питія. — Образцы крупныхъ счетовъ нашихъ аристократовъ. — Театральный сезонъ. — Три періода въ жизни этого сезона. — Поговорка насчетъ Александринки. — Коечто и многое о русской оперѣ. — Что надѣлала одна старушка. — Легенда. — Холера. — Кого она губитъ. — Общество покровительства животнымъ даетъ себя знать г. Щапину. — Политическая жизнь (с. 1019–1021).

К. <*В. П. Мещерский*>[185]. **Разсказъ застрѣлившагося гимназиста.** I–II (с. 1021–1025).

П. Шторхъ. **О государственном долгѣ.** VI. Время Императора Павла I (с. 1025–1029).

Ред. <*Ф. М. Достоевский*>. [Примечание к статье «О государственном долге. VI»] (с. 1025).

В. Н.-Д. <*В. И. Немирович-Данченко*>[186]. **Невѣдомыя пустыни. Вайгачь-островъ** (с. 1029–1032)

К…… <В. П. Мещерский?>[187]. **Вопіющее насиліе надъ русскимъ учителемъ въ остзейскомъ краѣ** (с. 1032–1033).

Критика и библіографія

<*А. Наумов*>[188]. Отчетъ рижскаго православнаго Петропавловскаго братства за 1872 г. (с. 1033).

<*В. Ф. Пуцыкович*>[189]. **Еженедѣльная хроника** (с. 1033–1035).

<*А. У. Порецкий*>[190]. **Изъ текущей жизни** (с. 1035–1037).

Послѣдняя страничка

[Анекдоты и сценки]

<*Ф. М. Достоевский?*>[191]. Образецъ прелестнаго прошенія

[Заметка]

<*А. У. Порецкий?*>[192]. Изъ замѣтокъ одного путешественника. — Говорятъ что русскіе не сочувствуютъ нововведеніямъ (с. 1037–1038).

<*В. Ф Пуцыкович?*>[193]. **Отъ редакціи** (с. 1038).

[Объявления] (с. 1038).

№ 39. 24 сентября

<*В. Ф. Пуцыкович*>[194]. **Еженедѣльная хроника** (с. 1035–1037*).

Д. <Ф. М. Достоевский>. **Иностранныя событія** (с. 1037–1038).

<*К. П. Победоносцев*>[195]. **Обзоръ важнѣйшихъ узаконеній за лѣтніе мѣсяцы (съ 18 мая по 11 сентября)** (с. 1038–1041).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье «Обзор важнейших узаконений …»] (с. 1038).

<*А. У. Порецкий*>[196]. **Привычки. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 1041–1043).

К. <В. П. Мещерский>. **Разсказъ застрѣлившагося гимназиста.** III (с. 1043–1047).

В. <К. П. Победоносцев>[197]. **Русскіе листки изъ-за границы.** IX. Новая вѣра и новые браки (с. 1047–1050).

Святославъ-Солынскій <В. П. Мещерский>[198]. **Неизбѣжныя размышленія.** I. Кто пьянѣе: мы или они? (с. 1050–1052).

---

* Здесь и далее сбой в нумерации страниц. В данном случае должно быть: с. 1039–1041

Пелешевскій. **Наглядный просмотръ отчетовъ нѣкоторыхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ за 1872 годъ.** (с. 1052–1054).
Убійство въ гостинницѣ Бель-Вю [Из «С.-Петербургских ведомостей»] (с. 1054).
Критика и библіографія
Н. Страховъ. Der alte und der neue Glaube. Ein Bekenntniss von David Friedrich Strauss. Dritte Auflage. *Leipzig*, 1872. (Старая и новая вѣра. Исповѣданіе Давида Штрауса. 3-е изд. *Лейпцигъ.* 1872) (с. 1054–1056).
Послѣдняя страничка
<*В. П. Мещерский?*>[199]. [Сценки с «натуры»]
<*Ф. М. Достоевский*>[200]. Попрошайка (с. 1056–1058).
<*В. Ф. Пуцыкович?*>[201]. **Отъ редакціи** (с. 1058).
Объявленіе (с. 1058).

№ 40. 1 октября

< *В. П. Мещерский, Ф. М. Достоевский?*>[202]. **Отъ редакціи** [О подписке на 1874 год] (с. 1059–1060).
<*В. Ф. Пуцыкович*>. **Еженедѣльная хроника** (с. 1060–1061).
Д. <*Ф. М. Достоевский*>. **Иностранныя событія** (с. 1061–1063).
Телеграммы съ 20-го по 27 сентября (с. 1063–1064).
Z. Z.[*] <*К. П. Победоносцев*>[203]. **Церковь и государство въ Германіи** (с. 1064–1066).
<*Т. И. Филиппов*>[204]. **Насиліе, оказанное аѳинскому Синоду министерствомъ церковныхъ дѣлъ** (с. 1066–1069).
Москвичъ <*И. Ю. Некрасов*>. **Изъ Москвы.** Жизненная правда и въ прихотливыхъ грезахъ Шекспира. — Необходимость золотыхъ роговъ при ослиныхъ ушахъ. — Случай самоубійства подъ Москвой. — Опять Шекспиръ. — Появленіе почти-что Ромео и Джульетты около Москвы. — Меблированныя комнаты и кафе-рестораны. — Распложеніе разныхъ школъ. — Вѣсть о съѣздѣ юристовъ въ Москвѣ. — Нѣчто о московскихъ присяжныхъ

[*] Криптоним указан в содержании журнального выпуска.

повѣренныхъ. — Александровскій и зоологическій сады. — Открытіе народной читальни (с. 1069–1072).
К…… <В. П. Мещерский>. **Разсказъ застрѣлившагося гимназиста.** IV. (Окончаніе) (с. 1072–1077).
Святославъ-Солынскій <В. П. Мещерский>. **Неизбѣжныя размышленія.** II. Люди, гдѣ-же люди? (с. 1077–1080).
Критика и библіографія

Н. Страховъ. Der alte und der neue Glaube, von D. Strauss. 1872. (Старая и новая вѣра, Д. Штрауса. 1872). II (с. 1080–1083).

<А. У. Порецкий>[205]. **Изъ текущей жизни** (с. 1083–1085).
Послѣдняя страничка

<Ф. М. Достоевский>[206]. Столпы петербургскаго радикализма. — Кстати, тутъ же въ «Петербургской Газетѣ»…
<Н. Н. Страхов>[207]. Въ той же «Петербургской Газетѣ»… — Въ той же газетѣ по поводу выхода книги М. П. Погодина…
<В. П. Мещерский>[208]. Въ вагонѣ конно-желѣзной дороги. (Съ натуры)
<А. Н. Апухтин>[209]. «Когда будете, дѣти, студентами…» [Стихотворение]
<В. П. Мещерский>[210]. Кстати, по поводу этихъ совѣтовъ. — Еще изъ міра куртизановъ
Остроумное утѣшеніе. — Съ натуры (с. 1085–1086).

№ 41. 8 октября

<В. П. Мещерский, Ф. М. Достоевский?>[211]. **Отъ редакціи** [О подписке на 1874 год] (с. 1087).
<В. Ф. Пуцыкович>. **Еженедѣльная хроника** (с. 1088–1089).
Д. <Ф. М. Достоевский>. **Иностранныя событія** (с. 1089–1094).
<В. П. Мещерский>. **Петербургское обозрѣніе.** Петербургъ чуть не погибъ. — Погибнетъ ли онъ когда нибудь? — Нѣчто о безтактности нашихъ газетъ по поводу драмы въ отель «Бель-Вю». — Нѣчто о докторахъ по поводу той же драмы. — Важное извѣстіе для женскаго міра. — Что изъ этого выйдетъ? — Нынѣшніе

медицинскіе женскіе курсы. — Кстати о женщинахъ: нѣчто о памятникѣ Екатеринѣ II. — Памятникъ Маріи-Терезіи и памятникъ г. Микѣшина. — Что лучше? — Два слова объ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, и о славянскомъ комитетѣ. — Изъ политической жизни. Коммиссія о наградахъ. — Театры (с. 1094–1096).

<А. У. Порецкий>[212]. **Дѣтскіе вопросы. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 1097–1099).

Святославъ-Солынскій <В. П. Мещерский>. **Неизбѣжныя размышленія.** III. Нѣчто о современныхъ священникахъ (с. 1099–1102).

Градишко въ Босніи. (Корреспонденція) (с. 1102–1103).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к корреспонденции «Градишко в Боснии»] (с. 1103).

Критика и библіографія

Н. Страховъ. Der alte und der neue Glaube, von D. Strauss. 1872. (Старая и новая вѣра, Д. Штрауса. 1872). (Окончаніе) (с. 1103–1105).

С. Крапивина <С. М. Лобода>[213]. **Ты и вы.** (Изъ замѣтокъ одной дамы) (с. 1105–1107).

Х. <Н. А. Шахов>[214]. **Картинки изъ офицерской жизни.** I. «Денегъ досталъ!» (с. 1107–1109).

Послѣдняя страничка (с. 1109–1110).

<В. П. Мещерский>[215]. Изъ исторіи послѣдняго времени. — Въ Компьенѣ у Наполеона III…

<В. П. Мещерский?>[216]. [Анекдоты и сценки] (с. 1109–1110).

№ 42. 15 октября

<В. П. Мещерский, Ф. М. Достоевский?>[217]. **Отъ редакціи** [О подписке на 1874 год] (с. 1111–1112).

Св.-Сол—скій <В. П. Мещерский>[218]. **О голодѣ** (с. 1112–1114).

<В. Ф. Пуцыкович>. **Еженедѣльная хроника** (с. 1114–1117).

Д. <Ф. М. Достоевский>. **Иностранныя событія** (с. 1117–1119).

<В. П. Мещерский>. **Петербургское обозрѣніе.** Столкновеніе пароходовъ. — О петербургской погодѣ. — О лжепророкѣ. —

Опроверженіе по пунктамъ опроверженій газеты «Голосъ». — Г. Гассабовъ и что онъ сдѣлалъ. — Объ Обществѣ исправленія преступниковъ. — «Ваалъ», драма г. Писемскаго на Александринкѣ. — Два слова о драмѣ. — Два слова объ игрѣ ея. — Циркъ Гинне. — Театръ Берга. — Анекдотъ во время наводненія. — Драмы въ большомъ свѣтѣ. — Нѣчто о политикѣ (с. 1119–1122).

Москвичъ <И. Ю. Некрасов>. **Изъ Москвы.** Городскіе выборы. — Молчащая голова скорѣе попадетъ въ говорящія. — Десять тысячъ новыхъ домовъ. — Квартирное крѣпостное право. — Прогрессъ количественный и качественный. — Нѣчто изъ міра невидныхъ людей. — Разныя мелочи. — Ожиданіе Царственныхъ гостей въ Москвѣ (с. 1123–1124).

Н. Михайловъ. **Приключенія русскаго торговца въ степяхъ Средней Азіи и Хивѣ** (с. 1124–1131).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье Н. Михайлова «Приключения русского торговца в степях Средней Азии и Хиве»] (с. 1124).

Слово, сказанное архимандритомъ Григоріемъ (Паламою) въ московскомъ Донскомъ монастырѣ, въ сороковой день по кончинѣ графа Александра Петровича Толстаго (с. 1131).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Послесловие к публикации «Слово, сказанное архимандритом Григорием…»] (с. 1131).

<В. П. Мещерский?>[219]. **Изъ текущей жизни** (с. 1132–1133).

<В. Ф. Пуцыкович?, Ф. М. Достоевский?>[220]. **Слухи о Хивѣ** (с. 1133).

Ив. Печеневъ <И. И. Богданов>. **Сапоги.** (Изъ недавняго прошлаго) (с. 1133–1137).

Послѣдняя страничка

<Вс. С. Соловьев?>[221]. [Анекдоты и сценки]

<Ф. М. Достоевский?>[222]. *Онъ* разсуждаетъ съ однимъ литераторомъ

<Вс. С. Соловьев?>[223]. Изъ міра нашей современной педагогики. — Тотъ же знатный педагогъ… — Своя собственная точка зрѣнія (с. 1137–1138).

№ 43. 22 октября

<*В. П. Мещерский*>[224]. **Отъ редакціи**[*] [О подписке на 1874 год] (с. 1139–1140).

Распоряженіе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ [О воспрещении розничной продажи «Гражданина»] (с. 1140).

<*В. Ф. Пуцыкович*>. **Еженедѣльная хроника** (с. 1140–1141).

Д. <*Ф. М. Достоевский*>. **Иностранныя событія** (с. 1141–1144).

<*В. П. Мещерский*>. **Петербургское обозрѣніе.** Отрадное извѣстіе объ одной знатной дамѣ. Еще о столкновеніи пароходовъ. — О вліяніи петербургскаго климата на нервы. — Самоубійства и пожары. — О канализаціи Петербурга. — О безучастіи Петербурга къ участи пожарныхъ. — Открытіе реальнаго училища. — Мысль объ обѣдахъ въ пользу голодающихъ. — Открытіе театра Буффъ. — Кое-что о театрахъ. — Что предстоитъ Петербургу по части увеселеній. — Слухи (с. 1144–1145).

К… сельскій педагогъ <*В. П. Мещерский*>[225]. **Что намъ нужно въ дѣлѣ образованія народа?** (с. 1145–1149).

В. Н.-Д. <*В. И. Немирович-Данченко*>**. Больной ребенокъ.** (Изъ пѣсенъ о дѣтяхъ) [Стихотворение] (с. 1149–1150).

<*Перевод К. П. Победоносцева*>[226]. **Гербертъ Спенсеръ о народномъ воспитаніи.** The Study of Sociology[**]**.** XV (с. 1150–1152).

А. П. <*А. У. Порецкий*>[227]. **По поводу вопроса о провожатыхъ** (с. 1152–1153).

Критика и библіографія

Н. Страховъ. Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Сочиненіе *Михаила Погодина*. Москва, 1873 (с. 1153–1155).

<*Вс. С. Соловьев?*>[228]. Руководство къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ… Издаваемое Н. Х. Весселемъ при содѣйствіи многихъ лицъ. Томъ I (с. 1155).

<*Вс. С. Соловьев?*>[229]. Разсказы о польской старинѣ. Записки XVIII в. Яна Дуклана Охотскаго (с. 1155).

---

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

[**] «Социологические исследования» (*англ.*).

<*Вс. С. Соловьев?*>[230]. Народныя русскія сказки. А. Н. Аѳанасьева. Изданіе второе, пересмотрѣнное К. Солдатенковымъ 1873 г. (с. 1155–1156).

<*В. Р. Зотов*>[231]. Русскій энциклопедическій словарь *И. Н. Березина* (с. 1156).

Г. **Петербургскіе скверы.** (Съ натуры). Михайловскій (с. 1156–1159).

С. Крапивина <С. М. Лобода>. **Мертвое дитя.** (Картинка) (с. 1159–1160).

Послѣдняя страничка

<*Ф. М. Достоевский*>[232]. Сцена въ редакціи одной изъ столичныхъ газетъ (с. 1160–1162).

Объявленія (с. 1162).

№ 44. 29 октября

<*В. П. Мещерский*>[233]. **Отъ редакціи**[*] [О подписке] (с. 1163–1164).

<*В. Ф. Пуцыкович*>. **Еженедѣльная хроника** (с. 1164–1166).

Д. <Ф. М. Достоевский>. **Иностранныя событія** (с. 1166–1168).

<*А. У. Порецкий*>[234]. **Злоба и незлобіе. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 1168–1170).

Москвичъ <И. Ю. Некрасов>[235]. **Изъ Москвы.** Городскіе выборы. — Филипповская секта. — Воспоминаніе о призваніи варяговъ въ Новгородъ. — Пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ и отношеніе къ нему русскихъ гражданъ. — Забота о больныхъ физически. — О новыхъ журналахъ. — Московское купечество, и что исправляютъ исправники? — Педагогическія вѣсти и страшный звѣрь «Тигра». — Кащей безсмертный наноситъ смертельныя раны театру. — Квартеты и нѣчто о московской консерваторіи. — Въ контрастъ одинъ изъ дѣтскихъ вопросовъ. — Судьба народной читальни за первые 17 дней ея существованія. — Понимаетъ-ли «Голосъ», что смѣшно и нездорово сверхъ силъ надрывать безъ толку свой голосъ? (с. 1170–1173).

---

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

******* *<К. П. Победоносцев>*[236]. **Съѣздъ юристовъ въ Москвѣ** (с. 1173–1175).

А. Шиповъ. **Объ устраненіи давленій плутократіи.** Статья IV (с. 1175–1178).

<В. И. Кельсиев>[237]. **Замѣтки о татарскомъ вліяніи на великоруссовъ.** I (с. 1178–1180).

<Н. Н. Страхов>[238]. **Критика и библіографія**

Нашъ военный вопросъ. Военныя и политическія статьи. *Ростислава Фадѣева*. Спб. 1873 (с. 1180).

Сущность міроваго процесса, или философія безсознательнаго. Доктора философіи *Эдуарда фонъ-Гартмана*. По 2 нѣмецкому изданію полное изложеніе съ присоединеніемъ предисловія, введенія и критической оцѣнки системы. *А. А. Козлова*. Въ трехъ выпускахъ. *Выпускъ 1-й*. Москва 1873 (с. 1181).

Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ. *А. Градовскаго*. Спб. 1873 (с. 1181–1182).

Н. Ю. **На два часа.** (Картинка) (с. 1182–1184).

Послѣдняя страничка

<В. П. Мещерский>[239]. [Анекдоты и сценки]

<Вс. С. Соловьев>[240]. Изъ воспоминаній студента (с. 1184–1185).

Объявленія (с. 1185–1186).

№ 45. 5 ноября

<В. П. Мещерский>[241]. **Отъ редакціи**[*] (с. 1187–1188).

Св. С—скій <В. П. Мещерский>[242]. **Что такое земство относительно отвѣтственности?** (с. 1188–1190).

В. <К. П. Победоносцев>[243]. **Картина высшаго воспитанія.** Автобіографія Дж.Стюарта Милля (J.St. Mill. Autobiography. Lond. 1873) (с. 1190–1193).

<В. Ф. Пуцыкович>. **Хроника за недѣлю** (с. 1193–1195).

Д. <Ф. М. Достоевский>. **Иностранныя событія** (с. 1196–1198).

---

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

Петербургское обозрѣніе. <*В. П. Мещерский*>. Зима. — О голодѣ и холодѣ. — Умираютъ съ голоду и въ Петербургѣ. — Смутные толки. — Кое что по поводу молодежи. — Веселая молодежь. — Эпизодъ изъ міра женскихъ гимназій. — Размышленія по этому поводу. — Курьозъ по вопросу о зельтерской водѣ. — Міръ веселій. — Слухи и извѣстія. — <*Т. И. Филиппов*>. Объ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. — <*Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский*>[244]. Отвѣтъ на запросъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (с. 1198–1201).

А. Шиповъ. **Объ устраненіи давленій плутократіи.** (Окончаніе IV статьи) (с. 1201–1204).

В. Кельсіевъ. **Замѣтки о татарскомъ вліяніи на великоруссовъ.** II (с. 1204–1207).

<*А. У. Порецкий?*>[245]. **Неоцѣненное побужденіе** (с. 1207–1210).

С. Крапивина <*С. М. Лобода*>. **Странное совпаденіе обстоятельствъ.** (Разсказъ) (с. 1210–1212).

Послѣдняя страничка

[Анекдоты и сценки]

<*И. Ю. Некрасов*>[246]. Изъ міра сельскихъ школъ во *Владимірской губерніи*. — Другой фактъ изъ жизни сельской школы Владимірской губерніи

<*Вс. С. Соловьев*>. Изъ воспоминаній студента. (Продолженіе) (с. 1212–1213).

Объявленія (с. 1214).

№ 46. 12 ноября

<*В. П. Мещерский*>[247]. **Отъ редакціи**[*] (с. 1215–1216).

Св. С—скій <*В. П. Мещерский*>[248]. **Сельскій учитель** (с. 1216–1219).

<*В. П. Мещерский*>[249]. **Знаменательный адресъ крестьянъ сельскому врачу** (с. 1219–1220).

Д. <*Ф. М. Достоевский*>. **Иностранныя событія** (с. 1220–1222).

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

<*В. П. Мещерский*>. **Петербургское обозрѣніе.** Горячіе педагоги. — Изъ коммиссіи въ коммиссію. — Слабые познанія изъ исторіи въ женскихъ курсахъ при мед. академіи. — Нѣчто о кухмистерскихъ. — Нѣчто объ отношеніи общества къ разнымъ вопросамъ. — Печальное извѣстіе о ночлежныхъ пріютахъ. — Близка ли ихъ смерть? — Еще о прокламаціяхъ. — Чѣмъ кончился кутежъ воспитанниковъ одного заведенія. — Балъ въ морскомъ корпусѣ. — Чѣмъ онъ замѣчателенъ. — Геніальность г. Берга. — Нѣчто о соли (с. 1222–1225).

Москвичъ <*И. Ю. Некрасов*>. **Изъ Москвы.** Торговое и промышленное богатство Москвы. — Простонародный характеръ ея. — Нѣчто о духовномъ хлѣбѣ. — Слухъ о народномъ театрѣ. — По поводу съѣзда московскаго духовенства. — Публичныя чтенія. — Одинъ изъ множества вопросовъ о дѣтяхъ. — Предложеніе графа Л. Н. Толстого московскому комитету грамотности. — Устройство школы при московскомъ пересыльномъ замкѣ (с. 1225–1226).

<*А. У. Порецкий*>. **Общее желаніе. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 1227–1229).

И. Л. <*И. Л. Ласкос*>[250]. **За кулисами всемірной выставки** (с. 1229–1230).

М. Погодинъ. **За Сусанина** (с. 1230–1233).

А. Г—въ <*А. А. Головачев?*>[251]. **Хороши наши ребята.** Наброски охотника. I. Передъ земскими выборами (с. 1233–1237).

Вс. С—ъ <*Вс. С. Соловьев*>[252]. **Зимнее утро** [Стихотворение] (с. 1237–1238).

Л. П—ва <*Л. Папкова*>[253]. **«Вслѣдъ за мгновеніемъ мгновенье…»** [Стихотворение] (с. 1238).

Библіографія

<*Вс. С. Соловьев?*>[254]. Женское право (с. 1238).

<*Вс. С. Соловьев?*>[255]. Очерки нашихъ порядковъ административныхъ, судебныхъ и общественныхъ. *Е. П. Карновича*[*] (с. 1238–1239).

[*] В публикации ошибочно: *С. П. Карновича*.

<*Вс. С. Соловьев?*>[256]. Русскія историческія женщины. Д. Мордовцева. Женщины до-Петровской Руси (с. 1239).

<*Вс. С. Соловьев?*>[257]. Письма лэди Рондо (с. 1239–1240).

D—r <*В. Ф. Пуцыкович?*>[258]. **Изъ современныхъ нравовъ.** (Свѣтская дама и знаменитый ученый) (с. 1240–1241).

Послѣдняя страничка (с. 1241–1242).

<*В. П. Мещерский?*>[259]. Изъ міра кладбищъ. — Услышано и записано однажды…

[Анекдоты]

<*В. П. Мещерский?*>[260]. Еще образецъ русской рѣчи одной великосвѣтской петербургской барыни. — Изъ діалога между нигилистомъ и мужикомъ. — Еще изъ міра адвокатовъ въ Москвѣ. — Выписки изъ рапорта провіантскаго чиновника…

[Юмореска]

<*В. П. Мещерский?*>[261]. За симъ въ заключеніе выписываемъ изъ французской газеты… (с. 1241–1242).

№ 47. 19 ноября

<*В. П. Мещерский*>[262]. **Отъ редакціи**[*] (с. 1243–1244).

Х…… <*К. П. Победоносцев*>[263]. **По вопросу объ устраненіи церкви отъ народнаго образованія** (с. 1244–1245).

Сельскій учитель <*В. П. Мещерский*>[264]. **Сельскій учитель изъ живыхъ** (с. 1245–1249).

<*В. Ф. Пуцыкович*>. **Хроника за двѣ недѣли** (с. 1249–1251).

А. Г—въ <*А. А. Головачев?*>[265]. **Хороши наши ребята.** Наброски охотника. II. На земскихъ выборахъ. III. Битва русскихъ съ кабардинцами (с. 1251–1257).

М. Погодинъ. **За Сусанина.** (Окончаніе) (с. 1257–1259).

Критика и библіографія

Н. Страховъ. Психологическіе этюды. И. Сѣченова. С.-Петербургъ. 1873 г. (с. 1260–1262).

<*А. У. Порецкий*>[266]. **Изъ текущей жизни** (с. 1262–1264).

---

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

Учитель дурникинской сельской школы Михаилъ Орловъ. **По поводу статьи «Кабацкое дѣло въ селѣ Дурникинѣ»** (с. 1264–1266).
Ред. <*Ф. М. Достоевский*>. [Примечание к корреспонденции М. Орлова «По поводу статьи “Кабацкое дело в селе Дурникине”»] (с. 1264).
<*Вс. С. Соловьев*>. **Изъ воспоминаній студента.** (Продолженіе) (с. 1266–1267).
Послѣдняя страничка (с. 1267–1268).
<*В. П. Мещерский?, Ф. М. Достоевский?*>[267]. [Анекдоты и сценки]
<*Ф. М. Достоевский?*>[268]. Книжная лавка Попова въ Пассажѣ
[Анекдоты и сценки] (с. 1267–1268).
Объявленія (с. 1268–1270).

№ 48. 26 ноября

<*В. П. Мещерский*>[269]. **Отъ редакціи**[*] (с. 1271–1272).
******* <*К. П. Победоносцев*>[270]. **Императрица Екатерина Великая** (с. 1272–1273).
<*В. Ф. Пуцыкович*>. **Хроника за недѣлю** (с. 1273–1275).
Высочайшія повелѣнія (с. 1275).
В. П—чъ <*В. Ф. Пуцыкович*>[271]. **Иностранныя событія** (с. 1275–1277).
<*В. П. Мещерский*>. **Петербургское обозрѣніе** (с. 1277–1278).
Москвичъ <*И. Ю. Некрасов*>[272]. **Изъ Москвы.** Пожертвованіе городской думы. — Пріюты для дѣтей преступниковъ. — Общество для поощренія трудолюбія. — Заботы объ устройствѣ библіотекъ при больницахъ. — О покупкѣ, продажѣ и мѣнѣ учебныхъ книгъ. — На память о скончавшемся И. Д. Бѣляевѣ (с. 1279–1280).
<*А. У. Порецкий*>**. Иногородные. (Изъ областнаго обозрѣнія)** (с. 1280–1283).

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

Отъ редакціи газеты «Современность» (с. 1283).
<В. П. Мещерский>[273]. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. I. Семейство Гагариныхъ. II. Всенощная (с. 1283–1286).
Критика и библіографія

Н. Страховъ. Психологическіе Этюды. И. Сѣченова. С.-Петербургъ. 1873. (Окончаніе) (с. 1286–1289).

Н. Скроботовъ. Новѣйшее описаніе С.-Петербургской губерніи. Памятная Книжка С.-Петербургской губерніи, составленная секретаремъ статистическаго комитета, А. Ф. Елачичемъ и изданная по распоряженію комитета. С.-Петербургъ. 1873 г. (с. 1289–1293).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к рецензии Н. А. Скроботова «Новейшее описание С.-Петербургской губернии…»] (с. 1289).

М. <А. Н. Майков?>[274]. **Михаилъ Алексѣевичъ Макаровъ.** (Некрологъ) (с. 1293–1294).
*Правовѣдъ Х** <В. П. Мещерский?>*[275]. **Студентъ, лицеистъ и правовѣдъ** (с. 1294–1295).
И. Печеневъ <И. И. Богданов>. **Съ натуры.** (Изъ записной книжки наблюдателя) (с. 1295–1296).
Послѣдняя страничка

<Вс. С. Соловьев?>[276]. Изъ жизни Императрицы Екатерины II (с. 1296–1298).

Поправки (с. 1298).
Объявленія (с. 1298).

№ 49. 3 декабря

<В. П. Мещерский>[277]. **Отъ редакціи**[*] (с. 1299–1300).
******* *<В. П. Мещерский?>*[278]. **Нѣчто о разрядахъ въ проектѣ новаго положенія о военной повинности** (с. 1300–1302).
В. П.……чъ <В. Ф. Пуцыкович>[279]. **Иностранныя событія** (с. 1302–1303).

---

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

<*В. П. Мещерский, Т. И. Филиппов?*>[280]. **Петербургское обозрѣніе** (с. 1303–1305).

Z Z. <*К. П. Победоносцев*>[281]. **Дѣло Ледоховскаго** (с. 1305–1306).

В—ръ П—чъ <*В. Ф. Пуцыкович*>[282]. **С.-Петербургскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ въ роли законодателя** (с. 1306–1307).

А. И. Одоевскій[*]**. Якушкину, раздѣлившему со мною кипарисовую вѣтку съ могилы Лауры** [Стихотворение] (с. 1307).

Критика и библіографія

Н. Скроботовъ. Новѣйшее описаніе С.-Петербургской губерніи. Памятная Книжка С.-Петербургской губерніи, составленная секретаремъ статистическаго комитета, А. Ф. Елачичемъ и изданная по распоряженію комитета. С.-Петербургъ. 1873 г. (Окончаніе) (с. 1307–1310).

К…. <*В. П. Мещерский*>[283]. «Поздняя любовь». Сцены изъ жизни А. Островскаго. (Письмо къ редактору) (с. 1310–1312).

Очевидецъ <*И. Ю. Некрасов*>[284]. **Нѣсколько словъ о погребеніи профессора Московскаго университета Бѣляева.** (Изъ письма въ «Гражданинъ» *Очевидца*) (с. 1312–1313).

<*А. У. Порецкий*>[285]. **Изъ текущей жизни** (с. 1313–1315).

П… <*А. У. Порецкий, Ф. М. Достоевский?*>[286]. **Семейная неурядица какъ причина самоубійства** (с. 1315–1317).

<*В. П. Мещерский*>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. III. Ёлка. IV. Лиза. V. Чудакъ (с. 1317–1322).

Послѣдняя страничка

<*В. П. Мещерский?*>[287]. Въ одной гостиной г. Д. читаетъ вслухъ… — Курьозны иногда обитатели нашихъ петербургскихъ газетныхъ міровъ… — Въ одной московской газетѣ…

<*И. Ю. Некрасов?*>[288]. Изъ московской купеческой жизни <*В. П. Мещерский?*>[289]. [Анекдоты и сценки] (с. 1322–1323).

---

[*] Фамилия автора указана в заголовке редакционного предисловия к публикации стихов: «Неизданное стихотвореніе А. И. Одоевскаго».

Поправки (с. 1323).
Объявленія (с. 1323–1326).

№ 50. 10 декабря

<*В. П. Мещерский*>[290]. **Отъ редакціи**[*] [О сборе за розничную продажу в пользу голодающих Самарской губернии, о подписке на 1874 год] (с. 1327–1328).
<*В. П. Мещерский*>[291]. **Нѣчто по поводу пособій голодающимъ** (с. 1328–1329).
<*В. Ф. Пуцыкович*>[292]. **Хроника за двѣ недѣли** (с. 1329–1331).
В. П—чъ <*В. Ф. Пуцыкович*>. **Иностранныя событія** (с. 1331–1333).
<*В. П. Мещерский*>. **Петербургское обозрѣніе** (с. 1333–1334).
<*А. У. Порецкий*>. **О скудости и богатствѣ. (Изъ областнаго обозрѣнія)** (с. 1334–1336).
<*В. П. Мещерский*>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. VI. Первый разговоръ. VII. Увѣреніе. VIII. Каждый про себя (с. 1336–1342).
Одинъ изъ подписчиковъ «Гражданина». **Письмо къ редактору** (с. 1342–1343).
И. Л—съ <*И. Л. Ласкос*>. **Изъ Вѣны.** (Изъ письма въ «Гражданинъ») (с. 1343–1344).
В. Н.-Д. <*В. И. Немирович-Данченко*>. **Изъ пѣсенъ о дѣтяхъ.** Сказка [Стихотворение] (с. 1344–1345).
Критика и библіографія

<*Н. Н. Страхов*>[293]. Хрестоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ Ник. Вас. Гербель. С.-Пб. 1873 (с. 1345–1347).

Н. Страховъ. Францъ фонъ-Зикингенъ. Историческая трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе *Фердинанда Лассаля*. Переводъ *А.* и *С. Криль*. Спб. 1873 (с. 1347–1348).

Всеподданнѣйшій отчетъ совѣта Имп. человѣколюбиваго Общества за 1871 годъ (с. 1348).

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

А. Н. <А. Наумов?>[294]. Исторія воспитанія и обученія д-ра Фр. Диттеса. Перев. А. Николичемъ и К. Модзалевскимъ. С.-Петербургъ. 1873 г. (с. 1348–1349).

Ѳ. Достоевскій. **Дневникъ писателя.** XVI. Одна изъ современныхъ фальшей (с. 1349–1353).

<А. У. Порецкий?>[295]. **О голодѣ въ Самарской губерніи** (с. 1353–1355).

Послѣдняя страничка

<Ф. М. Достоевский?, В. П. Мещерский?>[296]. Матеріалы для исторіи. Кто что думалъ при открытіи памятника Екатеринѣ II въ Петербургѣ (с. 1355–1356).

Объявленія (с. 1356–1358).

№ 51. 17 декабря

<В. П. Мещерский>[297]. **Отъ редакціи**[*] [О сборе за розничную продажу в пользу голодающих Самарской губернии, о подписке на 1874 год, о премии подписчикам — снимке памятника Екатерине II во время церемонии освящения] (с. 1359–1360).

******* *<В. П. Мещерский>*[298]. **О русскомъ дворянствѣ передъ военною реформою** (с. 1360–1361).

<А. У. Порецкий?>[299].**О голодѣ въ Самарской губерніи** (с. 1361–1363).

<В. П. Мещерский, Т. И. Филиппов, Ф. М. Достоевский?>[300]. **Петербургское обозрѣніе** (с. 1363–1365).

Д. <Ф. М. Достоевский>. **Иностранныя событія** (с. 1365–1367).

Вс. С—въ <Вс. С. Соловьев>. **«Поблѣднѣли ужь краски заката…». «Старый домикъ подъ тѣнью березъ…». «Разбиты старые кумиры…»** [Стихотворения] (с. 1367).

А. Шк—фъ <А. Л. Шкафф>[301]. **Изъ Гейне** [Стихотворения] (с. 1367).

Z. Z. <К. П. Победоносцев>. **Церковныя дѣла въ Германіи** (с. 1367–1369).

<А. У. Порецкий>[302]. **Изъ текущей жизни** (с. 1369–1370).

---

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

В. <К. П. Победоносцев>[303]. **Преобразованіе суда присяжныхъ** (с. 1371–1372).

<В. П. Мещерский>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. IX. Княгиня Мытищева. X. До пріѣзда князя (с. 1372–1378).

Н. Пирожковъ[*]**. Памяти М. А. Макарова** (с. 1378–1379).

Критика и библіографія

<Вс. С. Соловьев?>[304]. Русскій календарь А. С. Суворина. Крестный календарь Гацука. Всеобщій календарь Герм. Гоппе (с. 1379–1380).

<Вс. С. Соловьев?>[305]. Помпадуры и Помпадурши, соч. М. Е. Салтыкова (*Щедрина*). 1873 (с. 1380–1381).

<Вс. С. Соловьев?>[306]. Записки Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. Москва 1873 (с. 1381–1382).

<Вс. С. Соловьев?>[307]. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. XI и Т. XII (с. 1382).

<Вс. С. Соловьев?>[308]. Повѣсти и разсказы Н. Ф. Бажина (Холодова). 1874 (с. 1382).

<Вс. С. Соловьев?>[309]. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Е. П. Карновича. 1874 г. (с. 1382–1383).

Послѣдняя страничка

<В. П. Мещерский>[310]. Истекающій годъ въ Петербургѣ. Кто что напишетъ 31 декабря 1873 г. (с. 1383–1384).

Объявленія (с. 1384–1386).

№ 52. 29 декабря

<В. П. Мещерский>[311]. **Отъ редакціи**[**] [О сборе за розничную продажу в пользу голодающих Самарской губернии, о выходе 1-го номера 7 января, о подписке на 1874 год, о премиях для подписчиков — романе Т. Хьюза «Тома Брауна школьные дни», снимке памятника Екатерине II во время церемонии освящения, сборнике «Гражданин» 1872 года, скидке на покупку романа

[*] В оригинале в фамилии опечатка: *Н. Пирошковъ*

[**] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

К. В. М. (В. П. Мещерского) «Один из наших Бисмарков», о согласии на обмен с рядом газет] (с. 1387–1388).
<А. У. Порецкий?>[312]. **Голодъ въ Самарской губерніи** (с. 1388–1389).
<В. Ф. Пуцыкович>. **Хроника за двѣ недѣли** (с. 1389–1392).
<В. П. Мещерский>. **Петербургское обозрѣніе** (с. 1392–1393).
Д. <Ф. М. Достоевский>. **Иностранныя событія** (с. 1393–1394).
<А. У. Порецкий>. **Гласы вопіющихъ. (Изъ областнаго обозрѣнія)** (с. 1394–1397).
В. П—чъ <В. Ф. Пуцыкович>[313]. **Подлежитъ-ли земство по закону отвѣтственности за непринятіе мѣръ противъ голода?** (с. 1397–1398).
А. Шиповъ. **Объ устраненіи давленія плутократіи.** Статья V (с. 1398–1402).
<В. П. Мещерский>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. XI. Князь и княгиня-мать. XII. Une messe dans le grand monde*. XIII. Отчаянная рѣшимость (с. 1402–1409).
В. Н.-Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **Жена изгнанника** [Стихотворение] (с. 1409).
Базенъ и желѣзная маска (с. 1409–1411).
А. Г—въ <А. А. Головачев?>. **Хороша наша деревня.** Наброски охотника. I. За народное образованіе. II. За народное здравіе (с. 1411–1414).
Послѣдняя страничка
Н. Н.[314] Два отрывка изъ письма одного нашего корреспондента
[Анекдоты и сценки] (с. 1414–1415).
Объявленія (с. 1416–1418).

* Обедня в большом свете (*фр.*).

1874

№ 1. 7 января

<*В. П. Мещерский*>[315]. **Отъ редакціи**[*] [О рассылке новым подписчикам 13 глав романа «Женщины», печатавшихся в «Гражданине» 1873 г., повтор объявлений из № 52 за прошлый год] (с. 1–2).

Дѣйствія правительства. Высочайшіе: манифестъ и указъ Правительствующему Сенату 1-го января 1874 года. Высочайшій рескриптъ, данный на имя министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго 25 декабря 1873 г. (с. 2–5).

Пожертвованія въ пользу голодающихъ Самарской губерніи[**] (с. 5).

М. <*В. П. Мещерский*>[316]. **Двѣ Россіи** (с. 5–7).

<*В. П. Мещерский*>. **Петербургское обозрѣніе** (с. 7–9).

<*В. Ф. Пуцыкович*>. **Хроника за недѣлю** (с. 9–11).

Д. <*Ф. М. Достоевский*>. **Иностранныя событія** (с. 11–13).

<*А. У. Порецкий*>[317]. **Кое-что по части ученья. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 14–15).

<*В. П. Мещерский*>. **Женщины.** Романъ изъ петербурскаго большаго свѣта. XIV. Графиня Трубецкая. XV. За нѣсколько часовъ до бала (с. 16–22).

Критика и библіографія

Н. Страховъ. Текущая минута (с. 22–23).

<*Н. Н. Страхов?*>[318]. Критика философской системы Конта и дополненіе этой системы мыслями Гегеля и нѣкоторыхъ новѣйшихъ философовъ. Сочиненіе *И. Полетики*. С.-Пб. Изданіе А. Ѳ. Базунова. 1873 (с. 23–24).

<*Н. Н. Страхов?*>[319]. Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. *М. Каринскаго*. Спб. 1873 (с. 24).

Стефанія Крапивина <*С. М. Лобода*>. **Письмо къ редактору** (с. 24–25).

---

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

[**] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

<*Ф. М. Достоевский*>. **Отъ редакціи** [Ответ на «Письмо к редактору» С. Крапивиной] (с. 25).
И. Л—съ <*И. Л. Ласкос*>. **Изъ Корфу** (с. 25–27).
Послѣдняя страничка
<*Ф. М. Достоевский?*>[320]. Политическіе наброски
<*Ф. М. Достоевский?, В. Ф. Пуцыкович?*>[321]. Неполитическіе наброски (с. 27–28).
Объявленія (с. 29–32).

№ 2. 14 января

<*В. П. Мещерский, Ф. М. Достоевский*>[322]. **Отъ редакціи**[*] (с. 33).
N. <*В. П. Мещерский*>[323]. **Великая Княгиня Марія Александровна** (с. 33–34).
<*В. П. Мещерский*>. **Петербургское обозрѣніе** (с. 34–37).
Пожертвованія въ пользу голодающихъ Самарской губерніи[**] (с. 37).
<*К. П. Победоносцев, Ф. М. Достоевский*>[324]. **Проповѣдь сказанная г. Стенлеемъ, деканомъ вестминстерскимъ въ англійской церкви въ С.-Петербургѣ 6 (18) января** (с. 37–39).
В. <*К. П. Победоносцев, ред. примеч. Ф. М. Достоевского?*>[325]. **Девятое января. Память Великой Княгини Елены Павловны въ Крестовоздвиженской общинѣ** (с. 39–40).
Москвичъ <*И. Ю. Некрасов*>. **Изъ Москвы.** Французская актриса и русское народное выраженіе. — Мнимая глупость Рашели. — Нѣчто о музыкѣ. — Оперно-драмматическіе классы въ московской консерваторіи. — Разныя пожеланія. — Пріятная новость изъ области живописи. — Губернское земское собраніе. — Московское дворянство. — Московское купечество и новая военная повинность. — Пожертвованія въ пользу самарцевъ. — Справедливъ-ли возгласъ мантуанскаго поэта о Венеціи? —

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.
[**] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

Благотворительныя дѣла. — Ожиданіе пріѣзда Высокихъ Гостей (с. 41–43).
<*В. П. Мещерский*>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. XVI. Балъ (с. 43–49).
<*Н. И. Соловьев*>[326]. **Севастопольскія подвижницы** (с. 49–55).
Ред. <*Ф. М. Достоевский*>. [Примечания к статье «Севастопольские подвижницы»] (с. 49–50).
<*А. У. Порецкий*>[327]. **Изъ текущей жизни** (с. 55–58).
С. А. Б. **Колоніи почетныхъ гражданъ.** (Проектъ) (с. 58).
*** <*В. Ф. Пуцыкович, К. П. Победоносцев*>[328]. **Теорія уравненія правъ прислуги съ правами хозяевъ** (с. 59–61).
Послѣдняя страничка
<*В. П. Мещерский*>[329]. Authentique и слышано…
<*В. П. Мещерский*>[330]. [Анекдоты и сценки] (с. 61–62).
Объявленія (с. 62–64).

№ 3. 21 января

<*В. П. Мещерский, Ф. М. Достоевский*>[331]. **Отъ редакціи** (с. 65).
N. <*В. П. Мещерский*>[332]. **«Не тронь меня».** Еще о медицинской академіи (с. 65–68).
<*В. П. Мещерский*>. **Петербургское обозрѣніе** (с. 68–71).
Пожертвованія въ пользу голодающихъ Самарской губерніи* (с. 71).
<*В. Ф. Пуцыкович*>. **Хроника за двѣ недѣли** (с. 71–74).
<*А. У. Порецкий*>[333]. **Оглядки. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 74–76).
В. <*К. П. Победоносцев*>[334]. **Англійскій брачный обрядъ** (с. 77–78).
Проповѣдь, сказанная г. Стенлеемъ, деканом Вестминстерскимъ, въ англійской церкви въ С.-Петербургѣ 6 (18) января <*Перевод К. П. Победоносцева*>[335] (с. 78–81).
*** <*К. П. Победоносцев*>[336]. **Некрологъ 1873 года** (с. 81–86).

* Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье «Некролог 1873 года»] (с. 81).
Д—въ. **Изъ Ярославля** (с. 86–87).
К. **Изъ Владивостока** (с. 88).
<В. П. Мещерский>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. XVII. Послѣ бала. XVIII. Дуэль (с. 88–94).
Послѣдняя страничка (с. 94–96).
<В. П. Мещерский, В. Ф. Пуцыкович?>[337]. [Анекдоты и сценки] (с. 94–96).
Репертуаръ съ 21-го по 28-е января (с. 96).
Объявленіе (с. 96).

№ 4. 29 января

<В. П. Мещерский>. [Объявление: «Такъ какъ снимокъ съ памятника Екатерины II потребовалъ передѣлки, то будетъ высланъ подписчикамъ при № 9»] (с. 97).
N. <В. П. Мещерский>[338]. **Народная школа и дворянство** (с. 97–99).
<В. П. Мещерский>[339]. **Хроника московскихъ торжествъ** (с. 99–103).
В. П—чъ <В. Ф. Пуцыкович, ред. примеч. Ф. М. Достоевского>[340]. **Иностранныя событія** (с. 103–106).
Z. Z. <К. П. Победоносцев>[341]. **Церковныя дѣла въ Германіи** (с. 106–107).
Т. Филипповъ. **О графѣ Александрѣ Петровичѣ Толстомъ.** Слово въ память графа Александра Петровича Толстаго, произнесенное архимандритомъ Неофитомъ Пагидою въ петербургской греческой церкви 20 января 1874 г. Воспоминаніе о графѣ Александрѣ Петровичѣ Толстомъ (с. 107–113).
<В. П. Мещерский>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. XIX. Les jours se suivent et ne se ressemblent pas (день на день не похожъ). XX. Одинъ выздоравливаетъ, другая заболѣваетъ (с. 113–119).

А. Майковъ. **На сѣверѣ и югѣ.** 1. Изъ Гёте. 2. Изъ Гафиза [Стихотворения] (с. 119).
Киръ Заруцкій. **Еще о старокатоликахъ** (с. 119–122).
<А. У. Порецкий>[342]. **Изъ текущей жизни** (с. 122–124).
Вѣра N… <В. П. Мещерский>[343]. **Письма хорошенькой женщины.** I (с. 124–126).
Послѣдняя страничка
<В. П. Мещерский?>[344]. Выписка изъ письма одной свѣтской женщины… — [Заметки о необходимости дежурства врачей]
<Ф. М. Достоевский?, Т. И. Филиппов?>[345]. Новая газета «Церковно-Общественный Вѣстникъ»… (с. 126–128).
Репертуаръ съ 28 января по 4 февраля (с. 128).
Объявленіе (с. 128).

№ 5. 4 февраля

<В. П. Мещерский>. [Объявление: «Слѣдующій № «Гражданина», по случаю сырной нѣдели, выйдетъ во вторникъ 12 февраля»] (с. 129).
N. <Ф. М. Достоевский>[346]. **О любви къ скандалу** (с. 129–130).
Н. <В. П. Мещерский?>[347]. **Два слова о подаркахъ Великой Княгинѣ Маріи Александровнѣ** (с. 130–132).
<В. П. Мещерский, К. П. Победоносцев?, Ф. М. Достоевский>[348]. **Петербургское обозрѣніе** (с. 132–134).
Въ редакціи «Гражданина» въ пользу самарцевъ получено… (с. 134).
<В. Ф. Пуцыкович>. **Хроника за двѣ недѣли** (с. 134–136).
Москвичъ <И. Ю. Некрасов>. **Изъ Москвы.** Рѣчь П. А. Безсонова въ засѣданіи Общества любителей русской словесности. — Чтенія тамъ же Е. В. Барсова и И. С. Аксакова. — Замѣтка о покойномъ В. И. Живокини (с. 137–138).
<К. П. Победоносцев>[349]. **Сочиненіе Стенли о восточной церкви** (с. 138–141).
И. **Археологическія изысканія г. Струкова въ Крыму** (с. 141).

<*В. П. Мещерский*>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. XXI. Сухотинъ. XXII. Вспыхнуло и потухло (с. 141–147).
<*В. П. Мещерский?*>[350]. **Письма крестьянина.** I (с. 147–149).
Ред. <*Ф. М. Достоевский*>. [Примечание к статье «Письма крестьянина. I»] (с. 147).
Z. Z. <*К. П. Победоносцев*>[351]. **Церковныя дѣла въ Германіи** (с. 149–150).
И. Л—съ <*И. Л. Ласкос*>. **Тѣни знаменитыхъ людей въ Корфу** (с. 150–152).
Св. А. Б. **Важный пробѣлъ въ программѣ по закону Божію.** (Къ свѣденію и на судъ о.о. законоучителей — какъ среднихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній) (с. 152–154).
В. П—чъ <*В. Ф. Пуцыкович*>. **События въ Англіи** (с. 154–155).
В. Н.-Д. <*В. И. Немирович-Данченко*>. **На берегу моря** [Стихотворение] (с. 155).
Послѣдняя страничка (с. 156–157).
<*В. П. Мещерский*>[352]. [Курьезы и анекдоты] (с. 156–157).
Репертуаръ съ 4 февраля по 10 февраля (с. 157).
Отъ редакціи [Объявление о подписке на 1874 год, выходе романов «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Один из наших Бисмарков» В. П. Мещерского] (с. 158).
Объявленія (с. 158–160).

№ 6. 12 февраля

N. <*В. П. Мещерский*>[353]. **«Укралъ съ голоду»** (с. 161–163).
Въ редакціи «Гражданина» въ пользу самарцевъ получено… (с. 163).
<*В. Ф. Пуцыкович*>. **Хроника за недѣлю** (с. 163–167).
<*А. У. Порецкий*>[354]. **Заботы, взгляды и мечты. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 167–170).
Ольга Голохвастова. **Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ.** Шутка-быль для народнаго театра, въ 2-хъ дѣйствіяхъ (с. 170–175).

В. Н.-Д. <*В. И. Немирович-Данченко*>. **Одному изъ идеалистовъ. Въ дорогѣ** [Стихотворения] (с. 175–176).

<*В. П. Мещерский*>. **Женщины.** Романъ изъ петербурскаго большаго свѣта. XXIII. Непредвидѣнные союзники. XXIV. Положеніе обрисовалось (с. 176–180).

Критика и библіографія

Н. Страховъ. Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *Г. Е. Благосвѣтлова*. Спб. 1874 (с. 180–182).

<*А.-Г. К. Киркор*>[355]. **Славянскія земли.** (Корреспонденція «Гражданина») (с. 182–183).

Помѣщикъ <*В. П. Мещерский*>[356]. **Земскія письма.** I. Надоѣло! (с. 183–185).

К. <*В. П. Мещерский*>[357]. **Докладъ Гавріила Степановича Оксидентова великимъ тѣнямъ Питта и Фокса о современной Россіи** (с. 185–187).

Послѣдняя страничка

<*В. П. Мещерский?*>[358]. Нѣчто изъ жизни перваго дня великаго поста въ Петербургѣ въ большомъ свѣтѣ. — Изъ дневника любителя афоризмовъ. — Въ городѣ X на имя губернатора поступило прошеніе… — Въ гостинницѣ Демутъ. — Но въ этомъ сорѣ родятся мысли…

<*В. Ф. Пуцыкович?*>[359]. Отъ Патти перейдемъ къ Мольтке… — Въ рѣчи этой двѣ мысли поразительны… — Вторая мысль: на что намъ клочекъ земли… (с. 187–188).

№ 7. 18 февраля

N. <*В. П. Мещерский*>[360]. **15 февраля. Чего мы сегодня желаемъ?** (с. 189–190).

<*В. П. Мещерский*>. **Петербургское обозрѣніе** (с. 190–192).

В—ръ П—чъ <*В. Ф. Пуцыкович*>. **Иностранныя событія** (с. 192–196).

<*В. П. Мещерский, А. В. Мещерский?*>[361]. **Еще о дворянствѣ и народной школѣ.** Изъ письма одного предводителя дворянства (с. 196).

Н. Потуловъ. **Голосъ за В. И. Даля** (с. 197–199).

Григорій Бланкъ. **Ипотечный механизмъ.** (По вопросу о введеніи ипотеки въ Россіи) (с. 199–202).

Киръ Заруцкій. **Новые церковные законы въ Пруссіи и Швейцаріи** (с. 202–205).

Ѳ. Ромеръ. **Идеалы.** (Изъ Шиллера) [Стихотворение] (с. 205–206).

И. Богдановъ. **Исторія моего дѣтства.** (Воспоминанія двороваго). I–II (с. 206–208).

Вѣра N. <*В. П. Мещерский*>. **Письма хорошенькой женщины.** II. О молодомъ поколѣніи (с. 208–210).

Ред. <*Ф. М. Достоевский*>. [Примечание к статье «Письма хорошенькой женщины. II»] (с. 208).

С. Крапивина <*С. М. Лобода*>. **Сердечный методъ.** (Разсказъ) (с. 210–212).

<*А. У. Порецкий*>[362]. **Изъ текущей жизни** (с. 212–215).

Послѣдняя страничка

<*Ф. М. Достоевский?*>[363]. Изъ провинціальной жизни въ городѣ Неблагодатномъ

<*В. П. Мещерский*>[364]. [Три заметки] (с. 215–216).

Объявленія (с. 216).

№ 8. 25 февраля

N. <*В. П. Мещерский*>[365]. **Новый апостолъ въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ** (с. 217–219).

Брестскаго уѣзда Священникъ[*] *Игнатій Пашкевичъ.* **Письмо кстати** (с. 219).

А. <*А. В. Фрейганг?*>[366]. **По поводу обѣда севастопольцевъ** (с. 219–220).

<*В. Ф. Пуцыкович*>. **Хроника за двѣ недѣли** (с. 220–222).

[*] Заглавная буква в публикации.

Пожертвованія въ пользу самарцевъ* (с. 222–223).

<*А. У. Порецкий*>[367]. **Чужія мысли по школьному дѣлу. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 223–224).

Москвичъ <*И. Ю. Некрасов*>. **Изъ Москвы.** «Ученому нечего учиться» — выводъ изъ размышленій по поводу бывшаго пріѣзда иностранныхъ гостей въ Россію. — Новыя свѣденія объ устройствѣ дѣтской больницы въ Москвѣ. — Число дѣтей вь Москвѣ и ихъ смертность. — Пріютъ для неизлѣчимыхъ. — Общедоступный театръ. — Два слова о покойномъ Живокини. — Односторонность новѣйшей историко-литературной критики. — Новая повѣсть г-жи Кохановской (с. 225–226).

Киръ Заруцкій. **Новыя церковныя законы въ Пруссіи и Швейцаріи.** (Окончаніе) (с. 226–229).

И. Богдановъ. **Исторія моего дѣтства.** (Воспоминанія дворовaго). III–IV (с. 229–232).

<*В. П. Мещерский*>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. Часть вторая. I. День объясненій (с. 232–237).

А. Верещагинъ. **Изъ путевыхъ замѣтокъ по Черноморскому округу.** I (с. 237–239).

<*В. П. Мещерский?*>. **Письма крестьянина.** II (с. 239–240).

Критика и библіографія

Н. Страховъ. Письма къ редактору о нашемъ современномъ искуствѣ. Письмо I. (По поводу новой оперы «Борисъ Годуновъ») (с. 240–242).

Послѣдняя страничка

<*В. П. Мещерский*>[368]. Изъ записки графа Обезьянинова… <*В. П. Мещерский, Ф. М. Достоевский?*>[369]. Подслушанные разговоры; почерпнуто изъ тетради стенографа (с. 242–243).

Опечатки (с. 243).

Объявленія (с. 243–244).

---

* Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

№ 9. 4 марта

<*В. П. Мещерский*>. **Отъ редакціи** [Объявления о рисунке памятника Екатерине II для годовых подписчиков, о поступлении пожертвований в пользу голодающих Самарской губернии] (с. 245).

N. <*В. П. Мещерский*>[370]. **Вопросъ** (с. 245–246).

<*В. П. Мещерский?*>[371]. *Княгиня Д—я (мать пятерыхъ дѣтей).* **Первое письмо къ г-ну N.** (с. 246–247).

<*Ю. Д. Засецкая?*>[372]. *Одна изъ слушательницъ бесѣдъ.* **Отвѣтъ на статью въ № 8: «Новый апостолъ въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ»** (с. 247).

N. <*Ф. М. Достоевский*>[373]. **Вотъ нашъ отвѣтъ аноному…** (с. 247–248).

В. Г. **Вотъ кого попечителемъ народной школы утверждаетъ маріупольскій училищный совѣтъ!** (с. 248–249).

<*В. П. Мещерский*>. **Петербургское обозрѣніе** (с. 249–251).

Z. <*К. П. Победоносцев?*>[374]. **Д. Н. Свербѣевъ.** (Изъ московскаго письма къ редактору) (с. 251–252).

******* <*Ф. М. Достоевский?*>[375]. **Еще и еще о пьянствѣ** (с. 252).

В. Т. **Пьянство и наша неподвижность** (с. 252–253).

Бой женщинъ съ кабачниками въ Америкѣ (с. 253–254).

<*В. П. Мещерский*>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. Часть вторая. II. Торжественный разговоръ. III. Графиня Бобровская. IV. Другой лагерь заговорщиковъ. V. Пріѣздъ Гагариныхъ (с. 254–259).

Вѣра N. <*В. П. Мещерский*>. **Письмецо хорошенькой женщины** (с. 259–260).

Олицъ <*Я. П. Полонский*>[376]. **Хорошенькой женщинѣ.** На 2-е письмо помѣщенное въ 7 № «Гражданина» (с. 260–261).

Ред. <*Ф. М. Достоевский*>. [Примечание к статье Олица <Я. П. Полонского> «Хорошенькой женщине…»] (с. 261).

А. Верещагинъ. **Изъ путевыхъ замѣтокъ по Черноморскому округу.** II. Изолированное положеніе поселенцевъ во время разлива рѣкъ. — Административное дѣленіе округа. — Число

поселеній и число жителей. — Нравственныя качества поселянъ (с. 261–263).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье А. В. Верещагина «Из путевых заметок по Черноморскому округу. II»] (с. 263).

<А. У. Порецкий>[377]. **Изъ текущей жизни** (с. 263–266).

Критика и библіографія

Н. Страховъ. Письма къ редактору о нашемъ современномъ искуствѣ. Письмо II (с. 266–268).

Павелъ Павловъ <П. П. Вяземский>[378]. Замѣтки досужаго читателя. «Русскій Вѣстникъ», январь 1874. 1. Изъ біографіи гр. Михаила Николаевича Муравьева. *Д. А. Кропотова.* 2. Исторія блѣднаго молодаго человѣка. Романъ. Прологъ. *Д. Аверкіева.* 3. Общественное воспитаніе въ Англіи. *К. Н. М.* 4. Двѣ силы. Романъ. *В. Крестовскаго* (с. 268–275).

Купецъ Сергіева Посада Сергѣй Сафоновъ. **Заявленіе** (с. 275).

Послѣдняя страничка

<А. У. Порецкий>[379]. [Сатирические миниатюры]

<В. П. Мещерский?>[380]. На дняхъ въ «Kölnische* Zeitung»… — Мы смѣемъ быть не совсѣмъ согласными съ великимъ княземъ Бисмаркомъ…

Разговоръ въ квартирѣ московскаго гомеопата (с. 275–276).

№ 10. 11 марта

<В. П. Мещерский>. **Отъ редакціи** [Объявления о порядке переадресовки подписки, о поступлении пожертвований в пользу голодающих Самарской губернии] (с. 277).

Другъ многихъ русскихъ нѣмцевъ <В. П. Мещерский?>[381]. **Два слова по поводу мнѣнія князя Бисмарка о русскихъ нѣмцахъ** (с. 277–279).

N. <В. П. Мещерский>[382]. **Нѣчто о дисциплинѣ.** Отвѣтъ либеральной газеткѣ (с. 279–280).

К. В. М. <В. П. Мещерский>[383]. **Опытъ спокойнаго слова въ заключеніе полемики о лордѣ Редстокѣ** (с. 280–282).

---

* В публикации ошибочно: Köllnische.

Православный не изъ высшаго общества <Н. С. Лесков>[384]. **Письмо**[*] (с. 282).

В—ръ П—чъ <В. Ф. Пуцыкович>. **Иностранныя событія** (с. 282–284).

<А. У. Порецкий, Ф. М. Достоевский?>[385]. **Нелегкія вѣсти. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 284–286).

<И. Ю. Некрасов>[386]. **Изъ Москвы.** Около тридцати лѣтъ назадъ. — Качественный прогрессъ. — Заботы о народномъ образованіи въ сороковыхъ годахъ въ Москвѣ. — Новыя вѣянія. — Заботы московскаго уѣзднаго земства о народномъ образованіи. — Николо-Угрѣшская монастырская школа. — Плохо! — и какъ помочь? — Отзывъ изъ прошлаго времени. — Чувство педагогическаго самоуслажденія, и, къ примѣру, курьозный новомодный педагогъ. — Общія требованія. — О народныхъ чтеніяхъ. — Новая ремесленная школа. — Исправительный пріютъ для дѣвочекъ. — Народныя кухни (с. 286–289).

Ц. **Голосъ изъ провинціи** (с. 289–291).

Сельскій священникъ Полтавской губ. **Письмо сельскаго священника** (с. 291–292).

П. <А. У. Порецкий, Ф. М. Достоевский?>[387]. **Психологическій вопросъ изъ дѣла Непениныхъ.** (Письмо къ редактору) (с. 292–293).

Чтеніе Т. И. Филиппова въ засѣданіи петербургскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія 26 февраля (с. 293–296).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Предисловие к публикации «Чтение Т. И. Филиппова…»] (с. 293).

<В. П. Мещерский>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. Часть вторая. VI. Первыя впечатлѣнія (с. 296–298).

Вѣра N. <Ф. М. Достоевский?>[388]. **Отвѣтъ хорошенькой женщины старичку Олицу** (с. 298–301).

---

[*] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

Павелъ Павловъ[*] *<П. П. Вяземский>*. **Замѣтки досужаго читателя.** «Отечественныя Записки», январь и февраль. Кому на Руси жить хорошо. Н. Некрасова. Поздняя любовь. Сцены А. Островскаго. Крестьянская реформа. Грыцько. Изъ деревни. А. Энгельгардта. Очень маленькій человѣкъ. Глѣба Успенскаго. Благонамѣренныя рѣчи. Щедрина (с. 301–306).

Послѣдняя страничка

<А. У. Порецкий?>[389]. Въ одной газетѣ…

<В. П. Мещерский?>[390]. [Анекдоты и сценки] (с. 306–307).

Объявленія (с. 307–308).

№ 11. 18 марта

<В. П. Мещерский>. **Отъ редакціи** [Объявление о подписке на 1874 год] (с. 309).

Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ [О первом предостережении «Гражданину» за то, что «в статье “Два слова по поводу мнения князя Бисмарка”, напечатанной в № 10 журнала “Гражданин”, заключаются высказанные в самых резких выражениях, совершенно превратные суждения, клонящиеся к возбуждению вражды против одной из частей населения Империи»] (с. 310).

Пожертвованія[**] (с. 310).

N. <В. П. Мещерский>[391]. **О самоубійствахъ** (с. 310–311).

<В. П. Мещерский>. Петербургское обозрѣніе (с. 311–314).

Русиновъ <В. П. Мещерский>[392]. **Письма русскаго помѣщика.** I. Вмѣсто введенія (с. 314–315).

В. Н.-Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **Изъ путеваго альбома.** Въ Сѣверномъ океанѣ [Стихотворение] (с. 315).

Чтеніе Т. И. Филиппова въ засѣданіи петербургскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія 26 февраля. (Продолженіе) (с. 315–318).

---

[*] Подпись — в содержании журнального выпуска.

[**] Заглавие публикации приведено в содержании журнального выпуска.

В. <К. П. Победоносцев>[393]. **Духовная литература и церковная проповѣдь.** I–III (с. 318–322).

А. Верещагинъ. **Изъ путевыхъ замѣтокъ по Черноморскому округу.** III. Народное здравіе и значеніе мѣстной лихорадки. — Оспопрививаніе. — Обезпеченіе народнаго продовольствія. — Мировой институтъ (с. 322–324).

С. Соколовскій. **Данъ горшокъ — хоть объ уголъ!** Драматическій очеркъ изъ народнаго быта, въ четырехъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе первое (с. 324–327).

Критика и библіографія

Н. Страховъ. Письма къ редактору о нашемъ современномъ искуствѣ. Письмо III (с. 327–329).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье Н. Н. Страхова «Письма к редактору о нашем современном искусстве. Письмо III»] (с. 328).

Павелъ Павловъ[*] *<П. П. Вяземский>.* Замѣтки досужаго читателя. «Вѣстникъ Европы», январь, февраль и мартъ. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ александровскую эпоху. *П. В. Анненкова.* Портретъ. Повѣсть въ стихахъ. *Гр. А. Толстого.* Девятый валъ. Романъ въ трехъ частяхъ. *Г. Данилевскаго.* Возрастъ вступленія въ бракъ. *И. И. Мечникова.* В. Г. Бѣлинскій. Опытъ біографіи. *А. Пыпина* (с. 329–335).

Олицъ <Я. П. Полонский>. **Хорошенькой женщинѣ.** Отвѣтъ Олица — послѣдній (с. 335–336).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечания к статье «Хорошенькой женщине. Ответ Олица — последний»] (с. 335–336).

Посторонній. **«Буря въ стаканѣ воды».** Или: кто «больше» — городская дума, или же мѣщанское «общество»? Эпизодъ изъ жизни гражданъ города К….. (с. 336–337).

Послѣдняя страничка

<В. П. Мещерский?>[394]. Заимствуемъ изъ одной французской газеты маленькую исторію… — Кстати о судахъ

<Ф. М. Достоевский>[395]. Мы получили слѣдующее письмо…

[*] Подпись — в содержании журнального выпуска.

Слушатель. [Открытое письмо редактору] (с. 337–338). Объявленія (с. 339–340).

№ 12. 25 марта

<В. П. Мещерский>. **Отъ редакціи** [Объявление: «Слѣдующій № 13–14 выйдетъ, въ увеличенномъ видѣ, въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, 8 апрѣля»] **(с. 341).**
<Ф. М. Достоевский>[396]. **Два слова о добромъ дѣлѣ (с. 341).**
N. <А. У. Порецкий>[397]. **О самоубійствахъ.** II (с. 341–342).
К… <В. П. Мещерский>[398]. **По поводу письма о школахъ Тверскаго уѣзда** (с. 343).
О школахъ Тверскаго уѣзда (с. 343–345).
М. <В. П. Мещерский>[399]**. Крестьянское дѣло въ Костромской губерніи.** I (с. 345–346).
В—ръ П—чъ <В. Ф. Пуцыкович, Ф. М. Достоевский?>[400]. **Иностранныя событія** (с. 346–348).
Христіанское поручительство. Проповѣдь произнесенная въ собственной часовнѣ Виндзорскаго замка 8-го марта 1874 г. въ первое воскресенье послѣ прибытія Ихъ Королевскихъ Высочествъ Герцога и Герцогини Эдинбургскихъ, Артуромъ Стенлеемъ, деканомъ Вестминстерскаго аббатства. *<Перевод К. П. Победоносцева>*[401] (с. 348–350).
<И. Ю. Некрасов>. **Изъ Москвы.** О дамскомъ попечительномъ о тюрьмахъ комитетѣ. — Новыя народныя кухни. — Казенная народная читальня. — Къ слову, нѣсколько благихъ пожеланій. Общество кружевницъ. — Уменьшеніе кабаковъ въ Москвѣ. — Курьозы въ жизни московской новой думы и новаго московскаго суда (с. 350–352).
В. <К. П. Победоносцев>. **Духовная литература и церковная проповѣдь.** (Окончаніе). IV–VII (с. 353–357).
Чтеніе Т. И. Филиппова въ засѣданіи петербургскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія 26 февраля. (Продолженіе) (с. 357–361).

А. Верещагинъ. **Изъ путевыхъ замѣтокъ по Черноморскому округу.** IV. Отчетъ коммисіи по изслѣдованію земель на сѣверовосточномъ берегу Чернаго моря. — Надѣлъ поселенцевъ землею (с. 362–363).

С. Соколовскій. **Данъ горшокъ — хоть объ уголъ!** Драматическій очеркъ изъ народнаго быта, въ четырехъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе второе (с. 363–366).

<В. П. Мещерский>. **Женщины.** Романъ изъ петербурскаго большаго свѣта. Часть вторая. VI.* Первыя знакомства. VII. Въ княгиню Мытищеву входитъ бѣсъ (с. 366–372).

<А. У. Порецкий>[402]. **Изъ текущей жизни** (с. 372–374).

Краткое описаніе Михайло-Архангельскаго черемисскаго монастыря (с. 374–375).

Послѣдняя страничка

<Ф. М. Достоевский?>[403]. Не лишенная интереса сцена на станціи желѣзной дороги

[Анекдоты и сценки]

<Ф. М. Достоевский?>[404]. Въ одной гостиной

Сцена послѣ концертовъ… — Уфимскій статистическій комитетъ…

<В. П. Мещерский?>[405]. Тифлисъ перещеголялъ Петербургъ. — Еще прелестное объявленіе (с. 375–376).

Объявленія (с. 376).

№ 13–14[406]. 8 апреля

<В. П. Мещерский>. **Отъ редакціи** [Объявление о правилах возвращения рукописей] (с. 377).

М… <В. П. Мещерский>[407]. **Еще слово о дворянствѣ** (с. 377–379).

<В. П. Мещерский>. **Петербургское обозрѣніе** (с. 379–381).

---

* Сбой нумерации глав в публикации романа. «Предыдущая» глава VI, под названием «Первые впечатления», была напечатана в № 10 от 11 марта 1874 г. (см. выше).

К… <*В. П. Мещерский*>. **Матеріалы по крестьянскому дѣлу въ Костромской губерніи.** (Продолженіе) (с. 381–382).
<*А. У. Порецкий*>[408]. **Нѣчто о терпѣньѣ и терпѣливости. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 383–386).
Т. Филипповъ. **Чтеніе Т. И. Филиппова въ засѣданіи петербургскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія 26 февраля.** (Продолженіе) (с. 386–391).
П—въ. <*К. П. Победоносцев*>[409]. **Приходскія попечительства и новое положеніе о приходахъ** (с. 391–393).
А. Верещагинъ. **Изъ путевыхъ замѣтокъ по Черноморскому округу.** V. Порядокъ пріобрѣтенія участковъ покупкою. — Отводъ купленныхъ участковъ въ натурѣ. — Значеніе лѣснаго вѣдомства для пріобрѣтателей участковъ. — Выборочная эксплуатація лѣса. — Истребленіе лѣса на просѣкахъ англо-индійскаго телеграфа (с. 393–395).
С. Соколовскій. **Данъ горшокъ — хоть объ уголъ!** Драматическій очеркъ изъ народнаго быта, въ четырехъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе третье. Дѣйствіе четвертое (с. 395–402).
С. Калугинъ. **Голодная изба.** (Идилія) (с. 402–405).
В. <*К. П. Победоносцев*>[410]. **Новыя русскія книги за три мѣсяца** (с. 405–408).
Вѣра N. <*В. П. Мещерский*>**. Письма хорошенькой женщины.** IV (с. 408–410).
Павелъ Павловъ <*П. П. Вяземский*>. **Замѣтки досужаго читателя.** «Русскій Вѣстникъ». Февраль и Мартъ. Двѣ силы. Романъ *Вс. Крестовскаго.* Продолженіе. Исторія блѣднаго молодаго человѣка. *Аверкіева.* Продолженіе. Los Novios. Разсказъ изъ современныхъ испанских нравовъ. *Гр. Е. А. Салліаса.* «Отечественныя Записки». Мартъ. Докторъ Цыбулька. Романъ *г. Боборыкина* (с. 410–414).
Послѣдняя страничка. Пасхальныя замѣтки
<*И. Ю. Некрасов?*>[411]. Изъ Москвы
<*В. П. Мещерский*>[412]. Изъ Петербурга (с. 414–415).
Объявленія (с. 415–416).

№ 15. 15 апреля

Отчеты о самарцахъ (с. 417–418).
В—ръ П—чъ <В. Ф. Пуцыкович>. **Иностранныя событія** (с. 418–421).
<И. Ю. Некрасов>. **Изъ Москвы.** Характерныя отличія московскаго населенія. — Общій и вѣчный русскій вопросъ. — Замѣчаніе m-me Сталь. — Московское музыкальное Общество. — Нѣчто объ искуствѣ и барышничествѣ. — Живопись на фарфоровой посудѣ. — Новый колдунъ побѣдилъ «Короля Лира». — Выводъ изъ примѣровъ. — Замѣтки о московской цвѣточной выставкѣ (с. 421–424).
Чтеніе Т. И. Филиппова въ засѣданіи петербургскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія 13 марта (с. 424–428).
Священникъ Меѳодій Крячковскій. **Изъ Херсонской епархіи.** По вопросу объ обезпеченіи быта православнаго духовенства на счетъ приходовъ (с. 428–431).
Изъ Смоленской губерніи. (Письмо помѣщика) (с. 431–433).
А. Верещагинъ. **Изъ путевыхъ замѣтокъ по Черноморскому округу.** VI. По вопросу: могло-ли быть полезнымъ для Черноморскаго округа пріобрѣтеніе въ немъ, покупкою, земель товариществами и водвореніе послѣдними общественныхъ центральныхъ хозяйствъ? (с. 433–435).
К. В. М. <В. П. Мещерский>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. Часть вторая. VIII. Княжна Мери (с. 435–438).
И. Богдановъ. **Исторія моего дѣтства.** (Воспоминанія двороваго). Часть вторая. I–III (с. 438–442).
<А. У. Порецкий, Ф. М. Достоевский?>[413]. **Изъ текущей жизни** (с. 442–443).
Объявленія (с. 444).

№ 16. 22 апреля

<В. П. Мещерский, Ф. М. Достоевский>. **Отъ редакціи** [Объявление: «Съ настоящаго нумера Ѳ. М. Достоевскій, по разстроенному здоровью, принужденъ, не оставляя по возможности

своего постояннаго участія въ "Гражданинѣ", сложить съ себя обязанности Редактора журнала, которыя и принимаетъ на себя (временно) одинъ изъ постоянныхъ участниковъ и сотрудниковъ Редакціи В. Ѳ. Пуцыковичъ. Само собою разумѣется, что направленіе журнала ни въ чемъ не измѣнится». Сообщение о рассылке всем годовым иногородним подписчикам снимка с памятника Екатерине II, о порядке переадресовки, о правилах возвращения рукописей] (с. 445).

R Z. <В. П. Мещерский>[414]. **Еще о современномъ петербургскомъ священникѣ.** По поводу статей «Христіанскаго Чтенія» и «Церковно-Общественнаго Вѣстника» (с. 445–447).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечание к статье R. Z. <В. П. Мещерского> «Еще о современном петербургском священнике»] (с. 446).

<А. У. Порецкий>[415]. **Весенніе цвѣты. (Изъ современнаго обозрѣнія)** (с. 447–449).

М. С. Н. <М. П. Погодин?>[416]. **Письмо въ редакцію о г. Филипповѣ и его оппонентахъ** (с. 449–450).

Ред. <Ф. М. Достоевский>. **Отъ редакціи** [О возвращении Т. И. Филиппова в Общество любителей духовного просвещения] (с. 450).

В. Ушаковъ. **Изъ Лужскаго уѣзда.** (Замѣчательный приговоръ кабакамъ) (с. 450–451).

И. Б. <И. И. Богданов?>[417]. **Нѣсколько словъ о конкурсныхъ проектахъ памятника Пушкину** (с. 451–452).

Т. Филипповъ. **Чтеніе Т. И. Филиппова въ засѣданіи петербургскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія 13 марта.** (Окончаніе) (с. 452–457).

К—въ. **Изъ Смоленской губерніи.** (Письмо помѣщика). (Окончаніе) (с. 457–458).

γ. δ. <М. И. Владиславлев?>[418]. **По вопросу объ ученомъ или факультетскомъ образованіи въ университетѣ** (с. 458–461).

К. В. М. <В. П. Мещерский>. **Женщины.** Романъ изъ петербургскаго большаго свѣта. Часть вторая. IX. Нежданный визитъ. X. Княгиня Биболи (с. 461–465).

В. Н.-Д. <В. И. Немирович-Данченко>. **Изъ путеваго альбома.** На Имандрѣ. [Стихотворение] (с. 466–467).
И. Богдановъ. **Исторія моего дѣтства.** (Воспоминанія двороваго). Часть вторая. IV–V (с. 467–471).
Объявленія (с. 471–472).

Примечания

[1] Техническая работа по составлению списка публикаций «Гражданина» 1873–1874 гг. была выполнена текстологической группой Издательства ПетрГУ. Нами внесены необходимые дополнения и уточнения.

Роспись «Гражданина» была также напечатана в изд.:

1) *Zohrab I.* A Chronological Description of the Contents of Meshchersky's *The Citizen* (*Grazhdanin*) during Dostoevsky's Editorship. Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions (in English Translation, Nos 1–30, 1873) // *New Zealand Slavonic Journal*. 2004. No. 38. Pp. 181–225;

2) *Zohrab I.* Dostoevsky's Editorship of Meshchersky's *The Citizen* (*Grazhdanin*): Issues Nos 31 to 52, 1873. Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions (with Emphasis on Material Relating to Religion and the Church). Part 2 // *New Zealand Slavonic Journal*. 2005. No. 39. Pp. 216–260;

3) *Zohrab I.* Dostoevsky's Editorship of Meshchersky's *The Citizen* (*Grazhdanin*): Issues No. 1 to No. 16, 1874. Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions (with Emphasis on Material Relating to the Russian Conquest of Khiva and Relations with England). Part 3 // *New Zealand Slavonic Journal*. 2006. No. 40. Pp. 162–219;

4) *Zohrab I.* The Contents of *The Citizen* during Dostoevsky's Editorship: Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions. Dostoevsky's Quest to Reconcile the "Flux of Life" with a Self-Fashioned Utopia. Part 1 // *Dostoevsky Journal*. 2004. No. 5. Pp. 47–162. Предположения И. Зохраб об авторстве анонимных и псевдонимных публикаций в «Гражданине» не были аргументированы, по этой причине мы кратко указываем на них в нашей росписи только при расхождениях в атрибуции (случаи отсутствия таковой у Зохраб нами не оговариваются). **Ссылки на указанные издания даются в обобщенной форме*: Zohrab.***

[2] Публикации «Гражданина», связанные с жизнью двора, готовил В. П. Мещерский, близкий к высшим сферам. Кроме того, в заметке ощутим его стиль нарочитой задушевности при изъявлении верноподданнических чувств, соединяемой с речевыми шероховатостями («печать чего-то глубоко сердечного» и т. п.).

[3] Автора статьи отличает масштабность государственного подхода к многообразию затронутых ключевых проблем современной России, **акцентирование законодательных процессов**, вдумчивая серьезность интонационного строя, напрочь лишенного полемических перехлестов. Все эти качества указывают на самого авторитетного еще с прошлого года автора «Гражданина», члена Государственного совета с того же 1872 года и крупного цивилиста — К. П. Победоносцева. Его выдает, например, убеждение, что «с уменьшением элементов политической смуты возрастает общее спокойствие, необходимое для прочности всех гражданских оборотов», а также требование «строгой, стройной и последовательной системы внутренней политики». Показательна для Победоносцева и апелляция анонимного автора к английскому опыту: «От возрастания подобной доходной статьи в Англии приходит в беспокойство всё общество». Свойственна Победоносцеву в этот период и осторожная критика цензурного произвола, и заявленная в атрибутируемой статье «потребность в расширении области общественного обсуждения». Логическая правильность и некоторый педантизм, замечаемые в статье «1872 год», также свойственны сугубо книжному стилю К. П. Победоносцева. Предположение *Zohrab* об авторе данной статьи: «Порецкий А. У.?»

[4] Рубрику «Политическое обозрение» в начале 1873 г. вел С. А. Николаевский (в конце 1872 г. — автор «Политических писем»). Криптоним «С. Н.» в «Гражданине» был закреплен за ним и в других публикациях (см. примеч. 76). Рубрики, которые велись единолично одним сотрудником «Гражданина» («Политическое обозрение», «Петербургское обозрение», «Областное обозрение», «Московские заметки»), а также циклы статей атрибутируются лишь в связи с первой их публикацией, чтобы избежать повторов. Исключения составляют случаи, когда в указанных рубриках есть вставки других авторов, а также когда есть возможность привести дополнительные аргументы в пользу авторства постоянного ведущего рубрики.

[5] Осведомленность автора выходит из обычных границ, т. к. государственная роспись, которая анализируется в статье 1 января, будет опубликована в «Правительственном вестнике» только 7 января. Скорее всего, публикацию готовил постоянный автор «Гражданина» с 1872 г. Т. И. Филиппов, служивший с 1864 г.

в Государственном контроле (чей отчет и положен в основу статьи). См.: *Отливанчик А. В.* Т. И. Филиппов — сотрудник журнала «Гражданин» в 1873–1874 гг. (по архивным материалам) // Неизвестный Достоевский. 2017. № 3. С. 20–21 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1507898890.pdf

6 Стихотворение «Ночь в Монплезире» входило в сборники стихов Апухтина начиная с изд.: *Апухтин А. Н.* Стихотворения. СПб., 1886.

7 В записной книжке Достоевского, приступавшего к работе редактора, планирование библиографического отдела выглядит следующим образом:

«Пуцыковича — 10 лет реформ
Мещерск<ий> — Алексей Слободин
Я — Монастыри
— Азбука
П<орецкий> — Неизвестно что» (27: 106).

Из этой записи следует, что автором рецензии на роман А. И. Пальма «Алексей Слободин» является В. П. Мещерский. Заметны его характерные стилевые дефекты: «вот слова, которые чуть ли не каждый день приходится говорить», «колоссальная по своему богатству внутреннего содержания личность священника», «современный тип с значением высокохудожественного произведения», «в наш век… ни на чем не основанных отрицаний», «носителем… своего разлада с жизнью и своих элементов борьбы», «Алексей Слободин родился в… смеси атмосферы уездного города и деревни». Не исключено редакторское вмешательство Достоевского, впрочем, минимальное.

8 Вероятность авторства Порецкого очень высока: он писал о педагогических изданиях Л. Н. Толстого (чьим горячим поклонником был) еще в прежнем журнале Достоевского («Ясная Поляна», журнал педагогический // *Время*. 1862. № 3. Отд. II. С. 65–78; атрибуцию см.: *Викторович В. А.* Литератор-невидимка // Лица: Биографический альманах. № 4. М.; СПб., 1994. С. 86). В атрибутируемой статье есть переклички с той публикацией.

9 Автор указан в записной книжке Достоевского. См. примеч. 7.

[10] Атрибутируется предположительно по близости (в стиле и приемах анализа) к следующей рецензии (см. примеч. 11). Характерно для Владиславлева акцентирование «глубокого психологического интереса, лежащего в основе религиозных верований».

[11] Рецензия содержит автобиографическое признание: «Пишущий эти строки, имея уже за собою девять лет самого неуклонного следования за движением европейской и русской образованностей…», — соответствующее биографии М. И. Владиславлева. Характерны также отсылки к философии Р.-Г. Лотце, под влиянием которой сложилось мировоззрение Владиславлева, а также к явлениям «новой психологии», анализу которой он посвятил большую статью в журнале «Эпоха» (1864. № 9). Владиславлев, когда-то горячо принятый в кружок братьев Достоевских, в начале 70-х гг. был в близких отношениях с Ф. М. Достоевским.

[12] Предположение об авторстве В. Ф. Пуцыковича строится на том основании, что именно ему были поручены еще с 1872 года компилятивные юридические обзоры происходящих реформ.

[13] Статья была приписана Достоевскому Б. В. Томашевским в 13 томе «Полного собрания художественных произведений» со следующим, на наш взгляд, веским обоснованием: «Так как заявление это заключает собою первый номер журнала, подписанный Достоевским-редактором, то трудно допустить возможность, чтобы оно было не им написано» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. худож. произв. Т. 13. М.; Л., 1930. С. 607). Гипотезу впоследствии поддержал В. В. Виноградов («Из анонимного фельетонного наследия Достоевского», в кн.: «Исследования по поэтике и стилистике», Л., 1972. С. 190–191), хотя и не привел дополнительных аргументов. Недостаточность аргументации в конечном итоге предопределила решение не включать эту статью в академическое издание Достоевского (см.: 27: 181). Приведем дополнительные аргументы. Основная идея заметки совпадает с мыслями, **неоднократно** высказанными писателем. Более того, высказанными в идентичных ситуациях — в программных редакционных объявлениях. В объявлении о подписке на журнал «Время» на 1863 год Достоевский горячо выступил против «теоретиков», которые «с любовью самоосуждения и обличения искали одного только “темного царства” и не видали светлых и свежих сторон». «Мы рвемся к обновлению <…> — писал он тогда. — Но мы не хотим вместе с грязью и выбросить золота; а жизнь и опыт

убедили нас, что оно есть в земле нашей…» (20: 208, 209–210). Через два года в объявлении уже на журнал «Эпоха» Достоевский настойчиво возвращается к выношенной мысли: «Многое научились мы бранить в нашем отечестве <…>. Но зато мы до сих пор не научились и, почти сплошь, не знаем того, что именно должно не бранить на Руси» (20: 217). Тогда же в лексиконе Достоевского появилось выражение «литература скандалов» (18: 71), варьирующееся и в «Желании». «Совсем некого уважать (вот язва теперешнего)» и — «Хорошим примером человек живет» (21: 252, 256) — так Достоевский наметил темы будущих выступлений в записной книжке в конце 1872 г., т. е. буквально накануне публикации «Желания». Одно место в заметке «Желание» выделяется характерным для Достоевского плеонастическим стилем: «…мы слишком хорошо умеем смеяться над всяким общественным деятелем; мы слишком строго умеем быть судьями и обличителями всякого кто нам не по нраву». Отметим также, что в 1861 г. точно такие же претензии Достоевский готовился высказать Н. А. Добролюбову, желчно осмеявшему оплошность знаменитого русского врача и педагога Н. И. Пирогова («Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» и «От дождя да в воду»). «В смехе, в вечном смехе есть сушь, — обращался тогда Достоевский (незаконченная статья «Вопрос о Пирогове») к публицисту-радикалу. — Вы изгоняете энтузиазм из молодежи, а ведь наше время такое, что энтузиазм необходим» (20: 170). Уже тогда не устраивали Достоевского нравы русской журналистики: «…друг друга дразним; ты вот не таков, ты вот не так [служишь?] общему благу, а надо вот так, я-то лучше тебя знаю <…>. Чего хочется? Ведь в сущности все заодно? К чему же сами разницу выводим…» (20: 167). Заметка «Желание» выдает неповторимую интонацию и словоупотребления Достоевского-публициста. Особенно замечательно речевое акцентирование, своеобразный синтаксический «курсив»: «давно, и очень давно»; «Мы слишком хорошо знаем… мы слишком хорошо умеем… мы слишком строго… мы слишком мало знаем… слишком мало высказываем… А между тем не сто ли раз больше пользы…». «Для синтаксического почерка Достоевского весьма характерны построения с “внутриструктурной” актуализацией, логическим выделением отдельных синтагм — посредством их интонационного обособления, часто связанного

с изменением их местоположения во фразе и нарушением контактных связей слов» (*Иванчикова Е. А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского. М., 1979. С. 258). Прерывиста, с уходами в сторону речь автора «Желания» — в «Гражданине» эту единственную интонацию самого редактора невозможно не узнать. Есть здесь и еще одна характерная примета стиля Достоевского — необычный порядок слов, размыкающий привычные синтаксические связи. См., к примеру, выражение: «когда все у нас хорошее так дурно». В пользу авторства Достоевского свидетельствует и характерное для него гиперболизирующее выражение «чуть ли не». Ср. в предисловии 1862 г. к публикации «Собора Парижской Богоматери»: «Даже его [Гюго] огромные недостатки повторились чуть ли не у всех последующих французских романистов» (20: 29). Редакционная заметка «Желание» имела самое прямое продолжение: она «реализовалась» в редакторской практике Достоевского, в журналистской стратегии «Гражданина» 1873–1874 гг. — в настойчиво возвращающейся теме «лучших людей», на которых вся надежда России. Предположение *Zohrab* об авторстве: «Мещерский В. П. и Достоевский Ф. М.».

14 Объявление касается предмета, находящегося в ведении издателя, т. е. В. П. Мещерского, хотя не исключена редакторская правка Достоевского. Предположение *Zohrab*: «Достоевский Ф. М.».

15 Рубрика «Петербургское обозрение» велась единолично В. П. Мещерским (за редкими исключениями, когда в его текст включались отдельные вставные эпизоды, написанные Ф. М. Достоевским, К. П. Победоносцевым или Т. И. Филипповым). Это доказывается многократными упоминаниями обозрения в письмах Мещерского к Достоевскому (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 41, 43–44, 46–47). Ср. в письме Достоевского метранпажу М. А. Александрову 4–6 октября 1873 г.: «Прилагаю письмо к князю и прошу его, чтобы сократил свое “Петерб<ургское> обозрение”» (29_1: 305).

16 Рубрика «Московские заметки» велась единолично И. Ю. Некрасовым, что следует, прежде всего, из его писем к Достоевскому (ИРЛИ. Р. I.6.139). В данной статье имеется принципиальная и весьма энергичная вставка, скорее всего, принадлежащая Ф. М. Достоевскому и касающаяся отношения к старообрядцам: «какое нравственное крепостничество своего рода заключается

в <…> казенно-благонамеренных воззрениях на весь раскол, как на стачку чуть не каких то капризных идиотов и закоренелых злодеев; вы увидите, сколько душевной силы и сердечной глубины заключается иной раз в самых крайностях раскольничьего уклонения от живой истины православной церкви; вы живо почувствуете, как дорого было бы свободное обращение этих многих заблудшихся русских сил в лоно русской церкви, жизнь которой требует себе оживления в настоящее время более чем когда-либо; но в то же время перед вами предстанет во всей своей силе, во всех своих широких размерах вопрос, существует ли достаточно общественных нравственных сил, и по своему просвещению и по энергии готовых от лица русской церкви содействовать этому обращению путем мирного, искреннего убеждения? И затем не от недостатка ли подобных сил происходит то убожество русской интеллигенции и русской литературы в отношении к раскольничьим массам…». Эти слова, по существу, явились программой последующих выступлений «Гражданина» по вопросу о единоверии, в которых редактор принял самое непосредственное участие.

17 «Этюды петербургского большого света» были начаты в «Гражданине» еще в 1872 г. (№ 31, 33), их принадлежность Мещерскому не вызывает сомнения ни по содержанию (сатирическое изображение высшего света), ни по стилю.

18 Весь раздел «Ералаш» подписан псевдонимом «Оптимист», принадлежавшим В. П. Мещерскому еще в «Гражданине» 1872 г.: «Акафист времени» (№ 18), «Петербургские письма» (№ 19) и «Сказание Оптимиста» (№ 21, 22). Раздел «Ералаш» появился в «Гражданине» в декабре 1872 года (№ 32, 34), сменив «Фельетон» (№ 23, 25, 27) — оба раздела вел В. П. Мещерский под псевдонимом «Оптимист». В заметке «Сентиментальная фальшь в области уголовного суда» особенно очевидны характеристические черты публицистики В. П. Мещерского, как тематические (резкая критика «оправдательной» тенденции в деятельности новых судов, начатая князем в «Гражданине» 1872 г.), так и стилевые (прием гиперболизации, сопровождающейся эмоциональной навязчивостью).

19 По мнению В. В. Виноградова, «заметка эта, по-видимому, написана Ф. М. Достоевским (или несет следы его редакторского

вмешательства)» (Об авторе сатиры на А. А. Краевского и его газету «Голос» // *Русская литература*. 1969. № 3. С. 84). Впоследствии доводы исследователя были оспорены (см.: 27: 181). Предположение об авторстве В. Ф. Пуцыковича (см.: 29_1: 497) основано на записке к нему Достоевского, условно датируемой 2–7 января 1873 г.: «К сожалению, не могу напечатать эту прекрасно написанную статью *без выпусков*. Я настаиваю, впрочем, лишь на двух только выпусках: 1) на обеде в Невской лавре у новопосвященного архиерея и 2) где говорится (весьма ясно) о Каткове, Некрасове и Благосветлове» (29_1: 257). Редакторское вмешательство Достоевского в эту заметку, возможно, не ограничилось ее сокращением.

20 Авторство предположительно устанавливается на основании идейно-тематической связи этой рецензии с экономическими «фельетонами» и обозрениями Евгеньева <В. Я. Ососова> (см. примеч. 30). В частности, везде речь идет об экономической неосведомленности русского общества и его подражательности в хозяйственной сфере.

21 Авторство устанавливается по связи данной рецензии с разбором «Писем из Америки» М. Бутина и «Писем об Америке и русских переселенцах» Н. Славинского (*Гр.* 1873. № 32), подписанным криптонимом В. Ф. Пуцыковича, где повторены некоторые тезисы атрибутируемой статьи.

22 Рецензия несет в себе очевидные приметы стиля В. П. Мещерского, в частности, пышные стилевые несуразности («польза… развития в нас любви к милой нашей родине в той сфере, где эта любовь к родине всего более требует жизни…»; «если бы на дне и насквозь его сатирических очерков не слышалась грусть беспощадно отрицательного отношения автора…»), излюбленный Мещерским эпитет «прелестный» и т. д.

23 Решение о составе данного номера и следующего составляет компетенцию редактора.

24 Автор перепечатал свою статью в позднейших мемуарах: *Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2003. С. 401–405.

25 Автор назван в указанных выше мемуарах Мещерского, где статья была приведена полностью (Там же. С. 405–407). Статья вошла в кн.: *Победоносцев К. П.* Вечная память. Воспоминания о почивших. М., 1896.

[26] «Областное обозрение», судя по внутриредакционной переписке (см. письма Достоевского А. У. Порецкому 25 июня, 22 августа 1873 г., 29 января — 1 февраля 1874 г. и без даты — 29_1: 271, 281, 299, 310), велось А. У. Порецким. (В Полном собрании сочинений Достоевского в 30 т. письмо Порецкому от 29 января — 1 февраля 1874 г. ошибочно датировано 20 июля 1873 г. — передатировку см.: *Отливанчик А. В.* Достоевский в период редактирования «Гражданина»: даты и документы (К уточнению вопроса) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 396–399, 414).

[27] Автор устанавливается по письму Г. К. Градовского Достоевскому от 28 декабря 1872 г.: «Предъявитель сего г. Унтилов — автор статьи “Общество для противодействия нашему пьянству”. Статья эта находится в редакции и обещана к печати; статья заслуживает внимания по собранным в ней фактам» (Достоевский. Материалы и исследования. Т. 5. Л., 1983. С. 256). Ср. запись Достоевского: «Унтилова о пьянстве» (27: 107).

[28] Заметки подобного рода находятся в компетенции редактора. (Далее редакционные заметки и примечания, очевидно принадлежащие Достоевскому, даются без комментариев — за исключением случаев, когда может быть доказано авторство другого сотрудника редакции).

[29] Стихотворение вошло в сборники стихов А. Н. Апухтина начиная с изд.: *Апухтин А. Н.* Стихотворения. СПб., 1886 (в измененном виде).

[30] Псевдоним «Евгеніевъ» атрибутируется по авторской отсылке. Так, «в статье “Обозрение торговли России по европейской границе за прошлый год (1872)” автор делает подстрочное примечание к приводимым им сведениям о падении экспорта сала: “Съ нѣкоторою обстоятельностью мы разсмотрѣли это явленіе въ нашей статьѣ о русской промышленности за прошлыя 10 лѣтъ, помѣщенной во 2-мъ томѣ «Сборника Гражданина»” (Гражданин. 1873. № 6. С. 172). Под “Сборником Гражданина” имеется в виду приложение к еженедельнику, выпущенное в 1872 г. в двух частях под названием “Гражданин. Журнал политический и литературный. Сборник 1872 г.”. В части II этого сборника помещена статья “Обзор состояния русской промышленности за последние 10 лет (1860–1870 гг.)”. Под статьей стоит подпись *В. Ососовъ*»

(*Отливанчик А. В.* Кому принадлежит в «Гражданине» псевдоним *Евгеніевъ*? // Неизвестный Достоевский. 2016. № 4. С. 79–80 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481797019.pdf).

31 Предположение об авторстве К. П. Победоносцева сделано В. В. Ведерниковым в кн.: *Победоносцев К. П.* «Будь тверд и мужествен…»: статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В. В. Ведерникова. СПб., 2010. С. 371–372. На эту же мысль наводит акцент, сделанный автором на государственной, церковной, литературной и научно-юридический сферах. Предположение *Zohrab*: «Мещерский В. П., Достоевский Ф. М.».

32 Весь раздел «Ералаш» подписан псевдонимом «Оптимист», принадлежавшим В. П. Мещерскому (см. примеч. 18). Имеются приметы стиля В. П. Мещерского, в частности, весьма характерное для него использование временной формы настоящего исторического вкупе с наигранно-торжественной констатацией: «…муж целится в неверную жену из ружья <…>. Неверная жена падает мертвою!». В заметке «Бестактность иных провинциальных корреспондентов газет» предисловие к перепечатке из газеты «Современность», возможно, принадлежит Ф. М. Достоевскому (см. след. примеч.).

33 Заметка, сопровождающая газетную выдержку, по смыслу — защита священнического сана от журналистской бестактности — прямо, иногда чуть не дословно предваряет статью «О любви к скандалу» (*Гр.* 1874. № 5), атрибутируемую Достоевскому. Проглядывают свойственные ему интонационные особенности публицистической речи (см. излюбленный Достоевским прием повтора: «…без того уже ничего не уважающего общества и без того мало уважаемого духовенства!»), синтаксические конструкции («скандалы, относящиеся к нашим священникам»).

34 Среди сотрудников «Гражданина», пожалуй, лишь А. У. Порецкий мог назвать себя «давнишним обывателем Петербурга». Его выдает также хорошее знание литературного быта тридцатилетней давности, спокойно-рассудительный тон (хотя в данной ситуации выигрышнее и даже правильнее был бы хлесткий стиль фельетонной издевки). Предположение *Zohrab* об авторе статьи: «Юркевич П. И.?».

[35] Т. И. Филиппову в обозрении, в целом написанном Мещерским, принадлежат, скорее всего, два сюжета: «Чтение Т. И. Филиппова в Обществе любителей духовного просвещения» и «Новый фазис греко-болгарского вопроса у нас». По второму вопросу он уже высказывался в «Гражданине» (1872. № 23, 24, 26, 27) и здесь лишь подтвердил свою точку зрения, а в первом эпизоде он сам выступил зачинщиком дискуссии о единоверии (см. в последующих номерах «Гражданина» 1873 и 1874 гг.) и в данной заметке кратко изложил основные тезисы своего выступления в Обществе любителей духовного просвещения. В оценке этого выступления возможно участие редактора: вряд ли сам Филиппов мог сказать о собственной лекции, что она «не может пройти не только для Общества духовного просвещения, но и для всего общества русского — бесследно». Масштабность этого заявления свидетельствует, на наш взгляд, об авторстве Достоевского. Его выдает и характерная игра словами: «Общество» — «общество».

[36] Под псевдонимом «В. Н. Д.» в 1870-е гг. печатался Вас. И. Немирович-Данченко. См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 1. М., 1956. С. 199. (Далее криптоним «В. Н. Д.» не комментируется).

[37] См. примеч. 17.

[38] Рецензия является непосредственным продолжением отзыва на ту же книгу в № 1, написанного В. Ф. Пуцыковичем (см. примеч. 9). Отзыв (библиографическая аннотация) заканчивается обещанием «более подробного рассмотрения “Десяти лет реформ”, в ближайших нумерах “Гражданина”»; рецензия же начинается отсылкой к аннотации («Указав вкратце в первом № “Гражданина” на содержание “Десяти лет реформ” <…> мы обещали войти в более подробное рассмотрение этого исследования»). Все основные тезисы книги Головачева, изложенные в аннотации, затем повторены и подробно критически разобраны в рецензии.

[39] Статья написана с глубоким знанием ситуации в исследовании и практике гражданского судопроизводства. Именно в этой сфере серьезным специалистом был К. П. Победоносцев (см. в № 6 рецензию на его «Курс гражданского права»).

[40] Авторство раскрыто в записной книжке Достоевского (см. примеч. 7).

[41] В. В. Виноградов в статье «Достоевский и Лесков» (*Русская литература*. 1961. № 1, 2) доказывал принадлежность этой рецензии перу Достоевского, однако в академическое собрание сочинений рецензия не вошла (см.: 27: 182). Дополнительные аргументы в пользу авторства Достоевского были высказаны в нашей статье (*Достоевский Ф. М.* Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. / атрибуция и научный комментарий доктора филологических наук В. Викторовича // *Знамя*. 1996. № 11. С. 158–162). Возражения на нее и предположение об авторстве В. П. Мещерского см.: *Туниманов В. А.* Ф. М. Достоевский и Н. С. Лесков в 1873 году. Литературная дуэль // Ars philologiae: Профессору Аскольду Борисовичу Муратову ко дню шестидесятилетия. СПб., 1997. С. 188–189. Потенциал Мещерского-критика исследователем был явно переоценен. Размашистость суждений — в этом Мещерскому не откажешь, но в рецензии есть то, чем сиятельный критик никогда не грешил: глубина эстетической концепции. Эстетические воззрения князя сводились в лучшем случае к защите художественного творчества от «предвзятых идей». Между тем рецензию на «Соборян» можно отнести к лучшим образцам эстетической критики, за которую Достоевский вступился и которую теоретически обогатил еще в 1861 году в статье «Г-н –бов и вопрос об искусстве». Таково, к примеру, данное в рецензии емкое определение национальной эстетики: «…наши поэты берут жизнь не в ее *сложности*, а в ее *глубине*». Никак не мог быть автором рецензии Н. Н. Страхов, лучший из критических обозревателей «Гражданина»: он тогда еще отдыхал в Крыму и лишь собирался примкнуть к изданию. К тому же следует учесть его враждебное (взаимно) отношение к Лескову. Отпадает и кандидатура А. У. Порецкого: смелость суждений — не в его характере. В. Ф. Пуцыкович и вовсе не мешался в такие, принципиально-литературные, дела. Недаром через месяц после публикации этой рецензии Достоевский жаловался М. П. Погодину: «Меня мучит <…> совершенное отсутствие сотрудников по библиографическому отделу» (29_1: 262). Трудно принять в качестве аргумента против авторства самого редактора и «историю литературных взаимоотношений Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова». История действительно непростая, в ней принципиальные идейные и эстетические разногласия перемешались с неприятием чисто личностным,

с борьбой амбиций, немалых у того и другого. И тем не менее вот, скажем, письмо Достоевского А. Н. Майкову от 18 (30) января 1871 года, т. е. за два года до интересующей нас рецензии. Достоевский тогда поделился своим мнением о романе Стебницкого (Лескова) «На ножах»: «Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит. Нигилисты искажены до бездельничества, — но зато отдельные типы! Какова *Ванскок*! Ничего и никогда у Гоголя не было типичнее и вернее. Ведь я эту *Ванскок* видел, слышал сам, ведь я точно осязал ее! Удивительнейшее лицо! Если вымрет нигилизм начала шестидесятых годов — то эта фигура останется на вековечную память. Это гениально! А какой мастер он рисовать наших попиков! Каков *отец Евангел*! Это другого попика я уже у него читаю. Удивительная судьба этого Стебницкого в нашей литературе. Ведь такое явление, как Стебницкий, стоило бы разобрать критически да и посерьезнее» (29_1: 172). Рассуждение это само напрашивается на сравнение с анонимной рецензией в «Гражданине». Пока обратим внимание лишь на два момента. 1) «Другим попиком» (т. е. первым) был не кто иной, как Савелий Туберозов из первоначального варианта «Соборян», печатавшегося в 1867–1868 гг. под заглавиями «Чающие движения воды» и «Божедомы»; 2) Достоевский признает в Лескове «гениального» типиста, творчество которого недооценено критикой. Слова «стоило бы разобрать критически» в данном контексте вполне могут быть отнесены к самому Достоевскому, всерьез выступавшему в качестве литературного критика. Очевидно, после прочтения окончательного варианта «Соборян» этот творческий импульс овладел Достоевским еще больше. Чему есть важное свидетельство — черновые наброски к главе «Влас» «Дневника писателя», напечатанной в том же четвертом номере «Гражданина» 1873 г., что и анонимная рецензия на «Соборян». Вот эти наброски, доказывающие, что перед выходом в свет интересующей нас рецензии Достоевский усиленно размышлял именно над лесковским романом.

«Штундисты.

Славянофилы.

Священник, “Соборяне”. <…>

О, отцы, стадо (горький упрек) — были и толстопузые. Есть и смиренные.

Прочтите “Соборян”.
Тем не менее спасение в народе.
О “Соборянах”» (21: 298).

Впечатление от «Соборян», как видим, трижды вклинивается в размышления Достоевского о современном кризисе русской православной церкви (ее недостатки резко и с «горьким упреком» выставлены в романе Лескова), а также о том, откуда ждать «спасения». Тень отца Савелия Туберозова, неуклонного правдоискателя и истинного пастыря (недаром в записи Достоевского он завершает ряд «жаждущих правды» штундистов, славянофилов) витает над этими набросками. Рецензия на «Соборян», как представляется, отпочковалась от замысла статьи «Влас», сохранив некую пуповину. Кающийся Влас, этот, по Достоевскому, специфический русский тип, «обременил душу страшным трудом, даже не по силам человеческим» (21: 34). Сравним: в анонимной рецензии по поводу Савелия Туберозова говорится о «той великой, “непомерной” душевной силе, которою испокон веку велась <…> история наша». Начав разговор о спасительном начале, о национальных стихийных силах в статье «Влас», Достоевский **продолжает его в том же номере** «Гражданина» в рецензии на «Соборян». В том же номере напечатана еще одна рецензия Достоевского: «Наши монастыри (Журнал “Беседа” 1872 г.)». Всего в разделе «Критика и библиография» напечатаны тогда были четыре рецензии: первые две — на юридические темы, а две последние — «Наши монастыри» и «Соборяне». Такая компоновка не случайна. В заметке «Наши монастыри» Достоевский оспорил общий тон выступлений либерально-славянофильского журнала «Беседа» насчет излишнего богатства русских православных монастырей (вполне модная и «либеральная» тема). «…Грех и мерзость, — пишет Достоевский, — были <…> и в первые времена христианства», но кроме них нужно видеть в церкви множество «чистых сердец людей, жаждущих умиления духовного, страждущих сердцем». Важнейшая мысль автора: «Горе обществу, не имеющему религиозного умиления» (21: 138–139). Логичным, естественным продолжением этой заметки была рецензия на «Соборян» — на роман, повествующий о людях «умиленных» и «страждущих сердцем», несмотря на всю окружающую их «мерзость запустения». Стоит вернуться к эстетическим идеям, проглядывающим в рецензии. Центральная

в эстетике Достоевского — проблема типа. «Женитьба» и «Мертвые души», писал он в апрельском выпуске «Дневника писателя» 1876 г., «самые богатые внутренним содержанием, именно по выводимым в них художественным типам», а «Горе от ума» «только и сильно своими яркими художественными типами» (22: 106). Тип, по Достоевскому, в достойном художественном исполнении обретает черты зримой очевидности, неподвластной забвению. Так, в письме к А. Н. Островскому 24 августа 1861 г. Достоевский писал о героях «Женитьбы Бальзаминова»: «это до того живо и <…> до того *целая* картина, что теперь, кажется, у меня она ввек не потускнеет в уме» (28_2: 23). В приведенном выше письме Майкову: «…ведь я точно осязал ее! <…> эта фигура останется на вековечную память». Теперь сравним, что сказано в анонимной рецензии о Туберозове: «Что за лицо! <…> просто и естественно, как сама жизнь, вырастает эта чудесная, величавая фигура, раз увидав которую, никогда ее не забудешь». Открытие новых типов — первейшая, по Достоевскому, задача искусства. «Есть ли хоть один новый характер, *созданный*, никогда не являвшийся?» (28_1: 312) — вопрошал он брата по выходе романа Писемского «Тысяча душ». В анонимной рецензии на «Соборян» именно эта заслуга автора выставляется на первый план: «Г. Лесков открывает <…> для нашей поэзии новую, нетронутую еще ею жизненную среду русского общества и народа». Принципиальное место в рецензии, указывающее на ее автора: «Опять, в тысячный и тысячный раз, наша поэзия, как и всегда, идет впереди общества и напоминает нам о наших силах среди нашего бессилья!». Оставляя пока в стороне характерную живую интонацию Достоевского и мысль о «силах среди бессилья» (см. комментарий к заметке «Желание»), отметим главное: «поэзия идет впереди общества». Кто в 60–70-е годы, кроме Достоевского (следующего в этом за Ап. Григорьевым), мог так решительно поставить вопрос о пророческом назначении искусства? Можно привести множество сходных суждений Достоевского разных времен, ограничимся одним, но зато из записной книжки того же 1873 года: «Искусство дает формы выжитому чувству или пророчит, когда чувство еще <не> пережито, а только начинает загораться в народе» (21: 255). Из осмысления провиденциальной сущности искусства проистекало в эстетике Достоевского и понимание типизации, соотносимой им с понятием идеала. Этот,

может быть, наиважнейший для него эстетический принцип Достоевский напряженно и последовательно отстаивал в полемике с господствующей позитивистской эстетикой с ее требованием «изображать жизнь как она есть». Приведем пример хронологически близкий: всего через два месяца после публикации рецензии на «Соборян» Достоевский в статье «По поводу выставки» будет горячо доказывать, что подлинный реализм состоит в соотнесении наблюдаемого в жизни явления с имеющимся у художника идеалом. Только на этом пути, уверял критик, возможно создание истинно художественных типов. «Форма романа, — утверждается в рецензии на "Соборян", — создана именно потребностью поэтической идеализации (типизированья) сложности жизни…». Синонимия *идеализации* / *типизированья* не обычна на фоне русской эстетической мысли того времени, но именно она составляет своеобразие эстетики Достоевского. Эта идея вскоре будет развернута им на последних страницах «Подростка», где судьба русского романа поставлена в зависимость от сохранения «красивого типа». Следует особо отметить совпадение между рецензией и приведенным выше письмом Достоевского к Майкову 1871 г. в суждении о карикатурности героев-нигилистов у Лескова. Еще один немаловажный аргумент — характерное для Достоевского словоупотребление. В рецензии: «в этом смысле не мастер; не мастер он подчас и в языке…». Ср. в статье Достоевского «Выставка в Академии художеств…» (1861) об Айвазовском: «здесь он мастер» (19: 163), — и в том же письме Майкову о Лескове: «А какой мастер он рисовать наших попиков!». В рецензии немало и других примет стиля Достоевского. В. В. Виноградов обратил внимание на индивидуальное употребление глагола «ставить» («автор ставит перед нами трех духовных» и др.), свойственное Достоевскому. Добавим еще излюбленное «чуть» («говорит ему чуть не столетняя… боярыня», тип «чуть-чуть не *центральный*») и другие характерные способы акцентирования («и всё это почти только для того…»). Есть и характерный синтаксический «курсив» Достоевского: «одиноко "Божие живое дело" несущего, несущего его на одних своих плечах», «Созданье этого нового типа… есть дело большое, есть плод соединения…», «За психологическим ростом Туберозова… за этим ростом…»; ср. знаменитую фразу из статьи Достоевского «"Свисток" и "Русский вестник"»: «Слово, — слово

великое дело!» (19: 109). Рецензия на «Соборян» не противоречит и последовавшим за ней в «Гражданине» антилесковским статьям редактора («Смятенный вид» и «Ряженый»). Больше того, некоторые положения рецензии — особенно в критической ее части — будут развиты в названных статьях Достоевского. И там и здесь проявилось неприятие языковых странностей, свойственных автору «На ножах», необязательных эпизодов, взрыхляющих стройность сюжета. Показателъно совпадение оценок финала «Соборян» в анонимной рецензии и в последующей статье Достоевского «Смятенный вид», где говорится: «К этим неловкостям г-н Лесков способен; вспомним только конец диакона Ахиллы в его “Соборянах”» (21: 55). Ср. в точности соответствующее место в рецензии. Предположение *Zohrab* об авторстве: «Мещерский В. П. и Достоевский Ф. М.?».

42 Атрибутируется по содержанию. Достоевский причастен к объявлению как автор «Бесов» («Иногородные подписчики “Гражданина”, желающие получить этот роман, адресуются прямо в редакцию, и за пересылку **ничего не платят**»). Мещерскому же как издателю явно принадлежит часть объявления, связанная с финансовой стороной подписки, — обещание рассрочки «для **сельского и городского духовенства**, для **волостных правлений**, а также для **всех служащих**». Фраза: «Цель издания журнала “ГРАЖДАНИН” — знакомить со всеми сторонами русской жизни», — может принадлежать и редактору, и издателю. Сообщается также о выходе полного собрания стихотворений А. Н. Майкова, со скидкой и бесплатной пересылкой для подписчиков «Гражданина».

43 Заметки вошли в книгу Вас. И. Немировича-Данченко «Страна холода. Виденное и слышанное» (СПб.; М., 1877).

44 В следующем номере завершение статьи подписано псевдонимом «Евгеньев», принадлежавшим В. Я. Ососову (см. примеч. 30).

45 Окончание в № 11 подписано: *Даниель*. За этим псевдонимом, судя по всему, скрылся Даниил Данилович Шумахер. Статья, печатавшаяся в шести номерах «Гражданина» (№ 5–9, 11) представляет собою развернутую программу реформирования московской городской думы, с которой впоследствии Шумахер вышел на выборы городского головы (на которых и победил 16 октября 1873 г.). Статья показывает превосходное владение фактами финансовой деятельности думы: Шумахер был в это

время председателем думской финансовой комиссии. Псевдоним «Даниель», надо думать, образован от имени Данила, передававшегося в роду Шумахеров. Знаменитым предком Д. Д. Шумахера был Иван Данилович Шумахер, приглашенный в Россию Лефортом, его настоящее имя было: Иоганн Даниэль. В пользу авторства Д. Д. Шумахера говорит также факт его личного знакомства с Достоевским: они вместе учились в пансионе Л. И. Чермака.

46 Криптонимом «А. М.» подписывался А. Н. Майков. См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов… Т. 1. С. 49. Тем же криптонимом подписана была его статья «Мраморная группа Рафаэля в Эрмитаже» (*Гр.* 1872. 20 ноября. № 29).

47 Авторство Мещерского определяется на основании его письма к Достоевскому от 1 июля 1873 г.: «…узнал о постигшей Вас из-за меня участи: простите великодушно два дня ареста!» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 38). Достоевский как редактор «Гражданина» был наказан двухдневным арестом за публикацию данной статьи «Киргизские депутаты в С.-Петербурге».

48 Большая часть заметки — изложение доклада Т. И. Филиппова «О нуждах единоверия» в Обществе любителей духовного просвещения 18 января 1873 г. с сохранением авторского стиля.

49 Об авторе статьи см.: *Козьмин Б.* Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» // Литературное наследство. Т. 41–42. А. И. Герцен. II. М., 1941. С. 42.

50 Вероятно, данная заметка упоминается в записи редактора: «31 декабря. Приходила дама: на гумне и о *духовенстве между* инородцами. Ответ ей в среду наверно» (21: 252). «На гумне» — как представляется, переиначенная фраза из начальных строк стихотворного цикла «Лучи и тени» Е. И. Зариной (?): «Попробую и я, по-русски, на снопе / Из памяти писать» (*Гр.* 1873. 12 марта. № 11. С. 328) Очевидно, и данная заметка, судя по ее содержанию (миссионерство молдавского православного духовенства), принадлежит той же «даме». Редакционное предисловие находится в компетенции редактора, а кроме того, оно продолжает тему, начатую редакционной заметкой «Желание» (1873. № 1), атрибутируемой Достоевскому. В ней имеются признаки стиля Достоевского (лексический повтор «отовсюду приходящих и всюду… оглашаемых», оборот «мы поставляем себе за долг»).

В академическом издании Достоевского предисловие приписано В. П. Мещерскому (см.: 27: 182). Предположение *Zohrab* об авторстве: «Мещерский В. П.?»

51 Основная часть обозрения, как обычно, написана В. П. Мещерским. Несколько инородным, не фельетонным, а, скорее, научным стилем отличается заметка по поводу толков о гражданском браке в связи с обсуждением нового закона об оформлении браков раскольников. Наиболее осведомленным в этих вопросах в кругу «Гражданина» был К. П. Победоносцев. В заметке есть также приметы его стиля.

52 См. примеч. 30.

53 Предположение об авторстве И. И. Гаврушкевича основывается на его письме к Ф. М. Достоевскому от 4 января 1873 г. при посылаемой заметке, «20-й с 1872 и первой в 1873 году» (ИРЛИ. № 29669. Л. 2). В атрибутируемой заметке высоко оценивается «инициативность» Черниговского губернского земского собрания и, в частности, его решение от 16 декабря 1872 года объявить конкурс на подробное статистическое исследование Мглинского и Суражского уездов. Гаврушкевич, активный корреспондент разных изданий, в это время проживал на пенсии в Черниговской губернии.

54 См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов… Т. 3. М., 1958. С. 198.

55 «Философские» рецензии в отсутствие Н. Н. Страхова в начале 1873 г. писал, скорее всего, другой философ из окружения Достоевского — М. И. Владиславлев. В его духе главный упрек, брошенный автору, — в нарушении «черты, отделяющей два самостоятельных разряда явлений — физических и моральных». Точно так же в статье о В.-М. Вундте «Реформаторские попытки в психологии» (*Эпоха*. 1864. № 9) Владиславлев отверг попытки последнего применить методы физиологии к психическим явлениям и указал на «несоизмеримость» физических и психических процессов.

56 Тему детского воспитания в «Гражданине» чаще всех затрагивал А. У. Порецкий. В рецензии присутствует свойственный ему спокойно-рассудительный тон, стремление к объективной оценке весьма спорного тогда явления, а также акцент на практических вопросах.

57 См. примеч. 42.

58 См. примеч. 42.

[59] Предположение об авторстве Вл. С. Соловьева основано на сопоставлении следующих фактов. Статья является, пожалуй, самым серьезным и принципиальным отзывом на докторское сочинение В. Д. Кудрявцева, считая и те, что прозвучали на защите диссертации в Московской духовной академии, и те, что появились затем в печати. Автор статьи проявил глубокое знание истории вопроса (см. отсылку к не учтенным в диссертации немецким источникам). Вместе с тем, автор статьи, побывав на защите, по какой-то причине не посмел высказать своего мнения непосредственно в ходе публичного диспута. Это можно объяснить лишь тем, что он не был в числе тех, кто мог себе это позволить, т. е. тех выступавших, кого сам автор статьи называет «видными по своему общественному положению или ученым трудам» (Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков, о. Преображенский…). Кто же этот «один из публики», затерявшийся в толпе и в то же время, судя по предложенному осмыслению проблемы, явно превосходящий и самого диссертанта, и его оппонентов? Неординарность мышления, соединенная с даром слова, выдает крупную интеллектуальную величину, пока что мало кому известную. Между тем в самом начале 1873 г. происходит знакомство Достоевского с начинающим христианским философом Вл. С. Соловьевым. 24 января 1873 г. он прислал редактору «Гражданина» письмо вместе с авторефератом своей магистерской диссертации. Письмо это, излагавшее суть единомыслия его автора с Достоевским, можно рассматривать как предложение о сотрудничестве. В январе — феврале 1873 г. Вл. Соловьев был еще студентом последнего, пятого курса историко-филологического факультета Московского университета, но уже автором сочинения «Жизненный смысл Христианства», философского комментария на учение о Логосе ап. Иоанна Богослова. Он тогда уже рассчитывал продолжить свое образование в богословском направлении и с этой целью посещал Московскую духовную академию. Такое значительное событие в жизни академии, как публичная защита докторской диссертации с участием московской интеллектуальной элиты, не могло не привлечь начинающего философа и богослова, тем более что тема диссертации как нельзя более отвечала его собственным научным интересам. Аргументом в пользу авторства Вл. Соловьева является и тот факт, что намеченные в «гражданинской» статье

мысли («В своем месте мы надеемся высказать всё, что думаем об этом разборе») составляют специфику научных разработок Вл. Соловьева этого времени. Так, уже в указанном сочинении «Жизненный смысл Христианства» речь шла об эволюции форм религиозного сознания. Другую сторону этой же проблемы Соловьев развил в статье «Мифологический процесс в древнем язычестве» (*Православное обозрение*. 1873. № 11). Автор «Гражданина» поставил, в отличие от всех титулованных оппонентов, краеугольный вопрос о «не сходных формах религиозного сознания человечества»: «каким высшим субъективным критерием мы должны пользоваться при определении сравнительного достоинства разнообразных религиозных форм?». Но ведь это тот самый вопрос, который так волновал Соловьева, что он вскоре предложил свой ответ, во вступительном слове на своей магистерской защите (кстати говоря, опубликованном в «Гражданине» 2 декабря 1874 г.): «все религиозные системы суть лишь различные, более или менее ограниченные фазисы одного и того же религиозного содержания» (*Соловьев Вл. С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1: Философская публицистика. М., 1989. С. 17). Статья содержит приметы публицистического стиля Вл. Соловьева, соединяющего глубину и систематичность анализа с живостью изложения, остроумными выпадами (напр., многозначная характеристика Московской духовной академии как «нашей деревенской академии» или тонкая ирония насчет «важности» официального оппонента: «это, конечно, объясняется его, повидимому, болезненным состоянием»).

60 См. примеч. 42.

61 Об участии Достоевского в создании данной статьи см. стр. 168–175 наст. изд.

62 «Литературные сценки Генслера (в сегодняшнем №) я почти вновь пересочинил» (29_1: 262, письмо М. П. Погодину от 26 февраля 1873 г.). См.: *Виноградов В. И.* С. Генслер и Ф. М. Достоевский — редактор «Гаванских сцен» // *Русская литература*. 1964. № 2. С. 71–91.

63 В обозрение, написанное, как обычно, В. П. Мещерским, включена заметка о заседании 25 февраля в Обществе любителей духовного просвещения, где по вопросу о единоверии (см.: *Гр.* 1873. № 4, 5) выступил оппонент Т. И. Филиппова И. Ф. Нильский.

Об этой дискуссии в «Гражданине» писали Достоевский и Филиппов. Мещерский этих вопросов никогда не касался. На принадлежность данной заметки (начинающейся словами «Кстати о раскольниках…» и заканчивающейся: «даже не хотели знать») Достоевскому указывают приметы его стиля, а главное, решительное провозглашение излюбленной идеи: «наше православие есть главное и, может быть, даже единственное право на всемирное значение России». Этот мессианский оттенок не был свойственен Филиппову. Между прочим, в адрес Филиппова автор заметки отпускает критическое замечание относительно его не совсем тактичного вмешательства в речь оппонента: «… это сделано было не совсем кстати и чуть было не испортило всего вечера».

64 Предложение явно принадлежит В. П. Мещерскому: «Ввиду интереса, возбужденного в публике романом Самарова **"За скипетры и короны"** <…>, мы приобрели от издателей некоторое число его экземпляров, для удовлетворения <…> подписчиков». По сравнению с предыдущими объявлениями «От редакции», исключены сообщения о подписке на «Гражданин» и о выходе романа «Бесы».

65 Атрибутируется предположительно. Мнение *Zohrab* об авторстве («Зарин Е. Ф.») не соответствует содержанию стихотворений, написанных от имени женщины.

66 Предположение основано на следующих фактах. В конце 1871 г. В. П. Мещерский обращался с письмом к А. И. Васильчикову (РГИА. Ф. 651.1.616) с просьбой об участии последнего в «Гражданине». В атрибутируемой публикации развиваются основные положения статьи А. И. Васильчикова «Земская повинность в России. Исторический очерк» (*Вестник Европы*. 1871. № 2. С. 628–666). Прежде всего совпадает способ защиты новых земских учреждений от обвинений в бесполезности. В атрибутируемой статье: «Не надо забывать, что земству приходилось устраивать всё почти снова: все части переданного ему хозяйства были в крайне ненормальном, плохом состоянии…». Ср. в статье А. И. Васильчикова: «…мы слишком строги для самих себя, когда требуем, чтобы эти новые порядки так внезапно с первых дней и принялись на почве вовсе неподготовленной к их принятию» (*Вестник Европы*. 1871. № 2. С. 635). И в той, и в другой

статье акцент делается на финансовых проблемах земства и предлагается их решение на путях реформирования податной системы в сторону равномерности обложения податями. «…Все повинности должны быть разложены на недвижимые имущества» (Там же. С. 648) и привести в конечном счете к введению подоходного налога — эта идея Васильчикова проводится и в атрибутируемой статье. В частности, и в той, и в другой статье резкой критике подвергается обложение податями «пустых помещений» в сфере промышленности и торговли вне зависимости от их доходности.

67 См. примеч. 30.

68 Статья включена женой писателя в список его работ. См.: *Достоевская А. Г.* Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского. СПб., 1906. С. 43. В письме к Достоевскому 30 марта 1873 г. Т. И. Филиппов просил его составить отчет о заседании 28 марта и просил «непременно» упомянуть некоторые факты (см.: *Литературное наследство*. Т. 15. С. 150–151), так что можно говорить об участии Филиппова в данной статье.

69 Предположение об авторстве А. А. Головачева высказала В. А. Твардовская в кн.: Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). М., 1990. С. 143. Ее аргументы: 1) сотрудничество Головачева в «Эпохе» Ф. М. Достоевского, 2) близость опубликованных в «Гражданине» «набросков» А. Г—ва воззрениям А. А. Головачева на современное состояние земства.

70 В письме к Достоевскому 4 февраля 1873 г. И. И. Богданов свидетельствует о возвращении ему «этюда» «Плотники» (судя по всему, составляющего первую часть атрибутируемого рассказа, — см.: 29_1: 558).

71 В вопросах художественной критики в кругу «Гражданина», кроме самого редактора, сильны были Н. Н. Страхов и А. Н. Майков. Первому принадлежит статья на ту же тему в № 17. Данная статья обличает вкус и критическую манеру А. Н. Майкова. Ср. его статью «Мраморная группа Рафаэля в Эрмитаже» (*Гр.* 1872. 20 ноября. № 29), подписанную более привычным для него криптонимом «А. М.». Ему в особенности близко выраженное в атрибутируемой статье понимание самобытности поэзии Пушкина как «простоты мысли». О. В. Седельникова отказывает Майкову в авторстве этой статьи «по ряду формальных особенностей»

(*Седельникова О. В.* О возможных публикациях А. Н. Майкова в журнале Ф. М. Достоевского «Гражданин» // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2018. № 51. С. 197–198), которые вряд ли могут быть признаны убедительными (форма «от Я», полагает исследователь, не присуща Майкову, хотя тут же приводит два исключения из этого «правила»).

72 Вышел после двухнедельного перерыва, связанного с празднованием Святой Пасхи.

73 См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов… Т. 2. М., 1957. С. 12.

74 Атрибутируется на основании записи редактора «15–16 № Личкову <…> 4 <р.> 36 к.» (Литературное наследство. Т. 83. С. 305).

75 В дискуссии, развернувшейся на страницах «Гражданина» по поводу «губернаторской охоты» и «губернаторских обедов» (1873. № 7, 12), автор данной «Заметки» акцентирует проблему «падения авторитета» власти: «Тем и сильна власть, что пребывает на вершине, на среднем месте, в беспристрастном и спокойном положении власти, непричастной мелким личным интересам, партиям и интригам». Власть теряет силу, когда она становится «*предметом* рыночной борьбы партий…». В этой строгой абсолютизации проглядывает зерно концепции, с которой выступит в русской публицистике К. П. Победоносцев. Так, в главе «Власть и начальство» «Московского сборника» (1896) Победоносцев утверждал, что власть не «может безопасно смешаться с толпою <…> на рынке суеты житейской». «Великое и страшное дело власть, потому что это дело священное. Слово священный в первоначальном своем смысле значит “отделенный”, на службу Богу обреченный» (*Победоносцев К. П.* Сочинения. СПб., 1996. С. 426, 429). Авторство Победоносцева с очевидностью вытекает из сравнения «Заметки» с его более поздними выступлениями и в идейном плане (философия власти), и в ярком, афористичном стиле.

76 Криптоним «С. Н.» в «Гражданине» присвоен С. А. Николаевскому (см. примеч. 4). В заметке Достоевского «Счет статей замечательных, находящихся в редакции» (февраль или начало марта 1873 г.) упоминается: «? Николаевского *“Вена”*» (21: 260).

77 Вопреки утверждению Достоевского, что Недолин «не псевдоним» (21: 82), на самом деле это псевдоним М. А. Сакса, что подтверждается письмом последнего к Достоевскому 3 октября

1873 г., подписанным «М. Сакс-Недол<ин>» (ИРЛИ. № 29843. Л. 1).

78 Как уже говорилось, статьи о жизни императорского двора в «Гражданине» составляли прерогативу В. П. Мещерского. В данной статье имеется характерная для него апология Вильгельма как идеального монарха. Очевидны стилевые приметы его восторженно-верноподданнической публицистики.

79 Авторство К. П. Победоносцева подтверждается тем фактом, что данная статья (получившая продолжение в № 18, 19, 34, 40, 51 за 1873 г., № 4 и 5 за 1874 г.) в переработанном виде вошла в качестве первой главы «Церковь и государство» в «Московский сборник» К. П. Победоносцева (1896).

80 Принадлежность статьи определяется сходством основных ее положений с выступлением Н. Н. Страхова во «Всемирной иллюстрации» (1874. № 275) по поводу второго конкурса проектов памятника Пушкину. Главное требование к памятнику сформулировано в «Гражданине» следующим образом: «…слишком сложная композиция <…> неуместна и не соответствует своей цели». Ср. в статье Страхова во «Всемирной иллюстрации»: «фигура должна быть самая простая». Очевидно, Страхов выполнил просьбу Достоевского, высказанную в письме к нему от 17 апреля 1873 г.: «А не будет ли и еще 3-й статейки» (Неизвестное письмо Ф. М. Достоевского к Н. Н. Страхову / публикация Н. Ф. Будановой // *Русская литература*. 1992. № 1. С. 114). Две другие «статейки» — идущие следом в том же номере рецензии на книгу П. В. Анненкова о Пушкине и на сборник «Природа» (см. след. примеч.). Соседствующие статьи о памятнике Пушкину и о биографии поэта хорошо дополняли друг друга, а в генетическом аспекте их «общность» доказывает, что обе «пушкинские» статьи порождены были одним творческим импульсом, мыслью о современном восприятии личности поэта. Ошибочная, на наш взгляд, атрибуция статьи А. Н. Майкову содержится в исследовании: *Седельникова О. В.* О возможных публикациях А. Н. Майкова в журнале Ф. М. Достоевского «Гражданин» // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2018. № 51. С. 198–200.

81 Принадлежность рецензии Н. Н. Страхову засвидетельствована в его письме к Л. Н. Толстому от 15 апреля 1873 г. (см.: Толстовский музей. Т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым

1870–1894. СПб., 1914. С. 29). См. также след. примеч. Н. Ф. Бельчиков ошибочно приписал статью Ф. М. Достоевскому (см.: *Литературная газета*. 1971. 27 января).

82 Данная рецензия упоминается в письме Достоевского Страхову 17 апреля 1873 г.: «…что 2-я библиографич<еская> статья? (Природа?) Я первую отдал в набор» (*Русская литература*. 1992. № 1. С. 114). «Первая» — рецензия на книгу Анненкова о Пушкине (см. примеч. 81). Обе опубликованы в разделе «Критика и библиография» (см. в том же письме: «С одной статьей библиографии невозможно открывать»).

83 Раздел «Из текущей жизни» чаще всего вел А. У. Порецкий, на что указывают неоднократные упоминания во внутриредакционной переписке. Так, в письме к Порецкому 30 июня 1873 г. Достоевский пишет: «сильнейшая моя надежда на Вас, то есть на "*Текущую жизнь*". Будет ли она?» (29_1: 273). 22 августа он его хвалит за «чрезвычайно удачный обзор <…> насчет Голубова» (29_1: 299), т. е. за обзор «Из текущей жизни» в № 34. Порецкий всегда оформлял свои обзоры «Из текущей жизни» как единый текст, стремясь (то удачно, то неудачно) соединить взятые им разнородные факты и темы в «нечто общее». Между тем данный обзор по преимуществу представляет собою механическую подборку заметок из разных газет. Эту работу, кроме Порецкого, могли выполнить и другие сотрудники редакции: Мещерский, Пуцыкович, наконец, и сам Достоевский. Судя по всему, первая заметка с соответствующим комментарием предоставлена В. П. Мещерским, поскольку она направлена против театров Берга и Буфф, без устали обличавшихся князем. Порецкому, скорее всего, принадлежат сюжеты из провинциальных газет (он был в «Гражданине» единственным их усердным читателем), им же, вероятно, написана и наиболее оригинальная заметка, начинающаяся словами: «Казалось бы, что ревизоровские типы на Руси если не совсем перевелись в наше время, то по крайней мере стали чрезвычайною редкостью. Но нынешняя родная действительность разубеждает нас в этом». Гоголевские типажи в современной жизни — излюбленная тема Порецкого. Анекдоты из адвокатской практики, скорее всего, собрал В. Ф. Пуцыкович.

84 Статья естественным образом встает в ряд юридических обзоров В. Ф. Пуцыковича 1873 года «Проект адвокатской реформы»

(№ 24), «Проект духовно-судебной реформы» (№ 27), «Реформа духовно-судебной части» (№ 34, 36), «Реформа в брачных делах» (№ 37), которые четко атрибутируются Пуцыковичу по гонорарной росписи.

85 Обозрение, как и в предыдущем номере, скорее всего, — плод коллективных усилий по изыскиванию интересных (по большей части криминальных) сюжетов из текущих газет. Провинциальная пресса просматривалась А. У. Порецким, а зарубежная — В. Ф. Пуцыковичем и В. П. Мещерским. Последнему, очевидно, принадлежит и шаржированный пересказ истории ложного обвинения Б. Маркевича в плагиате. Княжеские приемы заметны в построении речи: «Г. Маркевич достает альманах <…> И что же? Оказывается…».

86 Письмо И. Ф. Нильского направлено против «некоего г. Ф. Д.» как автора статьи «Заседание общества любителей духовного просвещения 28 марта», т. е. против Достоевского (см. примеч. 68), и поэтому именно он и как редактор, и как «уличаемый» автор должен был отвечать оппоненту. Это очевидное предположение подтверждается характерным для Достоевского полемическим строем заметки. Участие в ней Т. И. Филиппова можно предположить исходя из его письма к Достоевскому 24 апреля 1873 г.: «Ответ Нильскому я набросал и послал в редакцию; если вы там сегодня были, то он уже у вас». Приглашает к себе на завтра: «После обеда мы напишем вместе оба внушения: я ужасно люблю такого рода вещи вдвоем писать» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 151).

87 Слухи были небезосновательны: «Гражданин» был на грани закрытия из-за финансовых проблем издателя. См.: *Викторович В. А.* К истории одного объявления в «Гражданине» 1873 г. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 7. Л., 1987. С. 197–200.

88 Имя автора романа было названо в предшествующих номерах «Гражданина».

89 Криптоним «Л. П—ва» в «Гражданине» закреплен за Л. Папковой, что устанавливается ее письмами к Достоевскому и содержащимися в них автографами стихотворений (см.: РГБ. Ф. 93. II.7.67; ИРЛИ. № 29557. Стихи подвергались серьезной правке редактора — см.: *Битюгова И. А.* Достоевский — редактор стихотворений в «Гражданине» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 6. Л., 1985. С. 243–247).

[90] «Морская» тема была начата в «Гражданине» А. В. Фрейгангом (1873. № 6). От него же исходила инициатива создания «Общества подания помощи при кораблекрушениях». Настоящая статья включает в себя отчет общества за первый год его существования и краткий комментарий. Очевидно, и то, и другое принадлежит перу А. В. Фрейганга.

[91] Текст, как и в предыдущих двух обозрениях «Из текущей жизни», скомпонован из отдельных заметок, еще и с особыми заголовками, как в «Ералаше» в № 2 и 3 1873 г., составлявшемся в основном (еще с 1872 г.) В. П. Мещерским. Заметка «Знаменательная могильная надпись» (перепечатка из «Московских ведомостей») находится в тесной связи со статьей Мещерского «Мысли вслух. Признаки времени» в том же номере «Гражданина». Вторая половина указанной статьи является пространным комментарием к заметке «Знаменательная могильная надпись», причем на отдел «Из текущей жизни» Мещерским в статье сделана ссылка. В заметке «Ужасные преступления» часть текста, рассказывающая о новых фактах «в анналах русской народной жизни», очевидно, принадлежит Достоевскому (атрибуцию см.: *Отливанчик А. В.* Редакторские вставки Достоевского в статьях, опубликованных в «Гражданине» (1873–1874 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. 2016. № 2. С. 35–36 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449620.pdf). Сюжеты из провинциальных газет, вероятно, собраны А. У. Порецким, а из зарубежных — В. Ф. Пуцыковичем. Предположение *Zohrab* по поводу авторства всей «Последней странички» этого номера: «Достоевский Ф. М.?, Порецкий А. У.?».

[92] Объявление о подписке, начинающееся словами: «Цель издания журнала “ГРАЖДАНИН” — знакомить со всеми сторонами русской жизни». См. примеч. 42.

[93] Статья представляет собою типичные для Мещерского ход мыслей и стиль. Князь, как обычно, возмущен сложившимся мнением общества: «Мы как будто свыклись с мыслью, что повальное пьянство в нашем народе есть и должно быть нормальным явлением». Характерны для него риторические вопросы-возглашения: «чего же еще нужно ждать чтобы испугаться? <…> Чего же еще надо ждать? <…> Чтó же дальше? спрашиваем мы». На его авторство указывает и характерный прием запугивания

читателя: «такой мужик <…> должен весьма скоро придти к непризнаванию *никакого* авторитета, *никакого* права, никакой власти». Своеобразным сигналом стиля Мещерского является злоупотребление лексемой «серьезно»: «никто в сущности серьезно не тревожится за будущность России», «были органы серьезно проводившие мысль», «серьезное отношение к столь жизненному вопросу берет верх над несерьезным». Столь же характерны для князя стилистические шероховатости: «говорят голоса из того же народа», «разоряет свой материальный быт». Автор заканчивает довольно наивной (опять же в духе князя) картинкой общественного согласия и водянистым витийством по адресу непонятливых: «Пока этого не будет, пьянство будет увеличиваться на столько, на сколько процент лиц не желающих признавать в пьянстве народа опасности для государства будет если не больше, то всё же влиятельнее процента лиц убежденных в этой опасности».

94 Статья однотипна с юридическими обзорами В. Ф. Пуцыковича. См. примеч. 84.

95 Ф. М. Достоевскому как редактору, очевидно, принадлежит «техническая» вставка: «Читатели в обстоятельном описании, перепечатанном ниже из “Моск. Вед.”, ознакомятся с разными подробностями приезда шаха, проезда его по Москве, посещения им Большого театра и т. д.» (см.: *Отливанчик А. В.* Редакторские вставки Достоевского в статьях, опубликованных в «Гражданине» (1873–1874 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. 2016. № 2. С. 36 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449620.pdf).

96 Статья заимствована из немецкой газеты «Kölnische Zeitung», автор перевода устанавливается по гонорарной ведомости. См.: *Отливанчик. Гонорарная роспись*. С. 44.

97 Почти всё обозрение представляет собой дословные перепечатки из газет с соответствующими ссылками («Приезд персидского шаха в Россию…», «К вопросу о спасении южных губерний…», «Погоня за денежной наживой»). Общий объем заметок, писавшихся, а не перепечатывавшихся («О чайной торговле», «Дела английских и американских журналов», «Размышления над одним из приказов…»), составляет всего около 12 % общего объема обозрения. Кто именно (Порецкий, Мещерский, Достоевский, Пуцыкович, Некрасов) составлял эти заметки и готовил

перепечатки, можно только гадать. Так, заметку «Дела английских и американских журналов», вероятно, готовил В. Ф. Пуцыкович, а «Размышления над одним из приказов московского обер-полициймейстера», скорее всего, И. Ю. Некрасов. Предположение *Zohrab* об авторстве всего обозрения: «Достоевский Ф. М.?».

98 В статье ощутимы приметы стиля В. П. Мещерского. Таково кружение вокруг слова «порядок» («признак порядка», «люди порядка», «ручательство порядка»), витиевато-отвлеченные красоты («становиться под одно знамя тонкого сердечного чувства», «погрузиться в мир тайного заговора»), неуклюжие обороты («а внутри заняться организациею себя в одну целую и единомыслящую политическую партию»). Иногда просто непонятно, что хотел сказать велеречивый автор («монархической свободой эксплуатировать любовь к Франции»). По наблюдению А. В. Отливанчика, в статье встречаются выражения, употреблявшиеся, среди авторов «Гражданина», только Мещерским: «старик Тьер», «malaise politique» (политический дискомфорт — *фр.*) (см.: *Отливанчик А. В.* Сергей Александрович Николаевский — политический обозреватель журнала «Гражданин» в 1872–1873 гг. // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 1. С. 28 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524747656.pdf. Самый решающий момент политического переворота представлен в атрибутируемой статье в характерном для Мещерского облегченно-шаржированном виде: «Мак-Магон избирается президентом республики пять минут спустя. Председатель собрания Бюффе отправляется к нему с просьбою собрания, застает Мак-Магона в кабинете у Тьера; первый протестует во имя преданности своей к Тьеру и неспособности к политическим делам; ему отвечают, что особенных способностей на президентство французской республики не нужно. Мак-Магон убеждается этими доводами, и через два часа после этого вся Европа узнает о перевороте во Франции». Завершается статья также характерным для Мещерского мотивом: недостаток «честных людей», «людей дела» и засилие «людей фразы».

99 Статья «Петербургское общество любителей духовного просвещения» (1873. № 21–27) принадлежит перу Т. И. Филиппова, о чем он свидетельствовал в письме Достоевскому от 18 июля 1873 г. (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 152–153). В письме

к нему же от 6 июня 1873 г. Филиппов обещает по поводу очередной части этого цикла (в № 24, 11 июня): «Статью я приготовлю к утру Пятницы; была бы и раньше да “Гражданина” мне доста<ви>ли только в С<е>реду утром, так что мне невозможно было приняться за продолжение, не повторив в уме всего, что написано в предыдущем нумере. Прикажите, кому следует, чтобы впредь сего не было» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 151; исправлено по оригиналу письма: РГБ. Ф. 93.II.9.90. Л. 5). Более чем вероятно участие Достоевского, редакторское и авторское (см.: Там же; письмо Филиппова от 24 апреля).

100 Статья написана в характерном для Мещерского обрывистом стиле и содержит обращения к его постоянным темам (защита аристократии, неприятие обращения к детям на «Вы»), а также автобиографическое признание: «Года двадцать три назад я был в училище воспитанником» (Мещерский учился в петербургском училище правоведения в 1850–1857 гг.). Вместе с тем в статье очевидны редакторские вставки, по содержанию и по стилю указывающие на вмешательство в текст Ф. М. Достоевского.

101 Статья вполне соответствует выступлениям Мещерского с критикой так называемого женского вопроса и женского образования в его современной форме в «Гражданине» 1872 г. «Наш женский вопрос» (№ 9 и 10), «Еще о женском вопросе. Ответ баронессе Корф» (№ 19), «“К делу!” Ответ русской женщине» (№ 31). Как и в указанных статьях, Мещерский бьет тревогу по поводу «опасности нравственной фальши» в либеральной постановке «женского вопроса» и предлагает в качестве противодействия — распространение «строгой дисциплины», не боящейся «чувства ложного стыда». Как и прежде, он вновь заявляет, что при введении у нас новых форм женского образования «наука уже перестает быть целью, а делается поводом или предлогом воевать с обществом во имя каких-то новых прав», а в итоге «является храбрость разврата, цинизм разврата». Присутствуют явные приметы княжеского стиля: пристрастие к словам «серьезный» (7 употреблений), «мир» («мир женщин», «мир наших студенток»), «простой» («Дело оказывается весьма простым»), к патетическим вопросам («Но затем, что́ же делать, — спросят нас»), неуклюжие словосочетания («развитие из себя новой, свободной женщины», «заставят уважать себя даже передовыми женщинами»). Б. В. Томашевский поставил вопрос об

участии Достоевского в написании этой статьи (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. худож. произв. Т. 13. С. 600–603). Аргументы в пользу авторства Достоевского были высказаны в работе: *Буданова Н. Ф.* Неизвестные статьи Достоевского по женскому вопросу (Опыт атрибуции) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л., 1976. С. 240–244. Предположение *Zohrab* об авторстве: «Достоевский Ф. М.?, Мещерский В. П.?».

102 В. В. Виноградов увидел «близость стиля <…> этого обозрения к стилю фельетонов Ф. М. Достоевского» (*Виноградов В. В.* Из анонимного фельетонного наследия Достоевского // Исследования по поэтике и стилистике. С. 206). В академическом 30-томнике отмечалось, что «начало обозрения в стилистическом отношении близко к началу ряда фельетонов и очерков Достоевского», «напоминает манеру Достоевского и основной принцип построения обозрения — сближение и анализ ряда хроникальных газетных сообщений». Впрочем, этот аргумент тут же был вполне резонно дезавуирован: «вопрос атрибуции заметки остается проблематичным, так как те же приемы построения встречаются в других фельетонах “Гражданина”» (27: 182–183). Можно прибавить: в фельетонах данной эпохи русской журналистики. Выход за границы фельетонного наследия Достоевского, изучение стилевых манер других авторов «Гражданина» показывает, что нет никаких весомых причин отстранять постоянного автора рубрики «Петербургское обозрение» от авторства данного выпуска. О самоубийствах среди молодежи писали, кроме Достоевского, В. П. Мещерский, А. У. Порецкий, И. Ю. Некрасов. Особенно активно — именно Мещерский. Из статьи в статью он не устает твердить о главной, на его взгляд, причине «эпидемии самоубийств» среди молодежи — равнодушии общества (Достоевский отмечал иные мотивы). То же утверждение мы находим и в атрибутируемой статье, автор которой сочиняет даже собственную идиому (вполне в духе Мещерского): «нигилисты равнодушия». К пристрастиям князя следует отнести его тяготение к «статистическим» выкладкам, в данном случае: «знаете ли сколько я насчитал, читая газеты, самоубийств, приключившихся на Руси в эти последние 2 недели? *двадцать семь*!». Еще один часто повторяющийся княжеский мотив — передача разговоров «в гостиной». Очевидны неповторимые приметы «мещерского» стиля в виде смысловых

и грамматических несообразностей: «роковую силу имеет на молодежь та равнодушная и отрицательная среда», «в известном государстве проходит какая-то роковая страсть к известным преступлениям», «с пафосом в тоне объявляет». А в заключение типичный способ информирования о происходящем в высших сферах — «как мы слышали».

103 См. примеч. 89.

104 По предположению И. А. Битюговой, стихотворение это отредактировано Достоевским (см.: Достоевский. Материалы и исследования. Т. 6. Л., 1985. С. 247).

105 Статья является предисловием к печатаемой ниже корреспонденции, поэтому может принадлежать либо редактору (Достоевскому), либо издателю (Мещерскому). О том же говорит авторская отсылка «Недавно мы писали о том как в Пензенской губернии <…> усилия крестьян противодействовать пьянству увенчались полным успехом» — имеется в виду статья «Что может спасти Россию от повального пьянства?» (*Гр.* 1873. № 20), атрибутируемая Мещерскому. Автором данной статьи мог быть тот же Мещерский, однако мы не находим в ней очевидных примет его индивидуального стиля. Вместе с тем аскетичный строй статьи и некоторые приметы стиля Достоевского указывают на его присутствие как минимум в качестве редактора, а скорее всего, как автора. Две недели назад он писал (Мечты и грезы // *Гр.* 1873. 21 мая. № 21) о том, что возникающие в народе общества трезвости просто обязаны поддержать «все наши передовые умы» и в особенности школьный учитель (21: 95). С этим предложением очевидно коррелирует атрибутируемая статья: «…без всякого сомнения, сделайся каждый губернатор в своей губернии носителем великой идеи борьбы русского народа с пьянством, он встретил бы сочувствие к этой мысли и содействие к ее осуществлению в каждом образованном человеке губернии. И вот это-то сочувствие каждого русского человека в связи с корпоративным содействием таких сильных учреждений как духовенство с одной стороны, земство с другой и школа с третьей, весьма скоро могли бы, повсеместно и одновременно, придти на помощь бедному крестьянину в инстинктивном его желании спасти себя от кабака и пьянства». Стиль и тон Достоевского («в борьбе с пьянством посредством общественных приговоров», «И вот это то сочувствие», «надо желать

сочувствия и содействия ему») ощутим и в последней, ударной фразе: «От вопроса — кто возьмет верх: успешные попытки, или безуспешные — зависит судьба этого рокового вопроса для России, — зависит и судьба самой России». Предположение *Zohrab* об авторстве: «Мещерский В. П.?».

106 Составление компилятивных заметок о хивинском походе было поручено В. Ф. Пуцыковичу, о чем свидетельствует запись Достоевского в «Дневнике по журналу» от 21 июня 1873 г.: «Пуцык<ови>ч ничего не делает, даже о Хиве из других газет составить не может полюбопытнее» (27: 106). Позднее, введя новое название («Вести о Хиве»), Пуцыкович подпишется своим криптонимом «В—ръ П—чъ» (*Гр.* 1873. № 33).

107 Обозрение не было оплачено никому (см.: *Литературное наследство*. Т. 83. С. 305). Следовательно, автором мог быть кто-то из безгонорарных сотрудников: Мещерский, Победоносцев, Филиппов. Двое последних отпадают: не их «профиль» и стиль. Единственным *обозревателем* (автором регулярных рубрик-обозрений), печатавшимся в «Гражданине» бесплатно, был Мещерский. Он уехал из Петербурга на четырехмесячные «каникулы» буквально накануне выхода в свет № 23 от 4 июня и вполне мог написать для него «Из текущей жизни». На авторство Мещерского указывает и содержание ряда заметок, составляющих обозрение. 1) В материале «Кое-что о духовенстве нашем» критикуются петербургские священники в «шелковых и бархатных рясах». Это — типичный объект обличений Мещерского; см., напр., его статьи «Неизбежные размышления. Нечто о современных священниках» (*Гр.* 1873. № 41), «Еще о современном петербургском священнике» (*Гр.* 1874. № 16). 2) Материал «Три случая самоубийств» о застрелившихся гимназистах находится в безусловной связи с позднейшим «Рассказом застрелившегося гимназиста» Мещерского (*Гр.* 1873. № 38–40), а более всего с патетичной княжеской критикой равнодушия общества к «эпидемии самоубийств» среди молодежи (его статья «О самоубийствах» — *Гр.* 1874. № 11). 3) Последний материал в серии — «Спуск первого черноморского броненосца-поповки…» — представляет собой официальную и придворную хронику, что всегда составляло в журнале «вотчину» Мещерского. К этим соображениям следует добавить доводы стилистической

атрибуции. Характерна для Мещерского вопросно-ответная «вразумляющая» риторика, таково начало обозрения: «Когда я вижу священника в шелковой или бархатной рясе, я задумываюсь. А встречаю я такие шелковые и бархатные рясы в Петербурге нередко. Но почему я задумываюсь? По очень простой причине». Схожий прием в заметке «Странная и невообразимая судьба обихода церковного пения»: «Но знаете, кто этого всего, по-видимому, совсем не знает? То именно ведомство, которое об этом должно знать лучше всех». Примеры характерной для князя смысловой рассогласованности и стилистической небрежности: «трагических, по своей внутренней простоте, случаев», «*эффект*… на современное поколение», «кто составляет частицу этой литературы», «Приводим далее тосты и речи в их точном содержании». Авторство Мещерского, таким образом, не вызывает сомнения. Между тем заметка «Три случая самоубийств» была приписана, без аргументации, Достоевскому (см.: *Виноградов В. В.* Из анонимного фельетонного наследия Достоевского // Исследования по поэтике и стилистике. С. 209), что вызвало возражения и иную версию, столь же бездоказательную: «сопоставление заметки с другими аналогичными материалами “Гражданина” делает более вероятной принадлежность ее А. У. Порецкому» (27: 183). Предположение *Zohrab* об авторе данного обозрения: «Достоевский Ф. М.?, Порецкий А. У.?».

108 По предположению А. В. Отливанчика, Достоевскому, исходя из гонорарной росписи, может принадлежать примечание к статье, где приводятся слова Н. П. Игнатьева о «благотворности нашего влияния» в Средней Азии (см.: *Отливанчик А. В.* Редакторские вставки Достоевского в статьях, опубликованных в «Гражданине» (1873–1874 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. 2016. № 2. С. 37–38 [Электронный ресурс]. URL: http://unknowndostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449620.pdf).

109 В записной тетради Достоевского имеется план № 24:
«“Хива” *
“Московск<ие> заметки” *
“Дневник писателя”
Филиппова *
Венская выставка *
Кельсиева
2-й акт драмы *

Стишки
Пуцыковича *
“Текущая жизнь” *» (21: 261).
Из него следует, что Пуцыковичу, кроме «Хивинского похода», принадлежит еще одна статья. Ею может быть только «Проект адвокатской реформы». На юридические темы Пуцыкович писал в «Гражданине начиная с первого года его существования. Кроме того, данную статью автор рассматривает как продолжение темы, начатой в публикации: *Пуцыкович В.* Наша частная адвокатура // *Гр.* 1872. № 13, 14.

110 Авторство Т. И. Филиппова (см. примеч. 99) подтверждает и план номера, составленный Достоевским (см. примеч. 109).

111 См. примеч. 89.

112 В бумагах Достоевского сохранилась наборная рукопись данной публикации (см.: 21: 462, 463, 465).

113 Объявление об открытии с 1 июля полугодовой подписки на «Гражданин». Исчезла фраза, бывшая в предшествующих объявлениях «Цель издания журнала “ГРАЖДАНИН” — знакомить со всеми сторонами русской жизни» (скорее всего, это было решение Достоевского, избегавшего широковещательных заявлений, к которым был склонен Мещерский), зато добавлено «**примечание** для наших сотрудников-корреспондентов и подписчиков»: «Г.г. сотрудники-корреспонденты и подписчики, желающие получить письменный ответ или какую-либо справку по делам редакции, благоволят прилагать почтовые марки, адресуясь к секретарю редакции».

114 Цикл «Письма вольнодумца» (*Гр.* 1873. № 25–28, 30–32, 35, 36) позднее Мещерский включил в свою книгу «Речи консерватора» (вып. 2. СПб., 1876). Криптоним «О.…..» — очевидно, сокращение от «Оптимист», псевдонима Мещерского (см. примеч. 18).

115 Авторство Пуцыковича подтверждается записью Достоевского в гонорарных расчетах этого номера: «За № 25 Пуцыковичу 4 <р.> 80 к.» (*Литературное наследство.* Т. 83. С. 305).

116 См. примеч. 113.

117 Страхов разбирает рецензию (*Знание.* 1873. № 1) на его книгу «Мир как целое».

118 Авторство Пуцыковича подтверждается записью редактора: «За № 26 Пуцыковичу 10 <р.> 40 к.» (*Литературное наследство.*

Т. 83. С. 305). Между тем не исключено участие Достоевского. Политика России в Средней Азии — тема, близкая ему, начиная еще со времен ссылки. В 1873 году хивинский поход русской армии, в результате которого Хивинское ханство признало протекторат России, привлекал пристальное внимание «Гражданина». Ввиду отсутствия собственной информации еженедельник Достоевского регулярно печатал компиляции из ежедневных газет. Составление компиляций было поручено секретарю редакции В. Ф. Пуцыковичу. В июне 1873 года сложилась такая ситуация, когда Пуцыкович явно не справлялся с возложенными на него обязанностями, а события на театре военных действий приобрели решительный характер (взятие Хивы и пленение хана). Это и заставило редактора вмешаться. В «Дневнике по журналу» Достоевский записывает 21 июня 1873 года: «Возвратился из Старой Руссы. От отсутствия моего ничего не потерпело в журнале. Пуцык<ови>ч ничего не делает, даже о Хиве из других газет составить не может полюбопытнее» (27: 106). Далее здесь же, по существу, краткий план будущей компиляции:

«“*Москов<ские> ведомости*”, № 154, июня 21.

Передовая статья о возвращении Красноводского отряда.

Извлечение из “Инвалида” о том же.

Вамбери о Хивинском походе» (21: 262).

Имеются приметы стиля Достоевского («никакие препятствия, противопоставляемые хотя бы и могущественным неприятелем», «он же высказывает еще вот что»). Ср.: *Отливанчик. Гонорарная роспись.* С. 47.

119 В письме к Достоевскому от 24 июня 1873 г. В. П. Мещерский распорядился поместить «объявление о *земском сборнике*» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 37).

120 См. примеч. 113.

121 В гонорарной росписи Достоевского: «За № 27 <…> Порецкому 19 <р.> 50 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 305).

122 Авторство К. П. Победоносцева подтверждается его письмом Достоевскому из Англии 21 июня 1873 г.: «Спешу послать несколько строк для Гражданина. Чем богат, тем и рад. Поспешите напечатать чтобы не простыли известия. Постараюсь прислать еще, если успею. <…> Припомните, что я не подписываю своего имени под статьями» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 124).

123 См. примеч. 89. См. также: *Летопись*. С. 390.

[124] Заголовок дан редактором.

[125] Автор установлен по связи данной статьи со статьей «Реформа духовно-судебной части» (1873. № 34, 36), атрибутируемой В. Ф. Пуцыковичу. В гонорарной росписи № 27: «Пуцыковичу 11 <р.> 28 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 305). См. также: *Отливанчик. Гонорарная роспись.* С. 49.

[126] В гонорарной росписи Достоевского: «За № 28 <…> Некрасову с досылкой по 2 к. за 26 № 38 <р.> 58 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 305).

[127] Там же: «За № 28 <…> Кулакову за "Лотер<ейный> бил<ет>" 23 <р.> 25 к.» Сохранилась расписка Ив. Кулакова в получении 68 р. 50 к. (РГАЛИ. Ф. 212.1.120), очевидно, за весь рассказ, продолжение которого печаталось в № 29 и 30.

[128] В гонорарной росписи Достоевского: «За № 28 <…> Порецкому 15 <р.> 60 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 305). См. также: *Летопись*. С. 389 («Июня 30»). Ошибочно приписывалось Достоевскому либо частично (Л. П. Гроссман, Б. В. Томашевский), либо полностью (В. В. Виноградов). Обзор этих атрибуций см.: 27: 183.

[129] В гонорарной росписи: «За № 28 <…> Пуцык<ови>чу 7 <р.> 20 к.» (*Литературное наследство.* Т. 83. С. 305). Возможно вмешательство Достоевского: данная статья не является компилятивной, как все «хивинские» статьи Пуцыковича, она включается в серьезный политический спор в русской прессе о будущем покоренной Хивы. Автор с государственнических позиций выступает против легковесных заявлений русских либеральных газет. Политическая ответственность такого рода публикации явно выше уровня рядового сотрудника редакции. Веский тон статьи, некоторые характерные обороты речи («полудикие соседи, не лишенные впрочем, сравнительно, некоторой культуры», «этому более чем свободному промыслу», «такому отчасти добродушному настроению») указывают на возможное участие Достоевского. Предположение *Zohrab* об авторстве: «Пуцыкович В. Ф.?».

[130] В гонорарной росписи редактора: «За № 29 <…> Порецкому 25 <р.> 30 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 305).

[131] Там же: «Шторх 8 <р.> 80 к.»; в следующем номере продолжение статьи будет подписано: «Шторх».

[132] В отличие от большинства случаев фиксации авторства В. Ф. Пуцыковича в гонорарной росписи хивинских компиляций, данная статья расписана иначе: «“Хива” 22 <р.> 16 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 305). Это дает возможность предполагать иного автора. Им мог быть сам Достоевский. Его настрой проглядывает в итоговой констатации: «Больных во всех трех отрядах очень немного; силы и людей, и лошадей сбережены отлично; войска веселы, вид их здоровый, бодрый, как будто они и не делали по тысяче слишком верст неимоверно трудного, до сих пор небывалого в Средней Азии и в высшей степени поучительного похода». Предположение *Zohrab* об авторстве: «Пуцыкович В. Ф.».

[133] В гонорарной росписи редактора: «За № 30 Пуцыковичу 12 <р.>» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 306). См. также: *Отливанчик. Гонорарная роспись.* С. 51. Предположение *Zohrab* об авторстве: «Мещерский В. П.?, Пуцыкович В. Ф.?».

[134] Статья серьезно отредактирована Достоевским, судя по письму его к А. Г. Достоевской от 20 июля 1873 г.: «Сегодня же утром разом получил от князя телеграмму и 2 письма насчет помещения его статьи. <…> Вчера всю ночь, не спавши, сидел за корректурой (стоящей сочинения) и сегодня и завтра буду» (29_1: 280).

[135] В гонорарной росписи редактора: «Порец<кому> 11<р.> 25 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 306). См. также: *Отливанчик. Гонорарная роспись.* С. 52.

[136] Данный некролог является редакционной заметкой и на этом основании находится в компетенции редактора, т. е. Ф. М. Достоевского. К тому же издатель, В. П. Мещерский, в то время в Петербурге отсутствовал и прислал свой отклик позже (см. след. примеч.).

[137] Статья подписана полным именем, а впоследствии перепечатана Мещерским в трехтомных «Моих воспоминаниях» (т. 2. СПб., 1898). Однако существует письмо Достоевского жене от 29 июля 1873 г., вскрывающее некоторые тайны редакционной кухни: «Прошлую неделю начал писать статью и должен был бросить из уважения к Мещерскому, чтоб поместить внезапно присланную им статью о смерти Тютчева, — безграмотную до того, что понять нельзя, и с такими промахами, что его на 10 лет осмеяли бы в фельетонах. Сутки, не разгибая шеи, сидел и переправлял, живого места не оставил» (29_1: 285). Таким образом,

и Мещерский, и Достоевский достаточно недвусмысленно заявили о своем участии в этой статье. Мнения текстологов, разбиравших этот вопрос, полярно разделились. Н. Ф. Бельчиков доказывал, что статья написана двумя авторами, и пытался определить, что кому принадлежит (см.: *Былое*. 1925. № 5. С. 155–160), однако через пятьдесят лет А. В. Архипова безоговорочно отвергла авторство Достоевского, который, по ее мнению, «ограничился редакторской правкой» (*Русская литература*. 1975. № 1. С. 176). Свидетельство самого писателя («живого места не оставил») в этом последнем случае следовало отнести к эмоциональным преувеличениям. Составители академического 30-томного издания приняли последнюю точку зрения и не включили статью в разделы «Коллективное» или «Dubia». Один из аргументов сторонников этой точки зрения: «вряд ли бы Мещерский такое потерпел» (А. В. Архипова), т. е. такое чрезмерно активное вмешательство редактора. Верно, что авторское самолюбие Мещерского и его амбиции фактического хозяина «Гражданина» были велики, но следует учитывать и другое: пиетет перед Достоевским, о чем свидетельствует, например, письмо Мещерского к нему 8 мая 1874 г., где издатель посылает бывшему редактору свою статью со следующими словами: «отдаю каждую строку Вашей безграничной расправе». Итак, «безграничная расправа» редактора Достоевского над статьей издателя Мещерского была в принципе возможна. Свидетельству Достоевского в письме к жене можно и нужно верить. Следует также иметь в виду, что атрибуция должна исходить не из одной точки (идеи и стиль Достоевского), а одновременно из двух (идеи и стиль Достоевского — идеи и стиль Мещерского). Какова, скажем, «территория» Мещерского? На следующий год в «Гражданине» (1874. 9 декабря) была напечатана его большая статья «Федор Иванович Тютчев», написанная по поводу публикации И. С. Аксаковым биографии поэта. Еще через полгода (*Гр.* 1875. 18 мая) Мещерский не утерпел, чтобы не напечатать собственное стихотворение «Памяти Ф. И. Тютчева». Под ним стоит подпись «Село О. август 1873 года». Почему автор не напечатал его сразу же, не произнес, так сказать, над свежей могилой поэта, а утаил до времени? Ответ напрашивается однозначный: таких стихов Достоевский не пропустил (или, скажем мягче, не пропустил бы), а теперь, при другом и «ручном» редакторе

(В. Ф. Пуцыковиче) — стало можно. В 1885 г. выходят отдельным изданием сразу два «великосветских» романа Мещерского — «Дневник Ольги Николаевны» и «Хочу быть русской», где в числе эпизодических героев выведен и Тютчев (в первом под именем Тюнина, во втором — графа Ростовского). Наконец, в 90-е годы, в упоминавшихся уже мемуарах Мещерский вновь обращается к образу поэта, к оценке его деятельности. В романах Мещерского Тютчев функционирует как герой-резонер, а в статьях и мемуарах — как оракул, возвещающий истину, разумеется, разделяемую самим автором. Первое, что он в нем разглядел, — это обаяние родового дворянства. Аристократичные манеры поэта подчеркнуты в обоих романах. В статье 1874 года говорится, что Тютчев по своей натуре был «аристократическим существом» и в последних нигилистических веяниях видел «деспотизм <…> беспринципного плебейства над аристократическими стремлениями души и мысли» (*Гр.* 1874. № 49. С. 1254). Более чем вероятно, что те же мысли Мещерский проводил и год назад, не к ним ли относится фраза в письме Достоевского к жене о «промахах» Мещерского, за которые «его на 10 лет осмеяли бы в фельетонах»? Это — чего нет в статье «Свежей памяти Ф. И. Тютчева», но что есть в остальных выступлениях Мещерского. Теперь о том, что есть в статье, и что впрямую противоречит известным высказываниям Мещерского. Это прежде всего аспект, обещанный Достоевским в кратком редакционном некрологе: Тютчев как поэт, продолжатель Пушкина. Мещерский в своих писаниях представлял Тютчева совершенно исключительным явлением, не имевшим ни предшественников, ни последователей. Везде и всюду, в романах и статьях, князь лепил достаточно тривиальный, следуя романтическим стереотипам, образ надмирного поэта, отрывающегося от прозаической реальности и парящего на высоте гармонических затей. Отблески этого образа видны и в статье «Свежей памяти Ф. И. Тютчева», хотя в сильно усеченном варианте. Витающий на небесах поэт и трезвый политик — такова была, по Мещерскому, «парадоксальная» и «странная» натура Тютчева. Между двумя этими занятиями — поэзией и политикой — он не находит ни малейших точек соприкосновения. Поэзия для Тютчева — отдохновение от политических схваток с внешними и внутренними врагами России. В стихотворении «Памяти Ф. И. Тютчева» так и сказано: «наскученный

борьбою», он удалялся в мир поэзии. Иное соотношение «политики» и «поэзии» у Тютчева находит автор статьи в «Гражданине». Поэзия и здесь сравнивается с «мирной пристанью», но обнаруживается в ней и «что-то родственное политике в духовном существе» поэта. Это единство возможно потому, что и самая «политика» трактуется автором статьи не столько в ее узкофункциональном назначении (национально-государственном и сословном — так и только так, по Мещерскому), но и как «политика мировой всецелой жизни человечества». Это первое, по наблюдению Бельчикова, приближение к знаменитой формуле «всечеловечности» Пушкинской речи Достоевского. Следует, правда, поправить: к этой формуле Достоевский подошел еще в статьях начала 60-х годов. Горькие слова автора статьи о несовременности тютчевского понимания поэзии как выражения «вечности» на фоне рифмованной жвачки «современных поэтов» с головой выдают Достоевского (ср. давнюю программную статью «Г-н –бов и вопрос об искусстве» и совсем недавнюю, 26 марта 1873 г., статью «По поводу выставки», да и самое желчно-ироническое словоупотребление «современные поэты» — из лексикона Достоевского). Сам составитель рифмованного многословия, не задумывавшийся печатать его, князь Мещерский был очень далек от такого прочтения Тютчева. Наконец, о стиле статьи. В ней нет или почти нет «мещерских» патетических перлов, вроде такой, например, фразы из чуть более поздней статьи «Федор Иванович Тютчев»: «Каждое его слово было как будто полным аккордом правдивых звуков, никогда не нуждавшимся в настройщике…», — или из «Моих воспоминаний»: «Сам Федор Иванович Тютчев был чем-то в роде витающего духом в своей семье… Он всюду казался случайно залетевшею птичкою». С другой стороны, атрибутируемая статья содержит в себе явственные приметы стиля Достоевского. Например, акцентирование с помощью словечка «даже»: Тютчев «мог принадлежать даже ко всякому лагерю», — или другие лексические и интонационные нажимы: «Уже с этою одною мыслью не мирится…», «всё о том же, о чем пишут», «дух его не переставал ни на минуту чувствовать, что всё прекрасное и великое в человеческом обществе — есть вечное, и что всё, что этого чувства вечности душе его не дает, всё то…» и т. д. Итак, если Достоевский только редактировал статью Мещерского, то это такое редактирование,

которое переходит в соавторство (что очень характерно для Достоевского-редактора). Достоевский, как представляется, «выдернул» из статьи ее «жало» — мысль об аристократизме поэта — и наоборот, ввел свои мысли: о широкости мировоззрения поэта, о единстве политики и поэзии, о «всецелой жизни человечества».

138 Автор «Русских листков из-за границы» (*Гр.* 1873. № 31–36, 39) устанавливается по письму К. П. Победоносцева Достоевскому от 8 августа 1873 г., где он просит исправить досадные опечатки в статье «Вестминстерское аббатство» в № 32, т. е. в третьей из статей цикла, и обещает «еще 3 статейки “Листков”» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 124). 14 сентября он сообщает: «Посылаю вам обещанную статью в “Русские листки из-за границы”» для № 39 (Там же. С. 127). Некоторые из «листков» вошли в изд.: *Победоносцев К. П.* Московский сборник. М., 1896 (переиздан в 1901 г.).

139 См. письмо Н. Д. Богатинова к Достоевскому от 30 мая 1873 г. при посылке данной статьи с просьбой: «*Подписи фамилии прошу не делать*» (ИРЛИ. № 29647). Вероятно, эта же статья, под названием «О монахах», фигурирует в списке имеющихся в редакции рукописей, составленном Достоевским (см. 21: 259).

140 Указаны опечатки в публикации «Писем вольнодумца», принадлежащих В. П. Мещерскому. Поправки, несомненно, сделаны автором.

141 См. примеч. 138.

142 Автор указан в гонорарной росписи редактора: «За № 32 <…> Бунакову 10 <р.> 20 к.» (Литературное наследство. Т. 83. С. 306, где фамилия ошибочно прочтена как «Бунаев»; уточнение: *Отливанчик. Гонорарная роспись.* С. 54). Возможно, имеется в виду Петр Федорович Бунаков, брат Н. Ф. Бунакова, известного педагога, хорошо знакомого с Достоевским еще по периоду сотрудничества в журналах «Время» и «Эпоха». П. Ф. Бунаков был управляющим имением князя С. А. Долгорукого; атрибутируемая статья посвящена современному состоянию сельского хозяйства в России (проблема, интересовавшая обоих братьев).

143 Автор указан в гонорарной росписи редактора: «За № 32 <…> Пуцы<кови>чу 17 <р.> 50 <к.>». (*Литературное наследство.* Т. 83. С. 306).

144 Там же: «За № 32 <…> Порецкому 9 <р.>». Тем не менее Г. Ф. Коган приписывала обозрение Достоевскому (см.: *Литературное наследство*. Т. 83. С. 344). Опровержение на основании «стилистического анализа» и предположение об авторстве Порецкого см.: 27: 183.

145 В гонорарной росписи: «За № 33 Порец<кому> 14 <р.> 10 к.». (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 306).

146 См. примеч. 138.

147 Аргументы в пользу авторства Достоевского: **1)** «Письма вольнодумца», подписанные криптонимом князя В. П. Мещерского «О…..», печатались в «Гражданине» в 1873 г. (№ 25–28, 30–32, 35, 36). В IV и V письмах (№ 30. 25 июля) «вольнодумец» рассказал о двух «нигилистах», один из которых, выпускник сельскохозяйственной Петровской академии, как оказалось, ничего не понимает в сельском хозяйстве. В ответ на статью Мещерского редакция получила протестующее письмо выпускника Петровской академии И. О. Левитского и напечатала его вместе с ответом «вольнодумца» 13 августа в № 33. Существует письмо Мещерского Достоевскому от 19 августа 1873 г., отправленное из села Марьино, где в это время отдыхал князь. В письме речь идет также о Н. И. Веттере, еще одном выпускнике Петровской академии, приславшем в «Гражданин» свое опровержение. «Получил Ваше письмо, милейший Федор Михайлович, с приложениями! Признаюсь, рассмешил меня почтенный Веттер, узнав себя в моем очерке нигилиста! **Жаль, что Вы не сказали**, что сам автор не знает имени героя, и знать его не хочет, ибо интересен не он, а интересен факт! По этому поводу в письме IX, которое надеюсь выслать в *четверг*, скажу несколько слов. **К Вашему ответу** нечего прибавлять, разве только то, что эти господа, по-видимому, не могут или не хотят понять, что суду подлежит только клевета или пасквиль *именная*, а не безыменная относительно лица, выставляемого героем. Если допустить их рассуждения, то всякий автор повести или романа, берущий из жизни то, что он слышит, подлежал бы суду, ибо непременно находились бы лица, которые бы себя узнавали в том или другом факте!» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 39; жирный шрифт наш. — *В. В.*). В «приложения», очевидно, входила вышедшая пять дней назад газета с публикацией «Ответа на протест». Вся проблема заключается в том, как толковать слова

Мещерского: «Жаль, что Вы не сказали…» и т. д. Не принявший нашу атрибуцию (см.: 27: 419–422) Б. В. Федоренко (К истории газеты-журнала «Гражданин» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994. С. 253–259) полагает, что речь идет о каком-то не дошедшем до нас письме Достоевского Н. И. Веттеру, копию с которого получил Мещерский. Возможно, такое письмо и существовало, хотя сомнительно, чтобы сверхзагруженный в эти месяцы редактор, подолгу не отвечавший даже близким людям, пустился в словопрения с агрессивно настроенным и, судя по всему, недалеким оппонентом: ответ ему он скорее бы дал в газете. Запоздалое сожаление Мещерского, как нам представляется, относится к фразе из письма Левитского, напечатанного в «Гражданине»: «я покорнейше прошу вас, милостивый государь, в интересах истины точнее обозначить фамилию и место действия этого "*экземпляра странной семьи уродов нашего времени*"». Мещерский именно по этому поводу сожалеет, что Достоевский в «своем ответе» «**не сказал**, что сам автор не знает имени героя…» и т. д. Стоило ли так сожалеть о не сказанном, если речь шла всего лишь о частном письме? И далее выражено намерение поправить ситуацию в следующей **публикации**: «По этому поводу <…> скажу несколько слов». Главное же: по смыслу своему сожаление Мещерского противоречит уже напечатанному от его имени в «Гражданине»: «…мой герой, имени которого **не назову** даже редакции…» (т. е. знаю, но не назову по моральным соображениям!). Этим-то «Вашим ответом» и мог быть не удовлетворен князь. Свой собственный ответ оппонентам, изложенный в приведенном письме, Мещерский, как и обещал, дал в IX письме вольнодумца (*Гр.* 1873. 3 сентября. № 36), так что в «Гражданине» были напечатаны реплики, расходящиеся друг с другом. **2)** Готовя «Письма вольнодумца» для нового издания в составе книги «Речи консерватора» (вып. 2. СПб., 1876), Мещерский включил туда и «Ответ на протест», но, в отличие от газетной публикации, дал ему место в общей нумерации как письмо VIII, для чего пришлось изменить нумерацию последующих писем. Однако в следующем, IX, письме Мещерский не удосужился переписать начальную фразу: «В последнем письме я обещал читателям поговорить о том, есть ли у крестьянина нервы», — «забыв», что этим последним письмом в книжном издании стал «Ответ на протест»,

где нет ни слова о крестьянских нервах. **3)** Строгое логическое построение и весомый стиль «Ответа на протест», с одной стороны, показывают превышение публицистического потенциала Мещерского, а с другой, указывают на манеру полемики Достоевского. Таково угадывание скрытой мотивации: «Тут пахнет обращением к публике <…> тут довольно самоуверенное распоряжение». Таковы конструкции надежной уверенности: «Я лично знаю <…> знаю и то», «я самым решительным и положительным образом протестую», «позволительно по крайней мере хоть пожелать», «Мы первые этому радуемся, мы первые этому верим и первые заговорим». Таково усиление с помощью нерелевантного «даже»: «мы даже не понимаем», «это добрые даже люди», «совместимы даже с званием честного человека». **4)** Перекличка с черновыми заметками Достоевского. В «Ответе…»: «…о тружениках науки по отрасли сельского хозяйства что-то мало было слышно!» — в записной тетради 1872–1875 гг.: «…энергическое земледелие. Это подвиг для всей России <…>. Ставлю на вид молодежи» (21: 271). **5)** Подтверждение косвенного характера. За три дня до выхода номера с «Ответом на протест», 10 августа Достоевский писал жене: «Мещерского я застал, очень был любезен, но вчера же уехал <…>. Статей отсмотреть приходится бездна, меж тем ничего еще не готово» (29_1: 288). Предположение *Zohrab* об авторстве: «Мещерский В. П., Достоевский Ф. М.?». Была также предложена версия редакторского участия Достоевского в «Ответе на протест»: *Отливанчик А. В.* Ф. М. Достоевский — редактор авторских текстов в еженедельнике «Гражданин» (1873–1874 гг.). Новые разыскания и версии // Балтика (Таллин). 2010. С. 73–76. С позволения А. В. Отливанчика приведу заключительный фрагмент его новой (не опубликованной) атрибуции: «Мое предположение об авторстве “Ответа…” следующее. Не представляет ли он текст, **начерно написанный Мещерским и затем доработанный Достоевским?** Мещерский был в Петербурге как раз в начале той недели, когда номер журнала с “Ответом на протест” готовился к публикации. При этом *в редакции отсутствовал* тогда (с понедельника, 6-го августа, по среду, 8-го) *Достоевский*, уехавший к семье в Старую Руссу. Сам В. А. Викторович предполагает (*Летопись*. С. 402), что Мещерский бывал в эти дни в редакции

“Гражданина” (это дело естественное). Странно бы, если б князя не заинтересовало в редакционной почте письмо Левитского, критикующее один из его очерков. Мещерский набросал на письмо “Ответ…”, но должен был уехать из Петербурга (уже в четверг, 9 августа), вероятно, не успев доработать статью. Доделывать пришлось Достоевскому. Эта версия объясняет многое. И то, почему “Ответ…” не был Достоевскому оплачен (редактура оплачивалась Достоевскому в виде постоянного жалования). И то, почему Мещерский впоследствии перепечатал “Ответ…” под своей фамилией в своем сборнике (не было это плагиатом…). И то, почему в тексте “Ответа…” “смешиваются” и чередуются стили обоих авторов. И то, почему “Ответ…” так простоват и незатейлив в сравнении с собственными статьями Достоевского (автор был не гений… и никакая редактура — хотя бы “от Достоевского” — не могла сделать из статьи Мещерского “шедевр публицистики”). Самый же сложный вопрос: “**Зачем** Достоевскому было писать статью за другого?” — отпадает сам собой».

148 В гонорарной росписи: «За № 33 <…> Данченко 32 <р.> 70 <к.>» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 306).

149 Там же: «За № 33 <…> Пуц<ыкови>чу 10 <р.> 58 <к.>». Участие Достоевского в этой статье тем не менее заметно, особенно в полемике с «С.-Петербургскими ведомостями» о будущем Хивы.

150 К. П. Победоносцев в письме к Достоевскому от 13 августа 1873 г.: «Почтеннейший Федор Михайлович. “Видите колицеми книгами писах вам моею рукою”. Сверх чаяния вчера, начитавшись газет, написал статью, которую спешу послать, и которая может несколько пополнить недостаток политич<еского> обозрения, ибо речь идет о важнейшем событии нашего времени. Думаю, что ни в одной газете не было еще обстоятельного обозрения по этому предмету. Статья кстати: не замедлите ее напечатать» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 125). Посылаемая статья, несомненно, «Борьба государства с церковью в Германии», восполнившая «недостаток» зарубежной тематики и имевшая эксклюзивное значение.

151 Предположение об авторстве В. П. Мещерского см.: *Отливанчик. Гонорарная роспись.* С. 55–56.

152 См. примеч. 138.

153 Автор установлен на следующем основании. Согласно гонорарной росписи, В. Ф. Пуцыкович получил за № 34 всего 11 р. 55 к.

(см.: *Литературное наследство*. Т. 83. С. 307). Это не может быть плата за статью «Вести из Хивы» — она слишком мала по объему. В этом номере остается лишь одна анонимная статья, авторство которой может быть отдано Пуцыковичу, — «Реформа духовно-судебной части». Ее объем составляет 350 строк, и по установленным в «Гражданине» правилам оплаты компилятивных статей (3 коп. за строку), гонорар за нее и за статью о Хиве и составляет полученную Пуцыковичем сумму. См. также: *Отливанчик. Гонорарная роспись*. С. 56.

154 В гонорарной росписи: «…за № 34 Порецкому 8 <р.> 40 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 307). Предположение *Zohrab* об авторстве: «Порецкий А. У., Достоевский Ф. М.?».

155 Председателем комитета Нижегородской ярмарки был А. П. Шипов, являвшийся на момент публикации данной статьи активным автором «Гражданина» (1873. № 12, 17, 18, 35, 44, 45, 52). Признание автора, что он ездит на ярмарку «более десяти лет», соответствует «стажу» Шипова на посту председателя ярмарочного комитета (живущего, между тем, в Петербурге). О том же говорит и доскональное знание анонимным автором всех тонкостей административного управления ярмаркой. Статья и написана с позиции администратора, бессильного изменить «порядок вещей». В этом контексте редакционное послесловие Достоевского, оспаривающее эту позицию, приобретает особый смысл, как бы отсылающий к известному совету Крылова в басне «Кот и повар».

156 Кроме редакционного характера заметки на авторство Достоевского указывает также его запись в гонорарной ведомости «Да за мою работу в № 32 и в № 34 28 <р.> 70 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 307). Имеется в виду «Дневник писателя. XIV. Учителю» и данная заметка.

157 Сообщение о переводе редакции на другой адрес (Малая Итальянская, дом 21, кв. 6), вероятно, составлено секретарем редакции В. Ф. Пуцыковичем, квартира которого и указывалась в объявлении.

158 Указание на авторство Победоносцева имеется в его письме к Достоевскому от 29 августа 1873 г.: «Надеюсь привезти вам статью: И с п а н и я , в параллель статье о Франции» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 125).

159 В гонорарной росписи редактора: «…за № 35 Порецкому 22 <р.>, 50 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 307).

160 См. примеч. 138.

161 К. П. Победоносцев в письме к Достоевскому от 8 августа 1873 г. сообщал: «Готовлю еще статейку, очень по-моему любопытную, о новой английской книге “Свобода, братство и равенство”» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 124).

162 См. примеч. 157.

163 В гонорарной росписи редактора: «За № 36 Пуцыковичу 31 <р.> 35 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 308). Данная публикация имеет объем 465 строк. Исходя из расчета 4 коп. за строку компилятивных статей, сумма гонорара за нее должна быть 18 р. 60 к. Очевидно, Пуцыковичу было заплачено также за статьи «Хивинское восстание» (179 строк) и «Ночлежный приют в Петербурге» (121 строка). См.: *Отливанчик. Гонорарная роспись*. С. 58–59.

164 «За № 36 <…> Некрасову 34 <р.> 44 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 308).

165 См. примеч. 138.

166 В гонорарной росписи: «За № 36 <…> Порецкому 12 <р.>» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 308).

167 Гонорар за статью получил В. Ф. Пуцыкович (см. примеч. 163), однако ему, скорее всего, принадлежал лишь первоначальный ее вариант. Основания для такого утверждения следующие. В конце марта 1873 г. Достоевский познакомился с Ю. Д. Засецкой и «любил бывать» у нее. «Она только что основала тогда первый в Петербурге ночлежный дом (по 2-й роте Измайловского полка) и через секретаря редакции «Гражданина» пригласила Федора Михайловича в назначенный день смотреть устроенное ею убежище для бездомных» (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 255). Очевидно, Достоевский проявил особый интерес к этому заведению, о чем свидетельствует выданный ему «пропуск» на визитной карточке Ю. Д. Засецкой: «Ф. М. Д<остоевско>му от Председательницы Общества Н<очлежных> П<риютов>. Свободный вход в Ночлежный Приют во всякое время дня и ночи» (ИРЛИ. № 29718. Л. 3–3 об.). Об участии Достоевского в атрибутируемой статье свидетельствуют приметы его стиля. Такова тонкая ирония, выраженная игрою слов: «“неизвестные” прислали хлеба и полотна <…> А <…>

городской голова прислал секретаря думы с письмом…». Проглядывает характерный синтаксис Достоевского: «Едва ли не более у нас — чем где бы то ни было…», «Но чего именно недоставало — так это практического уменья взяться за доброе дело». В конце статьи автор проявляет значительный интерес к делам земледельческой колонии для малолетних преступников. Известно, сколь трепетно относился Достоевский к этому делу. Так, в январском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. он писал об этой колонии: «Я давно порывался туда, но не удавалось…» (22: 17).

168 Судя по гонорарной росписи, плата за статью не была начислена сразу же (см.: *Отливанчик. Гонорарная роспись.* С. 59), что наводит на мысль об авторстве самого редактора, который мог посчитать свой гонорар за мелкие статьи позднее и за все разом. Статья представляет собою образец полемического жанра, которым он столь блестяще владел. Для атрибуции важно также выявить источник, вызвавший полемическое раздражение. Вряд ли это жалобы, якобы пришедшие в «Гражданин» от подписчиков неаккуратно издающейся газеты «Новости» (это, скорее, лишь повод, да и то явно надуманный). Вот более существенная (хотя и не названная прямо) причина гнева анонимного автора «Гражданина». Фельетонист «Новостей» (скорее всего, им был сам редактор Ю. О. Шрейер) выступил с разоблачением «бранной» журналистики: «Чего доброго, доживем, пожалуй, до того, что станем печатно переругиваться, как ругаются пьяные мужики, теми непечатными выражениями, которые уже возводит в перл создания г. Достоевский» (выпад по поводу «маленькой картинки» «Дневника писателя» о народном сквернословии — *Гр.* 1873. 16 июля). Фельетонист объяснял эти веяния погоней журналистов за подписчиками: «Все, следовательно, сводится к одному и тому же знаменателю: деньги, деньги и деньги!!» (*Новости*. 1873. 12 августа. С. 1). В том же фельетоне был и другой выпад в адрес «Гражданина», который «на словах чтит женщин и кричит с пафосом о женском труде», а «на деле смотрит на женщин с самой животной точки зрения <…>, одной только любви <…> кухни и кормления детей» (имеются в виду статьи «Гражданина» по «женскому вопросу»). Через пять дней в заметке «Опять о журналистике» «Новости» напали на «Гражданина» в еще более агрессивном тоне: «…пигмей этот, открывая

очень широко свой рот, говорит всегда такие глупости, что заставляет лишь улыбаться. <…> В ней [газете] изливается лишь бред горячечных <…>. Это уж не литература» (*Новости*. 1873. 17 августа. С. 1). И вновь объяснение современных журналистских нравов свелось к «обыкновенной конкуренции», «зависти из-за куска хлеба» (этот пассаж и цитируется в статье «Гражданина»). Итак, редакция «Гражданина» и лично редактор стали объектом низменных подозрений, порочащих не столько даже политически, сколько морально. Ответ был адекватным, т. е. в том же плане argumentum ad hominem, и выстроен был по законам риторического наращивания: «…тот самый г-н Шрейер, который еще так недавно приговорен… судом… за *оклеветание*…», «…этот самый г. Шрейер… накинулся… на одного известного литератора…», «…тот самый г. Юлий Шрейер, который недавно затеял опять процесс против своих сотрудников… они вынуждены были к тому постоянным уклонением г. Шрейера от платежа…», «Это тот самый, наконец, г. Юлий Шрейер, который печатно извинялся перед г. Самойловым…», «И вот этот-то г. Шрейер…» (далее цитируется его собственный обвинительный пассаж против аморализма современной журналистики). И финал, после всего сказанного убийственный по своей иронии: «Это г. Шрейер говорит…». Не только точно выверенная композиция, но и синтаксис, интонация выдают Достоевского (например: «слишком глупый, будто бы отзыв… что случилось, будто бы, без его (т. е. редактора) ведома»; «мы сами уже спросим спрашивающих нас»). Заметим, что энергия уничтожающей иронии могла подпитываться и личным впечатлением. 11 июня на заседании 3 отделения окружного суда слушались два дела о печати: редактора «Гражданина» и редактора «Новостей». Достоевский мог наблюдать очередной «подвиг» Шрейера, когда он пытался «свалить» вину за цензурные нарушения… на типографских служащих: он, де, редактор, о том не ведал (см.: *Голос*. 1873. 13 июня. С. 1–2).

169 Согласно гонорарной росписи (см. примеч. 163), выплату получил В. Ф. Пуцыкович. Однако Г. Ф. Коган предположила, что «статья <…> была написана Достоевским» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 344; указан ошибочно номер журнала — 30). В академическом издании Достоевского отмечалось: «…не

исключено, что автор корреспонденции В. Ф. Пуцыкович, которому принадлежат другие материалы компилятивного характера о присоединении Хивинского ханства, регулярно печатавшиеся в 1873 г. в "Гражданине" <…>. Во всяком случае вопрос подлежит дальнейшему изучению…» (27: 183). На наш взгляд, участие Достоевского обнаруживает содержащаяся в статье смелая защита государственного интереса, противопоставленного «мягкотелости», к которой склоняла правительство либеральная пресса. Уже название статьи — «Хивинское восстание» — вызов этой прессе, писавшей, что восстали только туркмены, а хивинский хан остался покорен. Автор возвращается к тем суждениям, которые были высказаны ранее «Гражданином» (№ 26, 28, 34): «Хивинский вопрос, который нашими оптимистами считается покончeнным, вновь предстал перед нами…». Аргументирует свою позиция автор с помощью весьма точного (и тонкого) наблюдения над психологией нецивилизованного человека, не знающего чувства «нравственного поражения»: «Полудикий человек, уже вследствие одного невежества своего, забывает всякие погромы и завтра же, при первой, иногда совсем неосновательной надежде, готов опять драться "на жизнь, на смерть"…». Стилевая манера Достоевского в цитированном рассуждении проглядывает и в других местах статьи. Ср.: «Прежде всего мы узнаем (и впервые) вот что», «Затем более чем ясно стало… туркмены сильны, слишком сильны», «далеко не может считаться», «не совсем еще тяжелой контрибуции…». В финале статьи высказана характерная для Достоевского мысль: русского солдата «не мешает поберечь "на черный день"…».

170 См. примеч. 157.

171 «Еженедельную хронику» из газетных сообщений составлял секретарь редакции В. Ф. Пуцыкович. Об этом свидетельствует письмо Достоевского метранпажу М. А. Александрову от 15 сентября 1873 г., где «Еженедельная хроника» в № 38 названа как «Пуцыковичева статья» (29_1: 302). Однако хроника в № 37 не включена в гонорарную роспись, это дало основание утверждать, что ее автор — «неизвестный сотрудник (или коллектив сотрудников), работавший на безгонорарной основе» (*Отливанчик А. В.* Ф. М. Достоевский и В. Ф. Пуцыкович — обозреватели международных событий в «Гражданине» (1873 г. — апрель 1874 г.) // Достоевский и современность. Материалы XXIII Международных

Старорусских чтений 2008 года. Ч. I. Великий Новгород, 2009. С. 275). Между тем одно из сообщений хроники явно принадлежит Достоевскому: «В Старой Руссе, 30 августа, открыты женская прогимназия и ремесленное училище» (Там же).

172 Так же, как и предыдущая, «Иностранная хроника» представляет собой краткий пересказ газетных сообщений и потому, скорее всего, принадлежит В. Ф. Пуцыковичу.

173 Автор делает ссылку на статью «Реформа духовно-судебной части» в № 34 и 36 («мы говорили»), атрибутируемую В. Ф. Пуцыковичу. Юридические обзоры составляли его компетенцию в «Гражданине». В гонорарной росписи: «…за № 37 <…> Пуцыковичу 13 <р.> 44 <к.>» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 308), эта сумма из расчета 336 строк по 4 к. за строку и составляет оплату данной статьи (см.: *Отливанчик. Гонорарная роспись*. С. 61).

174 В письме к Достоевскому от 29 августа 1873 г. К. П. Победоносцев обещал «привезти статью: И с п а н и я » (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 125).

175 В гонорарной росписи редактора: «…за № 37 Порецкому 24 <р.> 10 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 308). В номере лишь две публикации могли принадлежать Порецкому — «Живущее и отжившее (Из современного обозрения)» и заметка «Лютые звери и малые дети», подписанная «А. П.». Общий объем этих двух текстов составляет 482 строки, что при гонораре 5 к. за строку и дает указанную сумму.

176 Там же: «…за № 37 <…> Г-же Лободе 34 <р.> 15 <к.>».

177 Там же: «…за № 37 <…> В Германию Болдакову 32 <р.> 80 <к.>».

178 Там же: «…за № 37 <…> Страхову 5 <р.> 80 <к.>». Атрибуция Достоевскому на основании идейной близости была ошибочно предложена Л. П. Гроссманом и Б. В. Томашевским (историю вопроса см.: 27: 184).

179 См. примеч. 175.

180 Автор указан в гонорарной росписи: «…за № 37 <…> Наумову 9 <р.> 60 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 308).

181 В письме к Достоевскому от 2 сентября 1873 г. В. П. Мещерский предложил с № 37 ввести еженедельную хронику и задуманную Достоевским юмористическую страницу, для чего просил оставить «*две последние* страницы *не занятыми*» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 40). Редактор согласился, и то и другое в журнале появилось. Участие Мещерского в спланированной

им же премьере юмористической рубрики очевидно. Такова жанровая установка: «С натуры. Услышано в разговоре», «Отрывок из разговора», «Мы слышали» (дважды, и оба раза на уровне слухов). Такова и «мещерская» тематика: нравы высшего общества («граф Г…» о пьянстве), нигилизм в семейных отношениях и в сфере образования (в особенности невежество в Законе Божьем), несуразность земских постановлений. Присутствует и опознавательный знак княжеского стиля — эпитет «прелестный» («прелестная сцена»).

182 Заметки, как предположил В. В. Виноградов (Об авторе сатиры на А. А. Краевского и его газету «Голос» // *Русская литература*. 1969. № 3. С. 86), и по содержанию, и по стилю входят в серию юмористических выпадов Достоевского в адрес газеты А. А. Краевского «Голос». Иная точка зрения: «более вероятным представляется авторство А. У. Порецкого или В. Ф. Пуцыковича» (27: 184). Предположение *Zohrab* об авторстве всей «Последней странички» этого номера: «Достоевский Ф. М.?, Пуцыкович В. Ф.?».

183 См. примеч. 181.

184 Об этом первом своем опыте «Иностранного обозрения» Достоевский писал метранпажу М. А. Александрову 15 сентября 1873 г.: «…вместо 250 строк я написал, кажется, до 500. Уменьшить *ничего* не могу» (29_1: 302). Принадлежность Достоевскому статей этой рубрики, подписанных криптонимом «Д.», неопровержимо доказывают сохранившиеся фрагменты наборной рукописи (см.: 21: 477).

185 Еще для предыдущего номера В. П. Мещерский просил Достоевского в письме от 2 сентября 1873 г. оставить ему «строк около 600 <…> для маленького рассказа под заглавием “Рассказ застрелившегося…”» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 40). Позднее в письме М. А. Александрову он сообщал, что послал «окончание рассказа для № 40-го» (ИРЛИ. № 29777. Л. 79) — этим окончанием была завершающая часть «Рассказа застрелившегося гимназиста». В 1875 г. «Рассказ застрелившегося гимназиста» вышел отдельным изданием за подписью «К. В. М.» (известный криптоним В. П. Мещерского).

186 В гонорарной росписи редактора: «…за № 38 <…> Данченке 20 <р.> 90 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 308).

187 Криптоним «К» с многоточием и без оного присвоен в «Гражданине» В. П. Мещерскому. На его авторство указывает и характерный для него пафосный стиль, не утруждающий себя аргументацией, с излюбленными словечками князя («когда нет *атома* этого раздражения»).

188 Автор указан в гонорарной росписи: «…за № 38 <…> Наумову 3 р.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 308).

189 Там же: «…за № 38 <…> Пуцыковичу 8 <р.> 19 к.».

190 Там же: «…за № 38 <…> Порецкому 7 <р.> 40 к.».

191 Заметка очень близка юмористическому стилю Достоевского: абсурдность ситуации («по соглашению жены моей… разделить со мною дарованный мне за беспорочную службу пенсион, в количестве 416 руб. 76 коп.») отражается в абсурдной «лебядкинской» речи, сталкивающей поэтизм с канцеляритом («в супружеском ложе, жена мужа может привести в самое нежнейшее положение… что было сделано… она в сладостные единовременные минуты выпросила… при получении, она скрылась»). Ср. в пародии Достоевского на «сладострастные» стихи Вс. Крестовского: «Правда, это в миг прекрасный, / Это в миг любви и неги страстной, / Но зачем так горячо?» — в набросках к «Крокодилу…». Кстати, там же намечен и сюжет, обыгранный в атрибутируемой заметке: «А вот готовлю прошенье, чтобы жену по этапу» (5: 333).

192 В гонорарной ведомости за № 39 Достоевский с опозданием записывает: «Порецкому <…> Ему же за Посл<еднюю> ст<раничку> в 38 № 2 <р.> 10 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 309). Опоздание, вероятно, вызвано тем, что юмористические заметки Порецкого были доставлены после того, как редактор распределил гонорарную плату за № 38. И действительно, две атрибутируемые заметки заверстаны последними. Их отличает, кроме того, характерный для Порецкого благодушный незлобивый юмор. В первой из заметок проявляется также свойственный Порецкому интерес к мелким подробностям из жизни детей, а во второй — столь же привычная для него роль дотошного историка петербургского быта. Возможно, Порецкому принадлежат здесь и еще какие-то заметки (ср.: *Отливанчик. Гонорарная роспись*. С. 64). Предположение *Zohrab* об авторстве всей «Последней странички» этого номера: «Достоевский Ф. М.?, Порецкий А. У.?, Пуцыкович В. Ф.?, Филиппов Т. И.?».

193 См. примеч. 157.

194 «…за № 39 Пуцыковичу 7 <р.> 50 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 309).

195 К. П. Победоносцев в письме Достоевскому от 18 сентября 1873 г. сообщал: «Посылаю вам вещь, на недостаток которой вы как-то жаловались: О б з о р в а ж н е й ш и х у з а к о н е н и й» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 127).

196 В гонорарной росписи: «…за № 39 <…> Порецкому 14 <р.> 85 к.» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 309). См. также: *Отливанчик. Гонорарная роспись.* С. 64. Приписывались Достоевскому «по данным стиля и по общему публицистическому содержанию» первая половина обозрения и ряд последующих абзацев (*Виноградов В. В.* Из анонимного фельетонного наследия Достоевского // Исследования по поэтике и стилистике. С. 192, 196). В академическом 30-томнике эта атрибуция была отвергнута в пользу А. У. Порецкого (см.: 27: 184). Предположение *Zohrab* об авторстве: «Пуцыкович В. Ф., Порецкий А. У.?».

197 См. примеч. 138.

198 Автор цикла «Неизбежные размышления», подписанного «Святослав-Солынский», установлен по письмам В. П. Мещерского Достоевскому. Так, 17 сентября он сообщает, что посылает статью под названием «Кто пьянее, они или мы?» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 40). Это и есть атрибутируемая статья в № 39. В письме от 24 сентября 1873 г.: «сегодня же будет доставлена в типографию для скорейшего набора <…> статья II Неизб<ежных> размышлений» (Там же. С. 41). Имеется в виду вторая часть цикла под этим названием, опубликованная 1 октября в № 40.

199 «Сценки» написаны в духе и в стиле В. П. Мещерского.

200 Обоснование авторства Достоевского см.: 21: 475–477.

201 См. примеч. 157.

202 Текст объявления о подписке на «Гражданин» на 1874 год был составлен вначале Мещерским, а затем, по-видимому, доработан Достоевским. Об этом свидетельствует письмо издателя к редактору около 26 сентября 1873 г. с сообщением, что он отправил объявление в набор с условием «доставить <…> Вам для исправления» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 42). Вероятно, Достоевский сделал текст более сжатым, упругим. Скорее всего, именно ему принадлежит ключевая фраза: «Направление

наше известно. Мы будем следовать ему и разъяснять его неуклонно». Текст объявления с одним дополнением (см. примеч. 217) перепечатывался в других газетах за подписью Достоевского (с 1 октября в «Голосе», с 6 октября в «С.-Петербургских ведомостях», с 8 октября в «Московских ведомостях» и др.).

203 К. П. Победоносцев в записке от 24 сентября 1873 г. сообщал: «Посылаю еще статейку» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 127). Уже по названию статья повторяла прежние публикации Победоносцева в «Гражданине» на эту тему: «Церковь и государство» (№ 17–19), «Борьба государства с церковью в Германии» (№ 34). Ср. далее его же: «Церковные дела в Германии» (1873. № 51; 1874. № 4, 5).

204 Документальное свидетельство авторства Т. И. Филиппова — его письмо Достоевскому от 27 сентября 1873 г.: «Посылаю Вам перевод переписки Синода еллинского королевства с церковным министерством; небольшое предисловие к ней доставлю завтра, а теперь пока пусть набирают <…> P. S. Корректуру прикажите доставить мне» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 153).

205 Автор цитирует стихи И. С. Никитина, поэта мало кому известного, в то время как пропагандистом его творчества активно выступал А. У. Порецкий (ср. примеч. 385). На его авторство указывает также характерная тематика (жизнь провинции, защита почвеннических идей), уравновешенный тон полемики. Обращение автора к воспоминаниям дореформенной жизни указывает на возраст обозревателя, близкий Порецкому. Для него характерно стремление связать разнородные материалы обозрения неким общим, довольно абстрактным мотивом «жизненной струи».

206 Аргументы в пользу принадлежности Достоевскому «Столпов петербургского радикализма» см.: 27: 424–425. К ним следует прибавить, что составляющий заметку придирчивый разбор «по фразам» — один из характерных приемов Достоевского-полемиста. В подстрочных комментариях заметны интонационные признаки стиля Достоевского. Заметны они и в следующей краткой заметке («Нечего сказать, обрадовались! Какая веселость! Сыплют остроумием!»). Косвенное доказательство в пользу принадлежности Достоевскому второй заметки — настойчивая просьба к Страхову прислать обещанные заметки о «словечках» (см. след. примеч.), т. к. они продолжали тему,

начатую в атрибутируемой заметке, — о потугах остроумия, выдающих недалекость самих журналистов.

207 Обе заметки атрибутируются по упоминанию их в письме Достоевского Страхову от 27 сентября 1873 г.: «Вы, верно, *забыли* о двух №, обещанных Вами для “Последней странички” (из газеты: “*наплевать* на этих господ”). А между тем “Последняя страничка” составлена именно ввиду этих 2-х №» (29_1: 304).

208 В письме к Достоевскому (предположительно датируемом 3 октября) Мещерский просил: «Будьте так добры принести сегодня вечером присланные мною Вам 3 анекдота для *Посл<едней> Странички*» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 43). Указанные анекдоты обрамляют стихотворение Апухтина (см. след. примеч.); только Мещерский, в силу близкого знакомства с поэтом, мог прислать в редакцию список этого стихотворения, и, что очевидно, именно этим обстоятельством объясняется его просьба к Достоевскому вернуть оригиналы публикации: Мещерский хранил у себя рукописи апухтинских стихотворений. В «Последней страничке», печатая стихотворение Апухтина, Мещерский увязал с ним свои наброски, что и дает возможность определить их авторскую принадлежность.

209 Стихотворение было известно в списках с начала 60-х гг., входило затем в посмертные сборники стихов А. Н. Апухтина, начиная с изд.: *Апухтин А. Н.* Сочинения. СПб., 1896 (см. также: *Апухтин А. Н.* Полное собрание стихотворений. Л., 1991. С. 411).

210 См. примеч. 208.

211 Объявление, по сравнению с предыдущим номером, стало предельно кратким, «техническим»: «В 1874 году журнал “ГРАЖДАНИН” будет издаваться в том же направлении, в том же объеме и выходить каждую неделю как и в нынешнем 1873 году».

212 Авторство Порецкого указано впоследствии им самим в статье «По поводу вопроса о “провожатых”» (№ 43).

213 Посылая рассказ «одного офицера» (см. след. примеч.) на прочтение Мещерскому, в письме к нему 2 октября 1873 г. Достоевский сообщал, что «подыщет» для этого номера и «другой рассказик, строк в 400 у г-жи Лободы <…> но уже <…> трагического содержания» (29_1: 305). Очевидно, Достоевский собирался поместить здесь рассказ Лободы «Мертвое дитя» (опубликован в № 43), но передумал и заменил другим, более «легким» рассказом того же автора.

214 Автор установлен в статье: *Алексеева Л. В.* Кто скрывается за псевдонимом «Х.»? // *Неизвестный Достоевский*. 2016. № 2. С. 45–53 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1484829929.pdf

215 Принадлежность Мещерскому двух «эпизодов про Напол<еона> III» доказывается письмом князя Достоевскому от 4–6 октября 1873 г. (см.: *Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 44).

216 Судя по «светским» сюжетам, автором мог быть тот же Мещерский.

217 В отличие от двух предыдущих объявлений (в № 40 и 41), данное объявление включает в себя дополнительную вставку В. П. Мещерского. О ней издатель сообщал редактору в письме, датируемом 3 октября: «Вчера отправляя объявление, согрешил на небо и пред Вами, вставив 3 строки: вспомнив, что и Вы сказали о том, что в объявлении недостает указания на нашу главную цель: “русская жизнь”, пробел показался значительный и рука не вздрогнула эти 3 строки прибавить» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 43). Имеются в виду дополнения, сделанные Мещерским к тексту объявления при публикации его 3 октября в «Голосе». Очевидно, Достоевский их принял (беспокойство Мещерского было вызвано тем, что объявление печаталось за подписью Достоевского). Мещерскому принадлежит абзац: «Изучать по мере сил Россию в ее внутренней жизни, исследовать вопросы церкви, вопросы вседневной нашей общественной и семейной жизни, земские дела и крестьянский мир, и в то же время постоянно следить за главными явлениями в современной литературе — такова нами продолжаемая задача». Начиная со следующего номера (43) эта вставка изъята из объявления, как, впрочем, изъяты и фразы, вероятно, принадлежавшие Достоевскому (см. примеч. 202).

218 Криптоним «Св.-Сол-скій» представляет собою сокращение псевдонима «Святославъ-Солынскій», принадлежавшего В. П. Мещерскому (см. примеч. 198).

219 Основания для атрибуции: и тема (необоснованные приговоры присяжных), и ее решение (недоверие к суду присяжных) варьируют уже известные выступления Мещерского. Имеются «сигналы» его стиля: неуклюжие фразы («с чем на душе остались Шеватов и Садовников»), аффектированное построение речи («Слушайте и читайте!», «Но слушайте далее») и «удивительная»

концовка: «*Подсудимый сознается в преступлении! Второй суд присяжных его оправдывает!!*».

220 Статья продолжает развивать государственническую позицию, сформулированную в прежних «хивинских» публикациях Пуцыковича с участием Достоевского (автор на них ссылается). Имеются речевые конструкции, характерные для стиля Достоевского: «этим известиям, хотя бы и в виде корреспонденции сообщенным», «Нельзя не порадоваться и этим, весьма, впрочем, незначительным, сравнительно с трудностями и со стоимостью похода, территориальным приобретениям».

221 В письме к матери от 10 ноября Вс. С. Соловьев сообщал, что «поместил в "Гражданине" несколько маленьких смешных рассказцев» (*Литературное наследство*. Т. 86. С. 433). Содержание некоторых юморесок «Последней странички» в № 42 косвенно указывает на Соловьева — бывшего москвича, недавнего студента (в рубрике дан ряд эпизодов «из московских нравов» и «из мира нашей современной педагогики»).

222 Заметка естественным образом примыкает к циклу иронических выпадов Достоевского в адрес А. А. Краевского (см. примеч. 232), в ней находим придуманную Достоевским формулу «маститый редактор» и пародийную перелицовку названия газеты «Голос» — в «Звук». Заметка была приписана Достоевскому В. В. Виноградовым (Об авторе сатиры на А. А. Краевского и его газету «Голос» // *Русская литература*. 1969. № 3. С. 87), что вызвало опровержение в академическом издании Достоевского: «Редакция считает <…> более вероятным авторство В. Ф. Пуцыковича. <…> Достоевскому-редактору, вероятно, принадлежит лишь ироническое примечание к открывающему заметку слову "Он"…» (27: 184–185).

223 См. примеч. 221.

224 Объявление о подписке начиная с данного номера вновь, как и в № 41 (см. примеч. 211), становится максимально кратким, «техническим». Скорее всего, таково было желание Ф. М. Достоевского — отказаться от широковещательных заявлений. В объявлении прописаны только вопросы, находящиеся в ведении издателя, поэтому его следует считать автором.

225 Криптоним «К…» принадлежит в «Гражданине» В. П. Мещерскому. Очевиден обрывистый стиль князя-публициста. Кроме того, автор обещает вернуться вскоре к разговору «специально о сельском учителе». Это произошло в № 46 в статье «Сельский

учитель», подписанной уже другим криптонимом В. П. Мещерского — «Св. С-скій» (см. о нем примеч. 198, 218). Она, между прочим, начинается словами: «В последней нашей статье мы обещали поговорить о том *чем должен быть сельский учитель*». Князь странным образом не заметил, что две эти статьи печатались под разными псевдонимами.

226 Статья вошла в «Московский сборник» (1896) К. П. Победоносцева. Предположение *Zohrab* об авторстве: «Победоносцев К. П., Достоевский Ф. М.?» (исследовательница полагает, что Достоевский редактировал публикацию Победоносцева, что представляется нам маловероятным).

227 Статья упоминается в письме А. У. Порецкого к Достоевскому от 11 октября 1873 г.: «посылаю статейку, сочиненную вследствие вашего замечания “о необходимости провожатых для девочек”» (*Литературное наследство*. Т. 83. С. 331).

228 Предположение о принадлежности этой и двух последующих рецензий Вс. С. Соловьеву основывается на его сообщении в письме к матери 3 ноября 1873 г. о своей работе в «Гражданине»: «Пока помещаю кой-что, за что приходится мне семь или девять <рублей> в неделю» (*Литературное наследство*. Т. 86. С. 433). Такая сумма гонорара означает, что Соловьев печатал до 3 ноября (т. е. в № 43, 44) приблизительно 140–180 строк в неделю. Скорее всего, это были анонимные рецензии в разделе «Критика и библиография». Их тематика, кстати говоря, соответствует характеру интересов Вс. С. Соловьева (история, педагогика, право), отличавшемуся некоторой всеядностью. Рецензии Соловьева как в «Гражданине», так и потом, когда он будет печататься в «С.-Петербургских ведомостях» и «Русском мире», отличаются легким, но поверхностным пересказом содержания.

229 См. примеч. 228.

230 См. примеч. 228.

231 В. Р. Зотов в письме к Достоевскому от 16 октября 1873 г.: «И. Н. Березин просил меня <…> написать несколько строк о его *Словаре*, которые, по словам его, обещали поместить в “Гражданине”. Поэтому посылаю Вам небольшую статейку…» (РГБ. Ф. 93.II.5.21. Л. 1).

232 В. В. Виноградов предположительно приписал эту «сцену» Достоевскому (см.: *Русская литература*. 1969. № 3. С. 87–88), но не привел никаких доказательств, кроме интуитивной догадки об

идейной и стилистической связи «сцены» с другими сатирами Достоевского на А. А. Краевского. По этой причине редакция 30-томного собрания сочинений Достоевского имела все основания отвергнуть предположения ученого, правда, добавив: «вопрос требует дальнейшего изучения» (27: 185). На наш взгляд, имеются неопровержимые аргументы в пользу авторства Достоевского. «Сцена» написана в форме пародийного диалога известных журналистов, которую Достоевский хорошо освоил еще в 60-х годах. В том числе — разговор в «редакционной кухне» «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» (1864), где писатель пустил в ход пародийную идиому: «Можно <…> не говорить: "Лайте!", а можно сказать: "Издавайте звуки"» (20: 107). Далее в той же статье 1864 г. идиома «издавать звуки» повторяется в разных сочетаниях 14 раз (!). Через четыре месяца в том же 1864 г. в фельетоне «Каламбуры в жизни и в литературе» Достоевский изобретает новый каламбур, теперь уже по поводу Краевского, издателя новой газеты «Голос»: он издает голос и издает «Голос». «…Выходит теперь, что Андрей Александрович издает оба свои голоса в ущерб русской литературе» (20: 138). Нетрудно заметить, что в интересующей нас «сцене» 1873 г. каламбур, изобретенный Достоевским в 1864 г., вновь направлен против Краевского, «маститого редактора» газеты «Звук»: «… звук могут издавать и ослы». Более того, один из сотрудников тонко намекает на это обстоятельство: «Теперь этого уж никак не посмеют написать-то! Было, было время, когда еще это можно было сказать, только это время давно прошло-с». В «сцене» со знанием дела высмеяны повадки «маститого редактора» А. А. Краевского. В редакции «Гражданина» только двое — Достоевский и А. У. Порецкий — были когда-то, по «Отечественным запискам» сороковых годов, посвящены в его издательскую кухню. В «сцене» «маститый редактор» изрекает: «Нумера прискучили <…> Надобно подживить. Ну там известьица… Научки… Какой-нибудь там отдельчик… Повестца…». В записной тетради Достоевского 1876–1877 гг. находим: «У нас не науки, а до сих пор все еще "научки", как говаривал в старину один редактор, издатель ежемесячного журнала <…>: "Ну вот повестица, ну там критичка, ну «научки» тоже — вот и номерок составился — хе-хе-хе…"» (24: 246). В академическом издании

Достоевского (см.: 24: 479) эта запись неверно толкуется как выпад против Некрасова. Имеется в виду именно Краевский (доказательства см. в статье: *Викторович В. А.* Дополнения к комментарию // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. Л., 1991. С. 160–161). Любопытно, что словцо «научки» Достоевский обыграет и в своей статье «Одна из современных фальшей», напечатанной в «Гражданине» через полтора месяца после «Сцены в редакции» (см.: 21: 129). Весною или в начале лета 1873 г. Достоевский наметил в записной книжке: «Статья: *"Газета «Голос»"*, готовиться всё лето (перед подпиской)» (21: 262). Статьи с таким названием Достоевский не написал, но сатирическая «Сцена в редакции» выполняла намеченную им задачу, выйдя именно «перед подпиской». В записной тетради Достоевского 1873 г. мы находим подготовительные наброски, дословно совпадающие с некоторыми местами «Сцены в редакции», что, на наш взгляд, является весомым доказательством при атрибуции. В записной книжке Достоевского: «Есть и теперь р<усские> писатели, которые, несмотря на несомненное дарование их, построили себе литературой дома» (21: 257; текст уточнен по рукописи: РГАЛИ. Ф. 212.1.11. Л. 5). Ср. в «Сцене»: «…есть и теперь русские писатели, которые, несмотря уже на несомненное дарование, литературой дома себе нажили!». В кого целит этот эпизод, раскрывает упоминание в статье Достоевского «Молодое перо» (1863): «…таланты здесь изображены под видом домов, что употребляется в литературе (см. дом Краевского на Литейной и дом Старчевского на Мойке)» (20: 80). Позднее к ним прибавился дом Г. Е. Благосветлова, также известного редактора и издателя. В записной книжке: «Идеи у вас нет» (21: 301). В «Сцене»: «Вот тоже у нас нет идей. У всех идеи, у нас нет идей». (Тема эта использована Достоевским чуть раньше в фельетоне «Полписьма "одного лица"»). В «сцене» получили отражение некоторые традиционные мотивы Достоевского-сатирика. Так, в той же записной книжке: «Кто же не знает, что ты ругаешь газету-соперницу, потому что боишься, не отобьют ли твоих подписчиков» (21: 301). Или вот слова «опытного сотрудника», что «писать загадками выгоднее», потому что читатель «поневоле и подумает: Эх, сколько у них там идеищ-то запрятано, только высказаться-то бедненьким не дают». Ср. заметку Достоевского к статье о нравах современной журналистики: «Полная свобода

прессы необходима, иначе до сих пор дается право дрянным людишкам (умишкам) не высказываться и оставлять слово с намеком: дескать, пострадаем. <…> Предполагается добрым читателем, что вот в том-то, что они не высказали, и заключаются перлы» (21: 266). Можно привести иные, более мелкие совпадения (например, огласовка слова «пселдоним», намекающая на героя «Скверного анекдота» Пселдонимова), но и приведенных достаточно для уверенного атрибутирования «Сцены в редакции».

233 См. примеч. 224.

234 В статье очевидны тематика, идеи и стиль А. У. Порецкого. Это прежде всего обозрение происходящего в провинции (входившее в его обязанность по редакции), защита беллетристики сороковых годов от нападок современных «абреков» (крайних западников и радикалов), сердечные слова в поддержку частной благотворительности, идея социального мира.

235 И. Ю. Некрасов в письме Достоевскому от 24 октября 1873 г.: «Я вчера послал Вам Московские заметки». Объясняет свою полемику с «Голосом», содержащуюся в этих заметках (ИРЛИ. Р. I.6.139. Л. 7–8).

236 На авторство Победоносцева указывает его письмо к Достоевскому от 23 октября 1873 г.: «Посылаю прилагаемую вещь. Но еще раз, и в особенности по поводу этой вещи, прошу наблюсти величайшее молчание относительно автора. Это очень для меня существенно» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 127). Достоевский в ответном письме в тот же день обещал соблюсти строгую конфиденциальность (см.: 29_1: 306), которая была важна Победоносцеву, обвинявшему своих коллег-юристов в празднословии.

237 Автор указан в редакционном примечании к заголовку («Из бумаг покойного Василия Ивановича Кельсиева») и в окончании статьи, опубликованном в следующем номере.

238 Авторство Страхова подтверждено его письмом Достоевскому от 23 октября 1873 г.: «Попробую на минутку зайти к Вам в четверг (25 октября, за 4 дня до выхода № 44. — *В. В.*), в 4-м часу. <…> принесу еще *два* листика — конец библиографии. Теперь посылаю Вам начало, — больше, чем думал» (*Русская литература*. 1984. № 2. С. 165). В духе Страхова — однозначно положительное

восприятие работы Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», выраженное в отзыве на книгу Р. Фадеева. Сдержанно-позитивная оценка книги А. Д. Градовского «Национальный вопрос в истории и в литературе» также соответствует известным высказываниям Страхова, см. особенно его письмо Н. Я. Данилевскому от 11 июня 1873 г.: «И от Александра Дмитриевича [Градовского] пришлю книжку *Национальный вопрос*. Главная мысль <…> ваша, Николай Яковлевич, но он радуется как собственному открытию <…> Градовский лавирует и не хочет раздражать публику» (*Русский вестник*. 1901. № 1. С. 129–130). Наконец, в духе Страхова и отрицательная характеристика философии Гартмана, четко выраженная в отзыве на «Сущность мирового процесса, или философию бессознательного». Такая характеристика, кстати, бегло высказывалась Страховым в «Гражданине» и прежде, в «Заметках о текущей литературе» (1873. № 20; материал подписан Страховым). Есть даже дословное соответствие: «Гартман очевидно опошлил взгляды Шопенгауэра» — «…пошлый, холодно-печальный Гартман» («Заметки о текущей литературе»).

239 Атрибутируется по упоминанию в письме Мещерского к Достоевскому от 24 октября 1873 г.: «…не мог ничего приготовить кроме последней странички, посланной мною в типографию, в размере не более 200 строк…» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 45). Очевидно, Мещерскому принадлежат все заметки в этой рубрике (общим объемом 140 строк), исключая «воспоминания студента» (см. след. примеч.).

240 Вс. С. Соловьев сообщал в письме к матери от 10 ноября 1873 г.: «“Воспоминания студента” также принадлежат мне; меня уговорил их написать Достоевский по одному случаю» (*Литературное наследство*. Т. 86. С. 433).

241 См. примеч. 224.

242 О данном псевдониме см. примеч. 198, 218.

243 К. П. Победоносцев в письме к Достоевскому от 30 октября 1873 г. сообщает, что передал Мещерскому «статью очень любопытную об автобиографии Милля». Просит «если возможно, не ставить ее в рубрику “Критика и библиография”», где она «мало заметна будет для читателей» (*Литературное наследство*. Т. 15. С. 128). В этой связи Мещерский писал Достоевскому 1–3 ноября: «Статью о *воспитании* по поводу *Милля ни в каком случае* не могу

согласиться пустить иначе как *второю*. Участие К. П. <Победоносцева> для нас слишком большая честь и услуга <…> и притом повторяю, это желание автора — деликатно выраженное!» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 45).

244 «Санкт-Петербургские ведомости» 31 октября 1873 г. задали своему сопернику коварный вопрос: на каком основании «Гражданин» в рекламных объявлениях предлагает льготную подписку для крестьянских волостных правлений? Одно из двух, уверяла газета: или «Гражданин» рассчитывает, что крестьянские сходы как высший и правомочный на то волостной орган дружно присудят раскошелиться на газету из своих, без того мизерных, мирских сумм, или расчет делается на злоупотребление писарей, оформляющих себе подписку на крестьянские деньги. Особенное коварство этого выпада заключалось в том, что подозрение падало на подготовленную почву: ни для кого не было секретом, что фактическим издателем «Гражданина» был князь В. П. Мещерский, особо приближенный к «малому двору» наследника престола, его личный друг. В этом контексте подозрение в покровительстве казалось более чем небезосновательным. Как о чем-то известном, «Ведомости» намекали: «Положим, что “Гражданин” не усомнился обращаться к пособию администрации для своего распространения между чиновниками, но зачем же идти дальше и простирать руку к мирским суммам?». Подозрительное пятно ложилось и на издание, и на редактора. Вот почему Достоевский не мог остаться в стороне. События развивались следующим образом. Прочитав обвинение «С.-Петербургских ведомостей», Достоевский в тот же день пишет Мещерскому о необходимости срочного ответа. Мещерский предлагает: «Ответ “Пет<ербургским> ведом<остям>” помещу в 10 строках в “Петербур<г>ско<м> обозрении”. Это проще» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 46). Присланная им отповедь тем не менее редактора не устраивает, и он предлагает взамен свой вариант: «Вместо насмешливого тона не лучше ли спокойный, ясный? <…> А потому и посылаю Вам мой ответ. Тут включено кой-что из Вашего <…>. Если найдете нужным — поправьте, ради Бога». Достоевский предлагает «*на первый случай*» обойтись с обидчиком «как можно мягче» (29_1: 306–307). Хотя Мещерский и не согласился с редактором («…Не понимаю, признаюсь, Вашей деликатности к *подлой* выходке “С<анкт->

Петерб<ургских> вед<омостей>”» — *Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 47), компромисс был найден. Новая — коллективная — «обделка» устроила Достоевского, и таким образом появилась на свет данная заметка. Исходя из приведенных выше документальных данных (переписка Мещерского с Достоевским) «Ответ на запрос» следует отнести к коллективному творчеству Достоевского и Мещерского. А. С. Долинин в примечаниях к третьему тому писем Достоевского утверждал, хотя и очень осторожно, что в данном «Петербургском обозрении» «имеются поправки, может быть и вставки, Достоевского» (*Достоевский Ф. М.* Письма. Т. III. М.; Л., 1934. С. 315). Однако его точка зрения не была принята в академическом издании писателя. Действительно, не так просто определить, что принадлежит одному автору, а что другому, хотя общий тон — не бранчливый, а «спокойный, ясный», т. е. именно такой, на каком настаивал Достоевский, — свидетельствует о его приоритете в этой статье. Ее концовка: «Уверяем (серьезно, не смеясь), что “покровителей” мы не имеем», — и по стилю, и по достоинству указывает на позицию, отстаиваемую Достоевским и в более ранних, и в более поздних случаях, когда писатель оказывался обвиненным в сервилизме.

245 Инициал «П.» указан в «Подробном обозначении содержания 52 №№ “Гражданина” за 1873 г.». Сама статья напечатана в № 45 без подписи. А. У. Порецкий в письме к Достоевскому от 31 октября 1873 г. сообщал: «Препровождаемую статейку я намерен был вручить Вам лично сегодня (то есть в среду) у кн<язя> Вл<адимира> Петр<овича Мещерского>, но помешало нездоровье…» (ИРЛИ. № 29821. Л. 5). Мещерский в расчете за 45 номер (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 48) оценивает статью «Неоцененное побуждение» по 4 к. за строку (Достоевский в аналогичном случае насчитывал Порецкому по 5 к. — см. примеч. 175). Прекрасное знание Гоголя и тонкое понимание гоголевского слова отличали А. У. Порецкого, рассудительно-спокойный тон статьи также в его духе.

246 И. Ю. Некрасов в письме к Достоевскому от 20 ноября 1873 г. просит «не выдавать» его за рассказы «о двух курьезах из жизни школ Влад<имирской> губернии (послед<няя> страничка). Эти рассказы произвели переполох» и «строжайшее разыскание»,

отряженное министром народного просвещения (ИРЛИ. Р. I.6.139. Л. 11).

247 См. примеч. 224.

248 В. П. Мещерский в письме к Достоевскому от 9 ноября 1873 г.: «Я просил *"Сельск<ого> учит<еля>"* поместить в начале, статья эта имеет <…> характер *передовой*» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 49).

249 Описанный эпизод происходит в селе Ошейкине Волоколамского уезда Московской губернии. Именно там в родовой усадьбе в это время отдыхал В. П. Мещерский. В заметке ощутим его своеобразный стиль.

250 Статья имеет свое продолжение под названием «Из Вены» (№ 50), где стоит более прозрачный криптоним «И. Л—съ», которым подписывалась И. Л. Ласкос. Ее участие в издании было отмечено в некрологе «Гражданина» (1877. 22 мая. № 20. С. 493–494).

251 См. примеч. 69.

252 Вс. С. Соловьев в письме к матери от 10 ноября 1873 г.: «В следующем номере будет также мое стихотворение» (*Литературное наследство*. Т. 86. С. 434). Сохранился автограф стихотворения с правкой Достоевского. Заглавие и подпись «Вс. С—въ» там поставлены рукой Достоевского (см.: РГБ. Ф. 93.II.8.122. Л. 4–4 об.).

253 См. примеч. 89. См. также: *Летопись*. С. 391 (8 июля): письмо уезжающей в Уфимскую губернию Папковой к Достоевскому, с присылкой этого стихотворения (РГБ. Ф. 93.II.7.67. Л. 1–2).

254 См. примеч. 228.

255 См. примеч. 228.

256 См. примеч. 228.

257 См. примеч. 228.

258 Сатира на светские нравы в «Гражданине» — прерогатива В. П. Мещерского, однако приметы его стиля не заметны. Основанием для атрибуции В. Ф. Пуцыковичу послужило его письмо редактору от 23 октября 1873 г.: «Из возвращенной моей статьи я усматриваю, что она <…> была уже назначена к печати. Ввиду этого я возвращаю ее Вам с просьбою поместить» (ИРЛИ. № 29828. Л. 9). Из ближайших публикаций наиболее вероятна атрибутируемая. Псевдоним «D—r», возможно, также указывает на Пуцыковича, единственного в редакции имевшего степень доктора наук. В карикатурном изображении угадывается автор «Физиологии нервной системы» И. М. Сеченов (а «один из значительных

отечественных городов проездом в Крым» — Одесса, где тогда жил знаменитый ученый). Впрочем, авторство Вс. С. Соловьева также нельзя исключить.

259 Осмеяние великосветских персонажей и «пустоголовых нигилистов», которых «мужички» ставят на место, указывает на авторство Мещерского, как и выражения «из мира» (то «кладбищ», то «адвокатов»), «прочитано и записано» / «услышано и записано», «не дурно». Выписка из документа времен Крымской войны могла быть сделана Мещерским, причастным к подготовке издания: *Дубровин Н. Ф.* Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: в 5 т. СПб., 1871–1874 (см.: *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу 1869–1878. М., 2014. С. 486, 614). Также повторяющийся у Мещерского мотив: «сколько бы голодных семейств в Самаре можно было накормить целую зиму теми цветами по которым ходила <…> г-жа Патти» (ср. сатирические миниатюры об «обожателях» г-жи Патти в «Последней страничке» № 6 «Гражданина» 1874 г.).

260 См. примеч. 259.

261 См. примеч. 259.

262 См. примеч. 224. Добавлено объявление о пересылке денег в пользу голодающих Самарской губернии, а также: «С № 48-го 26-го ноября начнется печатание **романа** <В. П. Мещерского> **“ЖЕНЩИНЫ”**. Хроника иностранных событий отлагается до следующего нумера». Последнее, очевидно, связано с предстоящим отказом Достоевского от авторства «Иностранных событий».

263 Принадлежность статьи К. П. Победоносцеву определяется близостью ее к циклу статей этого автора в «Гражданине» на тему «церковь и государство». В статье четко обозначена позиция Победоносцева, отстаиваемая им в «Гражданине», что православная церковь в России не должна устраняться от дел государственной важности. Автор статьи смело провозглашает: «дух своей жизни народ черпает все-таки только в церкви». Мысль эта была краеугольной для Победоносцева. Характерна для него жестко-логическая (несколько тяжеловесная) последовательность в развертывании авторских доводов («Узаконение этого принципа будет иметь значение узаконения принципа равнодушия церкви к народному образованию, а узаконение этого

принципа может повлечь за собою начало обособления жизни народа от церкви вследствие взаимного равнодушия»).

264 Публикация является прямым продолжением статьи В. П. Мещерского «Сельский учитель» из предыдущего номера журнала. Очевидны стилистические несообразности Мещерского: «выскочило из избы несколько детей, с криками самого задушевного детского веселья», «Ванька стоял перед судьею с большими черными глазами на старика устремленными», «и здесь напал на неожиданность». Довольно типичный пример ролевой публицистики князя, в данном случае подправленной «умилительной» квазинародностью обильной прямой речи.

265 См. примеч. 69.

266 Хорошее знание недавней истории литературы свойственно А. У. Порецкому, что позволило ему в данном случае уличить В. П. Буренина (Z.) в невежестве и в плагиате (Достоевский, другой такой же знаток в «Гражданине», вряд ли вникал в библиографические тонкости, в отличие от Порецкого). Обозреватель защищает приоритет Н. Н. Страхова, своего давнего соратника, чье безусловное почитание творчества Л. Н. Толстого он всецело разделял (опять же в отличие от «докаренинского» Достоевского, подшучивавшего над фанатичностью своих приятелей). Проявленное в обозрении знание Гоголя даже в мелочах — еще один «конек» Порецкого. В заметках нелитературного характера отчетливо проявляется свойственная ему горячая защита «темных людей», крестьян, обижаемых сильными мира сего. Одна из заметок («Говорят, что когда мы пускались подражать западным литературным образцам…») приписана Достоевскому Л. П. Гроссманом (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 23 т. Т. 22. Пг., 1918. С. 263, 272–273), что вызвало возражения Б. В. Томашевского (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. худож. произв. Т. 13. С. 614). Составители академического издания Достоевского предположили, что поскольку в одной из заметок обозреватель уличает сотрудника «С.-Петербургских ведомостей» в заимствовании из статьи Н. Н. Страхова, то последний и является автором данной заметки, а заодно и всего обозрения (см.: 27: 185). Непонятно, почему право вступиться за товарища было отнято у Порецкого (а ему-то и были свойственны такие поступки). Предположение *Zohrab* об авторстве: «Достоевский Ф. М.?, Страхов Н. Н.?, Порецкий А. У.».

267 Судя по характеру юмора (довольно плоского) автором большей части сюжетов мог быть В. П. Мещерский. Типичны для него указание «слышано и записано», многословие и повторы, риторические вопросы и восклицания («Кто бы вы думали, читатель?», «O tempora, o mores!»). Достоевскому может принадлежать нечаемое умозаключение «он никогда *не умирал*, и следовательно продолжает быть веселого нрава!». Предположение *Zohrab* об авторстве всей «Последней странички»: «Достоевский Ф. М.?».

268 Скорее всего, Достоевскому принадлежит указание на такой изъян национального характера, как приноравливание к чужому мнению: «Из-за какой глупости способен русский человек потерять достоинство?». Вся сценка в книжной лавке Попова подтверждает его недавнее наблюдение: «…мы все стыдимся самих себя. Действительно, всякий из нас носит в себе чуть ли не прирожденный стыд за себя и за свое собственное лицо, и, чуть в обществе, все русские люди тотчас же стараются поскорее и во что бы ни стало каждый показаться непременно чем-то другим, но только не тем, чем он есть в самом деле, каждый спешит принять совсем другое лицо», в «подлом самоотрицании», «конвульсивном и непреоборимом», желая казаться «*не глупее никого*» (21: 119, 120).

269 К чисто «техническому» сообщению о подписке на 1874 год прибавлено: «Первые 2000 подписчиков на 1874 год получат в течение января будущего года от редакции безвозмездно лучший из снимков памятника Екатерины II во время церемонии освящения». Автором такого объявления мог быть только владелец «Гражданина» В. П. Мещерский.

270 На авторство Победоносцева указывает криптоним, в большинстве случаев принадлежащий в журнале именно ему. Ощутим публицистический стиль Победоносцева.

271 «В. П—чъ» (как и «В—ръ П—чъ») — криптоним В. Ф. Пуцыковича. Впоследствии на переход этой рубрики (после окончательного отказа от нее Достоевского) к Пуцыковичу указывают его письма к редактору 2 марта 1874 г.: «…для полит<ического> обозрения есть много места. Но это обозрение, как Вам известно, мною не изготовлено ввиду предполагавшегося недостатка места» (ИРЛИ. № 29828. Л. 13); 10 апреля 1874 г.: «У меня будет *лишь* иностр<анное> обозрение» (Там же. Л. 16).

272 И. Ю. Некрасов в письме к Достоевскому от 20 ноября 1873 г.: «Извините, что мало заметок прислал. К следующему разу будет больше, но я несколько расстроен смертью Беляева» (ИРЛИ. Р. I.6.139. Л. 11). Действительно, обозрение «Из Москвы» вышло в этом номере в уменьшенном, против обычного, размере. В нем также идет речь о смерти И. Д. Беляева.

273 Роман, начиная с № 15 1874 г., стал печататься за подписью «К. В. М.», сохранившейся и в отдельных изданиях, вышедших под названием «Женщины из петербургского большого света» (СПб., 1874; 1875; 1879). «К. В. М.» — широко известный впоследствии криптоним В. П. Мещерского.

274 Предположение об авторстве А. Н. Майкова основано на близости данного криптонима другому майковскому («А. М.», см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов… Т. 1. С. 49), а также на тематических (архитектура — сфера его интересов) и стилистических особенностях заметки. Характерно акцентирование элементов апостольского служения в человеческом характере (см. его статью и стихи о П. М. Цейдлере в № 9).

275 Подпись «Правовед» может указывать как на К. П. Победоносцева, так и на В. П. Мещерского, выпускников Императорского училища правоведения. Ряд деталей указывает на авторство второго. Так, имеется очень близкая тематическая параллель между атрибутируемой заметкой и начальным фрагментом статьи второй цикла «Письма хорошенькой женщины» (*Гр.* 1874. № 7), достоверно принадлежащей Мещерскому. В «Письмах хорошенькой женщины»: «…правовед *девятнадцати* лет получающий аттестат *зрелости* ума, как право на поднятие носа; лицеист с pince-nez, или одноглазкою, с надушенным платком и узкими *невыразимыми*, выходящий из Александровского лицея с девятым каким-то классом только потому, что не будь он в лицее, он заслужил бы двенадцатый <…>. И все они вместе, и каждый отдельно, да простят они мне это дерзкое слово, не составляют ли в итоге *ничто!*». В этом пассаже в сатирически заостренной форме обыгрывается основная мысль заметки «Студент, лицеист и правовед». Общая ее идея сродни сетованиям Мещерского относительно дефицита «отлично образованных» чиновников и офицеров. К приметам его индивидуальной речи можно отнести излюбленное им выражение «**безусловно честные**…

люди» или слово «мир» в не очень подходящем сочетании «учебный мир министерства народного просвещения».

276 Заметки о Екатерине II (в основном это выписки из исторических источников) мог представить плотно сотрудничавший с редакцией Вс. С. Соловьев. Он в то время начал собирать материалы по истории XVIII века, использованные затем в его исторических романах. Предположение *Zohrab* об авторстве: «Победоносцев К. П.?».

277 См. примеч. 269. Прибавлено также: «Во избежание переписки Редакция сим заявляет что **на обмен в 1874 году**, как с изданиями уже приславшими свои предложения, так **и с имеющими их прислать** (не исключая и провинциальных изданий) — **она согласна**».

278 Разбираемый в статье вопрос (о возможности допуска в армию «вольноопределяющимися» выпускников уездных и городских училищ, с последующей выслугой в офицерский чин) был в конце 1873 г. в сфере внимания В. П. Мещерского. В его «Петербургском обозрении» в ближайшем, 50-м, номере «Гражданина» есть сообщение: «В следующем заседании (общего собрания Государственного совета. — *В. В.*) во вторник, ожидают, как слышно, решения вопроса о том, будут ли допущены выдержавшие курс в уездных и городских училищах к званию вольноопределяющихся и офицерству, или не будут?». К этому вопросу Мещерский возвращается и в «Петербургском обозрении» в № 51. В статье имеется характерный для Мещерского нажим на слово «серьезный («новая военная служба, столь серьезная по своему смыслу и духу», «дело столь серьезное и столь святое»), его стилистические несуразности: «что́ такое жизнь немца в ее цельности и в связи с тысячью чертами всего ее строя». Более всех в «Гражданине» свойственно именно Мещерскому сетование на цинизм и «извращение мыслей в верхних слоях общества».

279 См. примеч. 271.

280 В «Петербургском обозрении», которое вел В. П. Мещерский, выделяется эпизод заседания петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения. И по содержанию (дискуссия о. Васильева с Т. И. Филипповым), и по стилю эта часть обозрения, скорее всего, принадлежит Т. И. Филиппову.

281 Криптоним «Z Z.» в «Гражданине» принадлежал только К. П. Победоносцеву. См. в воспоминаниях корректора «Гражданина»:

«Но больше всего донимал меня Федор Михайлович за недосмотры мои в статьях, подписанных таинственными инициалами “Z Z”, принадлежавших перу высокопоставленного законоведа-администратора» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 154).

282 Кроме криптонима В. Ф. Пуцыковича на его авторство указывает также тот факт, что проблема адвокатуры — его постоянная тема в «Гражданине».

283 Криптоним «К» (видимо, от «князь») присвоен в «Гражданине» В. П. Мещерскому. Рецензия развивает суждения о пьесе и ее восприятии зрителями, высказанными В. П. Мещерским в «Петербургском обозрении» в том же номере.

284 См. примеч. 272. Заметка о похоронах И. Д. Беляева была выслана И. Ю. Некрасовым Достоевскому при сопроводительном письме 28 ноября 1873 г. (см.: ИРЛИ. Р. I.6.139. Л. 13).

285 Обозрение составлено по материалам провинциальных газет, что в «Гражданине» было в компетенции А. У. Порецкого. Также прослеживается свойственный ему глубокий интерес и сочувствие крестьянству, осмеиваемым «головотяпам».

286 Криптоним «П» в «Гражданине» использовал только А. У. Порецкий. Тем не менее было высказано предположение об авторском участии Ф. М. Достоевского (см.: *Отливанчик А. В.* Достоевский — соавтор А. У. Порецкого и В. Ф. Пуцыковича в «Гражданине»: опыт атрибуции // Неизвестный Достоевский. 2016. № 2. С. 4–14 [Электронный ресурс]. URL: http://unknowndostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449575.pdf).

287 Передача разговоров, услышанных «в гостиной» и на петербургских улицах (ср. две юморески ниже в этой же рубрике) — излюбленный жанр Мещерского, с обязательным указанием «с натуры». Очевидна параллель сюжета о Дюма с «Петербургским обозрением» Мещерского в № 3 1874 г. (с. 69). В обоих случаях путешествующий французский романист выставлен комичным чудаком, ничего не понимающим в России. Не вполне адекватное употребление слова «мир» сигнализирует о лексических предпочтениях Мещерского.

288 Московский анекдот, возможно, от московского обозревателя И. Ю. Некрасова, хотя не исключено авторство того же Мещерского.

289 В духе Мещерского — шуточки о нюансах «французского разговора». Юмореска о детских книжках на мудреном языке продолжает тему, поднятую князем в статье «Нечто о детях. Размышления по поводу детской литературы» (см.: *Гр.* 1873. 21 мая. № 21). Сюжет «голоден был, ну и украл» варьирует заезженный мотив Мещерского.

290 Объявление об отчислении редакцией средств в пользу голодающих и о подписке (сведено к просьбе о заблаговременном ее оформлении) входит в компетенцию издателя.

291 Статья носит редакционный характер, ее заключает предложение к подписчикам «Гражданина» «уделить частицу *праздничных денег*» на помощь голодающим самарцам и присылать их на адрес редакции: «мы немедленно отправим деньги по назначению, приняв все расходы на свой счет», а также «мы испрашиваем разрешение поставить кружку в пользу голодающих у дверей редакции». Такие заявления могли принадлежать лишь фактическому издателю В. П. Мещерскому. Критика в адрес московского дворянства, устроившего благотворительный бал, написана с хорошим знанием светского быта, что подтверждает авторство Мещерского. Предположение *Zohrab* об авторстве: «Мещерский В. П., Достоевский Ф. М.?».

292 Такую хронику обычно составлял Пуцыкович. Предположение *Zohrab* об авторстве: «Пуцыкович В. Ф., Достоевский Ф. М.?».

293 Подпись «Н. Страховъ», очевидно, стоит под двумя статьями: данной рецензией, довольно обширной и принципиальной, и под следующей за нею небольшой заметкой о трагедии Лассаля. На авторство Страхова также указывает завершающая статью апология критики А. А. Григорьева.

294 Из всех известных рецензентов «Гражданина» криптоним «А. Н.» подходит только А. Наумову (печатался в «Критике и библиографии» № 37 и 38 «Гражданина» 1873 г.). Судя по его отзыву на «Отчет рижского православного Петропавловского братства…» в № 38 (почти весь отзыв посвящен деятельности русско-эстолатышского училища Петропавловского братства), педагогические вопросы этого рецензента интересовали. Возможно, это Александр Михайлович Наумов (1835–1879), упомянутый в «Русском биографическом словаре» под редакцией А. А. Половцова.

295 Собраны известия о помощи голодающим из газет, в том числе провинциальных, что заставляет предположить авторство

А. У. Порецкого. Предположение *Zohrab*: «Пуцыкович В. Ф., Достоевский Ф. М.?».

296 В рубрике 12 юморесок, четыре из них атрибутируются достаточно уверенно. Вторая («Что думал Он, редактор газеты “Звук”») — Достоевскому, поскольку написана в духе его сатир на издателя «Голоса» (в данном случае выражения: «маститый редактор», газета «Звук»). Скорее всего, ему же принадлежит десятая «*Что подумал г. Костомаров глядя на памятник.* “Хорошто он хорош, да Екатерина-то существовала ли?”», возвращавшая к полемике с псевдоисторическими «разоблачениями» Костомарова, которой очень интересовался Достоевский (см.: *Викторович В. А.* О двух историко-публицистических замыслах Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 6. Л., 1985. С. 137–148). Шестая («Что сказал в клубе генерал Штанов») принадлежит Мещерскому по упомянутому в ней персонажу: *генерал Штанов* уже фигурировал у Мещерского в «Фельетоне» (*Гр.* 1872. № 27). Случай в Московском окружном суде, описанный в 12-й юмореске, будет вновь разобран Мещерским в статье «Украл с голоду» (*Гр.* 1874. № 6). Юмореска «Что думал Он, редактор газеты “Звук”» была приписана Достоевскому В. В. Виноградовым (Об авторе сатиры на А. А. Краевского и его газету «Голос» // *Русская литература*. 1969. № 3. С. 87). Обтекаемое решение было предложено в академическом издании Достоевского: «Так как нет оснований ни выделять из состава фельетона, имеющего цельный характер, заметку “Что думал Он” и атрибутировать Достоевскому ее одну, ни приписывать ему весь фельетон, более вероятно считать его продуктом коллективного творчества, где Достоевскому в лучшем случае могла принадлежать известная доля участия» (27: 185).

297 Все предложения подписчикам могут исходить только от издателя.

298 Статья представляет собой панегирик русскому дворянству, в ней сквозит обида публициста-аристократа на то, что в связи с предстоящей реформой «дворянство утрачивает свое последнее право» (привилегию быть изъятым от обязательной военной службы). Указанный мотив находит отражение и в позднейших «Моих воспоминаниях» Мещерского, где повествуется о введении военной реформы: «…от некоторых дворянств стали поступать <…> адреса по случаю всеобщей воинской повинности.

Помню, что тогда даже и в придворных сферах нашлись скептики, приходившие в удивление от благодарственных адресов дворянства за всеобщую воинскую повинность, его сравнившую со всеми другими сословиями. Эти удивленные скептики говорили и, мне кажется, не без основания, что можно понять готовность дворянства, ввиду государственной обороны, подчиниться этому новому закону, но за что благодарить, — это понять трудно»; «1874 год начался длинным манифестом о введении всеобщей воинской повинности <…> Все говорили о военном принципе равенства всех под знаменами, <…> никто и пикнуть не смел о том, что в сей день, 3 января 1874 года, уничтожалось одно из главных прав русского дворянства» (*Мещерский В. П.* Мои воспоминания. Ч. II. СПб., 1898. С. 140–141, 233). Стиль статьи — образчик торжественного стиля Мещерского: «…дух русского народа и дух русского дворянства дали нам Екатерининскую эпоху, эпопею двенадцатого года и севастопольскую защиту. Неужели дух всесословной интеллигенции в русской армии даст что-либо лучшее? Дай-то Бог! Что-то не верится». Огромное множество восклицательных предложений; «неэкономное» (как почти всегда у Мещерского) расходование языковых средств. Характерные обороты «нам кажется», «думается нам», «так сказать»; конструкции типа «что-то благородное, что-то твердое, что-то несомненно русское», «что-то недоброе» и т. д.

299 Компиляция из газетных сообщений, как и в предыдущем номере, вероятно, составлена А. У. Порецким.

300 Последний абзац обозрения (от слов «Но чтобы обедом не кончить обозрение…» до конца) повествует о заседании Общества любителей духовного просвещения от 4 декабря 1873 г. по вопросу о единоверии. Автором, скорее всего, был участник этого заседания Т. И. Филиппов, однако первая фраза, процитированная выше, могла быть вписана только редактором, знающим предыдущий текст обозрения. Филиппов именуется «нашим почтенным сотрудником», сам себя он вряд ли мог бы так величать. Филиппову также не подходит стиль (слишком энергичный и образный для него): «…опять пришлось нашему почтенному сотруднику, Т. И. Филиппову, быть под огнем трехчасовых на него выстрелов»; «чтение г. Нильского <…>

направлялось очевидно к тому, чтобы входя грудой частных вопросов в состав состязания, загромоздить дорогу, ведущую к решению основных тем г. Филиппова»; «Еще немного, и профессор Нильский назвал бы г. Филиппова еретиком!». Абзац или написан в соавторстве Филиппова и Достоевского (обычная для них практика) или отредактирован последним.

301 Атрибутировано на основании того, что второе из двух стихотворений, подписанных *А. Шк—фъ,* с минимальными разночтениями вошло в книгу: Стихотворения Гейне в переводе А. Л. Шкаффа. Харьков, 1885. С. 109.

302 История печатной рекламы в России написана со знанием подробностей, что характерно для «летописца» быта и нравов не столь давнего времени А. У. Порецкого Предположение *Zohrab* об авторстве: «Порецкий А. У.?, Мещерский В. П.?, Достоевский Ф. М.?».

303 Статья на юридическую тему, подписана криптонимом, который в «Гражданине» использовал К. П. Победоносцев. Дополнительные аргументы, истекающие из содержания, приведены в изд.: *Победоносцев К. П.* «Будь тверд и мужествен…»: статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В. В. Ведерникова. С. 360.

304 Все заметки в данном выпуске рубрики «Критика и библиография» написаны в едином стиле, характерном для Вс. С. Соловьева, в это время сотрудничавшего с «Гражданином» (см. примеч. 228). В заключительной заметке имеется следующая отсылка: «Помните ли вы, читатель, наш нелюбезный отзыв о книге г. Карновича, озаглавленной: “Наши порядки и т. д.”, в котором мы его упрекнули <…>. На этот раз мы имеем опять дело с книгою г. Карновича». Рецензент таким образом отослал к отзыву в № 46 1873 г. (с. 1238–1239), атрибутируемому Вс. С. Соловьеву.

305 См. примеч. 304.

306 См. примеч. 304.

307 См. примеч. 304.

308 См. примеч. 304.

309 См. примеч. 304.

310 В 4-й «заметке» рубрики упомянут юмористический персонаж Мещерского *генерал Штанов* (см. примеч. 296). Сюжеты, связанные с военной реформой и «официальной педагогией», отражают характерное недовольство ими князя-издателя.

311 Вопросы, затронутые в объявлении, находятся в компетенции издателя.

312 Компиляция газетных сообщений о положении голодающих самарцев, вероятно, как и в предыдущих номерах, составлена А. У. Порецким. Он, как и прежде, подбирает эмоционально воздействующие подробности бедствия. Логическое продолжение — в последующем (в том же номере) его же «областном обозрении» «Гласы вопиющих».

313 Криптоним «В. П—чъ» принадлежит в «Гражданине» В. Ф. Пуцыковичу.

314 К этой публикации, очевидно, относится недатированная записка В. П. Мещерского к Достоевскому: «…вот две интересные выписки из письма одного священника — для "Последней странички"» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 49). В письме священника речь идет об Оранском Богородицком мужском монастыре Нижегородской губернии, автор же письма из села «–шкина», т. е. Большого Мурашкина (той же губернии), в котором, как он пишет, действительно было 8 церквей, одна из которых единоверческая. Предположение *Zohrab* об авторстве: «Мещерский В. П.?, Достоевский Ф. М.?».

315 См. примеч. 311.

316 Статья имеет значение передовой. Мещерский особенно и не скрывал своего авторства, о чем говорит фраза: «Года два назад предприняв наше издание, мы…» и т. д.

317 В обозрении развернуты основные темы А. У. Порецкого: защита провинции и «мужика-пошехонца» вместе с опасением, что интеллигенция «отвернется от народа»; обращение к провинциальной печати. Налицо пресновато-тягучий стиль Порецкого («Правду сказать, скука есть, но в ней виноват не год, а разве годы, да еще, кроме других мелких причин, та именно близорукость, которая требует немедленно "панорамы", забывая что для сооружения ее нужны не десятки лет, а века, и не замечая (вследствие того, что она — близорукость) медленного роста организма»). Кроме того, следует учитывать, что с этого первого номера 1874 г. была упразднена рубрика «Областное

обозрение» (она вернется лишь в 1876 г.), постоянным ведущим которой был А. У. Порецкий; тот, очевидно, перешел на рубрики «Из современного обозрения» и «Из текущей жизни», попеременно сменяющие друг друга. В них перешли и разборы Порецким провинциальной прессы, ранее составлявшие «Областное обозрение».

318 Данный библиографический отзыв вместе со следующим за ним естественным образом выстраиваются в ряд с первою статьею Страхова общего характера. Ироническое отношение к позитивизму, сказавшееся в атрибутируемом отзыве, весьма близко Страхову, как и заключительный вывод о рецензируемой книге как «образчике той пестроты, которою отличается наше русское просвещение».

319 Спор с Н. Н. Каринским выдает в авторе глубокого знатока немецкой философии, каковыми в кругу «Гражданина» был Н. Н. Страхов. Характерна для него апелляция к печальной «участи нашего времени» (имеющая место и в двух предыдущих текстах библиографического отдела), того многообразного нигилизма, в разоблачении всех форм которого Страхов видел главную цель своей литературной деятельности.

320 «Политические наброски» повторяют в комическом ключе некоторые положения иностранных обозрений Достоевского. 1. «Утешение» Шамбора оказывается в том, что «Францию надули хуже еще моего!» — *ср.* в «Иностранных событиях» о Шамборе: «Но до Франции какое ему дело?» (21: 185). 2. Слова римского папы: «Век лилий да идиллий прошел, а за надежды в наш реальный и железнодорожный век [*ср.* в «Идиоте»: «в наш век пороков и железных дорог» (8: 315)] надо розгами сечь. Чтобы спасти власть папы, надо сделаться демоном. И я им сделаюсь, но спасу папство!» — *ср.* в «Иностранных событиях»: папа «заявляет о каком-то неслыханном расширении взгляда римского католичества, намекает на новые горизонты, на новые пути действий, на какие-то новые намерения в будущем» (21: 207). 3. Новогоднее пожелание князя Бисмарка: «…чтобы второго Бисмарка никогда не было; а не то всё сломает что я настроил!» — *ср.:* в «Иностранных событиях» Достоевский дважды с удовольствием повторяет «глубокий» афоризм: «надобно оставить князю Бисмарку полную свободу действий, так как

он сам разрушит свое творение» (21: 183, 192). 4. Клятва испанского претендента Дон-Карлоса: «Я перестреляю всех испанцев <…>, и — буду королем!» — *ср.:* в «Иностранных событиях» современная Испания характеризуется как страна «укоренившегося беззакония», а партия Дон-Карлоса более других надеется на «умиротворение всей Испании» (21: 240). 5. Реплика жены Мак-Магона: «не будь пруссаков, мы бы с тобою не восседали теперь в Елисейском дворце!» — *ср.* в «Иностранных событиях» о продлении президентских полномочий Мак-Магона: «это будет продление настоящего нестерпимого порядка вещей <…> неопределенное положение вещей, охраняемое, пока можно, штыками» (21: 197). 6. В изображении Тьера проглядывают характерные для Достоевского иронические словесные конструкции: «Экс-президент Тьер, окруженный госпожою Тьер и семьею разных либералов. <…> с грустным киваньем головы отвечает старец».

321 В «Неполитических набросках» четыре эпизода. Есть вероятность авторства Достоевского в первом и четвертом. 1. Уверенность генерала, что Бог способствовал ему в получении высокого чина, напоминает реплику одного из персонажей «Бесов»: «Если Бога нет, то какой же я после того капитан?» (10: 180). 4. Уличный разговор «Смотри у меня, в листок упрячу» и объяснение городового «кто провинится <…> на того, значит, мы в “Петербургский листок” подаем жалобу» — варьирует реплику из «Скверного анекдота»: «я вас всех завтра же в “Головешке” [“Искре”] окарикатурю!..» (5: 34). Пуцыковичу могут принадлежать второй эпизод («Из разговора г.г. членов лакейского клуба в С.-Петербурге…») и третий («Между лакеями…»). Оба сюжета связаны с делом «о служанке и барыне у московского мирового судьи», которому посвящена статья Пуцыковича «Теория уравнения прав прислуги с правами хозяев» (*Гр.* 1874. № 2). Статья была подготовлена одновременно с «набросками» и могла быть напечатана в первом номере (см.: *Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 50), однако была отложена до № 2, где опубликована со значительной правкой Победоносцева.

322 Объявление о рассылке 13 глав романа «Женщины» «при сегодняшнем № 2-м», разумеется, принадлежит автору этого романа В. П. Мещерскому. К тексту объявления о подписке, предельно

сокращенного сравнительно с предыдущими, добавлено исправление опечатки, допущенной в том же номере: «В заглавии статьи на стр. 59 напечатано: *“Теория уравнения прав прислуги с хозяевами”*. Следует читать: *“Теория уравнения прав прислуги с правами хозяев”*». Очевидно, ошибка была замечена уже после напечатания тиража. Исправление ее не было отложено до следующего номера, вероятно, ввиду особого отношения к пострадавшему автору — К. П. Победоносцеву. Принятое решение и соответствующий текст принадлежат, несомненно, редактору, Ф. М. Достоевскому.

323 Статью отличает характерный для В. П. Мещерского верноподданнический восторг, иногда на грани косноязычия («Первою мыслью и первым чувством… была радость… Но на дне этой радости… было и что-то грустное…»). Документальное подтверждение его авторства — сохранившийся черновик объяснения рукою В. П. Мещерского в цензурный комитет в ответ на запрос последнего по поводу данной статьи (РГБ. Ф. 93.II.6.79[а]; см. также: *Летопись*. С. 450).

324 Декан Вестминстерского аббатства, епископ Артур П. Стенли (1815–1881) приехал в Россию, чтобы совершить обряд венчания дочери русского императора, великой княжны Марии Александровны и сына английской королевы принца Альфреда. Поскольку жених и невеста принадлежали разным конфессиям, обряд венчания должен был совершиться и в православной, и в англиканской церкви. За 5 дней до венчания Стенли произнес в англиканской церкви приличествующую сему проповедь. Позднее он писал об этом своей сестре Мери: «Я проповедовал о свадебном пиршестве в Кане, и это было не только Евангелие дня по новому стилю, но и вторая заповедь Богоявления старого стиля. Никто из августейшей семьи, кроме нескольких придворных, там не присутствовал; проповедь оказала сильное воздействие на присутствующих. Принц Уэльский написал очень любезную записку, попросив, чтобы она могла быть напечатана…» (цит. по: *Зограб И.* Об одном интертексте в «Братьях Карамазовых» // Евангельский текст в русской литературе. XVIII–XX веков. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 426). В другом письме сестре от 9 (21) января Стенли сообщил, что он одолжил текст проповеди одному человеку (см.: Там же). Судя по всему, этим человеком был К. П. Победоносцев, который перевел текст

проповеди на русский язык и передал его в редакцию «Гражданина». Проповедь Стенли — редчайший случай в журналистике — дважды подряд была напечатана в № 2 и 3 «Гражданина» за 1874 г., вначале в изложении, а затем полностью. Сравнение двух текстов приводит к заключению, что в первом из них (изложении) акцентированы одни моменты и ушли в тень другие: редакция как бы преподносила текст проповеди в собственной аранжировке. Скорее всего, эта аранжировка принадлежала редактору. В редакционных «связках» заметны элементы стиля Достоевского, например, излюбленный им оборот речи: «проповедник… воскрешая перед слушателями исторические личности… становит их как бы перед нынешним событием…». Есть важная поправка, сделанная в редакционном изложении. В своей проповеди Стенли описал свадьбу в Кане Галилейской, на которую был приглашен Иисус, и доказывал, что на ней «собрались все члены Святого Семейства и друзья их». Получалось, что Христос совершил первое чудо для «своих» (что, впрочем, соответствовало ситуации проповеди). В редакционном изложении это объяснение было опущено. Позднее в романе «Братья Карамазовы» в главе «Кана Галилейская» Достоевский обратился к тому же сюжету и дал иную его версию: «Радость, радость каких-нибудь бедных, очень бедных людей… Уж конечно, бедных, коли даже на свадьбу вина недостало…» (14: 326). В редакционном изложении был сделан акцент, совпадающий с позднейшей интерпретацией автора «Братьев Карамазовых»: «Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог… “Кто любит людей, тот и радость их любит…”». История печатания проповеди Стенли представляется следующим образом. Получив перевод от К. П. Победоносцева, Достоевский принял решение, прежде чем печатать полный текст, дать его редакционное изложение, расставив нужные ему акценты.

325 На авторство Победоносцева указывает один из его постоянных криптонимов. О великой княгине Елене Павловне Победоносцев писал год назад в некрологической статье почти под тем же названием «9 января 1873 года» (см.: *Гр.* 1873. № 3). См. также: *Победоносцев К. П.* «Будь тверд и мужествен…»: статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В. В. Ведерникова. С. 375. Редактору, очевидно, принадлежит «техническая»

прибавка в середине статьи: «(Ниже помещается краткий ее очерк)» (см.: *Отливанчик А. В.* Редакторские вставки Достоевского в статьях, опубликованных в «Гражданине» (1873–1874 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. 2016. № 2. С. 39 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449620.pdf).

326 Имя автора названо в редакционных примечаниях к статье.

327 В. В. Виноградов атрибутировал обозрение Ф. М. Достоевскому по стилистическим признакам и биографическим «отголоскам» (см.: *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 585–611). В академическом тридцатитомнике Достоевского обозрение отнесено к разделу «Dubia» (27: 167–174, 425–428; подготовка текста и комментарий И. А. Битюговой) и приведены аргументы как «за», так и «против» авторства Достоевского. В последнем случае высказано предположение о возможном авторстве А. У. Порецкого. Оно представляется несомненным, учитывая весьма значительное влияние на него манеры и стиля Достоевского (см.: *Викторович В. А.* Литератор-невидимка. Из цикла «Спутники Достоевского» // Лица: Биографический альманах. № 4. М.; СПб., 1994. С. 72–94). К тому же все без исключения биографические «отголоски», отмеченные В. В. Виноградовым и И. А. Битюговой, в еще большей степени могут быть отнесены именно к Порецкому (то же можно сказать и об использовании библейских образов), а некоторые из них при этом исключают авторство Достоевского. Таково упоминание (27: 169) о встречах с Родиошей (Р. Р. Штрандманом) в Петербурге через «несколько лет» после «распадения кружка» (имеется в виду кружок Петрашевского), и действительно речь идет о начале 1850-х годов. Достоевский после разгрома кружка вернулся в Петербург только через десять лет в декабре 1859 г., так что такие встречи для него были исключены. Еще одно обстоятельство: автор обозрения, ища яркого, образного слова, обращается к цитате из «Бедных людей» (27: 169). Трудно представить Достоевского в таком именно самоцитировании, зато Порецкий нередко обращался к художественному авторитету своего гениального друга. Сквозь подражание Достоевскому в обозрении проступают характерные для Порецкого тяжеловесные синтаксические конструкции («Из этой, недавно минувшей жизни, в которую я непростительно позволил приятелю увести меня,

спешу, по долгу, обратиться в жизнь ныне текущую, в которой найдутся своего рода любопытные субъекты и явления»), его лексика («юркливые движения», «юркость», «должничок», «явление… веселенькое, смягчающее»). Еще две детали: 1) Стол автора «забросан кой-какими повременными листами», что больше характерно для Порецкого, составлявшего обзоры провинциальной прессы; 2) Надпись на книге, которую Родиоша сделал автору в виде цитаты из Гоголя («С хорошим человеком мы всегда свои люди, тонкие приятели…»), больше соответствует его отношениям с Порецким, нежели с Достоевским. Предположение *Zohrab:* «Достоевский Ф. М.?, Порецкий А. У.?».

328 Первоначальный вариант статьи был написан В. Ф. Пуцыковичем, о чем свидетельствует его письмо к Достоевскому: «…моя статья и не набиралась вовсе. Во избежание каких бы то ни было недоразумений повторяю, что я сдал ее своевременно <…> Но вместе с тем я бы просил Вас убедительно, чтоб Вы не настаивали на ее печатании во избежание могущих произойти недоразумений *и для лучшей обработки статьи*» (ИРЛИ. № 29828. Л. 11–12). Судя по письму Мещерского к Достоевскому (см.: *Летопись*. С. 447), статью задержал он, передал ее Победоносцеву, который «предложил ее прочесть и переделать, если будет нужно». Очевидно, переделка была основательной. В окончательном виде статья направлена против либеральной абсолютизации идеи равенства. Дезориентированному обществу, утверждает автор, служит еще более дезориентирующая его журналистика. Эта мысль впоследствии была выражена в статье «Печать» в «Московском сборнике» К. П. Победоносцева (1896). Кроме того, аналогичные суждения о принципиальном неравенстве слуги и хозяина имеются в трудах Победоносцева по гражданскому праву (см.: *Тимошина Е. В.* Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб., 2000. С. 87; *Победоносцев К. П.* «Будь тверд и мужествен…»: статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В. В. Ведерникова. С. 361).

329 Передан реальный разговор высших чиновников (в «Гражданине» лишь В. П. Мещерский и К. П. Победоносцев были вхожи в этот круг). Эмоциональный тон и оборот речи Мещерского: «Знаете кто это говорил? Русский чиновник! Да еще кому же и где же?». И далее ряд риторических вопросов — в его манере.

Заголовок («Authentique и слышано») также характерен для Мещерского.

330 Мещерского выдают шутки над невежеством учителей (над незнанием французского языка, над утверждениями типа «Пушкин был поэт недурной, но к сожалению он был барин»), над костюмом нигилисток, над тупостью высшей бюрократии, а также восклицания, несколько отдающие доносительством («Правда ли что в артиллерии *в школах* солдат не учат закону Божию? Что в Тверской губернии, например, есть сельские школы, где закону Божию вовсе не учат, так это правда!»). В Ошейкино Тверской губернии Мещерский постоянно ездил на отдых.

331 Объявления о продолжении подписки и о том, что в приложении к данному номеру напечатан Устав о военной повинности, а также о выходе романа «Один из наших Бисмарков», о порядке получения приложения в виде первых глав романа «Женщины» и анонс «Писем хорошенькой женщины» (с № 4) принадлежат автору трех последних произведений В. П. Мещерскому. Объявление о выходе романа Ф. М. Достоевского «Идиот» («Подписчики “Гражданина”, выписывающие роман через редакцию, за пересылку ничего не платят») и сообщение, что «Иностранное обозрение будет помещено в № 4», принадлежат редактору.

332 Статья продолжает серию выступлений В. П. Мещерского, критиковавшего состояние дел в медико-хирургической академии (см., напр., «Петербургское обозрение» в «Гражданине» 1873, № 46). Есть очевидные приметы стиля Мещерского: свойственные ему «неправильности» речи (вроде выражения «стоит в уме»), излюбленные словечки («мир наставника», «мир учеников», «научный мир», «учебный мир», «духовный мир», «физиолого-общественно-утопический мир», «человеческий мир»), прерывание речи эмоциональными вопросами («И что же случилось?», «И знаете, какой был результат?»).

333 Характерна для Порецкого подгонка всех сюжетов под одно обобщающее понятие (в данном случае «оглядки»), не слишком конкретное. Получает развитие настойчивая тема Порецкого — необходимость дешевого кредита для крестьян (см.: <*Порецкий А. У.*> Из текущей жизни // *Гр.* 1873. 9 июля. № 28; <*Порецкий А. У.*> Областное обозрение // *Гр.* 1873. 16 июля. № 29).

334 На авторство К. П. Победоносцева указывает один из его постоянных криптонимов «В.» (указанный лишь в оглавлении номера). Знатоком англиканской церкви и вместе с тем английского языка (ряд терминов приводится и в оригинале, и в переводе) в «Гражданине» был лишь Победоносцев. Кроме того, статья эта имела важное значение в связи с государственным событием (браком русской великой княжны и английского принца), в котором Победоносцев принял непосредственное участие.

335 Такое же значение имел и перевод с английского языка на русский проповеди Стенли. Роль переводчика, скорее всего, и взял на себя К. П. Победоносцев, сопровождавший Стенли.

336 Об авторстве Победоносцева свидетельствует акцентирование в обзоре церковных и государственных деятелей, а также хорошая осведомленность в подробностях их жизни, скрытых от рядового читателя.

337 Имеются характерные для В. П. Мещерского насмешки над невежеством «передовых» учителей и оправдательными приговорами присяжных, а также обороты речи: «списано с натуры», «учитель новейшего фасона», «маленькая, но милая история», «прелестный» (трижды в одном предложении). Эпизод «Нам сообщают (за достоверность сообщения не ручаемся)…» может принадлежать В. Ф. Пуцыковичу, по связи со статьей «Теория уравнения прав прислуги с правами хозяев» в предыдущем номере.

338 Криптоним «N.» приобрел в «Гражданине» 1874 г. значение общередакционного, им подписывались как редактор (Достоевский), так и издатель (Мещерский). В данном случае авторство Мещерского бесспорно: в статье приводится, с присущим ему напором, одна из главных идей его публицистики — возвращение дворянства к роли «центральной земской силы» (напр.: *К<нязь> В. Мещерский*. Что такое русское дворянство? // *Гр.* 1872. 21 февраля. № 8. С. 268–269; вопрос о дворянах, «отсутствующих» даже на выборах предводителя, Мещерский вновь ставил и после упомянутого в статье высочайшего рескрипта — см.: *М… <Мещерский В. П.>* Еще слово о дворянстве // *Гр.* 1874. 8 апреля. № 13–14. С. 378). Не раз Мещерский предлагал дворянству ответить на вопрос, поставленный в атрибутируемой статье: «*что оно* и *есть ли оно*?», — не раз предлагал высшему сословию

«сплотить себя в единое, крепкое духом и крепкое телом органическое целое» (как сказано в атрибутируемой статье), не раз сетовал на то, что именитые дворяне самоустранились от политической и хозяйственной деятельности.

339 Высокий статус московских торжеств (выезд двора вместе со всеми царственными гостями) предопределил авторство В. П. Мещерского. Заметен его восторженный в таких случаях стиль со многими речевыми несуразностями («очарованный взгляд глядел с восторгом на это… зрелище», «московское народное "ура"»), с особенным пристрастием к субстантивированным прилагательным («как будто что-то *теплое* носилось в воздухе и в праздничном настроении каждого», «в настроении праздничном Москвы слышна *"человечность"*… она веселому придает что-то теплое»). Присутствует излюбленный прием князя-хроникера — запись разговора с извозчиком как представителем народной мудрости с ее «нехитрым языком».

340 Редактору, очевидно, принадлежит вставка: «(о новых узаконениях, вырабатываемых правительством в настоящее время см. ниже "Церковные дела в Германии")» (см.: *Отливанчик А. В.* Редакторские вставки Достоевского в статьях, опубликованных в «Гражданине» (1873–1874 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. 2016. № 2. С. 40 [Электронный ресурс]. URL: http://unknowndostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449620.pdf).

341 На авторство К. П. Победоносцева указывает его криптоним, а также тот факт, что статья продолжала длительную серию его выступлений в «Гражданине» по вопросу об отношениях церкви и государства в Германии (1873. № 17–19, 34, 40, 51).

342 Глубокое, до деталей знание истории «почвенных» журналов «Время» и «Эпоха» присуще было в «Гражданине» А. У. Порецкому и Ф. М. Достоевскому. Судя по стилю, статья принадлежит первому из них. На памятливого Порецкого указывает явно «не авторское» применение давнего выражения Достоевского «стертый пятиалтынный» (19: 29): «"народники", с своей стороны, бросали в противников "стертым пятиалтынным"». В духе Порецкого и глухая цитата из стихотворения Пушкина «Полководец» («укреплен могучим убежденьем»), сопровожденная суждением о сильных и слабых личностях. На Порецкого указывают также обращения к провинциальной печати, отслеживание которой в «Гражданине» было возложено на него.

343 На авторство Мещерского указывает переписка его с Достоевским по поводу данного цикла, возникшая в связи с полемикой Олица (Я. П. Полонского) с «хорошенькой женщиной». Так, Достоевский в письме к Мещерскому от 1 марта 1874 г. писал по этому поводу: «это самая грубая нападка на Вас, самое грубое *искажение* Ваших мыслей…» (29$_1$: 315).

344 Первая часть «Последней странички», вероятно, принадлежит Мещерскому, в особенности сатира на невежество светских дам. В заметках о врачах очевидны вопросно-ответная форма речи, излюбленная князем, и восклицания («возможно ли допустить», «непостижимо как доселе» и т. д.); на него же указывают выражения «рождается вопрос», «безусловно обязанных», «это крупная бессмыслица».

345 Резкая полемическая заметка выражает позицию и Филиппова, и Достоевского. В ней заметно — по стилю и по содержанию — участие обоих (очевидно, перед нами случай совместного «послеобеденного» творчества, к которому призывал Филиппов Достоевского, — см.: *Литературное наследство*. Т. 15. С. 151). Так, входящая в заметку «сценка» в духе юмористических диалогов Достоевского, а обращение к славянизмам свойственно Филиппову. Мнение *Zohrab* об авторстве всей «Последней странички» этого номера: «Мещерский В. П.?».

346 Заметка относится к одной из самых злободневных для редактора «Гражданина» проблем русского пореформенного общества. Эта проблема — утрата православной церковью своего духовного, нравственного авторитета: «Горе обществу, не имеющему религиозного умиления» (21: 138). В этом повинны были отчасти и сами служители церкви, и непочтительное к ним общество, ведомое недальновидной «свободной» прессой. Среди записей и набросков Достоевского 1873 г. есть такая: «Совсем некого уважать (вот язва теперешнего)…» (21: 252). Тема уважения к священнослужителям как фактора духовного выживания нации поставлена была в «Гражданине» с самого начала редакторства в нем Достоевского и прежде всего в его собственных статьях «Наши монастыри», «История о. Нила», «Смятенный вид», «Ряженый». Достоевский в особенности настаивал на ответственности в этом деле журналистики, делающей свой выбор: в «деле веры», указывал редактор «Гражданина», «чего хочешь, то и найдешь», поэтому кто находит «живую и честную струю»,

а кто одну только «скверну». Эти последние, хотят они того или нет, ведут общество к «ликвидации веры» (21: 153). Программа атрибутируемой заметки по существу изложена была Достоевским в начале 1873 г. в анализе антиклерикального «обличительства» либеральной русской печати: «Существуют искони некоторые приемы обличения, крайне парадоксальные, но чрезвычайно метко достигающие цели. Например: “это люди святые, стало быть, и должны жить свято, но так как мы видим обратное, то”… вывод ясен. И это чрезвычайно действует. В подтверждение выставляется целый ряд неотразимых фактов» (21: 138–139). Именно такой случай описывает автор атрибутируемой заметки. Не только содержание, пафос, но и ярко выраженные приметы публицистического стиля Достоевского свидетельствуют о его авторстве. Это прежде всего свойственные ему приемы риторического усиления. Такую роль играет система повторов ключевых лексем, чрезвычайно распространенная в данной статье: «все свое авторское многоречие и всю свою корреспондентскую любознательность», «все это мы знаем и всему этому верим, и всему этому сочувствуем», «с благоговением прикрыли своего отца… известное благоговейное представление… бесспорно достойны благоговейного о себе представления», «и чем скандал скандалезнее… нужны скандалы, скандалы и только скандалы», «сан священника есть священный сан, есть сан служителя у Божьего алтаря, сан помазанника Божия… и святость своего сана… Тут не один этот священник и не одна его личность: тут, кроме того, его сан» (ср. в известной статье Достоевского в том же «Гражданине», когда он объяснял автору, скрывшемуся за псевдонимом «священник…»: «Если бы вы были в самом деле священником, я, несмотря на все ваши грубости <…> все-таки ответил бы вам “с соблюдением” — не из личного к вам уважения, а из уважения к вашему высокому сану, к высокой идее, которая в нем заключается» (21: 87). Столь же смыслообразующим является далее назойливый повтор слова «мы»: «мы, высокообразованные люди, мы, представители русской интеллигенции, мы, соль русской земли, мы, учители и руководители… мы, учители народа… мы бы должны знать и понять, мы, которые держим перо в руках… Мы бы должны были сердцем войти… Мы бы должны были в этих мрачных…». Синтаксис, интонация Достоевского также очевидны в уже цитированных

пассажах. Они помогают накаливать, сгущать смысловую энергию речи, чтобы в кульминационно-напряженный момент выдать, наконец, самое главное: «обратимся мы… учители и руководители русского темного народа, к этому самому темному русскому народу и научимся у него уважать то, что мы уважать должны». Трудно не узнать здесь речь Достоевского. Мнение *Zohrab* об авторстве данной статьи: «Мещерский В. П.?».

347 Подарки великой княжне ко дню ее бракосочетания с Эдинбургским принцем были выставлены в Зимнем дворце. Ясно, что описание их может принадлежать лицу, вхожему туда. Им в данном случае, безусловно, является В. П. Мещерский (невозможно представить в этой роли К. П. Победоносцева, также вхожего во дворец: так, месяц назад он наотрез отказал князю в просьбе дополнить его «Петербургское обозрение» описанием «подробностей о приезде Эдинбургского принца»: «он меня обременяет делом, которого я не умею и не хочу делать» — *Литературное наследство*. Т. 15. С. 129). Автор атрибутируемой статьи ссылается на то, что уже было сказано «в хронике московских торжеств», т. е. в так и названной статье Мещерского в предыдущем номере. В атрибутируемой статье имеются несомненные приметы стиля Мещерского (снова любимый им «мир», но уже «мир серебряных и золотых изделий»).

348 В обозрении В. П. Мещерского эпизод посещения деканом Стенли Общества любителей духовного просвещения (от слов «На днях, среди увеселений…» до слов «Теперь перейдем к нашей политической жизни…»), скорее всего, написан К. П. Победоносцевым. В нем переданы прямой речью — выступление самого Победоносцева (частично) и в кратком изложении — речь Стенли. Наиболее компетентным корреспондентом в данном случае был, разумеется, Победоносцев, и вряд ли он мог теперь отказать Мещерскому. В этой вставной заметке имеются очевидные переклички с печатающейся в том же номере статьей Победоносцева «Сочинение Стенли о восточной церкви». По существу, эта вторая статья как бы продолжает разговор, лишь начатый в рамках атрибутируемого эпизода «Петербургского обозрения». Часть текста со слов «Вероятно на второй неделе поста будет последнее сражение в Обществе любителей духовного просвещения по вопросу об единоверии…» до слов «чувства доверия к нашей церкви», может принадлежать Т. И. Филиппову

или Ф. М. Достоевскому, но скорее всего последнему, судя по стилю (см. характерные обороты: «нельзя не пожалеть… нельзя не пожалеть еще более потому…»). Мнение *Zohrab* об авторстве: «Мещерский В. П.».

349 К. П. Победоносцев — единственный возможный автор рецензии, одинаково владеющий самим материалом (история церкви) и языком рецензируемого сочинения (английским). Данная статья имела немалое политическое значение, будучи приуроченной к знаменательному событию русско-английских отношений (породнение царствующих фамилий) и приезду самого автора сочинения, Стенли, в Россию для участия в объединительном для обеих церквей обряде бракосочетания (поскольку невеста принадлежала к православной, а жених к англиканской церкви). См. также: *Победоносцев К. П.* «Будь тверд и мужествен…»: статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В. В. Ведерникова. С. 366.

350 «Письма крестьянина» — совершенно очевидная мистификация. В лучшем случае, это литературная запись устного рассказа (на что наводит читателя и редакционное примечание к «письму»), а в худшем — фантазия автора-мистификатора. К такого рода творчеству весьма расположен был именно в это время В. П. Мещерский. В «Гражданине» им были напечатаны также «письма помещика» (1874. № 6, 11), статья «сельского педагога» (1873. № 43), цикл статей от имени «хорошенькой женщины» (1874. № 4, 7, 9, 13–14). В отличие от художественных произведений Мещерского (например, в жанре доклада маститого бюрократа — 1874. № 6 или исповеди гимназиста — 1873. № 38–40), во всех перечисленных случаях имеет место своеобразная ролевая публицистика. Тем не менее Мещерского не так трудно обнаружить и «под маской». В «письмах крестьянина» относительно реформы 1861 г. проглядывает слишком явно позиция консервативного публициста. В последовавших затем «письмах помещика» довольно бесхитростна их увязка с предыдущими («Увидев у вас отдел писем крестьянина, я возымел мысль обратиться к вам…» и т. д.). В этих не слишком изобретательных играх с читателем явственно проглядывает общий замысел издателя «Гражданина» разнообразить газету и, в частности, создать видимость активного диалога «Гражданина» с представителями различных слоев общества.

351 См. примеч. 341.

352 На авторство Мещерского указывают: тема театра Буфф, фразы «кража *для утоления если не голода, то аппетита*» (см. в следующем номере статью Мещерского «Украл с голоду»), «Слышано в великосветской христианской семье», любовь к эпитету «прелестный», грамматическая неправильность «Краска бросилась у них в лицо».

353 Криптоним «N.» имеет редакционный характер, т. е. автором может быть либо Достоевский, либо Мещерский. В данном случае очевидны как содержательные (воинственно однозначное отношение к оправдательным приговорам суда присяжных), так и стилевые признаки публицистики Мещерского (см., напр.: «В воздухе, которым мы дышим, носится что-то вроде уважения к абсурду и глумления над здравым смыслом…»).

354 На авторство А. У. Порецкого указывают ему принадлежащие в «Гражданине» темы провинциальной жизни, значения провинциальной печати, многообразия форм насилия в отношении к народу.

355 Автор назван в записке В. Ф. Пуцыковича к Достоевскому от 2 марта 1874 г. с предложением разместить еще одну статью: «от того самого г. Сливова корресп<онденция>, от котор<ого> уже была 1 раз напечатана» (ИРЛИ. № 29828. Л. 13–14). Из переписки В. Ф. Пуцыковича с А.-Г. К. Киркором устанавливается, что именно этот последний (пользовавшийся псевдонимом «Сливов») и был автором атрибутируемой корреспонденции (см.: *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 1. С. 94–103 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980075.pdf).

356 См. примеч. 350. В статье развивается одна из настойчиво провозглашаемых идей Мещерского: земская реформа терпит неудачу только потому, что дворяне от нее устранились. Призыв к крупным землевладельцам вернуться в свои усадьбы и участвовать в жизни земства, провозглашавшийся Мещерским, в данной статье звучит и с его напором, и с его характерными интонациями.

357 На авторство Мещерского указывает его криптоним и очевидные приметы его памфлетного творчества. Саморазоблачительные назидания чванливого и далекого от русской действительности бюрократа — жанр, уже хорошо «обкатанный» Мещерским

(«Россия под пером замечательного человека» в «Русском вестнике» (1871. № 4), недавно закончившийся в «Гражданине» роман «Один из наших Бисмарков»).

358 Сатирические сценки великосветского быта и выпады в адрес театра Берга вполне традиционны для В. П. Мещерского. Неоднократно князь заявлял и предложение отдавать в пользу бедных те деньги, которые тратятся на букеты актрисам. Узнаваем также его способ выражаться (напр.: «в этом соре родятся мысли»).

359 Три последних эпизода посвящены речи Мольтке в германском парламенте. Они явственно перекликаются с «Иностранными событиями» Пуцыковича в следующем номере «Гражданина» («надо заставить всех любить мир, а чтобы заставить всех любить мир, надо быть вооруженнее вдвое против прежнего!»; «на что нам клочек земли, завоевываемый сегодня у одного, а завтра у другого!»).

360 Характерный для Мещерского образец восторженно-верноподданнической публицистики. Имеются возвышенные неправильности, отличающие его стиль: «одну ли свою личность… перенесет Она в Англию?»; «жизненные вопросы волнуют и поверхность и самую глубь каждого из народов», «по воздуху прольется тепло» и т. д.

361 Заметка начинается ссылкой на «нашу статью в № 4 “О дворянстве и народной школе”», автор которой — В. П. Мещерский (точное название статьи: «Народная школа и дворянство»). Предводителем дворянства, письмо которого цитируется, скорее всего, был двоюродный брат автора статьи Александр Васильевич Мещерский, с 1863 г. верейский уездный предводитель дворянства, а с 1869 — московский губернский предводитель дворянства. То есть, как сказано об авторе письма, «уже девять лет состоит предводителем» и вдобавок, характеризует его В. П. Мещерский: «сколько нам известно, принадлежит к числу тех предводителей, которые не смотрят на эту должность, как на синекуру». Владимир Петрович регулярно гостил в имении двоюродного брата, так что «письмо» могло быть написано им самим со слов кузена.

362 Тема обучения грамоте и защита Л. Н. Толстого от «тупой педагогической *нетерпимости*» указывают на А. У. Порецкого. О том же свидетельствует порученный ему обзор провинциальной

прессы. Заметно его пристрастие к цитированию Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

363 Сатирическая сценка отражает ситуацию, сложившуюся в обществе, в печати (в частности, в «Гражданине») в связи с неурожаем и массовым голодом в Самарской губернии. 18 октября 1873 г. распоряжением министра внутренних дел «Гражданину» (см. объявление в № 43 1873 г.) была, без объяснения причин, воспрещена розничная продажа. Неназванной причиной была публикация статьи В. П. Мещерского «О голоде» (1873. № 42). Замечательны были некоторые подробности обсуждения этого вопроса в цензурном ведомстве. Совет Главного управления по делам печати согласился с предложением надзирающего цензора: «объявлять предостережения за эту статью о голоде представляется неудобным, так как тогда пришлось бы мотивировать эту меру, и потому полагал бы воспретить розничную продажу нумеров сего издания» (РГИА. Ф. 776.2.13. Л. 205 об.). Получалось по пословице: наказать-то накажу, а за что — не скажу. По существу, «Гражданин» был наказан за обвинение властей в бездействии перед лицом страшного народного бедствия. Эта ситуация в саркастически-щедринском стиле и обыгрывается в атрибутируемой публикации. Для ответа правительственным кругам «Гражданин» прибег к эзопову языку. Автором сатиры мог быть либо Мещерский, либо Достоевский. Уровень художественного мастерства, изощренность сатирического обобщения указывает на Достоевского. Кроме того, именно ему суждено было в наибольшей степени ощутить на себе воздействие безнравственной политики. 28 декабря 1873 г. министр внутренних дел воспретил всем периодическим изданиям группировать под общей рубрикой известия о самарском голоде (см.: История печати. Антология. Т. 1. М., 2001. С. 359–360). Что и делал уже «Гражданин», взывая к состраданию и деятельной помощи. В числе других редакторов Достоевский был вызван в цензурный комитет: «внушали, что про голод хотя и можно писать и печатать сообщенные факты, но без тенденциозности в известную сторону и чтоб не было “алярмирующего”» (29_1: 311). После этого «внушения» Достоевский был вынужден, опасаясь репрессий, снять уже подготовленную к печати статью О. Ф. Миллера. Последний прислал редактору 4 января 1874 г. обидное и задевающее его самого письмо: «Так пусть же там мрут как мухи — а мы

здесь — все до единого, всяких оттенков — будем робеть перед каждым цензурным внушением. О доблестная отечественная печать» (цит. по: 29_1: 522). Ответом Достоевского, написанным смелым «рабьим языком», была атрибутируемая заметка. В ней встречаются знакомые читателям Достоевского мотивы. Такова теория отрицания страданий, развиваемая, среди других, Киром Лукичом. Вспоминаются слова Мармеладова из «Преступления и наказания»: «…господин Лебезятников, следящий за новыми мыслями, объяснял намедни, что сострадание в наше время даже наукой воспрещено…» (6: 14). Выдает Достоевского и такой излюбленный им прием, как настойчивое возвращение ключевого слова, выражающего, кстати сказать, всю абсурдность описанной выше ситуации попрания гласности: «Хотите упечь, да еще по **секрету**! В **секрете-то** весь и ужас <…> главное <…> в установлении правильных, хотя и **секретных**, — непременно **секретных**, — взглядов на государственные предметы. <…> **секрет**, Иван Иванович, все в этом словечке <…> А вот что Кир Лукич думает насчет голодающих, да насчет Ивана Ивановича Наливкина, это **секрет**, **секрет** для всех…» (Кир Лукич здесь выразитель правительственной «мудрости», а Иван Иванович представляет всех сострадающих голодным «опасных нарушителей порядка», в том числе, читай, и «Гражданин». Жирный шрифт наш. — *В. В.*). Правительственная «страусиная» политика зло спародирована в «государственной теории» уездного исправника Кира Лукича Дубино-Палкина (Достоевский, ученик Гоголя, мог давать своим героям впечатляющие имена), названной им самим «теориею политического подозрения и дальновидности». Если голод — это «секрет», то, стало быть — «ну и не было бы голодающих». В целом сценка «в городе Неблагодатном» изобличает в авторе способность к развертыванию абсурдной ситуации, выражающей абсурд самой реальности, в данном случае двоедушия власть имущих перед лицом народного бедствия. Сатирический дар Достоевского вполне выразился в этой сценке. На непричастность к ней Мещерского указывает и то, что в следующем номере он также даст свою сатирическую версию данной ситуации.

364 Более вероятно авторство Мещерского. Особенно выдает его фраза «Ну, не прелестен ли такой рецепт лечения волостного суда, так и пропитанный запахом петербургской аптеки?».

Колкости насчет Петербурга (с противопоставление его России) кочуют у Мещерского в «Гражданине» из текста в текст. Еще более характерно для него приторное словцо «прелестный».

365 Статья легла в основание книг В. П. Мещерского «Лорд-апостол в большом петербургском свете» (СПб., 1876), «Письмо к лорду Редстоку» (СПб., 1876). Кроме того, заключительную статью в полемике о Редстоке (в № 10) Мещерский уже подпишет своим криптонимом «К. В. М.».

366 В. П. Мещерский в письме к Достоевскому 22–24 февраля 1874 г.: «я выкинул из оглавления и из подписи о Сев<астопольском> обеде слово *“сообщено”*<,> так как сообщено пишут только под статьями присылаемыми из Главного Правлени<я> Печати или от правит<ельственных> мест и лиц. Я поставил букву *“А”*» (*Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 50). Из авторов «Гражданина» участником «севастопольского обеда» был А. В. Фрейганг. Не исключено, что ему принадлежит данная заметка.

367 Автор ссылается на обозрение «Из текущей жизни» А. У. Порецкого (*Гр.* 1874. № 4) и рассказывает, какое продолжение имела описанная история. На авторство Порецкого также указывает обзор провинциальной прессы. Характерна для Порецкого поддержка идеи о том, что школа не оживет, «пока не выйдут борцы за нее из народа» и не разрешатся «тяжкие лишения» сельских учителей.

368 Граф Обезьянинов — главный герой романа В. П. Мещерского «Один из наших Бисмарков», напечатанного недавно в «Гражданине». Герой Мещерского действует в новых обстоятельствах, предлагая бюрократическое решение проблемы голода. На этом основании заметка должна быть отнесена к сочинениям Мещерского.

369 «Стенографом» «подслушанных разговоров» в «Последней страничке» чаще всего выступает В. П. Мещерский, это его жанр. В особенности сценка «Опекун и гувернер» типична для его сатир на неразборчивость родителей при найме учителей. Участие Достоевского возможно в сценке о четвертом «воскресении» Дурьянова, в духе карнавализации сакрального мотива в романе «Идиот» (см.: 8: 83). Не исключено его участие в абсурдной сцене с однофамильцем Тропмана.

370 Статья «Вопрос» является *редакционной*, т. е. написанной от лица составителя номера (см. начало: «В сегодняшнем нумере

«Гражданина» помещены две статьи…»). В «Гражданине» это мог быть как Достоевский, так и Мещерский (в силу известного двоевластия в редакции). Что касается криптонима «N.», то им пользовались и издатель Мещерский, и редактор Достоевский. Вопрос о дворянстве, его судьбе и предназначении в современной России ставил в «Гражданине» главным образом Мещерский. Атрибутируемая статья вышла вскоре после опубликования высочайшего рескрипта 25 декабря 1873 года о возлагаемой на дворянство образовательной миссии. Предполагались и некоторые законодательные перемены, в частности, передача должностей уездных и губернских попечителей начальных училищ в руки соответствующих предводителей дворянства. В. П. Мещерский откликнулся на предлагаемые монархом преобразования еще в статье «Народная школа и дворянство» (*Гр.* 1874. 29 января. № 4), которая также была подписана криптонимом «N.». И теперь, после воззвания монарха, писал Мещерский, «дворянству предстоит ответить на вопрос: *что оно* и *есть ли оно?* <…> Если дворянство признает себя солидарным с этим делом (народного образования. — *В. В.*) *только в лице своих предводителей* и на них посмотрит как на новых уполномоченных чиновников, если дворянство не соберет под свое знамя отсутствующие две трети своего личного состава, если дворянство положится только на себя в своем нынешнем виде, и не явится тем, чем оно исторически должно быть — центральною земскою образованною силою <…>, оно может уже вначале оказаться бессильным…». Еще на одно обстоятельство обратил особое внимание князь Мещерский — на трудности грядущей переделки сфер административных полномочий министерства народного просвещения и дворянских предводителей. Новая статья за подписью «N.» («Вопрос») расставляет те же акценты: «…в чем, в сущности, должно заключаться участие дворянства в деле народного образования? Определить это участие законом, по пунктам, нам кажется и теперь и в будущем невозможным». Далее автор позволяет себе даже усомниться в достаточности чисто административных мер, предложенных высшей властью: «мало того, чтобы дворянин председательствовал в училищном совете». Акцент в «Вопросе» явно переносится на другое: «Только случаи из практики местной жизни будут определять степень

и род участия в деле народного образования местного дворянства…». Это предпочтение частной инициативы дворян, упор на их личное делание (неизменный пафос Мещерского!) просматривается и далее в атрибутируемой статье, когда автор говорит, что «благодетельное влияние обществ трезвости между крестьянами может быть достигнуто только тогда, когда *кто-либо* примет на себя почин на месте <…>. Этот *кто-либо*, кто может и, кажется нам, должен взяться за это дело, как за одну из главнейших частей народного образования, есть местное дворянство, то есть помещики, но в союзе с местным духовенством». В духе Мещерского ставится и тема нравственной границы, отделяющей гражданскую ответственность от доносительства.

371 Есть большая вероятность, что письмо «матери пятерых детей» написал, в ответ на свою статью, сам Мещерский в духе характерной для него ролевой публицистики (см. примеч. 350). На это указывают приметы его стиля, излюбленные выражения («матери и их дочери… учились там быть русскими»; «ввели священника в свой домашний мир… с живым миром нашей церкви»; «как там дышит правдою».

372 Из всех дам-редстокисток одна Ю. Д. Засецкая занималась литературным трудом и могла написать ответ в таком стиле. К тому же именно она, из очень немногих, хорошо знала биографию Редстока. Дополнительный аргумент в пользу ее возможного авторства — близость в это время к Достоевскому и к редакции «Гражданина». Именно в ее салоне выступал с проповедью лорд Редсток и там его слышал Достоевский (см.: 30_2: 83, а также *Летопись*. С. 459). Таким образом, Засецкая могла счесть себя лично задетой обвинением «Гражданина» в разрушительной деятельности.

373 Принадлежность данной статьи Достоевскому устанавливается на следующих основаниях. 25 февраля 1874 г. в № 8 «Гражданина» за подписью «N.» была напечатана статья «Новый апостол в петербургском большом свете». Ее автором был издатель «Гражданина» князь В. П. Мещерский. Об этом говорят черты его стиля и то, что основные положения статьи будут затем повторены им в многочисленных выступлениях против «нового апостола» — лорда Г.-О.-У. Редстока (см.: Письмо к лорду Редстоку // *Гр.* 1876. № 13. С. 345–349; Последнее слово о лорде Редстоке //

Там же. № 16. С. 428–430). Статья «Новый апостол…» вызвала полемику в данном номере «Гражданина». Здесь были напечатаны два письма. Автор одного (за подписью «Княгиня Д—я») нападал на Редстока, автор другого (подписанного «Одна из слушательниц бесед») защищал лорда от нападок. Первое письмо редакция сопроводила кратким комментарием за подписью «N.», а по поводу второго (за той же подписью) был напечатан «ответ анониму». Следует представить непростую для Достоевского как редактора «Гражданина» ситуацию, сложившуюся после получения второго письма. Оно являло серьезную опасность для репутации издания: «слушательница» метко и остроумно обнаружила самые уязвимые места статьи Мещерского, обвинила газету в клевете (Мещерский со свойственным ему легкомыслием всерьез убеждал читателей, что в Берлине существует некая семинария, готовящая протестантских пасторов для засылки в Россию; кроме того, публицист исказил факты биографии Редстока). Все эти конкретные обвинения в «ответе анониму» обойдены молчанием, внимание читателей сосредоточивалось не на деталях, а на существе разногласий. Именно здесь с очевидностью обнаруживается перемена, происшедшая в позиции «Гражданина». В статье «Новый апостол в петербургском большом свете» Мещерский трактовал редстокизм исключительно как отпадение от православной церкви; эту мысль он будет проводить и во всех своих последующих выступлениях, в том числе в завершающей данную дискуссию статье «Опыт спокойного слова в заключение полемики о лорде Редстоке» (*Гр.* 1874. 11 марта. № 10). Впоследствии именно на этом, церковно-правовом и формальном, основании Мещерский потребует административного вмешательства. В «ответе анониму» иной акцент: грех редстокизма полагается в отпадении **от народа** и его веры. Автора «ответа» тревожат даже не сами «графини и княгини», усердно поклоняющиеся Редстоку, а их дети, которые «даже и теперь уж, не только не понимают народа, не знают ни нужд его, ни духа его, ни обычаев <…>. Таким образом, единство веры, православие оставалось бы для них почти единственною связью с народом». За этими словами в «Гражданине» мог стоять только Достоевский. Наиболее серьезный аргумент в пользу авторства Достоевского заключается в следующем: в будущих выступлениях Мещерского о редстокизме (вплоть до нашумевшего его

романа «Лорд-апостол в большом петербургском свете», 1875–1876 гг.) мы не найдем соответствий «ответу анониму». Между тем **в «Дневнике писателя» и в записных тетрадях Достоевского 1876–1877 гг. будут повторены основные положения этой статьи**. Вот эти совпадения: 1) Редстокизм для Достоевского, как и для автора «ответа анониму», — одно из проявлений глубочайшего «обособления» образованного общества от народа, от «почвы» (22: 98), «неверия в духовную силу народа» (25: 10). В письме «одной из слушательниц» автор «ответа анониму» тонко уловил едва сквозящее презрение к «мужицкой» вере. Именно здесь публицист «Гражданина» почувствовал фальшивую ноту у последователей лорда-апостола. «Паньска вяра и хлопьска вяра» — эти выражения, использованные в «ответе анониму», находим в записных тетрадях Достоевского 1876 г. (см.: 24: 177, 191), в черновом автографе «Дневника писателя» за 1880 г. (см.: 26: 279). 2) Обособление от народа катастрофически скажется на воспитании детей высшего круга, «будущих столпов» государства — к этой мысли «ответа анониму» Достоевский вернется в главке «На каком языке говорить отцу отечества?» июльско-августовского «Дневника писателя» за 1876 г. В «ответе анониму» перед нами — первый набросок этой статьи: «даже перестают понимать язык» народа. 3) «Кстати об этом лорде, — пишет автор «ответа», — я его слышал; он не очень-то красноречив, делает довольно грубые ошибки и довольно плохо знает сердце человеческое (именно в теме веры и добрых дел)». Это заявление господина N. противоречит тому, что Мещерский сказал неделю назад в статье «Новый апостол в петербургском большом свете»: там вполне определенно была выражена похвала «красноречию» лорда-проповедника: «Говорит он хорошо». Столь невысокую оценку редстоковского знания сердца человеческого вызвало у автора «ответа» учение лорда о том, что спасение человека не в добрых делах, а в вере. Мещерский в эти догматические предметы не вникал, в то время как Достоевский в своих последующих публицистических выступлениях отвергнет это обособление мистического обоснования христианства от нравственно-практического (Мещерский в названном выше романе, напротив, склонен даже сочувствовать откровенному мистицизму «лорда-апостола»). Автор «ответа анониму» иронизирует над «поучением» Редстока, «что спасение *лишь в одной*

только вере, отвлеченной, слишком уж личной по совести каждого вере». Эта ирония сродни той, что сквозит в более позднем суждении Достоевского о том, что «Редсток как-то особенно учит о “схождении благодати” и что <…> у лорда “Христос в кармане”», — т. е. о чрезвычайно легком обращении с Христом и благодатью (см.: 22: 99). Легкость, с которой лорд-апостол отпускал грехи настоящие и будущие своим великосветским почитателям, вызывает язвительную иронию Достоевского в «Дневнике писателя» за 1876 г., но первый абрис этой оценки наблюдается уже в «ответе анониму» 1874 г. 4) Касаясь протестантства Редстока, автор «ответа анониму» пишет: «Это господин, который объявляет, что несет нам “драгоценную жидкость”; но в то же время настаивает, что ее надо нести без стакана, и, уж конечно, желал бы стакан разбить. Формы он отвергает…». Сравним с тем, что напишет Достоевский в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (главка «Миражи. Штунда и редстокисты»): «Несут сосуд с драгоценною жидкостью, все падают ниц, все целуют и обожают сосуд <…> и вот вдруг встают люди и начинают кричать: “Слепцы! чего вы сосуд целуете: дорога лишь живительная влага, в нем заключающаяся <…>. Бросьте сосуд, разбейте его, обожайте лишь живящую влагу, а не стекло!”» (25: 11). Отмеченные совпадения исключают момент случайности: «ответ анониму» принадлежит перу автора «Дневника писателя». Последнее подтверждают излюбленные публицистические приемы Достоевского: погружение в чужую точку зрения, а потом обнаружение ее внутренней фальшивости («Что отпадение <…> действительно происходит, доказываете вы сами»), переадресовка обвинения («это замечание ваше мы принимаем охотно за юмористическую выходку против ваших князей и графов, но уж никак не за нечто идущее к делу»), иронически-наигранное удивление в скобках: «Замечание ваше о том, что петербургские графини и княгини ездят к лорду Редстоку, *вероятно* потому, что многие русские князья и графы, по своим убеждениям и действиям, заставляют их сомневаться в *силе христианского учения?* (Ах, Боже мой! неужели даже в силе самого христианского учения!)» и т. д. Автор «ответа анониму» оспаривает не только то, что сказано его противником «в словах», но и что ненароком проскользнуло «между слов», в «тоне»: «Это уже ясно даже видно из письма вашего, из тона его». Столь

утонченным орудием полемики — аргументацией от стиля — владел в «Гражданине» один лишь Достоевский, да и на фоне всей русской публицистики того времени его в этом качестве ни с кем нельзя спутать. В «ответе анониму» мы находим и другие резко характерные стилистические приметы публицистики Достоевского, к примеру: «особенно слишком уж стараясь», «этого не понимать нельзя», «а это уже неминуемо, что они станут "столпами"», «чуть не с самого детства», «Справьтесь, справьтесь скорее», «вы, может быть, порадуетесь», «ведь вы его не примете же к себе, в переднюю даже свою не пустите», «Такую диатрибу слишком грустно было бы услышать от русской матери семейства» и др. Мнение *Zohrab* об авторстве статьи: «Мещерский В. П.?, Достоевский Ф. М.?».

374 Криптоним «Z. Z.» принадлежит в «Гражданине» К. П. Победоносцеву. Кроме того, именно он автор большинства некрологических статей в еженедельнике. Интерес к церковной тематике, а также некоторые выражения указывают на его авторство, напр.: «пошлость современных дней». См. особенно: «Я уже не говорю о других интересах, которые возникают в неисчерпаемой области человеческого духа и которые в наше время как-то тускнеют или деспотически заглушаются среди громадного большинства современного русского поколения, претендующего быть представителем русского образования умственного и нравственного». См. также: *Победоносцев К. П.* «Будь тверд и мужествен…»: статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В. В. Ведерникова. С. 375–376.

375 Заметка «Еще и еще о пьянстве» может быть приписана *редактору* «Гражданина» Ф. М. Достоевскому или издателю В. П. Мещерскому на том основании, что она является *редакционной*, т. е. написанной от лица составителя номера («Печатая присланное нам письмо…»). Замечателен повод, вызвавший редакционную заметку. Ее автора возмутили слова корреспондента: «образованию общества трезвости должны положить начало не пьяницы, не те, на которых много надеяться нельзя, а люди умеренные». Трудно представить, чтобы эти слова вообще както задели В. П. Мещерского. Исключение «пьяниц» из числа учредителей обществ трезвости, скорее всего, показалось бы ему естественным или попросту прошло бы незамеченным.

Между тем автору атрибутируемой заметки такое предположение представляется не только несправедливым, но и противоречащим самой идее спасения: не кто-то со стороны («люди умеренные»), а **сами согрешающие должны сделать усилие к собственному нравственному возрождению**. Идея опеки над «слабыми» простолюдинами была отнюдь не чужда Мещерскому, но вызывала активный протест у Достоевского. «*Пьяницы и не-пьяницы вместе*» — еще один мотив, указывающий на Достоевского. Внутреннее единство народа и его отказ делиться на «овнов» и «козлищ» писатель подчеркивал, объясняя год назад народное словечко «несчастные» в очерке «Среда» (см.: 21: 17–18). «…К движению между крестьянами на образование обществ трезвости должны, кажется нам, примкнуть все слои общества», — пишет автор заметки. Параллель мы находим в статье Достоевского «Мечты и грезы» (*Гр.* 1873. 21 мая. № 21): «…мы уже упоминали об обществах трезвости. <…> Что, если б, с своей стороны, поддержали их и все наши передовые умы, наши литераторы, наши социалисты, наше духовенство и все, все…» (21: 95). Характерен для Достоевского прием вымышленной сценки («И вот пьяница говорит трезвому…», а затем: «“небось”, говорят эти тайные кабачники» и т. д.) как аргумент в пользу своего утверждения. Обращают на себя внимание композиционные приемы Достоевского-публициста: постановка проблемы (как правило, какое-либо современное наблюдение), «углубление» в нее с опорой на собственные наблюдения автора, «модально-сослагательная» часть («А там коль добрый человек, священник, помещик, или посредник, или учитель помогли бы тоже и своим советом, общество могло бы вместо кабака открыть и чайную лавочку, в которой можно бы было сбираться, толковать про дела, читать книги или газеты, или слушать интересные чтения учителя или священника»), в которой угадываются приемы «Дневника писателя» и «Поучения старца Зосимы». Приметы публицистического стиля Достоевского в интонационно-синтаксическом построении речи: «нельзя не сочувствовать», «воззвание ко всему русскому обществу, с мыслию устраивать», «Начало <…> уже положено, и положено *пьяницами*», «и яснее сказал бы автор письма, если бы прямо указал», «должны, кажется нам», «станут образовываться <…>, с целью содействовать»,

«тогда… тогда… тогда… Тогда…», «очень могло бы осуществиться». Сочувственное отношения автора статьи к ее героям выдают свойственные стилю Достоевского морфемы: «соблазнять мужичков», «слабенькие поддаются».

376 Олиц — псевдоним Я. П. Полонского (см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов… Т. 2. С. 296). Его раскрывает Достоевский в письме к В. П. Мещерскому от 1 марта 1874 г.: «Я по поводу письма Полонского» (29_1: 315).

377 Обзор провинциальной прессы, составляющий основу статьи, указывает на авторство А. У. Порецкого. Выступает одна из ведущих тем его публицистики — стремление русского человека к *правде*.

378 Цикл «Заметки досужего читателя» принадлежит перу П. П. Вяземского. Авторство устанавливается по следующему автопризнанию «Павла Павлова» в «заметках», помещенных в № 11: «Я принадлежу к семье, где Пушкин живет доселе в живых воспоминаниях о нем как о друге; когда-нибудь постараюсь всё собрать, что знаю и что слышал» (*Гр.* 1874. № 11. С. 331). В 1874 году лишь один из живых современников поэта мог назвать себя его другом — Петр Андреевич Вяземский (1792–1878). Его сын Павел и в самом деле через шесть лет «собрал» то, что знал от отца и сам слышал непосредственно от Пушкина, в публикации «Александр Сергеевич Пушкин. По документам Остафьевского архива» (*Берег.* 1880. 6, 14, 16–18 июня; впоследствии неоднократно переиздано), где использовал ряд тезисов из атрибутируемой статьи. Косвенным подтверждением начала сотрудничества П. П. Вяземского в «Гражданине» является вскоре последовавшая там же серия публикаций стихов и статей его отца: очевидно, сын вовлек престарелого ветерана, жившего тогда за границей, в активное сотрудничество со «своим» журналом. Мнение *Zohrab* об авторстве цикла «Заметки досужего читателя»: «Мещерский В. П.?».

379 Предположение об авторстве А. У. Порецкого основано на том, что первый сюжет основан на заметке из газеты «Сибирь», а именно Порецкому был поручен просмотр провинциальной прессы. Следующие заметки посвящены положению бедняков и содержат элементы социальной критики («чем больше голоду, тем больше поедут в колясках; да так и всегда бывало — закон

природы!», тупое равнодушие к живущим «в подвале»), наиболее заметные в выступлениях Порецкого.

380 «Гражданин» откликнулся на выступление «Kölnische Zeitung». Эта немецкая газета выписывалась В. П. Мещерским для «Гражданина» за счет редакционных денег, т. е. фактически за счет собственных средств издателя. В РГИА в фонде Главного управления по делам печати сохранилось ходатайство редакции «Гражданина» о разрешении получать в 1874 г. без цензурного просмотра некоторые зарубежные издания, в том числе «Kölnische Zeitung». Ходатайство выполнено почерком Мещерского, оно имеет разрешительную резолюцию должностного лица (см.: РГИА. Ф. 776.11.1873.140. Л. 68). В прошении Мещерским была сделана **та же ошибка** в названии газеты («Köllnische» вместо «Kölnische»), что допущена в «Последней страничке» (сообщено А. В. Отливанчиком).

381 Указанная выше заметка в следующем номере переросла в статью «Два слова по поводу мнения князя Бисмарка о русских немцах». Это обстоятельство свидетельствует о том, что автором обеих публикаций был кто-то из редакции «Гражданина», и скорее всего предполагаемый автор заметки В. П. Мещерский. Полемика с Бисмарком в статье ведется по вопросу об остзейских немцах. Вопрос о «дегерманизации» Прибалтики составлял предмет постоянных забот именно Мещерского. «Остзейский вопрос» включал в XIX в. множество аспектов: юридические привилегии российских немцев (представителей разных сословий), существовавшие еще с XVIII в.; весьма широкие автономные права Остзейского края при четко выраженном национально-немецком характере автономии; германизация остзейскими немцами латышей и эстонцев (при попустительстве верховной власти России), обработка «остзейцами» национального сознания обоих прибалтийских народов в русофобском духе; привилегированный (де-факто) статус лютеранской церкви в Остзейском крае, притеснение там православной церкви и т. д. Практически все эти аспекты были затронуты в «Гражданине» Мещерского, нередко — в статьях самого издателя. Особенно много статей по остзейскому вопросу (решаемому в духе централизма) приходится на 1872 год — период «самовластного» распоряжения Мещерского в «Гражданине». С 1 февраля по

1 октября 1872 г. Мещерский был председателем попечительского совета Гольдингенского православного братства (Курляндская губерния): с этой его деятельностью связаны его статьи «Русский колокол на балтийской окраине» (*Гр.* 1872. № 1; подпись: *Русский Гражданин*) и «О гольдингенском православном братстве» (*Гр.* 1872. № 29; подписана подлинной фамилией). За подписью «Русский Гражданин», атрибутируемой Мещерскому, в № 12 за 1872 г. была опубликована статья «Кому обрусить наш Остзейский край: правительству или обществу?»; вслед за ней помещено «Воззвание Эзельского русского братства» (просьба о материальной помощи русско-эстонского православного братства). Остзейскому вопросу в том же 1872 г. были посвящены также анонимные публикации «Поездка г. Вюрстембергера по Остзейскому краю» (№ 11), «По Остзейскому краю» (№ 15), «Юрьев (Дерпт)» (№ 24) — все они если не написаны Мещерским (что весьма возможно), то охотно им напечатаны или даже организованы. В «Гражданине» 1873 г. «остзейская тема» (в той же трактовке) была продолжена в публикациях «Петербургское обозрение» (№ 10), «О постройке церковных зданий в прибалтийских губерниях на счет правительства» (№ 12) и «Вопиющее насилие над русским учителем в Остзейском крае» (№ 38), первая и последняя публикации принадлежат Мещерскому. Таким образом, статья «Два слова по поводу мнения князя Бисмарка…» продолжает длинный ряд «остзейских» публикаций, отчасти написанных, отчасти инициированных Мещерским. Показательно и смысловое соответствие между «Двумя словами по поводу мнения…» и указанной заметкой «Юрьев (Дерпт)»: в обеих публикациях в памфлетно-негативном контексте упомянуты К.-Х.-Г. Ширрен (бывший профессор Дерптского университета) и В. фон Бокк (бывший остзейский чиновник; его фамилия приводится в публикациях не совсем точно): оба — убежденные остзейские автономисты-русофобы, оба эмигрировали из России в Германию, где в 1870-е гг. резко выступали против России; оба пользовались большой популярностью у немецко-остзейских патриотов. (Сообщено А. В. Отливанчиком). Всех этих соображений достаточно для предположительной атрибуции «Двух слов…» В. П. Мещерскому. Статья, как представляется, подверглась основательной редакционной правке Достоевского,

усилившего насмешливый тон, снабдившего ее остроумными шпильками.

382 Из двух «обладателей» этого криптонима в «Гражданине», Достоевского и Мещерского, автором атрибутируемой статьи является последний. На это указывает основная идея (спасительность суровой дисциплины по примеру прусской армии и английского флота), некоторые навязчивые в публицистике Мещерского мотивы (рассуждения об обращениях на «ты» и на «вы»), речевые формы («прислушиванье умом и волей к команде» и др.). Статья вошла в книгу Мещерского «Речи консерватора» (вып. 2. СПб., 1876).

383 См. примеч. 365.

384 В феврале — марте 1874 г. в «Гражданине» развернулась полемика вокруг проповедей лорда Редстока в Петербурге. Позиция выступивших в этой полемике издателя журнала В. П. Мещерского и редактора Ф. М. Достоевского сводилась к осуждению великосветских приверженцев Редстока за раскол с православной церковью. Основания для атрибутирования письма Н. С. Лескову следующие. 1) Основная мысль «Православного не из высшего общества» корреспондирует с мнением Н. С. Лескова, выраженным через три дня в «Дневнике Меркула Праотцева» (*Русский мир*. 1874. 14 марта) о том, что не следует спешить с объявлением об отпадении редстокистов от православной церкви. Это мнение в полемике о Редстоке и редстокизме в русской печати неоднократно затем высказывалось именно Лесковым и было впоследствии развернуто в его книге «Великосветский раскол». 2) В подтверждение своей позиции «Православный не из высшего общества» обращается к прецеденту времен апостольских — к мудрой осторожности фарисея Гамалиила. 23 декабря того же 1874 года в письме к И. С. Аксакову Лесков поведал о своих планах исследования штундизма, крестьянской секты, близкой к редстокизму по протестантским корням. Одобрительно отозвался писатель о примирительной позиции ректора Киевской духовной академии Филарета, в истории со штундистами играющего «роль Гамалиила» (*Лесков Н. С.* Собр. соч.: в 11 т. Т. 10. М., 1958. С. 370, где эта фраза напечатана с искажением: «роль Гамалеева», ср.: ИРЛИ. Ф. 3.4.337). 3) В противовес заботам «Гражданина» о церковности «Православный не из

высшего общества» указал на первичность «Евангельской истины» и «имени Христа»: «Как ни прочны стены, сила здания лежит в его фундаменте». Позднее в том же «Гражданине» (1874. 16 декабря. № 50) Лесков напечатал заметку «Новое ученое исследование. Богослужение первых христиан». «Иудейское богослужение, — компилировал автор заметки, — "связывалось с храмом, как единственным местом, где обитает Бог, а христианское *не ограничивалось никаким определенным местом*". "Бедные, — говорил об иудеях Варнава, — они надеялись не на Бога своего, но на здание"…». Сколь плодотворна была для Лескова эта мысль, свидетельствуют написанные вскоре рассказы «На краю света», «Некрещеный поп». 4) Кроме системы аргументов, характерных для Лескова, в письме «Православного не из высшего общества» обнаруживаются приметы стиля писателя: притчевое вступление, речевые обороты («неверное приведение и толкование чужих слов», «Что же касается типа из захолустья…») синтаксические формы. «Письмо православного не из высшего общества» редакция «Гражданина» предварила статьей «Опыт спокойного слова в заключение полемики о лорде Редстоке» за подписью «К. В. М.» (криптоним В. П. Мещерского). Характеризуя публикуемое письмо, К. В. М. иронизировал: «оно как бы носит печать подлаживанья под тон и диапазон почитательниц лорда Редстока» (*Гр.* 1874. 11 марта. № 10. С. 280). В этой иронии можно прочесть тонкий намек на разгаданного автора: год назад «подлаживание» под тон священника как прием «вывесочной» работы осудил Ф. М. Достоевский у Лескова, скрывшегося тогда под псевдонимом «Свящ. П. Касторский» (см.: 21: 90). Полемика с Мещерским получила продолжение в последующих выступлениях Лескова о Редстоке и редстокистах. Письмо «Православного не из высшего общества» следует рассматривать как первый набросок к книге Лескова «Великосветский раскол. Лорд Редсток, его учение и проповедь» (СПб., 1877).

385 Автор цитирует стихи И. С. Никитина (см. примеч. 205). В обозрении очевидны постоянные темы А. У. Порецкого: сострадание к «маленькому человеку», внимание к проходным газетным сообщениям, за которыми скрываются человеческие драмы, жизнь провинции. В заметке о «жене-пристяжной» вероятно участие Достоевского (см. стр. 77–78 наст. изд.). Мнение *Zohrab* об авторстве: «Порецкий А. У.».

386 И. Ю. Некрасов в письме к Достоевскому от 7 марта 1874 г. просил сделать поправки в посланных им заметках (см.: ИРЛИ. Р. I.6.139. Л. 1). Поправки, судя по тексту статьи, были внесены.

387 Криптоним «П.» в «Гражданине» использовался лишь А. У. Порецким. Стиль статьи также указывает на его авторство. В главной же идее неисповедимости души человеческой, в отдельных психологических наблюдениях (напр., о зависимости человека от «минуты») ощутимо влияние Достоевского. Возможна редакторская «доводка» статьи, а еще раньше предварительный обмен мнениями Достоевского и Порецкого, т. е. «наведение» последнего (такого рода отношения весьма характерны для них и складывались еще с 1840-х годов). Скорее всего, Достоевскому принадлежат два последних абзаца о «тайне происходившего в душе».

388 Достоевский в письме к Мещерскому от 1 марта 1874 г. возмущался индифферентностью князя по отношению к письму Олица (Я. П. Полонского): «Не понимаю Вашего характера: Вы говорили мне сами, что это так “мило написано”. Между тем это самая грубая нападка на Вас, <…> может быть, есть и умысел, а не одна только современная грубость и тупость понимания современного дешевого либерализма <…> написано в победном тоне, а Вы печатаете. Может быть, Вы ответите в письме “Хорошенькой женщины”. Я бы желал этого! От всего моего сердца! <…> каково мне помещать такую пасквиль на нас и на журнал наш в *нашем* же журнале. <…> Вы не поверите, как раздражило меня это дешево-либеральное возражение Полонского» (29_1: 315). В этом письме — зерно атрибутируемой статьи — ответа Олицу, и эмоциональное, и смысловое. Написал ли сам князь этот ответ? Вряд ли: не его отношение («мило написано»), не его страсть, не его стиль, наконец. Князь, увы, не был столь блестящим полемистом, его обычные полемические ответы либо слишком вязки, либо просто бранчливы. Трудно представить, что в этой ситуации Достоевский удержал скопившееся негодование, а за него это сделал Мещерский. Подтверждает это и анализ атрибутируемой статьи. В ней, в частности, почти повторен пассаж из цитированного выше письма Достоевского: «Полонский пишет: “Вот если б вы написали про *А*, про *Б,* про *Д*, указали нам, назвали их, тогда и т. д.”. Это самый нечестный прием, по моему мнению. Кто же такой прямой *доносчик*…». Ср. в атрибутируемой статье: «Вы требуете от меня фактов <…> если бы

я должна была приводить факты в обвинение лицеиста, правоведа, механика, технолога, меня бы назвали *доносчицею…*». Но главное в атрибутируемой статье — отстаивание тех идеальных начал в жизни общества, которые дает религия. Эта мысль — стержень всей публицистики Достоевского 70-х годов. Цитата из Франклина удивительно совпадает с тем изречением Гете, с которого Достоевский начнет «Дневник писателя» 1876 г., сопоставив «молитву великого Гете» с запиской современного самоубийцы. Композиционный публицистический прием столкновения целостной веры великого человека (Франклина / Гете) и разрушительного безверия несчастного потерявшегося существа — один и тот же. Характерна и другая параллель, взятая автором атрибутируемой статьи из всемирной истории: на утверждении идеала «основался великий христианский мир», а с другой стороны, «отсутствие или изгнание идеалов всегда совпадало с эпохою падения обществ». Этот размах историософской аргументации — в духе Достоевского, и никак не Мещерского. К этим аргументам Достоевский не раз еще вернется в своем публицистическом и художественном творчестве (см., напр., главу «Две половинки» в «Дневнике писателя» 1880 г.) Наконец, в атрибутируемой статье проглядывают весьма ощутимые следы публицистического стиля Достоевского. Это иронические обращения («почтенный старичок» — «мой циничесий старичок» — «мой промышленный старичок» — «О, легкомысленный мотылек!»), усиливающие повторы («где вы нашли такие эпохи, такие общества, такой порядок», «о нравственной его личности забыла, и совсем забыла», «что вовсе, вовсе, вовсе не мешает…», «и притом всегда, всегда и всегда», «с идеалом любви к ближнему, с идеалом стремлений к правде, с идеалом любви к своей родине и к своему народу, с идеалом красоты в искусстве, с идеалом гражданского совершенства…», «тысячи примеров, тысячи фактов»), излюбленные обороты речи («О, это ужасно смешно», «я вовсе не про политику одну говорю», «Где всего этого не чувствуется, так это именно в той части…», «Здесь прямо говорится…»). Обратим внимание еще на одну деталь. Автор атрибутируемой статьи, как бы уточняя «собственную» мысль, серьезно поправляет то, что было сказано раньше Мещерским под маской «хорошенькой женщины»: «…я хоть и назвала, сгоряча, молодое поколение нулем, но сама *не верю* что

оно всё такое…». Но ведь именно к этому месту статьи («молодое поколение это *ничто*») Достоевский в свое время сделал примечание: «Редакция не может похвалить способ выражения своей испуганной сотрудницы, тем более что она вдается в некоторую односторонность» (21: 290). Это возвращение еще раз доказывает принадлежность атрибутируемой статьи самому редактору. Не удержался здесь Достоевский и от присущего ему полемического азарта, в котором он, фигурально выражаясь, «показывал язык» (как совсем еще недавно в полемике с Лесковым). «Я ужасно сожалею, — сочувствует Олицу «хорошенькая женщина», — что вы так мало поэт; поэзия согревала бы вашу душу даже и в старости и предохранила бы ваше старчество от цинизма». Написавший эти строки знал, что обращается к поэту Полонскому. И не удержался, чтобы не поддразнить его. Даже и под маской трудно скрыть такой темперамент. Мнение *Zohrab* об авторстве: «Мещерский В. П.».

389 Озабоченность судьбами страдающих детей («в подвалах, например, или в деревнях») — постоянная тема Порецкого в «Гражданине».

390 «Прелестная сцена из жизни петербургского большого света» представляет собой один из характерных для Мещерского анекдотов о Редстоке и его почитательницах. В другом эпизоде автор вступает в полемику с «Отечественными записками», посмеявшимися над статьей Мещерского «О русском дворянстве перед военною реформою» (*Гр.* 1873. № 51). Дальнейшая защита дворянского сословия и разъяснение слова «консерватор» также в духе Мещерского, как и сатирические зарисовки земских собраний.

391 Несомненно авторство В. П. Мещерского. «Эпидемия» самоубийств привычно рассматривается им в связи с равнодушием общества к этому явлению, и в то же время его обуревают опасения исключительно охранительного свойства: «Законы государственные и гражданские не становятся ли, в понятиях такого общества, менее обязательными, потому что жизнь для человека и без того не стоит медного гроша!». Имеют место признаки напыщенного («Знаете ли вы, читатель… И знаете еще что?», «что такое наше общество?») и при том семантически и грамматически расторможенного стиля Мещерского («как только в воздухе пронесется **чуяние** этого испуга общества —

сейчас же эпидемия к самоубийствам испугается в свою очередь испуганного ею общества», «расстройство нравственных органов или нервов», «Испуг этот нужен как причина реакции», «через все общество… проходит… инстинктивный позыв к реакции», «выслушивают одним ухом, и забывают другим»). Имеются и маркированные словечки князя: «прелесть», «мир» в окказиональном «мещерском» контексте («соображения из мира религии и нравственности»).

392 См. примеч. 350.

393 На авторство Победоносцева указывает его криптоним, содержание (проблема церковной проповеди — одна из важнейших тем Победоносцева) и стиль. См. также: *Победоносцев К. П.* «Будь тверд и мужествен…»: статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В. В. Ведерникова. С. 346–347.

394 «Маленькая история, рисующая коммунистов и социалистов в современной практике», пересказана из французской газеты в стиле Мещерского (нажим на «курьезную сторону»). Характерные для князя грамматические неполадки имеются во второй заметке («невзирая ни на какие чувства совести»).

395 Достоевскому как редактору принадлежит предисловие к реплике читателя: «Мы получили следующее письмо, по поводу одного замечания нашего, на “Последней страничке”, о лекциях г. Быстрова. С удовольствием помещаем это письмо».

396 Заметка носит редакционный характер: она сопровождает публикацию анонимной статьи (вероятно, упомянутого в заметке настоятеля отца Паисия) о трудной жизни черемисского православного монастыря и содержит призыв к читателям «помочь <…> посильным приношением»; также сказано, что редакция сделала почин в этом деле и берет на себя «услугу передачи пособий по принадлежности». Автором статьи мог быть в таком случае либо редактор, либо издатель. Приметы стиля Мещерского в заметке отсутствуют, зато очевидны приемы публицистики Достоевского, прежде всего риторическое усиление путем наращивания ключевых лексем: «не сказано что церковь эта выстроена… не сказано что церковь эта и монастырь этот… не сказано в ней и того что сквозь крышу… не сказано и того что при основании обители… не сказано наконец и того что несмотря на эту нищету…»; «живет в крошечном домике, и живет тем что

Бог пошлет». Характерен для Достоевского еще один усилительный оборот: «даже и содержать самое училище». Благодарю А. В. Отливанчика, поделившегося со мной этой атрибуцией. Предположение *Zohrab* об авторстве: «Достоевский Ф. М.?», — правда, в более поздней публикации исследователь говорит лишь о редакционной правке Достоевского — см.: *Зохраб И.* Попытка установления вклада Достоевского в редактирование статей сотрудников газеты-журнала «Гражданин» с учетом цензуры того времени: постановка проблемы // Достоевский и журнализм. СПб., 2013. С. 167–168.

397 Вторая часть статьи резко отличается от первой. В ней отсутствуют элементы риторического стиля Мещерского, а главное, несмотря на внешнюю, формальную связь с первой частью статьи, теперь она выражает иной пафос: гуманность, проникновенное сострадание человека, испытавшего на себе пронзающую безысходность жизни (поражает не просто искренность, но местами исповедальность статьи). Вторая статья переносит читателя в конец 1840-х — начало 1850-х гг., предмет рассуждений в ней конкретный: Общество посещения бедных, недолгое время существовавшее в Петербурге. Понятно, что Мещерский по своему возрасту не мог быть хорошим знатоком этого уже забытого явления, автор же статьи «О самоубийствах. II» обращается к собственным воспоминаниям: «Позабыть об этом следе оставленном после себя <…> “Обществом посещения бедных” нельзя, и есть минуты, когда оно до такой степени вспоминается живо…»; «Невольно при этой мысли пришлось вспомнить про *Общество посещения бедных*. И вспомнилось мне потому что в основу этого Общества легли…». В редакционный кружок «Гражданина» входило несколько «людей 40-х годов»: Достоевский, Порецкий, Майков. На авторство Порецкого достаточно веско указывает *гуманная* трактовка публицистом проблемы самоубийства: «Сколько бы ни было причин, весьма глубоких, коренных, объясняющих это множество самоубийств посреди современного русского общества, все же есть и такие причины, которые заключаются в материальной бедности и нравственной беспомощности тех лиц, которые поканчивают с жизнью в такую минуту, когда не видят перед собою ничего, кроме безвыходного положения <…> Минуты эти — страшные минуты: кто их не испытал, тот не может понять какое ужасное

количество отчаяния давящего, убивающего, в них заключается, не может понять и ту силу которую этот гнет отчаяния получает над душою». См. также рассуждения о «тайне страданий, вызывающих к самоубийству», о самоубийцах как «страдальцах жизни», «несчастных». Эта точка зрения близка, но не идентична позиции Достоевского, выраженной в его обращениях к теме суицида. Склонность к сентиментальному гуманизму свойственна была А. У. Порецкому. Мнение *Zohrab* об авторстве: «Мещерский В. П.?».

398 Криптоним «К…» принадлежит в «Гражданине» В. П. Мещерскому. Кроме того, в статье имеется отсылка к «нашим статьям о народном образовании», и автор при этом повторяет соображения (о количестве открываемых школ, не соответствующих числу «*способных* учителей», о предпочтительности учителя по «*призванию*»), прозвучавшие уже — один к одному — в статье Мещерского «Что нам нужно в деле образования народа?» (*Гр.* 1873. № 43). Мнение *Zohrab* об авторстве: «Достоевский Ф. М.?, Мещерский В. П.?».

399 Вторая часть статьи в следующем номере подписана уже криптонимом «К…», столь же традиционным для Мещерского, как и «М.». Статья соответствует интересам Мещерского к земской статистике и является в основном компиляцией книги: *Смирнов* [*Н.*] Материалы по крестьянскому делу в Костромской губернии. [Б. м.], 1873.

400 По предположению А. В. Отливанчика, Достоевскому может принадлежать «французский эпизод» обозрения (см.: *Отливанчик А. В.* Достоевский — соавтор А. У. Порецкого и В. Ф. Пуцыковича в «Гражданине»: опыт атрибуции // Неизвестный Достоевский. 2016. № 2. С. 15–25 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449575.pdf). Мнение *Zohrab* об авторстве: «Пуцыкович В. Ф.».

401 Перевод продолжает ряд публикаций Победоносцева, посвященных А. Стенли.

402 Объединение разнородных материалов реализовано в стиле А. У. Порецкого — через ключевую фразу, в данном случае через цитату из Пушкина (что также в манере Порецкого). Очевидны его постоянные мотивы: вера в благие порывы («Деятельность, вызванная истинной любовью к доброму и прекрасному, не может остаться бесплодною»), в общественную солидарность

(«*быть на миру*, а не вразброд»), озабоченность истреблением лесов, обращение к провинциальной хронике.

403 Первая сценка, построеная по канонам «конфузной ситуации» (ср. нечто подобное: 21: 118) и исполненная тонкого комизма в деталях, может принадлежать перу Достоевского,

404 Возможно, Достоевскому принадлежит этот узнаваемый эпизод: «Важный генерал протягивает руку <…> причем вместо руки дает только два пальца».

405 Последние два анекдота, скорее всего, принадлежат Мещерскому: в одном продолжена его тема безумно дорогих букетов для актрис, а в другом выступил излюбленный князем эпитет «прелестный». Мнение *Zohrab* об авторстве всей «Последней странички» этого номера: «Мещерский В. П.?».

406 Вышел после двухнедельного перерыва, связанного с празднованием Святой Пасхи.

407 Криптоним «М.», недавно появлявшийся в «Гражданине», с тех пор, как очевидно, принадлежал Мещерскому. В статье повторены основные постулаты его продворянской публицистики и прежде всего его призыв к высшему сословию вернуться к активной общественной деятельности, вновь стать «нравственной силой» (см. то же затем в книге В. П. Мещерского «Речи консерватора» — СПб., 1876).

408 Автор ссылается на свое выступление: «Мы уже говорили как-то о положении северного смолокурения…». Имеется в виду статья: *<Порецкий А. У.>*. Оглядки. (Из современного обозрения) // *Гр.* 1874. № 3. Мнение *Zohrab* об авторстве: «Порецкий А. У., Достоевский Ф. М.?».

409 Вопрос находится в пределах компетенции К. П. Победоносцева, на него указывает и криптоним «П—въ». Всесторонний анализ проблемы отношений общества и духовенства, данный в статье, впоследствии ляжет в основу деятельности Победоносцева на посту обер-прокурора Святейшего Синода.

410 На авторство Победоносцева указывает один из его постоянных криптонимов, а также характер и направление критических оценок. Автор угадывается по такому, например, замечанию в адрес переводчика сочинений Бэкона: «Латинский язык Бэкона классический, изящный, сжатый, выразительный <…> его нельзя переводить фельетонным языком нынешней распущенной литературной речи…». Далее дотошно приводятся примеры

такой «распущенности», обличающие в авторе строгого переводчика Фомы Кемпийского (О подражании Христу, четыре книги. Новый перевод с латинского К. П. Победоносцева. С предисловием и примечаниями переводчика. СПб., 1869). См. также: *Победоносцев К. П.* «Будь тверд и мужествен…»: статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В. В. Ведерникова. С. 368–369.

411 Заметки с хорошим знанием бытовых подробностей текущей московской жизни мог написать, скорее всего, И. Ю. Некрасов.

412 Заметки повторяют комические ситуации, опробованные уже в романе В. П. Мещерского «Один из наших Бисмарков» (бюрократ на пасхальном богослужении), или предваряют ситуации, вошедшие затем в роман «Лорд-апостол в большом петербургском свете» (СПб.; М., 1876).

413 Обзор провинциальной прессы вел в «Гражданине» исключительно А. У. Порецкий. Примыкающая к нему заметка о народных читальнях и чтениях, с одной стороны, и «ночном дежурстве врачей», с другой, как заботах о духе и теле в двух столицах, также, вероятно, принадлежит Порецкому. Следующие две заметки о чрезмерно ретивых действиях полиции, похоже, написаны Достоевским. В Петербурге стражи порядка накрыли игорный дом на Песках и нагрянули «где-то на Лиговке» на празднование дня рождения молодой хозяйки. В первом случае автор рассуждает двояко: «Радуемся новому открытию зла, этого червя, точащего благосостояние нашего слабодушного ближнего; а затем — размышляем не о самом зле, а о внезапном накрытии. Знаете, это *flagrant délit* [с поличным] — ведь оно очень эффектно; к нему даже можно пристраститься». Во втором автор неприкрыто ерничает: «…в 12 часов ночи, внезапно накрыто полицией страшное преступление: пение куплетов Монахова под звуки рояля! Да! И протокол, будто бы, составлен околодочным надзирателем. Барышнино рождение, видите ли, так они… Монаховские куплеты! каковы!». В третьем случае звенигородские блюстители оригинально отреагировали на газетную публикацию: «к одной местной помещице *внезапно* нагрянула полиция “с секретным предписанием” исправника: допросить ее, как автора статейки…». Общее ироническое заключение автора: «В воздухе, значит, что-то такое». Очевиден

саркастический стиль Достоевского, его лексика («червь», «слабодушный», «в воздухе»), строй речи («Радуемся… а затем — размышляем», «ведь оно очень эффектно», «даже можно пристраститься», «видите ли», «куплеты! каковы!»). Возможно, фактический материал был собран Порецким, а затем обработан редактором.

414 Вторая статья в «Гражданине» («“Гражданин” и провинциальное духовенство», № 20–21), также подписанная «R. Z.», была послана Мещерским Достоевскому 8 мая 1874 г. (см.: *Достоевский, Мещерский. Переписка*. С. 53–54).

415 Автор на просторах России кропотливо собирает «цветы» благих дел, поступков и слов, что всегда составляло стержень провинциальных обозрений А. У. Порецкого. Цитата из Гоголя — еще один опознавательный знак данного обозревателя.

416 По содержанию и «самовитому» стилю, а также по авторитетности, которая была придана этому отзыву в редакционном примечании, автором его, вероятно, является М. П. Погодин, криптоним которого «М. С. Н.» расшифровывается как «Москвитянин». «Село О. Нижег. губ.» расшифровывается, вероятно, как село Оранки Нижегородской губернии, где находился известный Богородицкий мужской монастырь, а в нем — Оранская чудотворная икона Владимирской Божьей Матери.

417 Автор установлен предположительно по сходству криптонима с инициалами И. Богданова, а также учитывая тот факт, что последним еще в 1873 г. была написана, но не напечатана статья о выставке (см. запись Достоевского: «1-е март<а>. Получены две статьи: *Богданова* о выставке и *одной дамы*…», — а далее: «Богданову отдана» — 21: 260).

418 Статья органично вписывается в ряд выступлений в печати М. И. Владиславлева (на тот момент ординарного профессора философии С.-Петербургского университета, а впоследствии его ректора) о необходимости перестройки университетского образования как прежде всего научного, при фундаментальном значении общего классического образования и философии (напр.: Положение философии в нашей системе образования // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1867. Ч. 133. № 2; По вопросу о классическом и реальном образовании // *Биржевые ведомости*. 1871. № 129). Характерны для Владиславлева сетования автора атрибутируемой статьи на невысокий уровень общего

образования у профессуры и на то, что «уровень трудолюбия понизился теперь в студенчестве, кажется, до minimum'а». Ср. более позднее утверждение: «Русский студент, надобно сознаться, нуждается в побуждении к труду и в постоянном контроле, иначе он легкомысленно откладывает свои занятия ad calendas (с лат. "на потом")» (цит по: *Тихонова Э. В.* У истоков создания школы философской психологии в Санкт-Петербургском университете: Михаил Иванович Владиславлев // *Методология и история психологии.* 2010. Т. 5. Вып. 2. С. 112). Характерна для Владиславлева, знатока и переводчика Канта, концовка статьи — обращение к авторитету немецкого философа, чья концепция факультетского образования, изложенная в статье «Der Streit der Fakultaten» (спор факультетов — *нем.*), и положена в основание данного выступления «Гражданина».

Научное электронное издание

Викторович Владимир Александрович

Ф. М. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873–1874)

Монография

Редакторы: А. В. Отливанчик, Т. В. Панюкова

Оригинал-макет, электронная версия: В. С. Зинковой

Дизайн обложки: Н. Н. Осипова

Подписано к изготовлению 13.12.19. 201 CD-R. 3 Мб.
Тираж 50 экз. Изд. № 240

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

httpc://petrsu.ru
Тел. (8142)71-10-01

Изготовлено в Издательстве ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
URL: press.petrsu.ru/UNIPRESS/UNIPRESS.html
Тел./факс (8142) 78-15-40
nvpahomova@yandex.ru